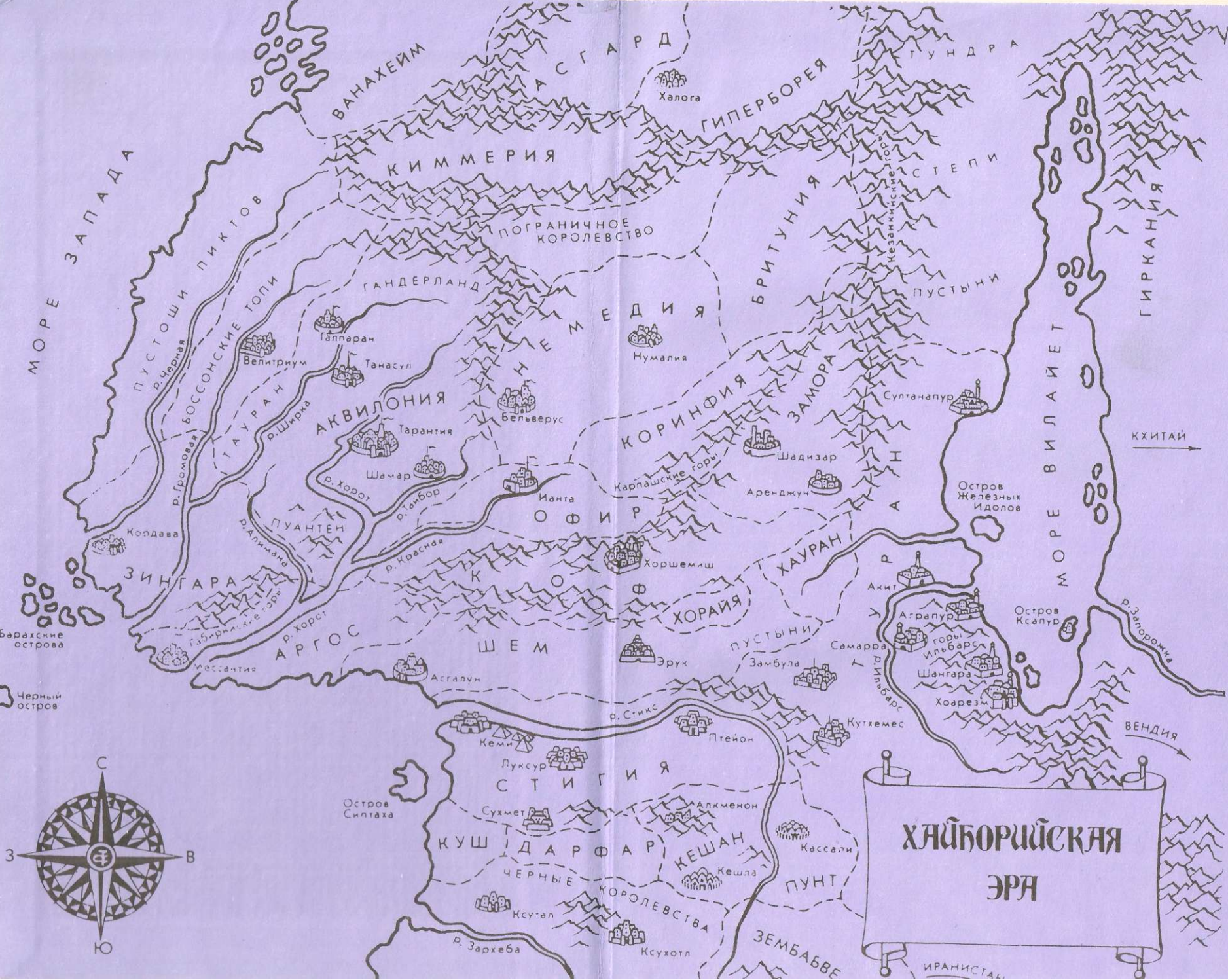

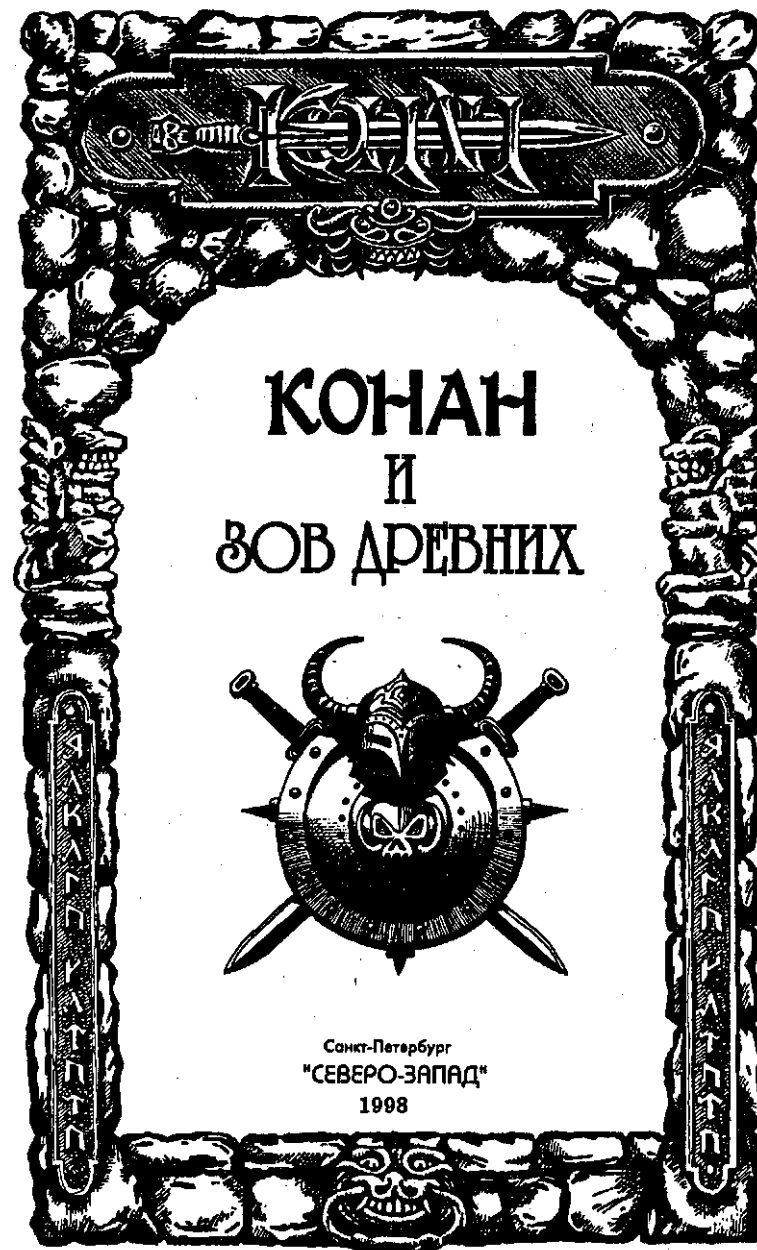
КОНАН И ВОБ ДРЕВНИХ

Северо-Знаг®

КОНАН
И
ЗОВ ДРЕВНИХ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

К 64 Конан и зов Древних: Роман, повести.— СПб.,
«Северо-Запад», 1998.— 480 с.

ISBN 5-7906-0060-3.

Авторские права защищены.

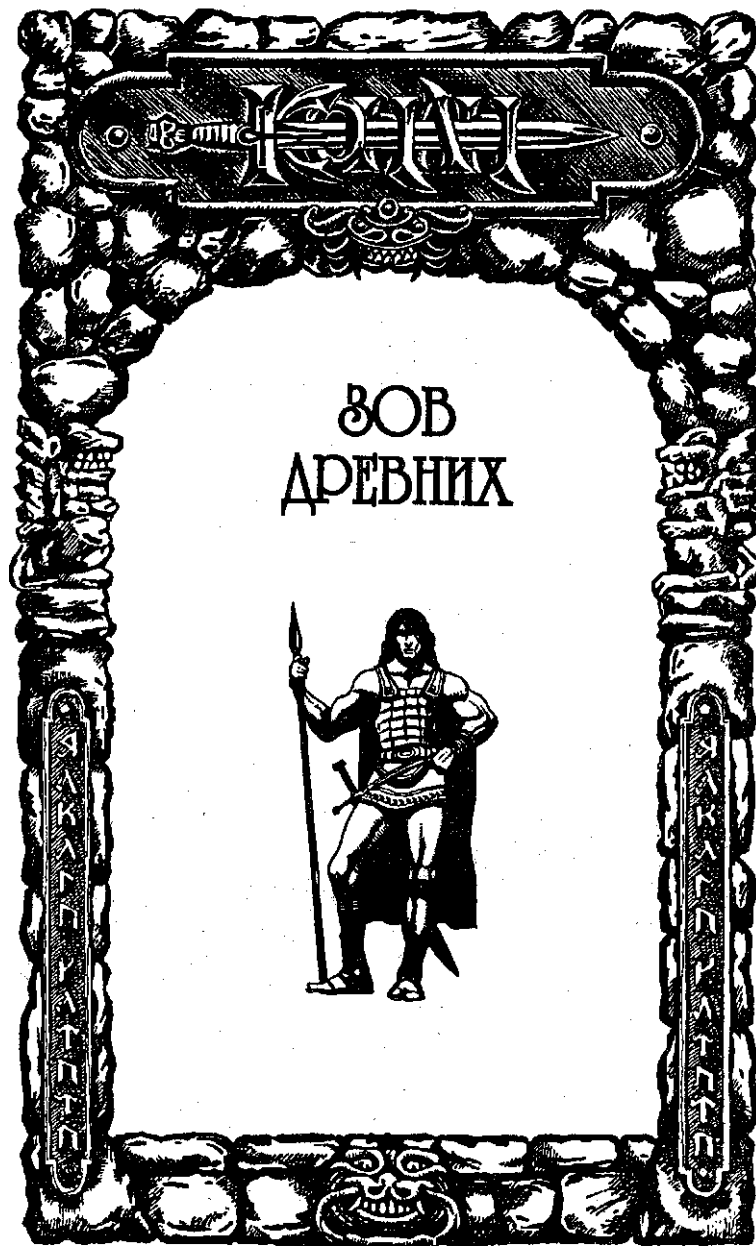
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

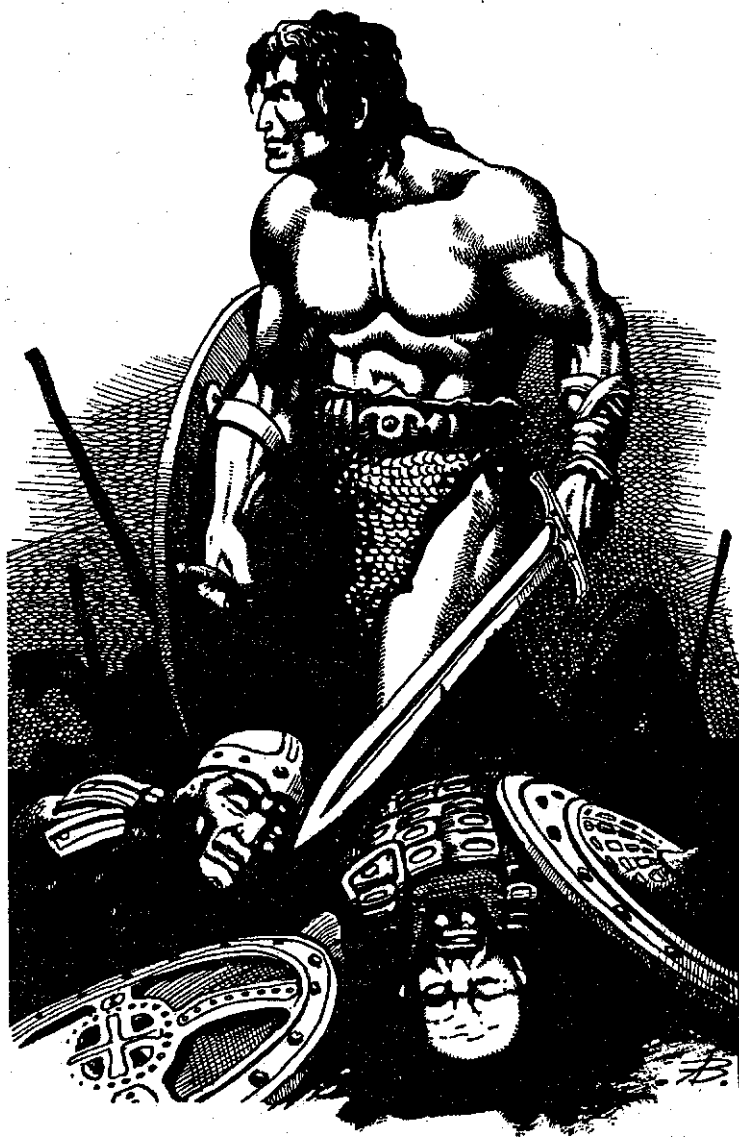
*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

ББК 84(7США)

© К. Kelly, обложка, 1994
© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Пролог

Никто доподлинно не знал, почему и как случилось, что восемь веков назад Бреннан из рода Мабиданов вдруг оказался вдалеке от столицы, в глуши предгорных лесов, перемежаемых обширными болотами, на всеми забытом полуночном восходе. И не просто выехал прогуляться и поохотиться, а в один прекрасный день, собрав в одночасье лучших своих людей и почти все свое немалое имущество, снялся вдруг с насиженного места и крепко обосновался на новом, выстроив на диво мощный каменный замок — Фрогхамок.

Зачем было возводить столь грозную твердыню в провинции Темра (так назывался этот медвежий угол), о коей в столице упоминали, только если хотели привести пример чего-либо ужасно далекого, тихого и забытого всеми богами? Рыцари-дворяне, развлекаясь, иной раз заезжали в те места на охоту, но леса Темры, на взгляд столичного жителя, были до того необжиты и сумрачны — ни дорог тебе, ни тропинок, болота и буреломы, мрачные холмы, к тому же даль несусветная, — что скакать в такую глушь снова желающих не отыскивалось. За исключением Бреннана, разумеется.

Легенда гласила, что во время охоты Бреннан выехал на высокий холм, возвышающийся над всеми окрестностями, и его восхитил их живописный вид. На черном базальтовом камне на вершине холма сидела

большая зеленая лягушка, которая вдруг громко заквакала, нарушив торжественность момента. Когда же Бреннан соскочил с коня, дабы прогнать мерзкое земноводное, лягушка приосанилась и рекла дворянину человеческим голосом о том, что ему следует переселиться на полуночный восход и возвести на этом самом холме замок. Восприняв сие удивительное и чудесное приключение как пророчество, Бреннан так и поступил, и за странный свой поступок был прозван благодарными потомками Бреннаном Блажным.

Дворяне на полуночном восходе не обитали: какой прок жить там, где нет ни полей, ни пажитей, ни толковых людей, из которых можно набрать военный отряд, ни трудолюбивых крестьян, из которых получатся верные крепостные? Местные жители, в основном пастухи овец и охотники, отличались нравом гордым и непокорным, жили небольшими деревнями и объединялись в кланы, без конца враждующие между собой. Были они сродни обитавшим по ту сторону гор киммерийским варварам, даже на языках говорили похожих, но киммерийцев не любили, как, впрочем, и те — горцев.

Темра — земля Гвинид на местном наречии — лежит в предгорьях, за Гандерландом, и отделена от него лесами, болотами и длинным отрогом Киммерийских гор. Горцы жили здесь еще до прихода хайборийцев, а когда те явились, вынуждены были потесниться. Несколько племен спустились с гор в долины, в нынешний Гандерланд, но гандеры выпроводили их обратно в горы. С тех пор, до самого включения Гандерланда в состав Аквилонии, густые леса наглухо отгородили предгорья от посторонних глаз. Общаться как-либо с внешним миром, особенно с гандерами, горцы зареклись. Но, испытав один раз на себе силу хайборийских мечей во времена похода аквилонцев на Киммерию, горцы благоразумно признали верховную власть тарантийского короля. Правда, присмотреть за ними из далекой столицы было некому, да и некогда.

Там, где земля уже дыбилась горными отрогами, среди лесов открывались вдруг взгляду холодные и светлые, чистые, как слеза, большие лесные озера, питаемые горными родниками. На дюнах вокруг них встречались убогие селения рыбаков, которые выходили на промысел на кожаных лодках. Кожу поставляли дикий водные звери, оставшиеся в этих водах с незапамятных времен, когда великий Западный океан покрывал возвышенные ныне места: ученые люди находили древние морские раковины даже на каменистых сухих водоразделах. Море схлынуло опять же в глухие темные эпохи, от которых и следа не осталось, кроме тех самых зверей, что приспособились к пресной воде и стали крупными и ленивыми, ибо вкусной жирной рыбы тут было в изобилии, а зубастые хищники как-то не прижились.

Даже столицы своей у этой провинции не было: местные жители в городах не нуждались, а ни один нобиль не желал ехать сюда, пусть и с привилегиями наместника. Строить какие-то укрепления, тем паче замки, и держать гарнизон было накладно и бессмысленно: никто не мог напасть на королевство с полуночного восхода. Киммерийцы почти никогда не покидали свои горы, а из разбойников Пограничного Королевства разве только совсем сумасшедший или отчаянный смельчак решился бы на обходной маневр по девственным чащобам. Налоги в казну жители края вносили исправно — натурой, больше с них нечего было взять. Да и много ли возьмешь? Одно владение где-нибудь в плодородном Пуантене давало едва ли меньше.

Таким образом, сказать, что поступок Бреннана стал неожиданным для столичной знати, значит не сказать ничего. Тогдашний король, будучи человеком хоть и медлительным, но весьма и весьма практичным, воспользовался случаем — взял и повелел королевским своим указом назначить Мабидана наместником в Темре, жаловал ему долю от взимаемых с населения налогов (благо жертвовать многим не пришлось) и

поручил обустроить в новом замке уютную тюрьму для недовольных законной властью. От столицы далеко, местность дикая — не убежишь, и память о борце с тиранией быстрее заглохнет. С глаз долой, как говорится. Бреннан как-никак дворянин благородных кровей и высоких моралей, хоть и вел свою родословную от тех же диких горцев Темры, в политиканстве незамеченный, к монарху лояльный — справится. Пусть не слишком скучает в мрачных лесах.

При дворе о том событии посудачили, посудачили да и забыли о сумасброде Бреннана. А тот жил себе тихо в замке, народ окрестный не тревожил, не безобразничал, узников совести не мучил, вел с ними высокоученые беседы, но под замком держал крепким, независимости от метрополии или увеличения процента со взимаемых налогов не добивался. Прожил он долго, но, в конце концов, как и положено, умер.

А Фрогхамок простоял еще восемь веков. Немало поколений Мабиданов сменилось, но всегда один из детей наследовал именно этот замок и наместническую должность и оставался пожизненно здесь, в то время как братья его или сестры отправлялись за славой (или бесславием) в столицу, и немало имен Мабиданов можно обнаружить в хрониках королевства.

Так и длилось бы до конца времен, однако пять центур спустя сыну нынешнего наместника, Коннахта Мабидана, вздумалось отыскать ответы на старые-старые, уже давно никого не волновавшие вопросы: врут ли старые сказки, и откуда же Блажному Бреннану пришла блажь поселиться во Фрогхамоке?

Глава первая

СЕДАЯ ЛЕГЕНДА

В небольшом полукруглом покое старинной башни, возведенной в десяти полетах стрелы полуденнее холма, который нес на макушке тяжелую корону Фрогхамока, в утренний час, когда солнце почти выбралось из-за далеких гор и неярким золотистым глазом осторожно посмотрело в стрельчатое окно, поздним летом, после обязательных упражнений в мечном бое и посещения термы, отдыхали на ложах двое молодых людей, занятых неторопливой, как и подобает золотой молодежи, беседой за кубками старого вина и прохладного напитка из лесных ягод.

— Да, разумеется, природа северных земель величава и спокойна, — уверенно изрек первый — обладатель красивого сочного баритона, атлетически сложенный, но склонный к полноте, румяный, черноволосый и кудрявый молодой человек. Его звали Юний, он был главой анналов права при королевском Хранилище рукописей. Ныне проводил он ежегодный летний отдых от необременительных своих трудов в обществе друга. — Но ведь ты уже год не путешествовал, не посещал собраний в столице, даже в библиотеке тебя не встретишь. Почему, Септимий? Ты губишь себя во цвете лет!

Септимий Мабидан, сын наместника, тоже молодой мужчина, золотоволосый, стройный, даже худощавый, пожалуй, с тонкими и острыми чертами привлекатель-

ного лица, выдающими его происхождение от горцев, вздохнув, несколько иронически ответил:

— Мне скучно в столице, о заботливый Юний.

— Так ли я понял тебя? Вся мудрость столичных книгохранилищ пресна и скучна?

— Именно так, друг Юний. Сто свитков сочинений велемудрых философов не сравнятся в красоте с самыми обычными сказками про эти края.

— Ужели ты стал верить сказкам? Ты, ценитель духовных сокровищ и знаток древних величественных преданий?

— Сказки ничуть не менее величественны, чем предания, а сокровищ в них сокрыто более, чем в занятой помыслами о высоком голове ученого. Сказки и сами были некогда преданиями или трудами мудрецов, только ныне они повиты столетиями, и тем они ценнее. Почему я должен верить только тому, что записано в хронографах? Только потому, что их изложение логично, а сказка нет?

— Не хочешь ли ты высказать предположение, что не любая сказка — красивая ложь, напудренная и на-румяненная, как старая дама в придворном собрании?

— Куда больше! Я утверждаю здесь, что любая сказка — истина, притом более высокая, чем истины современности, поскольку испытана временем. А раз она испытана временем, то может быть испытана и нами! — заключил Септимий торжественно.

— И ты, разумеется, решил дожидаться, пока тебе, как посвященному, откроются ее врата? И не иначе как именно здесь? — язвительно поинтересовался Юний, хотя вовсе не хотел обидеть заговорившегося товарища.

— Кто знает? — грустно и мечтательно проговорил Септимий. — Рано или поздно эти врата откроются и здесь. Я даже надеюсь, что это случится скорее рано, чем поздно.

— У тебя были какие-то знамения? — неожиданно серьезно спросил Юний. — Если да, то я готов довериться тебе и немедленно отправиться с тобой. И пусть эти

вечные стены и солнце станут свидетелями моим словам.

— Увы, весьма немного, — вздохнул Септимий. — Но и это немного поражает, если поверить в него. Можно считать все не более чем простым совпадением, и здравомыслящие снобы из столичного круга мыслителей и эстетов непременно так и посчитали бы, но я хочу думать иначе. Ты знаешь, я много учился и немало прочел, а значит, имею на это полное право, как, впрочем, любой гражданин Аквилонии. Станешь ли ты слушать меня не прерывая, пока я не окончу рассказ? После говори все, что тебе заблагорассудится. Иначе я боюсь потерять неверный след своих размышлений, ибо он прерывист и запутан, и с тех пор, как я прошел впервые тем путем, пролились обильные дожди.

Юний знал, что Септимий, хоть и был молод, любил выражаться витиевато, обожал лирические отступления и странные, отдаленные сравнения и сопоставления в разговорах, что явно не было в моде при нынешнем короле-варваре из Киммерии. Двор, подражая вседержителю, выражался лаконично, сухо и порой грубо.

— Конечно, я не пророню ни слова, — поспешил заверить Септимия Юний, — даже если речи твои покажутся мне речами безумца.

— Итак, ты сам согласился, — лукаво улыбнулся Септимий, и глаза его на мгновение странно блеснули.

Он рывком поднялся, прошел к маленькому изящному круглому столику из черного дерева, инкрустированному серебром, который весь был завален книгами, рукописями хозяина и гусиными перьями. Выхватив из этой груды желтый шелестящий свиток, он стремительно возвратился на ложе, устроился в ужасно неудобной и, на взгляд Юния, вредной для осанки позе, развернул старинный список, снабженный, как успел заметить наблюдательный гость, цветными изукрашенными буквицами и чертежами, лихорадочно стал просматривать его, нашел наконец искомое место, вздохнул глубоко, утер губкой вспотевший лоб и приступил к

чтению, перемежая его собственными замечаниями и рассуждениями.

— Списку этому, как гласит дата, без малого двести пятьдесят лет. Сделан он с еще более старого документа, коим я не располагаю. Сомневаюсь, что он вообще существует ныне. Здесь рассказ о временах, когда история Фрогхамока насчитывала едва половину сегодняшней.

«Ага, четыреста лет,— быстро вычислил Юний.— Что ж, весьма почтенный даже для сказки возраст. Хотя, бесспорно, найдутся достоверные сведения и древнее».

— В то время в отдаленных окрестностях замка было беспокойно,— продолжал Септимий.— Как повествует составитель, почтенный Орибазий, жители крошечных деревенок, ютившихся близ горных отрогов, стали жаловаться на то, что единственное их имущество — козы и овцы, коих они во множестве пасут на высоких пажитях в летнее время, стали по ночам пропадать неведомо куда. Сторожа бдели ночь напролет, но не заметили ничего, собаки также не подавали голоса, поэтому заподозрить волков или иных диких зверей было невозможно...

Речь Септимия текла гладко и ровно и очень напоминала певучую речь бродячих сказителей. Правда, те изъяснялись обычно просто и доступно, а потомок Блаженного Мабида и слова не произносил в простоте. Однако Юний давно привык к витиеватым словесам и, не обращая особого внимания на замысловатые красоты, улавливал лишь суть рассказа. В конце концов он понял следующее.

Несчастные дикари, на головы которых обрушились бедствия, обвиняли во всем киммерийских разбойников из-за гор, считая их не только ворами и грабителями, но еще и зловредными колдунами, что и позволяло варварам обманывать и охрану, и животных, каким-то образом притупляя их бдительность. Однако любой здравомыслящий человек счел бы это просто-напросто глупостью: киммерийцы никогда бы не стали

переваливать горы, в которых и опытный человек мог запросто погибнуть, чтобы добыть жалкую овцу. Если они и решились бы на такое, то лишь в случае крайней нужды: голода, нашествия чужеземцев или еще чего-нибудь не менее страшного. Однако, как доносили шпионы, никаких горестных событий в Киммерии тогда не происходило.

Владелец замка — в те годы им был Аммий III — выслал несколько своих людей на место, чтобы они проверили, что там происходит на самом деле. И действительно, возвратившиеся неделю спустя посланцы подтвердили слухи. Козы и овцы и вправду непостижимым образом пропадали, причем случалось это исключительно по ночам. Это было особенно удивительно еще и потому, что летние ночи в предгорьях бывали очень бурными. Ветры, приходявшие с полуденного заката, несли с океана через весь материк тяжелые грозовые тучи, которые, разбиваясь о стену гор, проливали на южные их склоны потоки воды — оттого-то здесь и образовались болота. Ветер обычно свистел тут подобно сонмищу разгневанных демонов, и молнии яростно вспыхивали над пустынными холмами и отрогами, а гром хохотал, будто забавляющийся гигант.

И лишь пастухи привыкли к таким условиям и спокойно пережидали непогоду в своих грубо сложенных из необработанного камня и обмазанных глиной хижинах, хотя и они непрестанно молились своим богам при каждой вспышке молнии и каждом ударе грома. Цивилизованного городского человека, тем более столичного жителя, такой разгул стихии в открытой и голой местности пугает до полусмерти. Впрочем, как раз в такую ночь вор, задумавший дерзкое похищение, имеет все шансы на успех, поскольку особенно крутых и скользких троп и прочих препон в отрогах еще нет, а дожди и ветры летом теплые, да и заморзнуть в это время года невозможно.

Не желая иметь неприятности с квестурой из-за того, что налоги стремительно уменьшались, Аммий вызвал

из Гандерланда отряд стражников во главе с офицером, чтобы те либо изловили неведомых воров, либо, если здесь не обошлось без колдовства, просто доложили в квестуру о случившемся. Солдаты явились — десять человек. Возглавлявший их офицер был из аристократов, однако род его давно обеднел, и несчастный был вынужден избрать стезю военного. Однако от рождения он был наделен утонченным умом, и это помешало ему сделать карьеру, а потому он прозябал в провинции, потихоньку опускаясь и спиваясь.

Проведя во Фрогхамоке несколько дней, с наслаждением общаясь с достойными собеседниками, офицер — звали его Люций — повел отряд в предгорья, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу. Результат сей экспедиции оказался плачевным: отряд сгинул! Недельку спустя до замка добрались только двое: офицер и один из солдат, оба голодные, грязные и оборванные, без оружия, если не считать огромного березового сука, выломанного солдатом для какой-никакой обороны. Они представляли собой настолько комичную пару, что никто, бросив на них хотя бы один взгляд, не мог удержаться от улыбки.

Стройный, жилистый, среднего росточка командир с большими, умными и печальными карими глазами на тонком, почти аскетическом лице, которое несколько портил вечно рубиновый цвет носа, с залысинами на лбу, а рядом здоровенный толстомордый детина с копной густых, буйных и запутанных, как кустарник в лесах пиктов, рыжих кудрей, удачно дополненных бакенбардами, роскошными усами, плохо подстриженной бородой и общей недельной небритостью.

При этом воин был туп, как бревно, и не знал иных утех, кроме как затащить на сеновал дородную кухарку или опорожнить бочонок самогона, а после дрыхнуть до завтрашнего вечера, сотрясая стены премерзким храпом. Впрочем, в последнем, исключая храп, начальник и подчиненный почти не отличались друг от друга.

Но шутки шутками, а рассказ их был страшен и неправдоподобен. Первая ночь минула спокойно, и Люций уже был готов подозревать, что проныры пейзажане, обманув людей милосердного сюзерена, сами укрывают скот где-то в горах. Однако, будучи человеком ответственным, совестливым и богобоязненным, страшась оклеветать невинного, он отдал приказ повременить еще две ночи.

На вторую ночь приключилось неладное. Один из солдат отделился от общего стана, желая посмотреть, не скрывается ли кто-нибудь за старой известковой скалой, искрошенной временем и молотами местных жителей, которые вырубали в ней глыбы для своих изгородей и построек. Скала все же была еще очень велика — пять или шесть человеческих ростов — и закрывала собой промоину, уходившую между двумя постепенно повышавшимися склонами к небольшому ручью, который едва сочился в жаркие дни, но после дождей или весеннего таяния снегов набухал, как тесто, и мчался бешеным потоком, ворочая бревна и камни, пока не разливался бессильно, вырвавшись на простор болот. Солдату показалось, что там осыпались мелкие камешки.

Но вот уже взошла луна, а он не возвращался. Люций забеспокоился и отправил на поиски еще троих. Эти возвратились быстро, но слова их были неутешительны. Их товарищ исчез бесследно. Пока суетились, зажигали факелы, обшаривали кустарники, ямы и расселины, кричали и бегали, пропали две овцы.

Пастухи, хотя сидели все время у костра и таращились старательно во тьму, снова ничего не могли сказать. Собаки не только не лаяли, но и вообще не проявляли ни малейших признаков беспокойства. Наконец после упорного двухчасового допроса с пристрастием, учиненного офицером, один из туземцев, испугавшись, что разгоряченный, подогретый вдобавок захваченным с собой вином аквилонец выхватит сейчас из ножен свой короткий широкий меч и, пожалуй, еще отсечет

какую-нибудь немаловажную часть его тела, поведал, что один из псов сначала глухо ворчал, а после жалобно скулил в то время, когда отряд носился в поисках пропавшего товарища. Впрочем, крестьянин объяснял поведение собаки тем, что пес задремал и ему привиделось что-то во сне.

Люций не поверил столь дурному предположению ни на грош и призвал весь гнев солнцеликого Митры на презренного варвара. Даже ему было достоверно известно, что небольшие, но исключительно разумные длинношерстные и длинномордые собаки пастухов, гораздо более симпатичные, к слову, нежели их хозяева, не позволяют себе глаз сомкнуть, когда сторожат скот.

Дневные розыски также не принесли ничего утешительного, но зато случилось кое-что интересное. Склоны здешних возвышенностей, поднимающихся все выше и переходящих в горные отроги, изрыты множеством пещер и пещерок, которые веками проделывала вода. Пастухи, однако, не очень-то полагаясь на милосердие Митры и, по-видимому, не веря в его вездесущность, населяют холмы порождениями своей темной фантазии: маленькими, уродливыми и зловерными созданиями, похожими на людей. Волосы у них длинные и светлые, кожа бледна и полупрозрачна от извечной жизни в пещерах, но с желтоватым оттенком, как у жителей Кхитая, глаза большие, опять же от недостатка света в подземельях, миндалевидные и неприятные, ибо таких глаз у людей не бывает. Изображения таких глаз, сделанные в далекие времена, когда какие-то ростки тяги к искусствам еще не заглохли в грубых варварских душах, можно было повстречать на камнях и скалах с плоской поверхностью. Раса эта, как уверяли пастухи, некогда повелевала здесь, пока люди не загнали ее в холмы.

С тех пор жители подземелий отупели и утратили многое, что могли и знали, но в пещеры люди не рисковали соваться. Там, во мраке, карлики были сильнее. Они научились без промаха стрелять на звук из ма-

леньких луков примитивными первобытными стрелами с зазубренными кремниевыми наконечниками, при этом стрела била точно в цель, не задевая выступы породы. А кроме того, они, растеряв секреты ремесла и военного искусства, направили свои помыслы в сторону родной теперь для них тьмы, чтобы магией и заклятиями вернуть утраченное. Вернуть ничего не удалось, зато вырванные из небытия умершие слова породили в пещерах дикий и совершенно нечеловеческий мир, приковав изрекших их навеки к сумраку каверн. Заклятия словно бы обрели собственный дух и разум и зажили своей жизнью, войдя в немислимый союз со своими новыми хозяевами. На поверхности этот дух был бессилен, но у себя во владениях могуч безмерно.

Однако раз в год, в первое полнолуние после осеннего равноденствия, пещерные жители будто собирались в потаенной долине, формой напоминавшей чашу, где приносили жертву, разжигая огромный костер, сложенный пирамидой. Говорят, язык его пламени поднимался столь высоко, что был виден даже с того пастбища, где остановился отряд. Естественно, что пастухи за десять полетов стрелы обходили проклятое место и шага не сделали бы под своды пещер, хоть режь их на части.

Разумеется, солдаты только посмеялись над такими глупыми суевериями, но в одной из осмотренных пещер все почувствовали что-то неладное, словно там и правда было дурное место. Что именно было нехорошо, никто не понимал. Пещера была мелкой, округлой, насчитывала в глубину едва ли тридцать шагов и заканчивалась глухой стеной. Тем не менее люди поспешили покинуть это место. Стоит ли говорить, что и там ничего не обнаружилось. В этом и состояло единственное примечательное событие дня.

Нашлась и чашеобразная долина. Форму чаши она имела лишь наполовину, противоположный склон оказался угловатым и обрывистым. На дне долины не было никаких следов кострища — там стояла мелким

прудом скопившаяся после ливней вода, медленно испарявшаяся под лучами солнца.

На третью ночь все бодрствовали. Ненастье не нагрянуло, но звезды и месяц спрятались в низких облаках. Костер горел ярко, однако осиновые дрова быстро и жадно прогорали, приходилось то и дело подкладывать новые. В их потрескивании некоторым солдатам слышался издевательский, сухой и злобный смех.

Миновала полночь. Настала самая глухая и тяжелая часть ночи, когда неудержимо клонит в сон, голова делается неприятно легкой, а все вокруг видится каким-то прозрачным, точно стеклянным, ненастоящим. Люций, впрочем, взбодренный терпким вином с хрустальной ледяной родниковой водой, от которой стыли зубы, не чувствовал ни малейшего желания спать. Примерно так же ощущал себя и его спутник, тот самый рыжий и тупой солдат. Он был родом из пуантенской деревни, но соблазнился кажущейся легкостью военной службы и деньгами, которые, по его разумению, он будет получать, палец о палец не ударив. Жизнь, впрочем, обманула его надежды, и теперь парень день и ночь клял несправедливую судьбу за то, что она забросила его в этот всеми забытый холодный край.

Вдруг, повернувшись к пастушескому костру, Люций увидел, что все пастухи как один спят. Призвав солдат, он бросился расталкивать лодырей. С готовностью за ним последовал только пуантенец, остальные выполнили приказ, но сделали это как-то очень нехотя, будто через силу, недовольно ворча, что их заставляют пасти овец и коз вместо того, чтобы выполнять достойные воина обязанности — пить вино в корчме, играть в кости и волокаться за девками.

Каково же было удивление командира, когда, приблизившись к костру, он понял, что крестьяне заснули в совершенно неестественных позах. То есть они как сидели, переговариваясь негромко, так и застыли неподвижно. Один из них даже не выпустил из рук свой крепкий, загнутый на конце посох. Никакими силами

невозможно было их растолкать. От малейшего толчка они падали, как снопы, на землю, не просыпаясь и не меняя поз.

Бросив бесполезный труд, Люций кликнул собак. Но ни один пес не отозвался, ибо бдительные животные тоже уснули непробудным сном: один пес лежал на боку, вытянув в оцепенении все четыре лапы, другой устроился на брюхе, положив узкую острую морду на траву. И люди, и собаки были живы, но дышали редко и неглубоко.

Нечего и говорить, что беспокойство охватило командира отряда. Озираясь по сторонам, он пытался понять, что произошло. Взгляд его остановился на той самой скале, за которой давеча исчез воин, и к ужасу своему военный понял, что за камнем, в лощине, таится нечто враждебное, нечеловеческое. словно чье-то дыхание — или то было дуновение, а может, ощущение духа? — коснулось его лица. Он вздрогнул и повернулся к солдатам. Все смотрели туда же, куда и командир. Никто не смел проронить ни слова, но было видно, что даже самые сонливые мгновенно пришли в себя.

Видя, что солдаты — а среди них были настоящие ветераны, прошедшие несколько кампаний и пролившие вражеской крови столько, что впору бочки наполнять, — готовы показать непрошеному гостю, кем и чем бы он ни оказался, остроту аквилонской стали, офицер взбодрился, кровь его заиграла в предчувствии настоящего дела и удивительных приключений, о которых потом можно будет долго и пышно рассказывать. Он выстроил свой маленький отряд клином и повел к скале, не обращая внимания на жалобное блеяние и панику, охватившую несчастных овец.

Солдатская поступь была тяжелой и мерной — вся Хайбория знала твердость этой гордой поступи. Хищными клыками гигантских древних львов темнели мечи, предвкушая новую кровь, щиты плотно прилегли один к краю другого, составив нерушимую металлическую стену. Стальные шлемы — у четверых с глухими, зак-

рывающими лицо масками — серели грозно в ночи. А как замечательно сверкали бы они, явись сейчас солнца!

Да, как раз присутствия солнца, всеведущих лучей Ока Митры, в это мгновение им очень недоставало. Кто знает, дождись они рассвета, возможно, все обернулось бы неизмеримо лучше и закончилось счастливее. Но тогда маленькое воинство, проникшись боевым духом непобедимой аквилонской армии, неостановимо шло в безумную, как выяснилось очень скоро, атаку.

Скала приближалась. Стали заметны даже тонкие трещины на старом ее желто-сером теле. Люций приказал обойти скалу слева, при этом забрать немного в сторону от крайнего выступа, чтобы охватить сокрывшееся там, а не оказаться, резко выйдя из-за поворота, лицом к лицу с неизвестной опасностью. Воины уже готовы были осуществить предписанный маневр, но в тот же миг над камнем совершенно бесшумно поднялась огромная черная голова громадного змея на толстой шее.

Два глаза чудища тлели багровым огнем. Расстояние меж ними составляло локоть, а то и чуть больше. Над плоским чешуйчатым лбом возвышались два странных нароста, похожих на рога.

Неподвижный, вопреки обычно ветреной в предгорьях погоде, воздух внезапно всколыхнулся, поток его направился сначала вверх, затем вниз, и вот все тяжелое, но по-змеиному гибкое тело дракона, поддерживаемое парой широких кожистых крыльев, взмыло над скалой...

— Мне и посейчас непонятно, — рассуждал Септимий, горячими сухими глазами глядя на Юния и в то же время куда-то мимо него, — как могла такая туша подобраться неслышно. Ведь если бы дракон ступал лапами по тверди земной, то люди непременно уловили бы, притом задолго до приближения монстра, колебание почвы. Даже сотрясение от бега одного коня, создания, несомненно, гораздо более легкого, нежели дракон,

слышим мы уж точно за несколько стадиев. А если бы змей воспользовался своими крыльями, то поток воздуха, вызванный их взмахами, и неизбежный при этом шум, который также, по учению достойного Максенция, суть перемещение частиц воздуха, возмутили бы воздушные слои впереди летящего гиганта, что привело бы в беспокойство солдат.

Поскольку ни того, ни другого не случилось, я заключаю, что тварь владела искусством сродни тому, что довелось видеть мне во время путешествия в Кхитай у монахов-аскетов. Непостижимо, но многолетними упорными упражнениями развили они в себе способность, сокращая быстро мышцы спины, левитировать некоторое время, сиречь висеть в воздухе, не касаясь земли, не имея ни опоры под собой, ни подвеса. Вероятно, то же, но с несравненно большей ловкостью проделывал и дракон. Таким способом неслышно подбирался он к жертвам своим, также и удалялся, не оставляя следов. Единственно зачем употребил он крылья, это чтобы взлететь выше.

Помолчав немного, Септимий продолжил рассказ.

...Тело дракона взмыло над скалой. Крылья, распластанные широко, трепетали легко и быстро, как у насекомого. Мощные лапы ящера были поджаты, словно у хищной птицы, когда она падает с высоты камня на добычу. Хвост метался из стороны в сторону, свистя чудовищной плетью. Трудно было мгновенно оценить размеры пресмыкающегося, но было совершенно ясно, что деватерым воинам с таким не справиться.

К чести солдат, ни один из них не отступил. Бежать было бессмысленно, ибо на ровной поверхности луга прятаться некуда. Оставалось защищаться. Дракон повис в восьми локтях над землей, шея его выгнулась дугой кверху, голова слегка покачивалась, глаза были непроницаемы и холодны, несмотря на тлевший в них огонь. Ничего не было в них, кроме змеиного равнодушия. И все же великая сила внушения исходила от них. Не

потому ли застывали в оцепенении пастухи и собаки? Не потому ли сонливость чуть не объяла и солдат? Только возбуждение, вызванное легким вином, позволило Люцию не поддаться и заподозрить присутствие чудовища за скалой. Как только его обнаружили, сила драконьего воздействия пропала, ибо таилась главным образом в его незаметности.

Солдаты подняли руки с мечами, выставив клинки вверх, чтобы дракон не смог безбоязненно опустить голову со страшной пастью. Загнутые огромные передние клыки торчали из верхней челюсти наружу, а узкий раздвоенный язык мелькал, ощупывая воздух. Но дракон вовсе не был столь глуп, чтобы подставлять шею под остро заточенные лезвия мечей. Вместо этого летающий гад мгновенно извернулся и — никто не успел опомниться — нанес смертоносный удар крепким хвостом.

Пятеро воинов погибли мгновенно, у двоих оказались сломаны кости, один был оглушен, еще двоих отбросило далеко в сторону, и они никак не могли быстро прийти на подмогу оставшимся. Строй развалился, а дракон этого и добивался. Обрушив сверху хвост, он добил одного раненого и, тут же снизившись, будто по горке скатившись, пропорол когтями горло другому. Сделав виток, злобная тварь разъярилась от одного запаха крови и бросилась на тех четверых — в их числе был и офицер, — которые устояли на ногах и уже успели перестроиться, вновь сомкнув щиты и оцетинясь мечами.

К несчастью, змей опять перехитрил солдат. Только что перед ними была голова с разинутой пастью, только что готовы были они, расступившись на шаг, вонзить мечи в толстую шею, как внезапно дракон вскинулся и, вместо того чтобы пытаться схватить кого-либо зубами, выставил вперед когти. Меч солдата скользнул по ороговевшей поверхности, не причинив монстру видимого вреда, воин же упал со смятым шлемом. Должно быть, дракон лапой разможил ему голову. Офицеру повезло

больше. Он хотя и не смог нанести разящего рубящего удара, но режущий ему удался.

Дракон оглушительно заревел, а на мече осталась густая темная кровь. Теперь пощады ждать не приходилось. Дракон закричал еще раз, сделал новый круг и напал на солдата, оставшегося в одиночестве после первой же атаки. Тот, не собираясь дешево отдавать жизнь, заслонился щитом, спрятав за ним и лицо, и занес меч над собой, согнув в локте руку. Но дракон был гораздо проворнее, чем думалось. Он полетел низко, едва не задевая траву, шея его извивалась — не поймешь, с какой стороны зайдет. Но и воина — мощного и высокого белокурого бритунца — тоже было не так просто обмануть. Он упорно не желал верить обманным движениям змееголового, и острие меча его смотрело как раз тому в глаза.

В последний миг всем почудилось, что дракон желает увильнуть от поединка, но то была лишь видимость! Змей тоже был храбр и, видно, сознавал, что в битве с девятьерыми потерь не избежать. Описав крутую широкую дугу вправо от воина и заставив того поворачиваться вслед, чтобы не подставить противнику спину и бок, дракон поймал бритунца на этом движении и резко ударил человека правым крылом. Мелькнул меч, на крыле появился страшный разрез, но ни одна кость не была повреждена. Змей, утратив, правда, прежнее изящество полета, тем не менее уверенно держался в воздухе. Солдат не устоял на ногах и упал, звякнули кольчужные кольца, и тут же дракон очутился сверху, прямо над ним. Послышались глухой звук удара и хруст разрываемой плоти. Еще один, не самый последний из аквилонских воинов, погиб, испытав на себе силу драконьих когтей.

Тем временем четверо оставшихся в строю снова сплотили ряды, выстроив на сей раз не шеренгу, а подобие клина, чтобы защитить товарища, оглушенного ударом драконьего хвоста. Он пока не приходил в себя. К слову, это как раз и был крестьянин из Пуантена.

Приободренные несколько тем, что страшилище хоть и грозное, и неимоверно сильное, и хитрое, но все же уязвимое, они изготовились отразить его новую атаку. О страшных потерях думать было некогда — надо было защищать свою собственную жизнь, а все события боя заняли пока считанные мгновения.

Но дракон больше не желал рисковать. Взлетев повыше, локтей на десять, он, стремительно кувыркаясь, пошел вниз. Едва не коснувшись мечей, дракон с трудом выровнял тело (порванное крыло мешало ему) и, опять уходя вверх, пустил в дело хвост, где чешуя была старая и огрубевшая. Видимо, чей-то меч задел дракона, потому что руку Люция залила чужая кровь: кому-то посчастливилось нанести прямой удар. Но удар хвоста отказался столь страшным, что вновь разметал людей, как сухие мелкие щепки.

И снова дракону сопутствовала удача. Не успел офицер подняться, как услышал предсмертный крик и треск ломающихся костей. Десятник вскочил и, прежде чем нагнуться за выбитым из руки мечом, успел увидеть, как дракон всей своей тяжестью просто раздавил одного из упавших воинов и тут же, сидя на поверженном и обезображенном теле, молниеносно вытянул шею и страшной пастью схватил за ногу еще одного солдата, так же, как и командир, потерявшего меч. Затем последовал рывок, лягнули зубы чудовища, солдат упал замертво: нога по щиколотку была оторвана драконом, к тому же бедняга при падении ударился головой о камень, что и убило его. «Наверно, ему повезло больше. Почти мгновенная смерть», — успел подумать десятник.

А дракон действовал с хладнокровием опытного убийцы. Его ничуть не смутил яростный лай проснувшихся от громкого рева собак — животные вышли из гипнотического оцепенения сразу, как только гад отвлекся от них. Храбрые псы прыгали, вставали на задние лапы, пытаясь достать чудовище, и свирепо лаяли, но дракон даже не взглянул в их сторону: железные

мечи не одолели его, так стоило ли опасаться собачьих клыков?

«Пастухи! — пришла Люцию, казалось, единственная спасительная мысль. — У них же есть луки!»

Он с надеждой взглянул на костер. Но глупые варвары и не думали спасаться: распростершись ниц, они молились своим уродливым богам, очевидно считая ящера их посланцем. Кричать им, чтобы вооружились луками и хотя бы попытались отбиться — все равно дракон не пощадит никого, — было бесполезно.

Офицер приготовился умереть достойно. Вместе с последним боеспособным своим воином — это был ветеран из Гандерланда — они встали спина к спине. Мечи вновь оказались в их руках.

Дракон не замедлил с нападением. Совершив пару кругов на высоте, он снизился, сделал еще один круг, огибая двоих, после чего сильно ударил гандерландца плечом. Страшный меч обрушился на самое основание шеи дракона и... отлетел прочь, жалобно звякнув о камни. Победа ящера была полной. Солдату драконий удар сломал шею, а офицер потерял сознание...

— Погубив солдат, — продолжал Септимий, — дракон не замедлил расправиться с пастухами и собаками. Он использовал чары сна, не желая, чтобы его заметили. И опять-таки потому, что его не заметили, до поры не трогал людей. Несмотря на огромную силу и злобную хитрость, ему вряд ли хотелось повстречаться с аквилонской армией. Вот и на этот раз он замел все следы. Вернее, так ему казалось.

— Не знаю, что казалось этому чудовищу, а мне кажется, что я сейчас усну и не смогу узнать, чем закончилась сия удивительная история, — проговорил Юний, широко и совсем не аристократически зевая. — А я вовсе не прочь, между тем, все же дослушать ее до конца. Итак?

— Что ж, друг Юний, — засмеялся Септимий, явно удовлетворенный тем, что товарищ заинтересовался-таки его рассказом и не задремал после первых же пяти

фраз.— Ты всегда любил остановить повествование на самом занятом месте и отправиться обедать или спать. В этом и заключается целиком столь восхваляемый тобой здравый смысл. Ладно, не смею противиться, иначе ты еще рассердишься и в пику мне откажешься внимать моим речам и далее. Спи, а завтра поутру — я тебе это обещаю — ты узнаешь о вещах куда более удивительных.

Глава вторая О ПРИЧИНАХ И СЛЕДСТВИЯХ СКУКИ

Король проснулся вместе с первой утренней стражей. От скуки. И весь день король скучал. Вот уже и вечернее солнце заглянуло в выходящее на северо-запад сводчатое окно. Прохладный до того чертог начал медленно нагреваться. Становилось душно.

Впрочем, досаждало не это. Сам вид ярких золотых лучей и полос света, которые легли на столик, пол и стену, раздражал Их Величество, ибо бесстыдно бросал вызов Их меланхолическому настроению, мешая наслаждаться заслуженной упорным трудом всей жизни скукой.

Король неодобрительно поморщился, вздохнул, не вставая с ложа, протянул длинную мускулистую руку к кувшину с прекрасным освежающим и бодрящим вином, взял сосуд за тонкое серебряное горло, поболтал, опять вздохнул и водворил на место. Предпринимать что-либо не было решительно никакой необходимости. К чему ж тогда взбадриваться? Вовсе ни к чему. И не стоит ради этого даже лишний раз пошевелиться.

Король скучал. Ему было не то чтобы плохо, не то чтобы гадко, не то чтобы тошно — нет, всего этого Их Величество не боялись, ибо знали, что значит «плохо», «гадко» и «тошно», а также «холодно», «голодно», «опасно», «смертельно», «пахнет жареным», «мокро»,

«жарко» и много чего еще вовсе не понаслышке и в гораздо худшем виде. Но сегодня на душе у короля было скверно, и как побороть это состояние, Их Величество не знали.

Сегодня Они уже успели поругаться с канцлером Публием. Причиной ссоры послужило то, что на вопрос о том, какие строгие меры будут предприняты и какие судьбоносные шаги будут сделаны государством в ближайшее время, канцлер несказанно удивился и ответил очень коротко: «Никаких». Когда же выяснилось, что вдобавок к этому гнусному обстоятельству не стучатся в дверь и даже не грядут в обозримом будущем никакие крутые перемены, чернь не волнуется, купцы ничего не просят, мещане не паникуют, дворянство не строит заговоры и соседи не идут на Тарантию войной, король вспылил, устроил так ничего и не понявшему Публию примерную выволочку, обозвал канцлера евнухом и, хлопнув дверью, гордо удалился.

Король скучал. Придворный астролог завел какую-то нудную чушь о квадратурах, сферических треугольниках, противостояниях и иной ненужной нормальному человеку ерунде вместо того, чтобы, к примеру, сказать честно, что Их Величество кто-то хочет убить или, наоборот, Их Величеству требуется срочно казнить кого-либо. Король выгнал астролога.

В гимнасии король пожелал было потешиться мечным боем с несколькими противниками, выбрав лучших из лучших гвардейцев охраны и гладиаторов. Однако те явно не желали хоть сколько-нибудь войти в положение монарха и немного посопротивляться хотя бы для вида. Король, вооружась одним лишь мечом (и не своим любимым, а первым попавшимся под руку!), без видимых усилий раскидал семерых, а потом еще дважды по семь. Все, что смогли противопоставить ему лучшие бойцы столицы — это пыхтение, град пота, вытаращенные в изумлении глаза, напряженные жилы и высунутые языки. Разрубив тяжелый круглый металлический щит первому в Тарантии ланисте, слава о

школе коего добралась аж до Турана, Их Величество остались крайне недовольны, сломали этот идиотский клинок, разбивший этот идиотский щит, и покинули гимнасий.

Король скучал. Он отправился в мастерскую, к белошвейкам. Там ему обрадовались, защебетали, стали любезничать и смеяться. Их Величество меж тем, отвечая тут же на слова и взгляды, делая это совершенно бездумно, оглядывали безучастным взором все эти милейшие лица и прелестнейшие тела. Что ж, это были самые красивые лица и лучшие тела Аквилонии, а то и всей Хайбории, но Их Величеству упорно вспоминался далекий Султанапур и дорогой бордель в Верхнем городе, а точнее — его хозяйка. С чего бы вдруг — король не понимал. Не сказав ни слова на прощание, он встал и поспешно удалился, оставив своих красавиц и обожательниц в полном и окончательном недоумении. Нет-нет, могучий организм короля пребывал в полном порядке. Просто настроения не было.

Король скучал. Не радовали ни яства, ни вино, ни спокойствие, воцарившееся наконец в столице и в королевстве. Просперо и Троцero уехали домой, в Пуантен. Созывать королевский совет было незачем. Канцлер Публий корпел над мелкими рутинными делами, к тому же король припомнил, что с утра незаслуженно обидел достойного человека. Король было подумал даже пойти извиниться, но подобное не входило в обычаи Их Величества: подданные должны знать свое место.

Итак, разделить компанию было совершенно не с кем. Король удалился в северо-западную часть дворца, где располагалась особая комната, обставленная грубо и просто, подобно жилищам родной и ныне почти недостижимой — в силу положения, занимаемого королем, — Киммерии. Король сознавал, что эта скука ненадолго, что вскоре, несмотря на умиротворяющие речи Публия, что-нибудь переменится, причем переменится, разумеется, к худшему, и надо бы ловить эти дни блаженного безделья, потому что потом их не случится,

потому что право на эту королевскую праздность и скуку он заработал вполне честно, но... Но на душе было скверно. Король Аквилонии Конан I изволили скучать.

Беда состояла в том, что король, сколько себя помнил, никогда не сидел сиднем на одном месте, а если сидел, то отнюдь не по своей воле, а только по принуждению или по стечению обстоятельств. Его тело и разум привыкли постоянно сражаться, преследовать, спасаться, изворачиваться, и все это в бешеном ритме, когда сердце выпрыгивает из груди. Вот и теперь железные мышцы жаждали напряжения, а сознание безотчетно разыскивало любую сколько-нибудь подходящую замену той жизни, которой король только и умел жить.

И замена, хоть и не совсем полноценная, нашлась — в воспоминаниях. Плохой памятью Конан никогда не страдал, о чем хорошо были осведомлены его друзья и о чем очень сожалели его враги.

И вот яркий солнечный день померк и отодвинулся куда-то за сводчатое окно в толстой стене. Башни и черепичные крыши большого города растаяли в тумане времени, а перед мысленным взором воздвиглись крутые неодолимые горы. С неба, закрытого сплошными облаками, посыпался дождь пополам со снегом. Холмы, то лесистые, то лысые, поросшие лишь серо-зеленой травой, с белыми костями известняковых глыб, составили бедный пейзаж, который оживлял лишь прихотливо извивающийся по распадкам ручей в обрамлении черной ольхи. Где-то за холмами над ручьем должен был стоять мощный каменный мост со сторожевой башней — только она и осталась от аквилонских укреплений на землях Киммерии. По мосту проходила единственная в Киммерии дорога, связывающая северную страну все с той же Аквилонией.

Пользовались дорогой редко. Она карабкалась в горы, петляла по межгорным котловинам и ущельям, как петляет пьяный наемник по узким улочкам Тарантии, огибала трещины и почтительно обходила каменных

исполинов, пробиралась сначала на полуночный восход Аквилонии, проходя недалеко от фамильного владения Мабиданов — Фрогхамока. Потом дорога проходила сквозь Гандерланд и там только вливалась в густую сеть дорог великого королевства. И пусть эта дорога была немощеной, разбитой, грязной и едва-едва проезжей, но, вспомнив о ее существовании, Конан однажды в два счета доказал другу молодости Морадину, что Киммерия — цивилизованная страна. Что-то теперь делается на этой дороге?

И где теперь Морадин — великий воин, всех умений которого ему, Конану, всеми признанному великому воину, не постигнуть никогда? Королю оставалось утешаться мыслью, что хотя бы полководец из него вышел получше, чем из Морадина. Впрочем, и в этом большой уверенности Конан не испытывал. На самом же деле Морадин был единственным человеком, за исключением, пожалуй, самого блаженного Эпимитриуса, которым Конан восхищался. Помимо всего Морадин был еще и другом, чего о давным-давно почившем основателе Аквилонии сказать было никак нельзя.

Да, Морадин уж верно не стал бы скучать, окажись он сейчас на месте короля. Тарантия за годы могущества накопила огромные хранилища знаний и собрала в своих стенах величайших мудрецов со всей Хайбории, и Морадин, с его-то страстной любовью ко всяким редкостям и ученым загадкам, быстро нашел бы себе занятие в походах по книгохранилищам или в ученых беседах, слушая которые Конан бы обязательно заснул. Морадину и имя-то его, звучащее подобно звону меча, шло, на взгляд киммерийца, куда меньше, чем таинственное, округлое и в чем-то магическое «Морадан», как к нему иной раз, оговорившись, обращались. Что ж, в суете жизни пропал куда-то и Морадин, остался только север — страна детства.

От старой дороги думы короля перенеслись собственноручно к местности, по которой эта дорога пролежала, покидая Киммерию. Скала Крома не была единственной

достопримечательностью Киммерии, как полагали многие.

Каждый холм, каждое урочище, да что там, чуть ли не каждый приметный камень-валун были неоднократно упомянуты в легендах, сказках и преданиях северного народа, при этом у каждого клана существовали свои предания, не похожие на соседские. Другое дело, что за пределами Киммерии никто ими не интересовался, считая киммерийцев полулюдьми, неотесанными варварами, которые и двух слов связать не могут, все больше рычат по-звериному. Впрочем, и сами киммерийцы далеко не каждому доверили бы свои клановые сказания: всякий чужак был для них врагом, а возможно, и колдуном.

Там, где на полуденном восходе Киммерии дорога поднималась на холмистые горные луга, летом пасли овец и коз, а зимой никто не жил. Сказания всех окрестных кланов о тех местах отличались совсем незначительным, лишь в мелочах. Холмы предгорий пользовались у киммерийцев дурной славой, а особенно неприятной считалась встающая за холмами крутыми скальными уступами гора Седая, названная так за особый, светло-серый цвет ее камня и вечные туманы, которые окутывали вершину и, словно складки гигантского одеяния, лежали на зубцах и карнизах. Под горой якобы был пробит ход, ведущий на южную сторону хребта, к болотистым лесам полуночного восхода Аквилонии.

По преданиям, тот, кому посчастливилось пройти этим ходом, на всю оставшуюся жизнь становился недоступен и неуязвим для козней и происков многих черных колдунов и демонов, за исключением разве самих Темных Богов. Тот же, кто поднимется на вершину Седой, непременно станет обладателем некоего волшебного оружия (или волшебного помощника, неумолимого и почти неодолимого).

Доселе, правда, лишь одному храброму и могучему воину удалось совершить оба эти деяния, но было это

столь давно, что легенды не могли назвать ни его имени, ни когда сие произошло. Наверно, только Кром ведал о подробностях случившегося в древности, но суровый северный бог не спешил делиться откровениями со своими детьми.

Однако киммерийцы и сами не жаждали повторять подвиги неизвестного смельчака: на Седой и ближайших ее окрестностях лежал запрет посещения, табу. Гора не была священной — она была страшной. Тот, кто по неосторожности или от излишней храбрости и бравады забредал в проклятое место, исчезал и живым более не появлялся. Изредка находили только скелет несчастного, да и то спустя зиму. Не могло быть сомнения, что гора скрывает под собой тайну.

За годы странствий Конану не однажды довелось столкнуться с тем, что называется магией. И не раз видимость волшебства на деле оборачивалась жульничеством, и суждение мещанского большинства, суеверного и безбожного, о том, что всякая магия суть обман наивности, подтверждалось. Много хуже приходилось, когда магия была настоящей. Конечно, в огромной Хайбории существовала и белая магия, но действие ее было как-то не очень заметно, как действия оруженосца при доблестном рыцаре или вестового при огромной армии: все происходило так, как будто по-другому и быть не могло. Черная же магия всегда оказывалась на виду, несмотря на скрытность, с какой осуществляли ее служители свои замыслы, и недоступность мест, где они гнездились.

Пофилософствовать о причинах такого положения вещей мог бы Мораддин. У Конана, едва принимался он думать о чем-то отвлеченном, немедленно проходила всякая охота думать вообще. По опыту же он твердо знал одно: черная магия не могла обойтись без какой-нибудь пакости, и ему, ныне королю Аквилонии, было суждено вляпываться в эти самые пакости там, где другой нормальный человек прошел бы и ровным счетом ничего не обнаружил. В этом, видимо, и состоя-

ло отличие киммерийца от всех прочих, ибо он не только умел выбраться оттуда, куда имел счастье вляпаться, но проделывал это даже с некоторой — иногда и немалой — выгодой для себя.

Солнечный луч дополз до угла комнаты и располовинил ее по диагонали, но был он уже не желтым, а красноватым. Король, погрузившись в воспоминания, не заметил, как золотой день превратился в медный вечер. Воплощение Митры было близко к погружению в воды Западного океана, чтобы, омывшись в них, завтра возникнуть из далеких зеленых волн восточнее страны Паган и вновь одарить землю светом жизни и правды.

Конан не знал и не пытался дознаться, зачем привиделся ему далекая северная родина, гора Седая, чащи полуночного восхода и лишь однажды виденная издалека многовековая твердыня Фрогхамока. Конан чувствовал одно: скуки пропал и след. Он знал, чего хочет.

Негромкий стук в дверь окончательно вернул короля к реальности. Тяжелая дверь была изготовлена из нескольких слоев дуба таким образом, что доски ложились крест-накрест. Разбить за короткое время такую дверь не смог бы и сам король, даже вооруженный топором. Хотя как знать? Можно и попробовать!

Во дворце короля окружали избранные верные люди, да и сам Конан не без оснований считал себя небеззащитным перед лицом любой опасности, однако правая рука сама собой быстро отыскала рукоять любимого меча. Довольно ухмыльнувшись, король оставил меч лежать там, где тот и лежал. Потянув носом воздух и прислушавшись, ловя малейший шорох (только вспомни о магии, она тут же явит себя), Конан определил, что магия пока тут ни при чем.

«Сколь же я осторожен и недоверчив, Кром меня побери! — подумал монарх. — До того как я стал королем, во мне было куда больше безрассудства. Старею!» — сделал вывод Конан и сказал громко и резко:

— Хорса, это ты, бездельник? Входи, здесь не заперто. Если сможешь отворить, конечно!

Надо сказать, что мощная дверь прилегала к раме весьма плотно и, даже чтобы просто открыть ее, требовалось немалое усилие. Впрочем, небольшому Хорсе — рост слуги составлял едва три локтя с четвертью — это удавалось без напряжения.

— Что скажешь, Хорса? — обратился король к вошедшему, усаживаясь на прочную липовую скамью, отчего та со значением скрипнула: хорошо сработанное сиденье уважало весомую и здоровую плоть.

Молодой белобрысый коротко стриженный гандер, прежде чем ответить, успел мгновенно обозреть комнату и тут же сообразить, как изволил проводить время монарх.

От быстрого внимательного взгляда не ускользнули ни скомканные и перевернутые шкуры и пледы на ложе, ни нетронутые еда и вино, ни искорка огня, вновь засветившаяся в синих глазах Конана.

Хорса обладал множеством достоинств, что и сделало его одним из тех, кому было позволено входить к королю без доклада. Гандер мог бы стать хорошим воином, но немалая сила и умение ловко обращаться с коротким мечом и кинжалом были куда как менее важны по сравнению с его наблюдательностью, искусством оказаться в нужном месте в нужное время, обставить любое дело так, чтобы в нем участвовали только необходимые действующие лица, умением слушать и слышать и прекрасной, необычной для молодости способностью разбираться в людях. Даже в бесстрастных очах короля Хорса умел увидеть больше, чем, скажем, Троцero.

И тем не менее всего этого было бы мало, если бы не главное: Хорса боготворил нового короля, почитая его не как царедворца, но как вождя. И Конан мог полагаться на гандера, как на преданного и почти неуязвимого пса: под одеждой слуги Хорса всегда носил тонкую и длинную кольчугу.

— День был не беспокойным, кениг, — отвечал Хорса с легким поклоном, преисполненным северного гандерского достоинства. — Вечер же принес вести.

Хорса умолк.

— Говори быстрее, Сет тебя заведи! — Мощный бас Конана потряс стены комнаты, и король зевнул во весь рот, потягиваясь.

— Я вижу, ты что-то задумал, кениг, и я готов слушать твои приказания, — не то возразил, не то просто так сказал Хорса. — Стоит ли задерживаться на незначительном?

— Мало ли что может прийти в голову правителю! — засмеялся Конан. — Я король и должен знать обо всем, что происходит в Аквилонии, пусть это будет никому не нужный полуночный восход за твоим Гандерландом. К тому же вряд ли ты явился бы с незначительным известием. Уж если у Хорсы есть слово, его стоит выслушать, и я слушаю тебя.

— Ты не слишком сильно промахнулся, кениг, — продолжил Хорса.

В устах северянина «не слишком сильно промахнулся» означало не меньше, чем «был удивительно проникателен». Конан уже успел привыкнуть к исконной гандерской манере разговаривать, так же как и к обращению на «ты» и слову «кениг» вместо привычного «король». Но Хорса всякий раз показывал новые образцы сдержанной и отшлифованной веками особой гандерской велеречивости, и это нравилось Конану: такая суровая похвала радовала, как полновесная монета, а не исчезала в никуда, как таяли в воздухе пышные словесные кружева южан.

— Речь и вправду идет о полуночном восходе, и я могу поведать тебе немного примечательного. Незадолго до этого прибыл от Мабидана гонец и принес такие вести: Септимий, один из хранителей Палат Древности, молодой сын наместника Темры, и Юний Беотик, занимающий при королевском Хранилище рукописей должность главы анналов права, трое суток назад отправи-

лись в леса предгорий охотиться на вепря и до сих пор не вернулись.

— Само по себе ничем не примечательно. — Конан был несколько разочарован. — Я мало знаю обоих. Обычные тарантийские хвастуны, не помнящие, каким концом стрела прилагает к тетиве. Поплутают еще три дня и объявятся. Старый Мабидан мог бы и не гнать ради этого человека через полстраны. Что еще?

— Это все, — ответил Хорса. — Но еще следует сказать немного о том же. Верить ли ты, кениг, что порождения тьмы способны обретать зримый облик и являться, оставляя следы, несхожие со следами иных тварей?

Тут король насторожился. Интуиция и на сей раз не подвела его: недаром подумал он сегодня о полуночном восходе!

— Верю ли? Да я сам встречался с ними так близко, как вижу сейчас тебя! Нергал их пожри, неужто снова какому-то колдунушке не удастся в своей замке? Кто на сей раз? Тсота-Ланти, Тот-Амон, пикты или кто еще?

— Нет, кениг. Не хотел бы я оказаться правым, но видится мне, что зло в Аквилонии приумножилось. На горном пастбище, где в последний раз пастухи видели Юния и Септимия, найден след. Около двух локтей в длину.

— Чей след? — Король начал догадываться, что сейчас скажет Хорса.

— Ты вновь догадался, кениг, — последовал ответ. — Это след дракона.

Закат в последний раз прорвал легкую облачную дымку и пронизал пыль, клубящуюся над шумной столицей. Разноцветные лучи радужными клинками ударили в бурые стены, и среди них последним необычайно и завораживающе, как будто являя собой знак о небесполезности надежды, мелькнул для короля редкий зеленый луч. От внимания Хорсы не ускользнуло и это.

— Добрый знак, кениг! Тебе вновь сопутствует удача.

Гандер опять поклонился, все так же сдержанно и бесстрастно, но Конан понял: отныне, если и были у Хорсы какие-либо сомнения в священности Конановождя, то теперь они исчезли навсегда. Гандеры всегда считали, что доблестный кениг отмечен небесами, а зеленый луч одним мигом своего существования сделал короля полубогом.

— Хорса, кто еще, кроме нас, знает о прибытии гонца? И кто еще знает о том, какие вести он принес? — осведомился Конан, когда волшебный луч погас и комната стала заполняться свежим сумраком близкой ночи. Закат в Тарантии был короток, не то что на севере.

Едва заметная усмешка тронула бледные губы гандера.

— О гонце не знает никто, кроме стражников у ворот дворца, где принимают королевских вестников. Суть послания известна только тебе, кениг, мне и послу.

— Он уже наверняка растрепал обо всем какой-нибудь смазливой кухарке, — резонно предположил король.

— Я так не думаю, — возразил Хорса. — Вино, которое я дал гонцу для подкрепления сил, поможет ему спокойно отдыхать сутки, и только колдуну будет по силам заставить его заговорить. После же...

— Пусть живет, — махнул рукой Конан. — Мы будем готовы раньше, а его возьмем с собой.

Хорса вопросительно взглянул на своего повелителя.

— Я еду на север, во Фрогхамок. — Король встал со скамьи. Его могучая, скульптурно безукоризненная фигура, казалось, сейчас засветится от наполнившей ее новой силы и жажды действия. — Никто не должен знать, где я. Наоборот, пусть думают, что я в столице. Пьянствую, балуюсь в серале, развлекаюсь предсказаниями — все, что угодно, лишь бы эти жирные тарантийские индюки думали, что их новая потеха, король-варвар, неотлучно рядом. — Конан хрипло хохотнул. — Я

подохну без дела в этом каменном мешке со скуки скорее, чем от отравленного стилета или фокуса какого-нибудь полоумного мага! С собой я возьму тебя и еще тех, кого позже назову сам. Ну а гонец, я думаю, проснется уже в пути, — осклабился король. — А теперь, Хорса, — Конан уселся на скамью, — расскажи мне остальное, да не слишком тяни: у нас мало времени.

Хорса обладал великолепной памятью. У гандеров не было в обычае вести записи о событиях фамильной истории. Знаками записывались только религиозные гимны, а потому каждый уважающий себя гандерский рыцарь — да что там рыцарь, каждый землепашец и пастух! — должен был помнить наизусть все длиннущее и ветвистое родословное древо и список всех великих и малых деяний своих славных предков. Горцы полуночного восхода, впрочем, отличались тем же, так что королевский поверенный и гонец от Мабидана быстро нашли общий язык, чему, правда, немало поспособствовало старинное вино Хорсы.

Вскоре король услышал краткое изложение легенды о подгорных нелюдях, пещерном убежище последователей Илу Всеединого и черном драконе. В отличие от просвещенного Юния король-варвар отнесся к рассказу гораздо серьезнее и слушал куда внимательнее. Конану, впрочем, не мешал ни туманный флер романтизма, ни предубеждение, вызванное досужими рассказами о чудищах, колдунах, воинах-монахах из Кхитая и факирах из Вендии. Все это он видел собственными глазами и, если можно так выразиться, трогал собственными руками, а уж тяжесть толщ горной породы над головой и ожидание смертельного удара из непроглядной тьмы подземелья, безжалостные путы заклинания и кружение полупрозрачных призрачных силуэтов врезались в его память столь же заметно, как рубцы ран легли на загорелую кожу. С драконами король «повезло» чуть меньше, хотя и без них не обошлось.

Король слушал Хорсу и тут же прикидывал, что он может заработать в этом путешествии, кроме свежей

радости пережить новое приключение, и во что может обойтись затея в случае неудачи. Умирать, едва став королем, Конану вовсе не хотелось. Ныне его персона ценилась несколько дороже, нежели персона двадцатилетнего наемника. Во всяком случае, Страбонус или Ездигерд дали бы намного больше.

«Итак, — рассуждал Конан, — что мы имеем? Четыре отпечатка драконьей лапы и два десятка исчезнувших овец. К этому надо добавить двух столичных снобов, заплутавших по дурости в горах, и трех сопровождающих. О косоглазых демонах, живущих под холмами, не было сказано ни слова. Возможно, они и передохли в своих каменных мешках за шестьсот лет, придушенные своим же Великим Каноном. Впрочем, вполне вероятно, что он и сам давно приказал долго жить, ибо вряд ли его поклонники могут отыскать достаточное количество жертв, чтобы этот Нергалов дружок сохранял приятную упитанность».

Но легенды киммерийской юности мало походили на забавные страшилки для малышей: Седая и впрямь скрывала тайну, а ночью в холмы отправлялось не меньше десятка крепких, хорошо вооруженных мужчин, и то если возникала крайняя необходимость. К тому же аквилонские пастухи с другой стороны гор не очень спешили освоить для жительства холмистые пажити предгорий и тем более не рвались прогуляться по пещерам.

Что до потомков каких-то могучих племен древности, то в их реальном существовании Конан очень сомневался. Ему встречались мертвые города забытых народов, однако в руинах ничего не находилось, кроме какой-нибудь скверной замогильной нежити, которую успел прибрать к рукам очередной черный колдун или целая гильдия таковых.

Дело было в драконе. Король твердо знал одну непреложную истину: где есть дракон, там непременно есть то, что этот дракон охраняет. А охранять что-нибудь неинтересное или малоценное ни один даже

самый захудалый ящер не станет. То есть тут, скорее всего, пахнет не чем-нибудь, а золотом, при этом в изрядных количествах, а то и еще чем-то стоящим в довесок — может, реликвией вроде горшка джавидов. Конан в очередной раз удивился, как это к месту помянул он сегодня Мораддина: вот уж кто пригодился бы в подземных поисках! Увы, найти достойного потомка достойного Гроина за одни сутки вряд ли сумел бы даже сам Митра.

План ближайших действий был уже готов, когда Хорса, снова сбившийся на гандерскую манеру изъясняться, заканчивал рассказ о том, где, кто и при каких обстоятельствах последний раз видел пропавший охотничий отряд и как тем же утром, когда белый туман уполз в свои дневные убежища, в распадке у ручья нашли два драконьих следа, а третий и четвертый — близ вершины соседнего холма, у расселины в камнях. Последняя подробность несколько насторожила Конана: судя по легендам, именно в таких местах были входы в обиталища желтолицых, словно кхитайцы, паков.

Значило ли это, что черный дракон каким-то образом все же был связан с подгорной нечистью, или же ни о чем не говорило — неизвестно, но это следовало учесть. Подумав о нечисти, Конан тут же осекся. Джавидов он тоже поначалу считал нечистью и мерзким отродьем Нергала, а что оказалось на деле? Потропиться стоило, но спешить — никогда.

— Все понятно, Хорса. Ты, как всегда, сделал все отлично, а потому отправись со мной. Я бывал в подземельях и не сомневаюсь: твоя внимательность пригодится там больше, чем здесь. Публий сейчас крепко держит Тарантию, и я не вижу причины, отчего бы мне не прогуляться на неделю-две к старому верному Мабидану. Он был на моей стороне во всех передрыгах, вот и повод изъяснить ему свое благоволение. Как тебе новая королевская блажь? Я ценю твое слово, хотя от своего не отступлюсь.

— Ты не труслив, кениг. И меч твой — не худший клинок королевства, — почтительно ответил гандер. — Удача любит тебя, и Митра сегодня послал знамение — зеленый луч. Долг воина следовать за кенигом, пусть даже тот не очень умен и не слишком щедр. Ты же — воин, и ты помнишь о своих воинах.

В сказаниях нашей страны говорится о кладе великого черного змея, властелина высот и глубин. Некогда змей повелевал страной гандеров, пока те не сделались сильны и непобедимы. Тогда змей ушел в свои небесные и подземные владения, а для гандеров оставил тайный клад. Только величайшему кенигу откроется завещание великого змея. Ты — великий кениг, и, может быть, предание говорит о тебе. Я последую за тобой.

— Я знал, что ты ответишь так. — Король возложил железную руку на плечо Хорсы.

Молодой гандер чем-то напомнил королю Бальфуса, убитого пиктами близ Черной реки. На миг ему стало жаль Хорсу: молодой человек мог запросто погибнуть ради прихоти короля. Но Конан знал, что гандер, давший слово, на попятный не пойдет, чего, впрочем, никогда не делал и сам киммериец. Они оба были упрямы, и, значит, так определили боги. Хорса был прав.

В комнате стало совсем темно, только белая рубаха Хорсы проступала невнятным пятном. В окно заглядывали крупные южные звезды.

— Дело решено, Хорса, — заключил король. — Позови сюда сотника Умберто. И распорядись, чтобы принесли побольше свечей. Не спускай глаз с гонца, и пусть приготовят все нужное для похода. С Публием и еще кое с кем я побеседую сам, когда закончу с сотником. Теперь ступай. Готовься: до Фрогхамока у нас не будет ни одной ночи для хорошего сна.

Хорса поклонился и уже было вышел за дверь, как вдруг Конана осенило.

— Постой, еще одно. — Король скрестил на груди руки. — Во-первых, пусть мудрецы в своих Палатах

Древности почешут лбы, хоть час и поздний, и отыщут мне такого, чтобы знал все сказки про полуночный восход не хуже Аммия III Мабидана, а заодно хоть что-нибудь смыслил в тех местах, полных холмах и во всем прочем, о чем наговорил гонец. Да поскорее. Если поднимут с ложа — ничего страшного. Я умею быть благодарным.

— Что во-вторых, кениг? — спросил Хорса, нимало, казалось, не удивленный внезапно вспыхнувшим интересом короля к наукам.

— Во-вторых, пускай виночерпий хоть из-под земли добудет настоящего ячменного пива. Такого, как делают в Нордхейме, и чтоб холодного. Теперь действительно все. Иди, Хорса.

Гандер в очередной раз с достоинством поклонился и наконец вышел. Пока найдут Умберто, пока проснетесь толстый виночерпий, пока мудрые старцы перестанут чихать от пыли, поднятой от их пергаментов и папирусов, и сообразят, чего хочет король, минет четверть ночи.

Самому Конану не было нужды собираться. Все необходимое находилось рядом, в этой комнате: пледы, шкуры, вода во фляге, хлеб и меч. Срываться в путь в любой час и в любом состоянии Конан научился давно. Можно было даже вздремнуть, чем король и занялся. Просыпался он от малейшего шума или же ровно тогда, когда сам того хотел, словно внутри у него были часы.

Миг окончательного пробуждения настал несколько раньше ожидаемого, но Конану и того было довольно. В серебряной чаше он сам смешал вино и ледяную родниковую воду и выпил все мелкими глотками. Сонливость улетучилась мгновенно. В комнату вошли слуги, которые принесли пиво, свежую пищу и свечи.

Самостоятельно открыть дверь им оказалось не по силам, пришлось звать на помощь сотника Умберто. Молодцеватый черноволосый бородач лет сорока, прожаренный солнцем южных стран, сильный и выносли-

вый, несмотря на худощавость, и прекрасный фехтовальщик был уже здесь со своей неизменной рапирой, подтянутый, бодрый, улыбчивый, одетый, как всегда, безукоризненно и не без франтоватости. К счастью, сегодня был его караул, иначе разыскать сотника среди ночи было бы очень непросто.

Киммериец быстро заметил слабость бравого вояки к красивой одежде, обзавестись которой ему не позволяло низкое жалованье, положенное прежним королем. Конан повысил содержание офицерам, но не слишком, зато повелел указом каждому портному раз в полгода обслуживать одного офицера бесплатно, а торговцев тканями обложил дополнительным, но не слишком обременительным налогом — на обмундирование армии. С той поры сотник блистал в столичном свете и был счастлив принести присягу королю и соблюдать ее, как того требовал долг чести.

Умберто успел послужить нескольким хайборийским дворам, а потому знал пять языков, умел ловко интриговать и был непревзойденным мастером обольщения. Из-за женщин и случались все его неудачи в карьере, все до единой. Из прочих неурядиц сотник выворачивался с проворством ужа. А еще Умберто любил разные удивительные приключения и мечтал, что однажды ему повезет и он обнаружит клад, после чего сможет испытать приключения не только те, которые случайно подвернутся за ближайшим углом в трактире, но и те, которые стоят денег, притом больших.

Сотник Умберто никогда не бывал на севере дальше Гандерланда, а потому от него было бы трудно добиться толка, обсуждая маршрут похода. Требовалось дожидаться мудреца, коего искали и вроде бы уже нашли, но вот доставить немедленно во дворец не могли: летом он жил за городом в своей усадьбе, куда и послали колесницу.

Зато, будучи человеком душевным и компанейским, сотник знал всех в дворцовой охране и еще многих из стоявших в столице полков. С некоторыми он бывал в переделках и мог оказать неоценимую помощь, подо-

брав еще двух-трех участников для маленького отряда. Конан вполне мог похвастать тем же, но вот среди столичного офицерства доверительных отношений у наемника с севера, героя границы, ни с кем не сложилось, а Пуантен и Боссония были слишком далеко. Посему и понадобились услуги Умберто. Сам сотник, разумеется, должен был сопровождать короля.

Умберто призадумался, пощипывая бородку, в то время как аристократически тонкие и белые пальцы другой руки изящно держали здоровенную глиняную кружку, до краев наполненную пенистым норджеймским пивом.

— Имена двоих я назову сразу и не задумываясь, о король. Если же говорить о третьем, то я, право, в замешательстве.

— Тогда о третьем потом. Не назовешь ты — спрошу у Хорсы или вовсе никого не возьму. Кто скажет, что мы слишком малы числом, пускай идет к Нергалу. Мне нужен отряд, а не армия, — рассуждал Конан. — Кто эти двое?

— Ваше Величество, — церемонно начал Умберто, — первый — центурион тяжелой пехоты, Арминий, родом из Боссонии. Человек он простоватый и грубый, но исключительно надежный. В бою стоек, как скала. Однажды его центурия прикрывала отход в одном из тяжких боев с пиктами. О, это надо было видеть! — Умберто выразительно закатил красивые черные глаза. — Пикты шли на строй аквилонцев, как волны на скалистый берег, и — я не случайно уподобил Арминия скале — так же, как волны, разбивались и откатывались назад, устилая поле телами павших. А во главе обороны был Арминий, весь в крови — в крови врагов. Надо сказать, такой отборной ругани я не слышал ни до этого, ни после, но как она звучала! Это была музыка! И тем не менее, — мечтательность на лице сотника сменилась серьезным выражением, — казалось, что от каждого слова на землю падает мертвым еще один пикт.

Центурия тогда потеряла восемьдесят два человека, сам центурион был ранен в плечо и дважды в бедро, но за это время аквилонцы успели перестроить ряды, и пикты были отброшены и рассеяны. И какова же была награда герою? Арминия не упомянули даже в приветственной грамоте Нумедидеса победителям. Нынешняя реформа армии, проведенная Вашим Величеством, облегчила жизнь Арминию, он видел короля в бою и считает, что лучшего короля и желать нельзя. Это верный человек. Его следует взять с собой.

— Хорошо,— одобрил Конан.— Я помню его. Он будет с нами. Кто второй?

— О, тоже достойнейший человек! Тактичный, вежливый, исполнительный, искусный воин, но...— Умберто выдержал эффектную паузу, со всей возможной элегантностью отхлебнул пива и щелкнул пальцами, перестав теребить бородку.— Но есть одна тонкость, Ваше Величество: он, с вашего позволения, кхитаец.

— Кхитаец? — Тут даже выдавший виды Конан удивился и призадумался. Кхитайцы действительно были лихими бойцами, если посвящали себя пути воина, но с выходцами из этой страны у Конана были связаны не самые приятные воспоминания.— С каких это пор, Умберто, ты пьешь с кхитайцами? Где ты его откопал? — поинтересовался, нахмурясь, король.

— Дело в том...— Красноречивый и говорливый Умберто замешкался.— Дело в том, Ваше Величество, что он вовсе не пьет вина.

— И от пива бы отказался? — уже совсем мрачно проговорил Конан.

— Полагаю, да,— растерянно кивнул сотник.

— А от воды? — серьезно спросил король, и только сейчас Умберто заметил полуулыбку, едва намеченную слегка приподнятыми углами рта киммерийца.

— Да, мой король,— уверенно ответил Умберто, справившийся с недоумением.— Если будет необходимо, этот человек продержится без воды столько, сколько держится верблюжья колючка, если не больше.

— Неплохо,— одобрил король.— Также неплохо, если это окажется хоть на четверть правдой. То, что он не пьет, это единственный его недостаток вдобавок к тому, что он кхитаец?

Умберто в ответ принял вид горделивый и достойный, и смуглое лицо его стало серьезным и даже полбеднело.

— Король Конан, жизнь моя в твоих руках, ибо ты сделал для меня столько, что любая кара не покажется мне слишком суровой или несправедливой.

— Да перестань же ты! — рявкнул Конан.— Вертишь вокруг да около, как жирный туранский евнух. Выкладывай, что с этим кхитайцем, и учти: я возьму с собой хоть бараханского пирата или стигийца, если сочту их достаточно надежными. Говори,— добавил король мягче.

— Ваше Величество, тогда, хоть это и непозволительно, я прошу не торопиться его казнить, если сообщенное мною заставит тебя сделать такой шаг.

— Я тебя не узнаю! — расхохотался Конан.— Сколько ты продырявил на дуэли и даже не вздохнул по усопшим, а тут хлопчешь за никому не известного кхитайца! Сколько женщин ты обманул и не вспомнил о них при всей твоей манерности! А здесь, смешно сказать, кхитаец! Мне даже, в конце концов, интересно, кто он такой! Говори, я обещаю тебе не трогать его хотя бы до возвращения с севера: за это время, если он действительно сообразителен, успеет смыться даже в свой Кхитай, если сильно захочет.

— Благодарю тебя, о король.— Умберто встал и церемонно поклонился, затем сел и приступил наконец к рассказу.— Ваше Величество, вероятно, неоднократно видели сего кхитайца. Его зовут Тэн И, он служит на кухне помощником главного повара по восточным блюдам. Но секрет не в этом. Тэн И — великолепный повар, что и послужило поводом для моего с ним знакомства, но на самом деле он шпион царя Западного Кхитая, Шу из Кусана.

— Шпион Кхитай при аквилонском дворе?! — не поверил своим ушам Конан. — Я всегда знал, что Шу весьма предусмотрителен, но чтобы его планы зашли столь далеко... Разобрался бы поначалу с Гирканией!

— Для этого здесь и находится Тэн И, — подхватил Умберто. — Помыслы Шу касаются Тарантии только тогда, когда речь идет о Гиркании или Туране. Аквилония — могучее королевство, и Восток обязан считаться с ним, а значит, Шу интересуется, как ведется аквилонская политика в Гиркании и особенно в Туране. И тем более теперь, когда на троне в Тарантии человек, известный и Ездигерду, и уши-кагану.

— Вот тебе и новости! А с утра Публий уверял меня, что все в полном порядке! Однако, во имя Крома, это презабавно! Аквилонский монарх и шпион-кхитаец вместе отправляются на дальнюю прогулку в тесной компании! Ты уверен, что как-нибудь невзначай на привале или на переходе мне в шею не воткнется отравленный стилет или метательная звездочка? Кхитайцы большие мастера в этом деле! И как только Хорса не приметил этого прохожу! А сам-то ты откуда узнал, что Тэн И шпион? Он сам тебе натрепал, или ты на досуге выучил кхитайский?

— У всех мужчин, если они мужчины, есть одна и та же слабость, используя которую можно узнать очень много, — не смущаясь, ответил сотник. — Один любит власть, другой — оружие и драку, третий — тонкие вина, четвертый — лошадей, но женщин любят все!

— Так ты был сводником у повара Тэн И? Ты, сотник гвардии и дворянин? — В глазах у короля от смеха появились слезы. — Умберто, ты неподражаем! И это ради кхитайских приправ и подливок?

Сотник картинно развел руки.

— Вкусно поесть я тоже не прочь, а настоящая восточная кухня здесь, увы, не дешева. Я оказал ему помощь не как повару, но как рыцарь рыцарю. Тэн И был мне очень благодарен. Однажды ночью нам пришлось схватиться с охраной одного из вельможных

особняков. Если бы не Тэн И, то сейчас я в лучшем случае сидел бы за решеткой в квестуре за многочисленные умышленные убийства, а в худшем — меня нашли бы в сточной канаве с проломленным черепом. Он до того ловко обездвижил пятерых здоровенных детин — я подозреваю, что как раз им самое место за решеткой, — что мне оставалось только уложить шестого и упереть руки в бока. При этом ни один не был убит, мне даже не пришлось воспользоваться рапирой. Когда я спросил Тэн И, где он научился так ловко владеть боевым искусством, он страшно смутился, а потом, взяв с меня слово, что я буду молчать, поведал, что он уже пять лет как шпион при дворе, еще со времен Нумедидеса, и потому кое-что умеет.

— А сам ты не пробовал состязаться с ним? — В голосе короля послышались азартные интонации.

— Вот именно что пробовал, — сокрушенно признался Умберто.

— И как? — не отставал Конан.

— Весьма прискорбно, — ответил сотник. — Моя рапира пронзает воздух, кулак проваливается в никуда, сапог пинает пустоту, а через мгновение я оказываюсь лежащим на земле, которая словно уезжает из-под меня, а мне смертельно не хочется подниматься и тянет в сон.

Конан хмыкнул.

— Умберто, ты, сам не зная ничего о Кхитае, наравлся на действительно великого воина. Это одна из самых высоких ступеней мастерства, если не самая высокая. Впрочем, Мораддин, пожалуй, совладал бы и с таким... — Последнюю фразу Конан пробормотал под нос. — Видишь ли, — продолжил он уже вслух, — такого мастера укрывает сама природа: воздух, растения, земля. Для городского солдата он почти неуязвим. Только те, кто привык воевать в лесах, в горах вроде горцев или пиктов, могут соперничать с ним. Ладно, это хорошая рекомендация. Я только одного боюсь: кхитайцы вежливы и угодливы, но насквозь лживы. Что скажешь на это?

Пришла очередь ухмыляться сотнику. Он и это проделал с омерзительным изяществом.

— Как вы думаете, Ваше Величество, почему Тэн И сказал мне правду, а не солгал? Ведь при моем знании, — Умберто выделил голосом последнее слово, — при моем знании Кхитая, как я разумею, обмануть меня было проще простого, однако он сказал правду.

— Не знаю, — пожал могучими плечами Конан. — Он вполне мог сказать, что был послушником в одном из монастырей, откуда ушел или был изгнан, и теперь вынужден скрываться столь далеко на западе, занимаясь совершенно посторонним делом, чтобы спрятаться от преследования бывших братьев по вере. Вероятно, сказать правду, если это правда, было ему выгодно.

— Нет! — торжественно заявил Умберто, весь сияя, будто хвастался трудной победой на любовном фронте. — Тэн И действительно посещает храм и тайно исповедует религию и очень опасается преследования бывших братьев по вере. Вы угадали, Ваше Величество, за исключением одной малости: Тэн И тайно поклоняется Митре!

— Кром, Имир и Эрлик! — воскликнул Конан. — Если эти кхитайцы не окончательно заврались, то у меня нет причин не доверять! Этот человек пойдет с нами. Сколько бы ни платил ему Шу, я дам на одну вторую этой суммы больше! Думаю, Митра не станет сильно возражать. А Хорсу я еще обрадую: шпион стряпает для короля! Виданное ли дело! Иди, Умберто, поднимай Арминия и Тэн И. До рассвета они будут готовы?

— О да, Ваше Величество, а как же третий? — обернулся в дверях сотник.

— К Нергалу! — отрезал король. — Мне хватит этих двоих, тебя и Хорсы, и я очень не завидую тому, кто заступит нам дорогу, пусть это будет самый вонючий стигийский маг.

— Будет исполнено! — Умберто поклонился и вышел.

Едва успел король доест хлеб и сыр и приговорить начатую за интереснейшей беседой с Умберто огромную кружку пива — сотник, несмотря на манерность, успел выхлебать свою до дна, — как раздался условный стук в дверь, и вслед за ним в комнате появился Хорса.

— Кениг, — доложил он, — за центурионом тяжелой пехоты Арминием и помощником повара Тэн И послали. Хочу предупредить тебя: Тэн И — кхитайский шпион, опасайся его.

— Благодарю, Хорса, только что предупредили. Скажи, Хорса, весь дворец, кроме меня, знает, что Тэн И — шпион кхитайского царя Шу и тайный митраист?

Лицо Хорсы осталось спокойным, но промелькнувшее в глазах гандера удивление не укрылось от пронизательного взгляда короля.

— О том, что Тэн И — шпион, я узнал недавно из перехваченной депеши, переведенной нашими учеными. С тех пор все приготовленные им блюда проверяются с удвоенным вниманием. Я выжидал и до времени не трогал его: он опасен, но может оказаться очень полезным. Но о том, что он поклоняется Митре, я слышу впервые, о кениг. Боги опять обострили твой взор!

— Не мой взор они обострили, а язык сотника Умберто, притом безмерно, — буркнул король, пододвигая Хорсе чашу с водой и вином. — Выпей, это взбодрит тебя. Доставили ученого из предместья?

— Он в пути, — был ответ.

— В таком случае Публия ко мне. История о том, чем занимается король и почему меня не видно во дворце, готова?

— Да, кениг. Их Величество король Аквилонии, Гандерланда и Пуантена Конан I изволят отдыхать после великих, славных и победных трудов, не заниматься никакими делами, полностью доверять королевскому совету и канцлеру Публию в делах светских и не изволят видеть никого, кроме последнего. Их Величество пребывают в столице, посему военное командование остается в его... В их руках, — на одном дыхании вы-

палил гандер.— На всякий случай послали гонца к Просперо,— добавил он.

— Правильно,— одобрил Конан.— Если все идет как надо, можешь немного отдохнуть. Сейчас пусть пожелует Публий, потом я дожидаюсь ученого, и мы отправляемся.

Хорса еще раз поклонился и выпел. Чаша с вином, предложенная королем, осталась нетронутой.

Некоторое время спустя явился Публий, заспанный и встрепанный, не отошедший еще от утреннего разноса. От короля он вышел румяный, бодрый, на лице сияла улыбка, растянувшая рот до ушей. На совести канцлера за долгую карьеру царедворца лежало много авантур, но чтобы такая!

От утреннего огорчения не осталось и следа: он, Публий, пусть на две недели, оставался первым лицом государства. Он будет управлять самой грозной и прекрасной хайборийской державой, жемчужиной хайборийского мира — Аквилонией! Жаль, мало кто узнает об этом, но какая честь! Какое доверие! Нет, Публий не подведет короля!

Но каков король! Разумеется, сумасброд, но ведь он рискует своей жизнью в бою с какими-то пакостными тварями, отродьями Сета, для того чтобы пополнить казну державы! Да когда такое было видано?! Прежний правитель только разорял королевство, нынешний — создает, пусть он и варвар!

Меж тем над Тарантией черным покрывалом нависла ночь. Час рассвета наступит еще не скоро, а уже все было готово. Король ожидал только мудреца. Тот был нужен Конану, и киммериец ждал. Лет двадцать назад он бы сунулся в самое пекло и нашел бы все, что нужно, сам. Слиток золота вытащил бы из костра голыми руками. Годы научили его иной мудрости, кроме мудрости храбреца. По незнанию можно поднять горсть золотых монет и не заметить стоящей рядом золотой колонны. И еще: нельзя касаться руками вещей, которых не понимаешь. Предприятие виделось таким, что

обоих этих правил нужно было придерживаться как можно старательнее.

Возможно, ученый наплетет смехотворной чепухи. Возможно, это будет обычный лысый и длиннородый тщедушный книжный червяк, не бывавший нигде дальше своей усадьбы в предместье, питавшийся трактирными рассказами купцов и наемников. А если нет? Тот же Септимий, коего Конан в запальчивости обозвал тарантийским хвастуном, бывал в отдаленнейших землях и якобы добрался даже до Вендии и Кхитая. Что ж, возможно, придется вытаскивать Мабида-младшего из какой-нибудь неприятности. Это Конану было не впервой.

«А что, если Септимий с дружкой Юнием подались туда же, куда собрался я? — осенило короля.— Вот будет забавно, когда мы встретимся где-нибудь ночью в холмах! Не перерезать бы друг друга. Впрочем, зарезать Конана не удалось пока никому, хотя желающих находилось предостаточно».

Мысль понравилась королю, но он тут же забыл о ней, вспомнив белую женщину из легенды. Что это вдруг пуантенец после встречи с ней подался в священники? Не иначе, тронулся умом и всю жизнь искал и ждал духа в белом. Взглянуть бы, так ли уж она хороша?

Король откинулся на ложе, заложил руки за голову, посмотрел в окно. Взметенная за день пыль улеглась. Башня дворца поднималась на высоту не менее трех полетов стрелы, и воздух ночи чистой струей вливался в покои. Звезды крупными холодными бриллиантами горели в вышине. Снова впереди была дорога, и король Конан, за все сорок два года не читавший ни единой книги, не знавший ни одного стиха, кроме нехитрых заклинаний и срамных солдатских песен, ощутил в груди нечто сладкое и щемящее, оставленное, казалось, еще где-то раньше, чем в детстве, когда мальчик из клана Канахов не мог еще похвалиться ни одной добытой головой убитого врага: его неудержимо, властно тянуло в дорогу.

«Старею», — вздохнул король и тут же понял: нет, это не был голос старости. То был зов далекой северной родины, которую теперь, возможно, осуществив свою мечту, впервые поверенную вслух белому горшку джавидов — стать королем, — он никогда не увидит. Возможно, сейчас боги предоставили ему последнюю возможность сделать это. Он ведь так давно не был там, не видел этих туманных лесов, скальных выходов, озер и водопадов, каменистых Пустошей Великанов. Он понятия не имел, как живет его клан и что там вообще делается в Киммерии.

Кто знает, вдруг какой-нибудь колдовской орден черных магов и впрямь гнездится под Седой и грозит всем новой и ужасной опасностью, дожидаясь лишь определенного неизвестным безумием часа? И ведь тогда не только падут троны Аквилонии, Немедии, Кофа и Турана.

Кром не обидится: Нимеда, Страбонуса и Ездигерда не очень-то жалко, а он, Конан, уже успел побыть королем, и это было неплохо. Но тогда не станет и Киммерии! Нет, с таким не смирится ни один Канах, не зря же, в конце концов, четырнадцати лет от роду Конан сражался у форта Венариум и победил?! Пусть вся Хайбория провалится к Нергалу, но Киммерия должна жить! Боги вразумили короля как никогда вовремя, и кто бы это ни был — Кром или Митра, хвала им! — Конан победит и теперь.

Был самый глухой час ночи — час Быка, когда в дверь опять постучали. «Что еще? — подумал Конан. — Для ученого слишком рано, или он должен был сказать быстрее армейского вестового!»

Вошел Хорса.

— Ученый муж прибыл, о кениг, по твоему повелению, — негромко произнес гандер. — Почтенный Евсевий, главный хранитель путевых карт королевства. Услышав твое повеление, он не пожелал взойти на колесницу, но приказал седлать своего аргмака и сам помчался в столицу. Теперь он здесь.

— Зови его, — кивнул Конан. «Вот и еще одна приятная неожиданность», — улыбнулся своим мыслям король. — И еще вина для него, да получше.

В покой вошел высокий и стройный молодой аквилонец. Густая черная борода несколько оттеняла свежесть молодости, и все же ему нельзя было дать более двадцати восьми. Классический прямой нос, тонкий профиль, высокий лоб, черные как смоль длинные волосы вдавали в нем истинного аристократа, потомка нобилей Второй религиозной реформы, как определил бы знаток.

Конану эти сведения не дали бы ничего. Он кроме принадлежности Евсевия к высшей касте увидел гибкое жилистое и выносливое тело, ловкие длинные пальцы, умевшие держать не только стилос и перо, но и дротик, и кисти рук, приученные к луку и мечу. Аквилонец принес с собой кипарисовый ларец.

— Как тебя зовут? — спросил Конан.

Ученый вежливо и почтительно поклонился, потом ответил глубоким и сильным, как у хорошего певца, голосом:

— Мое имя Евсевий Цимиский, я прибыл по твоей воле, о царственный.

Конан уже привык, что аквилонского короля зовут на разные лады: королем, кенигом, сеньором, а некоторые в столице и царственным, и не удивился.

— В этом ларце подробные карты и описания земель, о коих ты изволил осведомиться. Я готов рассказать обо всем, что тебе будет угодно знать, ибо полуночный восход нашей империи — место, изучению коего я посвятил специальные свои изыскания. Один из далеких моих предков — некто королевский тысяцкий Люций — служил в той местности при царственном Никодиме II. Легенда, где упоминается его имя, мало правдоподобна, но весьма занимательна. Если царственный располагает временем и не слишком спешит, я поведаю ее.

«И этот туда же! — подумал Конан. — Вот уж действительно ночь чудесных совпадений! А не взять ли

ученого мужа третьим, раз уж Умберто не отыскал никого? Сейчас я проверю, где он выучился держать меч: в бою, палестре или в патио под присмотром престарелого гладиатора, которому не на что было существовать».

Аквилонец еще что-то говорил, скрестив на груди руки и стоя прямо, точно алебарду проглотил, когда благодушно внимавший речам его, развалившись на грубой скамье, устланной шкурами, царственный, не сделав, казалось, ни единого движения, метнул вдруг прямо в горло почтенному хранителю путевых карт деревянный полированный нож для резки масла — в покоях короля еще по старой памяти в целях безопасности держали только деревянные ножи.

Король, в свою очередь, не успел глазом моргнуть, как левая рука Евсевия, лежавшая спокойно на груди его поверх правой, метнулась вверх, а затем тонкие пальцы жестко сомкнулись на рукоятки ножа. Ученый, не сказав ни слова, не удостоив царственного даже презрительным взглядом, вернул нож на стол и продолжил:

— Если мне позволено будет дать совет, то царственному будет удобнее остановиться по пути в родовом замке Мабиданов, Фрогхамоке...

— Остановись ненадолго и ты, почтенный, — прервал ученого Конан. — Я хотел бы услышать о тех местах, что упоминаются в легенде о тысяцком Люции. Судя по тому, как ты поймал нож, тебе приходилось бывать в похожих странах?

— Да, царственный, — важно кивнул Евсевий. — Угодно ли будет царственному услышать о моих странствиях?

— Угодно, угодно, — проворчал Конан. — Только покороче. Как там у вас... Говори лаконично, — пришло на ум Конану одно из словечек, оброненных однажды Морадином.

— О, царственный сведущ в высоком наречии! — Евсевий впервые позволил себе иронию, хотя Конан на

месте ученого позволил бы себе это намного раньше. — От прежнего владыки я не слышал ничего более учтвого, чем «мозглык». Итак, я унаследовал немалое состояние и имел возможность посетить Немедию, Коф, Стигию, Заморю, Зингару, Пограничное Королевство, земли пиктов, Киммерию, — ровным голосом продолжил Евсевий. Следом аквилонец помянул еще Нордхейм, Гиперборею, Шем, Офир и Аргос, но король обратил внимание лишь на слово «Киммерия».

— Как давно был ты в Киммерии? — спросил Конан сразу же, как Евсевий закончил перечисление.

— Пять лет назад, царственный. Царственного интересуется, каково положение на севере?

— Интересует, — кивнул Конан. — И об этом ты расскажешь мне завтра. А теперь разворачивай карту и показывай. — Король вернулся к делу. Пускай Евсевий был заносчив и зануден, но лишним он не окажется.

Когда подробная дорожная карта легла на стол, король пододвинул ученому кубок.

— Здесь хорошее вино, а здесь нордхеймское пиво. Настоящее, я проверил. Оно уже не такое холодное, но все же. — Конан указал на пузатый бочонок. — Я сам сначала познакомлюсь с картой. Я знаю, что это такое, — заверил он Евсевия. — А ты пока ешь. Я собираюсь в окрестности Фрогхамока. Уж больно занимает меня легенда о Люции, она мне понравилась. Мы отправляемся до рассвета, чтобы никто не увидел, и ты едешь с нами. А потому советую подкрепиться.

Евсевий принял новость спокойно и спросил лишь:

— Смею ли я попросить снабдить меня необходимыми в дороге пергаменами, чернилами и перьями, ибо все это осталось в моем кабинете, когда прискакали твои гонцы?

— Ты получишь то, что пожелаешь, и дорожную одежду, и обувь, и любое оружие на выбор. Кстати, что ты предпочитаешь? — Конан говорил, уже погружившись в изучение чертежа.

— С позволения царственного, более всего мне подошли бы туранский сложный лук и короткий меч. А из того, что стоит на столе, мне больше нравится пиво.

— Так я и думал,— усмехнулся король.— Давно ли тарантийская знать пьет нордхеймское пиво?

— Я пью его с тех пор, как посетил Нордхейм. Друзья мои за это именуют меня северным варваром,— ответил Евсевий.

— Знакомая история,— хрипло рассмеялся царственный.— Подойди сюда. Не это ли долина, где желтолицые жгли свои огромные костры?

— О да, царственный, это она. Чертеж составлялся по указанию самого первого хозяина Фрогхамока, Бреннана Мабидана, после этого вносились лишь незначительные дополнения. Карты гор даны неточно, поскольку никто туда не всходил, использовались лишь специальные вычисления, произведенные на основании наблюдений.

— Знаю,— хлопнул ладонью по столу король, так что даже увесистые серебряные кувшины подпрыгнули.— Если один северный варвар,— киммериец быстро глянул на Евсевия,— имеет представление о науках, то другой северный варвар, ныне король Конан, знает, как берут крепости и как определяют длину и высоту стен, не шляясь под стрелами и камнями врага. Где, как ты предполагаешь, находится пещера, из которой вылетает черный дракон?

— Из описания явствует, что гора господствует над окружающими вершинами, а в том, что Седая — высочайшая вершина хребта, не приходится сомневаться. Посему я заключаю, что речь идет о Дол Уладе, как звучит название сей горы на языке горцев, или же о Седой, как зовут ее киммерийцы.

— Ты сам когда-нибудь видел Седую? — Конан посмотрел на аквилонца, но перед его мысленным взором уже вставал могучий серый каменный великан, закутанный в белесые одеяния. Голова великана пряталась в тучах, а от холодного тела веяло злобой. Ве-

ликан готов был шагнуть вперед и растоптать предгорные деревушки, но страшился, как и все великаны, гнева Крома. Пока страшился.

— Видел, о царственный, но с севера и издалека. Я как раз останавливался у развалин Венариума, когда мой проводник неожиданно предложил мне отклониться к полуденному закату, чтобы посмотреть на настоящего злобного великана. Я не верю в ожившие камни, хотя при мне агадейский маг заставил дохлого полоза выследить, настигнуть и поймать мышь, но гора и вправду таила в себе нечто злое. Теперь я понимаю, отчего туземцы так страшатся тамошних гор.

— Я тоже видел Седую с севера,— задумчиво сказал король.— Не встречал ли ты в странствиях по Киммерии людей из клана Канахов?

— Мой проводник был из этого клана,— ответил Евсевий с легким полупоклоном.— Интересует ли царственного...

— Интересует,— прервал его Конан.— Но завтра. В пути нам хватит времени для бесед, улаждающих слух и радующих ум.

«Сет меня побери! С такой свитой я скоро заговорю, как послы Страбонуса: и сладко, и гадко,— подумал король.— А завтра еще добавится этот шпион с тошнотворной кхитайской вежливостью! Может, хоть центурион Арминий говорит по-человечески?!»

— Где, по-твоему, пастбище, на котором произошла схватка с драконом?

«Ну кто же так бьется со змеем? — мелькнула у Конана мысль.— Всеу их надо учить, этих аквилонцев!»

— Сие место, несомненно, здесь,— указал Евсевий все тем же деревянным ножом на один из крупных холмов.— Вот старая известняковая скала, вот обозначения каменных хижин — остатков древних оловянных разработок, а вот пересыхающий ручей, по руслу коего подкрадывался дракон.

— Сколько добираться туда от замка? Это последнее, что я хочу сегодня знать.

— Записи говорят, что около трехсот стадий через леса, болотистые поймы лесных рек и холмы. Путь на три-четыре дня, не меньше.

— Мы дойдем за два с половиной, не больше. Это слово короля,— заключил Конан.— Теперь благодарю тебя. Собери свои карты и записи и береги их как зеницу ока. Думаю, через две недели к ним прибавится много нового. За дверью ты найдешь человека, которого вместо себя оставил Хорса. Обратись к нему, он даст тебе все, что ты сочтешь нужным иметь. Только не слишком нагружайся, мы должны торопиться.

— Могу ли я попросить у царственного еще пива? — вежливо осведомился Евсевий, аккуратно уложив папирусы и пергаменты обратно в ларец.

— Ты получишь бочонок, но к последней предрассветной страже ты обязан сидеть на коне и не падать, даже засыпая. Сумеешь?

— Если так будет угодно царственному,— откланялся Евсевий.

Выходя, ученый столкнулся в дверях с Хорсой.

— Ты еще не спишь? — Конан строго посмотрел на гандера.— До предрассветной стражи у тебя еще есть время.

— Отдыхать я буду во Фрогхамоке, кениг,— покачал головой гандер.— Все готово, и мы можем ехать.

— Мы выедем перед четвертой стражей, Хорса,— твердо сказал король.— А теперь я приказываю тебе отдохнуть. Мне понадобятся те, кто считает золото и головы врагов, а не те, кто считает звезды.

Глава третья ВИД СО СПИНЫ ДРАКОНА

Однажды утром в опочивальню едва проснувшегося владельца замка Фрогхамок и всех сопредельных земель и вод достопочтенного Коннахта Мабидана без всякого доклада влетел встрепанный и неумытый дворецкий.

— Беда! Беда, хозяин! — заголосил он и бухнулся на колени.

— В чем дело? — хриплым спросонья голосом спросил благородный дворянин.— И перестань орать, не то моя мигрень вернется снова, и ты будешь в этом виноват. Встань и говори внятно!

— Беда! — повторил дворецкий и, пыхтя, поднялся.— Молодой хозяин вместе со своим другом сегодня еще до света поднялись, взяли с собой двоих лишь слуг, снарядились и отправились в горы!

— Ну и что? — не понял Коннахт.— Септимий давеча говорил мне, что отправляется на охоту за вепрем. Странно, конечно, что они прихватили только слуг, но повода для тревоги я не нахожу.

— Если бы на охоту! — заламывая руки, как дешевый комедиант, трагически возопил дворецкий.— Конюший Морниган вчера подслушал разговор молодых господ, совершенно случайно, разумеется. Я для порядка наказал подлеца, но умоляю вас, господин, пойдемте со мною, послушайте его. Вы же знаете, что вам горцы

врать не будут, а уж память у них как у мудрецов из Тарантии, если не лучше.

Коннахт был человек незлобивый и часто прощал подданным их проступки. Вот и на этот раз, проклятая горские суеверия и способность дворецкого паниковать по каждому поводу, а чаще и вовсе без повода, он вылез из теплой постели, поспешно оделся и неторопливо направился в приемную. То, что поведал ему там рыжий крепкий парнишка Кондла Морниган, повергло наместника в такое смятение, что он немедленно потребовал подать ему пергамент и чернила и сел за письмо не куда-нибудь, а в столицу, королю Конану, да велел хоть под землей найти и привести к нему Бриана Майлдафа, личного своего гонца.

* * *

Наутро Септимий поведал Юнию продолжение легенды. Примерно с середины их беседу и подслушал Морниган.

...Очнулся Люций в каком-то вовсе незнакомом месте. Было темно, хоть глаз выколи, однако рядом раздавался знакомый храп. Сердце офицера быстро-быстро забилося от радости: не узнать храп пуантенца мог только глухой и полностью лишенный памяти. Он растолкал сотоварища. Сначала крестьянин ничего не понял. А затем вспомнил все, что случилось до того момента, когда драконий хвост опрокинул его на землю. Люций подробно рассказал ему обо всем, что произошло потом в ту страшную ночь. Собственно, была ли именно эта ночь или совсем другая и сколько вообще прошло времени, никто из них не знал.

Совершенно непонятно было также, куда они все-таки попали. Поверхность, которую надо было бы называть полом, устилал мягкий и толстый ковер то ли мхов, то ли лишайников. Потолок находился на высоте не более десяти локтей — это они выяснили, когда крикнули, задрав головы вверх. Эха, которое непременно должно было возникнуть в столь высоком помещении,

не последовало. Стали обшаривать стены. Стены комнаты, как, впрочем, и пол, явно были обработаны каменотесным инструментом, но очень грубо, как будто наспех. Когда все стены и пол были тщательно осмотрены, бедолаги поняли, что они заперты в комнате двенадцать на двадцать локтей и ни окон, ни дверей тут и в помине нету. Они уселись на пол и задумались, пытаться решить, как же все-таки попали сюда. Выводы напрашивались малоутешительные: либо в потолке есть люк, до которого им никогда не добраться, либо их заживо замуровали.

Пуантенец почему-то сразу решил, что второе предположение гораздо более вероятно, и принялся что-то бормотать себе под нос — не то жалея себя, не то молясь каким-то богам. Люций же был настроен не так мрачно. В конце концов, только им удалось уцелеть в неравной схватке с драконом, а это уже знак того, что Митра их не оставил. Правда, это еще не значило, что Податель Жизни и впредь будет одаривать их своим милостивым вниманием.

Но как же все-таки они попали сюда? Без посторонней помощи явно не обошлось. А кто это был? Неужели сам дракон? В это мало верилось: драконы не умеют строить, это известно каждому. Конечно, дракон мог воспользоваться старыми пещерами, но из головы у офицера не шли мрачные рассказы пастухов о маленьких обитателях подземелий с миндалевидными глазами. В самом деле, кто-то ведь обрабатывал эти камни? Никогда он не слышал, чтобы в этих местах существовали поселения. Если и было что-то, то очень давно, в дохайборийскую эру. А вдруг и в самом деле они попали в крошечные мерзкие лапки тех, кто обитал под холмами? Люцию казалось, что их ладони непременно должны быть липкими и противными. Но как, откуда появился здесь дракон? Не могла же эта тварь существовать не столь уж далеко от Фрогхамока долгие годы незамеченной! Значит, дракон явился недавно из иных мест. Вот уж повезло так повезло! Не хватало

еще, чтобы ящер столкнулся с этими, маленькими и злобными.

Офицер приказал пуантенцу заткнуться. В гробовом молчании сидели они в темноте, и ни единый звук не доносился до них ни сверху, ни снизу, ни сбоку. Утомленный ожиданием, волнениями и голодом, который совершенно нечем было утолить, Люций заснул.

Пробудился он от дикого скрипа, как будто открывалась сто лет не смазываемая дверь, и, открыв глаза, он увидел нечто подобное: громадная каменная плита в стене отползала в сторону, открывая узкий лаз в освещенную тусклым красноватым светом факелов пещеру. Откуда-то издалека послышался топот тысяч маленьких ног, будто стадо коз шло по каменистой дороге, только не коз даже, а козлят. Плита, проскрежетав так, что у Люция заболели все в общем-то здоровые зубы, наконец остановилась, и в щель, которая едва пропустила бы средней комплекции человека, без труда вошло (или вошел, а может, вошла?) создание ростом в два локтя.

Это был человечек с узким длинным лицом с мелкими чертами, на первый взгляд тщедушный, закутанный в некое бесформенное одеяние из грубой неокрашенной шерстяной ткани. Ноги его были обуты в кожаные сандалии. На Люция злобно и хитро смотрели два огромных, очень чувствительных к свету миндалевидных глаза. Значит, пастухи не вдали: в глубине холмов действительно обитала древняя раса, представители тупиковой, отверженной, загнанной еще задолго до хайборийской эры под землю и оттого особенно страшной ветви человечества.

В коридоре, пытаясь заглянуть через плечо первого, толпились еще сотни таких же, и их лица не выражали ничего, кроме злобы, ненависти и коварства. Они поднимали страшный галдеж, так что отдельных слов было не разобрать. Первый, не обращая внимания на вопли напиравшей сзади толпы, не приближаясь к людям, поднял левую руку и сделал весьма замысловатый жест.

Люций и не заметил, как его товарищ по несчастью тоже очнулся и встал во весь свой немалый, около четырех локтей, рост за спиной командира. Почувствовав, что тут пахнет черным колдовством, пуантенец воспротивился тьме всей силой своей простой души. Прорывав что-то нелестное в адрес всех колдунов и ведьм, увалень, внезапно превратившийся в свирепого медведя, бросился на врага. Карлик не отступил ни на шаг, уверенный в себе.

Его самоуверенность была оправдана. Человек, ходивший за тяжелым плугом у себя на родине и без труда ворочавший длинные бревна при постройке укреплений, вдруг, словно муха, запутался в невидимой прочной паутине, с трудом двигая руками и ногами. Сам воздух, казалось, сопротивлялся ему. Наконец, обессиленный бесполезной борьбой, он повис недвижно, выпучив горевшие яростью глаза. Сказать он ничего не мог: колдун сковал его так прочно, что пуантенец не мог даже раскрыть рта, и только сдавленный негодующий хрип вырывался у него из горла да слюна прямо-таки закипала в углах рта.

Люций содрогнулся, предвидя, что ему предстоит то же самое, и инстинктивно начал пятиться в угол камеры. Оступившись, он повалился назад, подставил руки, чтобы опереться на них при падении, и... провалился в пустоту.

Падение его длилось недолго. Через пару мгновений он приземлился, больно ударившись обо что-то. К счастью, пол пещеры устилали все те же липайники, и десятник отделался лишь ушибами. Отверстие люка зияло над ним на высоте восьми локтей. То ли в дьявольской механике карликов что-то сработало не так, то ли нижний люк и должен был открываться вместе с боковой плитой, но офицер вырвался из ловушки!

Он очутился в длинной галерее. Выбирать направление, куда бежать, нужды не было: справа пещеру закрывала глухая стена. Впрочем, оказалось, и глухие стены здесь могут быть просто раздвижными дверьми,

но Люция не интересовали секреты уродцев-колдунов, ему нужно было поскорее унести ноги. Он быстро огляделся по сторонам. На стене был укреплен почти сгоревший факел, пламя которого бросало тусклый отсвет. Дальше же коридор тонул во мраке. Сверху в люке показались мерзкие большеглазые физиономии. Не дожидаясь, пока колдун сообразит, какую бы пакость сотворить над ним, чтобы вытащить обратно наверх, как рыбу на крючке, Люций, несмотря на дурное самочувствие, недостаток свежего воздуха, голод и жажду, опрометью бросился прочь, в темноту.

Сначала галерея шла ровно. Иногда в сторону уходили боковые туннели: время от времени он чувствовал то справа, то слева сквозняк. Но поворачивать боялся, ибо в широком главном проходе чувствовал себя увереннее, чем в лабиринте узких коридорчиков. Затем пещера свернула вправо, и последний свет факела, до сих пор еле видного позади дотлевающей искрой, исчез. Но раз факел здесь был, значит, кто-то ходил по этой галерее, при этом совсем недавно. Забежав за поворот, офицер остановился перевести дух и прислушался, нет ли погони. Высота в восемь локтей не могла стать серьезным препятствием для преследователей.

Но, к удивлению Люция, никто даже не пытался догонять его. Это, конечно, радовало, но и не означало, что можно расслабиться и устроить себе долгую передышку. Прежде всего необходимо было найти воду, затем еду, а потом, если повезет, выход наружу. Он отдышался и уже не побежал, а пошел тихим крадущимся шагом, помня о том, что дикари стреляют в темноте по звуку лучше, чем иные стрелки аквилонского королевства при свете дня.

Пещера оставалась все такой же просторной. Боковые коридоры пропали, и Люций, чтобы не ощущать себя в полной пустоте, все время шел вдоль левой стены, ведя по ней рукой. Пещера тянулась и тянулась, и десятник, и без того не имевший никакого понятия о том, где и насколько глубоко под землей он находится,

совсем потерял ориентацию, ибо первый раз в жизни попал под землю. Он не знал, сколько времени идет этим коридором и какое расстояние осталось за спиной. Иногда под ногами хлюпала вода, и он напился прямо из лужи на полу, понятия не имея, откуда взялась эта вода и можно ли ее пить. По крайней мере, ни вкуса, ни запаха она не имела.

Иногда Люцию казалось, что коридор делает повороты, но он не был в этом уверен и, побыв в темноте довольно долгое время, вдруг понял, что, должно быть, чувствуют слепые. Он, во всяком случае, сейчас был именно таковым. Слух и осязание его пребывали в постоянном напряжении. Он гнал от себя мысли о страшном, но то и дело порождения темного бреда вторгались в сознание. Во мраке мерещились ему какие-то бесформенные, но пугающие до полусмерти существа. Когти, щупальца и зубы драконов и других монстров, изображаемых обычно в старинных свитках, были ничтожны по сравнению с невидимым, порождавшим немой ужас.

Коридор сделал резкий поворот, и Люций вынужден был закрыть глаза и прижать к ним ладони, потому как по глазам его неожиданно и очень больно ударил свет, который оказался всего лишь маленькой красной искоркой отдаленного факела. Когда радужные круги перед глазами погасли, десятник продолжил свой путь с удвоенной осторожностью. Пещера была огромна, свод ее терялся где-то далеко вверх, и каждый малейший шорох — или так только казалось? — разносился зловещим перешептыванием эха.

Свет постепенно приближался. Подойдя поближе, Люций увидел, что горит не один факел, а два. Они были укреплены в металлических вставках с наклоном друг к другу по разным сторонам тяжелых железных ворот. Локтей на сто пятьдесят не доходя ворот, пещеру пересекал глубочайший ров шириной в сорок локтей. Глубина его была столь велика, что дна разглядеть не удалось, и ни звука не доносилось из провала. Текла

ли, стояла ли там вода, или ждали гибельные острые клыки камней, или жадно чавкало огненное озеро — рассказывали горцы и о таких, — узнать не было возможности. Взгляд тонул в непроницаемой черноте.

Через пропасть был перекинут узкий подвесной мостик, судя по полустгнившим доскам, весьма и весьма старый и давным-давно не используемый. Веревки, видимо когда-то и в самом деле очень прочные, раз сохранились до сих пор, ныне истлели. Все сооружение было предельно шатко, выглядело крайне удручающе и держалось, похоже, только потому, что в пещере никогда не бывало ветра.

Однако другого выхода, кроме того как ступить на этот мост, у десятника не оставалось. Обратной дороги не было, и лучше уж найти смерть в бездонном рву или попытаться проникнуть за кованые ворота, чем пасть от мерзких лап этих желтолицых пауков с миндалевидными глазами.

Прежде чем выйти из темноты в тусклое пятно неверного света, отбрасываемого факелами, он еще раз осмотрел площадку перед воротами. Она была идеально ровной и совершенно пустой — ни единого мелкого камешка, только толстый слой пыли.

«Значит, первый факел принесли откуда-то из боковых ходов! — догадался Люций. — Иначе здесь остались бы следы».

Первый шаг по мосту показал, что тот все же куда крепче, чем думалось поначалу. Веревки натянулись и задрожали, доски расхлябанно стучали, вся развалина заходила ходуном из стороны в сторону, при этом еще и выгибаясь, но обрушиваться не спешила. Люций преодолел уже локтей двадцать пять из необходимых сорока, как вдруг доска под его ногой, совсем уж сгнившая, рассыпалась в прах, и он провалился одной ногой в бездну. На секунду ему показалось, что именно в пальцах этой ноги находится его сердце. С трудом, дрожа от голодной усталости и страха высоты, вытянул он ногу обратно на мост и дальше уже не прошел, а про-

сто прополз последний участок страшного пути и растянулся без сил, выбравшись на твердую скалу. Мост еще долго раскачивался и стучал досками, а потом мелко дрожал, словно злился на того, кто осмелился нарушить его покой.

Долго не мог десятник прийти в себя, а когда наконец очнулся, прямо перед собой увидел огромные — в четыре человеческих роста — железные ворота. Наверх уходила глухая стена грубой кладки, достававшая, видимо, до самого потолка. По их виду легко было заключить, что, по крайней мере, с внешней стороны уже много лет никто не только не подходил к ним, но даже и не пытался как-либо ухаживать за воротами. Ржавчина широкими и темно-рыжими пятнами покрывала створки, а немногие медные детали позеленели. Ноги Люция утопали в толстом слое жесткой многолетней пыли.

Он подошел к воротам и в том месте, где было маленькое окошечко с глазком, постучал негромко. Ответом была тишина. Он постучал громче и продолжительнее — вновь тишина. Он заглянул в глазок — непроглядная темнота. Наконец он повернулся к воротам спиной и принялся стучать пяткой, подняв ужасный грохот, но в результате только отбил ногу. Люций колотил в ворота и так и сяк, в разных местах, и руками, и ногами, и плечом... Жаль, не оказалось рядом камня потяжелее, чтобы и его пустить в дело. Ничего не помогало. Долго еще по пещере бродило гулкое эхо последних его ударов. Он сел у ворот, привалившись к ним спиной, и в изнеможении опустил голову на поджатые колени.

«А кто же зажег факелы? Не могут ведь они гореть тут сотни лет сами по себе?» — вдруг пришла в голову Люцию утешительная мысль. Факелы не сгорели еще и наполовину, значит, зажгли их не столь давно. Оставалось только дожидаться, пока кто-нибудь придет, чтобы заменить их новыми. Только вот как это делают, если не открывают ворота?

Он встал и принялся рассматривать железные створки. Как раз над тем местом, где были укреплены чашки-держатели факелов, глаза его различили тонкий шов. «Ага,— подумал офицер,— вот и окно. Его открывают и так, сверху, меняют факелы. Да, но зачем такие ухищрения? Зачем вообще факелы там, где никто не ходит?»

Сплошные зловещие загадки окружали его. Еще неизвестно, кто скрывается за этими воротами. Вполне может быть, страшилища стократ ужаснее подземной желтокожей расы. Но выбирать ему не приходилось. Оставалось лишь сидеть и ждать. Тишина и безразличие овладели всем его существом. Факелы сгорали ужасно медленно, иногда потрескивая. Напряжение всех сил и невиданная концентрация воли и внимания потребовали отдыха. Человек заснул прямо на полу, привалившись спиной к запертым воротам.

Очнулся он вовремя. Правый факел уже сгорел совсем, а левый был близок к тому. Круг света резко сузился, тьма обступила десятника со всех сторон, так что он едва мог видеть первые доски моста. Все прочее терялось во мраке. Вот мигнула последняя вспышка, пламя задрожало и исчезло. Еще несколько секунд перед глазами плавали разноцветные пятна, и вот знакомая уже чернота затопила пещеру. «А вдруг они ушли вглубь горы и более не вернутся? Не пойти ли обратно попытать счастья в боковых коридорах?» — стал уже подумывать Люций.

И в тот же самый миг за воротами послышались шаги. Некто шел по пещере четким, будто строевым, шагом. Люций вскочил на ноги и припал к отверстию. Там из темноты приближался яркий свет факела, кругом падавший на пол перед идущим. Люций прислушался. Шаг печатался столь слаженно, что даже опытный в подобных вещах слух военного не сразу различил, что это не одна пара ног, а три! «Неужели караул?» — подумал он и воспрянул духом. Не мог он допустить и мысли о том, чтобы опустившиеся пещерные дикари

были знакомы с таким достижением цивилизации, как военный караул.

А звук шагов, мерный и уверенный, нарастал. Из темноты появились трое высоких воинов в блестящих чешуйчатых доспехах и куполообразных островерхих шлемах. Каждый был опоясан длинным тяжелым мечом. Как зеркало, сияли начищенные налокотники, наручи и поножи. Первый нес горящий факел, высоко поднятый в твердой руке, а двое шедших следом держали по целой связке заготовок для факелов: должно быть, это место не было единственным на пути караула.

Но каковы были их лица! Суровые, аскетические, преисполненные благородства и мужества. Высокий лоб, выпуклые виски, прямой правильный нос, тонкие губы, белая чистая кожа, светлые волосы и борода, а главное — глаза: пламенеющие, лучезарные и страшные своей всепроницательностью. И в то же время печать немислимого количества лет, полных побед и горького опыта, пережитых страданий и неземных чудес, лежала на их лицах. Казалось, из давно ушедшего в глубины времени прошлого явился вновь древний титанический народ и вот взирает скорбно на гнусные дела и тщедушие потомков и жаждет ответа и суда. Жаждет отмщения.

Первая мысль Люция была о бегстве. Скрыться, спрятаться в темноте от этих обвиняющих, испытующих глаз, как от наказания, заслуженного, но ужасного. Но было поздно. Он едва успел отпрянуть от глазка и отступить на два шага назад (отходить дальше он побоялся, ибо совсем не видел зияющей где-то близко пропасти). Неведомые воины приблизились к воротам и остановились. Послышались слова команды. То был глухой и рокочущий, как темные столетия, язык. Затем кто-то стал подниматься по ступеням. Шаги затихли где-то на уровне того самого окна, из которого зажигали факелы. Звякнули ключи, щелкнул замок. Десятник замер в оцепенелом напряжении. Железная

створка отворилась. Свет факела упал на площадку перед воротами, выхватив из темноты жалкую фигуру усталого, напуганного человечка в легких доспехах офицера аквилонской армии.

Секунду длилось молчание. Несомненно, стражник увидел его, но сам был изумлен тем, что здесь находится живое существо, причем это существо — человек. Но тут же прозвучала властная команда. Люций понял, что ему приказывают стоять неподвижно, хотя не смог различить ни единого знакомого слова.

— Я не понимаю! — ответил он вполне искренне, хотя как стоял недвижно, так и оставался стоять, и без приказаний выполняя все, что от него требовалось.

Опять заговорил страж, зажигавший факелы. На сей раз он обращался назад, видимо, к старшему в карауле. И без перевода было ясно: речь идет о том, открывать ли ворота, впускать ли пришельца.

— Впустите меня, о благородные мужи! — взмолился Люций. Что ему еще оставалось делать? — Меня захватили эти желтокожие нелюди, я не пил и не ел много времени! Я такой же человек, как и вы! — В отчаянии он готов был встать на колени, но тут из-за ворот послышался ответ.

О, радость! Кажется, командир решил отпереть ворота. Опять забряцали ключи — теперь, судя по звуку, гораздо более весомые, чем в прошлый раз. Завизжал тяжелый замок, заскрипели петли, и правая створка со скрежетом распахнулась. Да, если замок окна для зажигания факелов тщательно смазывался, то механизм самих ворот явно был запущен! Но Люцию, конечно, было вовсе не до того. Он сделал один шаг вперед, и тут могучие руки стражей крепко подхватили его и втащили внутрь. Он оказался в таком же коридоре, как и перед воротами. Его усадили на стоявшее рядом подобие каменной лежанки, поросшей все тем же толстым многолетним лишайником (или растение посадили здесь намеренно?). Впервые за долгие годы стражи ворот вышли наружу. Они зачем-то

внимательно осмотрели площадку между воротами и рвом, дошли до моста, но ступить на него не решились. Посветив еще во мрак и, наверное, удовлетворившись увиденным, а точнее, неувиденным, вернулись обратно и тщательно заперли ворота. Нечего и говорить, что привратные факелы, согласно обычаю, были установлены и зажжены.

Все это время рядом с аквилонцем находился могучий стражник в броне, хотя бежать куда-либо у «пленного» не было ни сил, ни желания. После того как факельный ритуал был завершен, командир обратился к подчиненным с немногословной речью, а затем, наклонясь над десятником, сказал ему несколько слов все на том же древнем языке. Тому оставалось только смотреть на своих новых повелителей широко открытыми честными глазами. Но интонация говорившего была если не доброжелательной, то успокоительной. Уверившись, что гость снаружи не собирается сопротивляться или бежать, командир кивнул солдатам и, все так же четко выдерживая шаг, отправился вглубь пещеры. Солдаты же встали неподвижными часовыми рядом с десятником. Он даже и не пытался заговорить с ними. Ложе из лишайников было столь мягким и приятным, а усталость столь неодолима, что он опять забылся...

Проснулся он от того, что кто-то тронул его за плечо. Люций мгновенно вскочил, как привык делать это по тревоге, но его удержали и заставили занять сидячее положение. Часовые по-прежнему стояли неподвижно, точно колонны, похоже, ни разу не шевельнувшиеся с того времени, когда он заснул. Зато вернулся командир караула. С ним пришли еще трое солдат и офицер, по видимому, более высокого звания, чем командир караула. Собственно, никаких особых знаков различия не требовалось, чтобы разобраться, где начальник, где подчиненный, — это было видно сразу по манере говорить и держаться, по действиям, которые исполнял тот или иной, тем более опытному военному.

Но самым примечательным из вновь прибывших человеком был сребробородый мужчина лет пятидесяти пяти. Ростом он был пониже военных, но все же гораздо выше Люция. Был он крепок и мускулист, с длинными вьющимися волосами, аккуратно, впрочем, расчесанными и схваченными цветным налобным ремешком. На лбу на ремешке был укреплен большой зеленый, наверное драгоценный, камень в серебряной оправе. Глаза мужчины были непроницаемо черны, лицо благородное и гладкое, без морщин, несмотря на возраст. Облачен он был в длинные просторные белые одежды и пурпуровый плащ. Он смотрел на Люция внимательно, но без особого интереса. У ног мужчины находился кожаный мех, из которого он извлек кубок с крышкой и печенье в маленькой плетеной корзинке. Передав все это Люцию, он отступил в полумрак, не переставая между тем наблюдать за ним. В кубке оказалось легкое бодрящее вино, а печенье таяло во рту. Ел Люций быстро, но все же старался следить за тем, чтобы не показаться жадным или неряшливым.

Утолив таким образом первый голод и подкрепив силы, Люций почувствовал себя значительно лучше. Заметив, что пришелец закончил свою трапезу, мужчина снова приблизился, принял у Люция кубок и опустевшую корзинку, сложил все обратно в мех, а потом внимательно и долго посмотрел ему в глаза. Какое-то загадочное слово слетело с его губ. Люций почувствовал, как члены его наливаются свинцом, как тяжелеют веки, как слипаются глаза и никнет на грудь голова. Сон, не желаемый, но навешанный волшебством, опять овладел им. Сознание погасло, как свеча, на которую подули. Он в который раз погрузился во тьму...

Новое пробуждение состоялось уже в небольшой вырубленной в скале комнате с невысоким сводчатым потолком. Лежал он все на том же ковре из лишайника. Кто-то заботливо укрыл его шерстяным одеялом — в пещере было довольно прохладно. Собственная одежда его безвозвратно исчезла. На нем же были одеяния,

подобные тем, какие носил давешний седой мужчина: длинная туника и некое подобие тоги. Доспех куда-то унесли. В головах был укреплен на стене поставец, в котором пылал факел. Комната оказалась невелика — шесть на шесть шагов, округлая. Справа и слева чернели проемы. Не слишком роскошно, конечно, не покои Фрогхамока, но куда лучше подземелья тварей с миндалевидными глазами. К тому же он был среди людей!

И тут из левого отверстия раздался такой глубокий звериный вздох, какой могло издать только огромное животное. Люций похолодел и осторожно и медленно стал выбираться из-под одеяла. Подкравшись к отверстию, он с опаской заглянул в соседнюю пещеру. Каков же был его ужас, когда в огромном зале с высоким потолком и сереющим в противоположной стене проломом взору его предстал кошмар горной ночи — дракон! Чудовище мирно спало, подобрав под себя ужасные лапы и уткнув голову под крыло, как это делают птицы.

«Неужели дракон был подослан ими?! — подумал Люций, имея в виду своих неожиданных благодетелей. — Уж не хотят ли принести меня в жертву этой жуткой твари?» — содрогнулся он.

— Не страшись, чужеземец. Отныне и здесь дракон тебе не опасен, — услышал он за спиной родную аквилонскую речь.

Люций обернулся: на пороге комнаты стоял тот самый седовласый муж, похожий на жреца. Речь его была старомодна. Говорили так лет пятьсот назад, о чем можно было судить по древним свиткам.

— О почтенный, — обратился к нему Люций. — Могу ли я узнать, где нахожусь и кто вы, приютившие меня? Прости, не знаю твоего имени.

— Зови меня Служителем, — ответил мужчина, — ибо истинного своего имени я не могу тебе открыть. Я расскажу тебе, куда ты попал, но прежде хочу слышать твое повествование. Меня интересует, кто ты, откуда,

как случилось, что оказался в пограничной галерее, и вообще, что сейчас творится наверху, если ты оттуда. Но я вижу, что ты сильно исхудал и давно не ел, поэтому следуй за мной.

Служитель провел его через анфиладу высеченных в скале покоев. Иные были пусты, в иных хранились всевозможные запасы, иные вовсе были разгорожены, вероятно, в них жили. Наконец вступили они в небольшой, но и не маленький зал, где их ждал стол, составленный из простых, однако сытных блюд. Два безмолвных воина охраняли помещение.

— Прощу, садись, — пригласил Люция Служитель.

Тот не заставил себя ждать и, усевшись за стол, пришел в себя, только когда съел все до крошки. При этом он даже не помнил, что же именно ел.

— Ну вот, теперь, утолив голод и как следует отдохнув, ты вполне можешь приступить к рассказу, — предложил Служитель, глядя на несколько смущенного своим поведением аквилонца. Зеленый камень у него на лбу ярко сверкнул.

— Родился я в Аквилонском королевстве, в Тарантии... — начал Люций и так постепенно, час за часом, сам увлекшись собственным рассказом, поведал Служителю многое о том, что знал сам. Получивший в юности довольно приличное образование, Люций был интересным собеседником, и наверняка Служитель узнал гораздо больше, чем рассчитывал узнать. Временами он задавал вопросы, желая уточнить новые незнакомые слова и имена. Закончился рассказ на том, как, очнувшись на ложе у ворот, Люций увидел Служителя.

— Спасибо тебе, Люций, за столь обстоятельную повесть. Сейчас я прикажу, чтобы принесли еще еды и вина, и поведаю, сколько мне позволено, про то, о чем ты осведомился.

...Еще где-то на самой заре хайборийской эры легендарный основатель Аквилонии — блаженный Эпимитриус отправил на полуночный восход несколько немногочисленных отрядов, набранных, однако, не из

простых воинов, но из витязей — служителей Митры Лучезарного. Целью их было отыскать и возродить существовавшее, по преданию, в этих горах подземное святилище великого бога, в котором хранятся бесценные древние знания и совершаются чудеса для истово верующих. Охраняют святилище пещерные львы и свирепые грифоны с медными когтями, а богослужения осуществляет один отшельник, коему за подвиги во имя веры дарована долгая жизнь, что должна продлиться до прихода новых последователей веры в великого бога, основавших обширное царство во славу его.

Неизвестно, сколько из ушедших заплутало и замерзло в горах, скольких перебили воинственные тогда местные горцы, сколькие, ничего не найдя, попали в суровую Киммерию, где и сгинули без следа, но три отряда вышли все же именно к нынешним окрестностям Фрогхамока и стали подниматься в горы здесь. Отбросив беспорядочную атаку плохо вооруженных горцев, очутились они в долине Чаши, где солдаты Люция отыскивали грязное озеро.

Оказалось, что с помощью нехитрых механических приспособлений, на которые в то время были способны и желтокожие карлики, вода легко выводится в подземные пустоты, а прибывает она вовсе не от дождей, а наливается из подземного озера. И действительно чело-вечки с миндалевидными глазами раз в год жгут там великий костер в виде пирамиды и приносят жертву, для чего отлавливают в горах кого-нибудь из людей, предпочтительно молодую девушку. Воду же напускают для того, чтобы никто из чужаков не осквернил священного места своим присутствием. Но тогда вход в холмы был много проще, это с годами карлики завалили все большие пещеры, оставив лишь неприметные расщелины и потайные лазы. В то время в долину Чаши выходил огромный проход, в который без труда могла въехать колесница.

Испытать на себе коварство карликов и их умение вести подземный бой воинам Митры довелось быстро,

но мощь и храбрость прежних рыцарей вряд ли уступала доблести нынешних, а зачастую превосходила ее. Их вел вперед, под горы, проводник Эпимитриуса — небольшое золотое изваяние солнечного быка. Чувствуя приближение благословенного места, бык обретал тепло и начинал слабо светиться.

— Если ты сумеешь пройти пять ступеней знания и посвящения, тебе дано будет узреть проводника Эпимитриуса. Мне это удалось! — Служитель с нескрываемым удовольствием и гордостью погладил бороду и продолжил рассказ.

Карлики были оттеснены, а посланцы Эпимитриуса прорвались точно в ту галерею, которой воспользовался Люций. Пещерных львов по дороге не встретилось, а вот ворота открылись не столь быстро, как для десятника. Хотели было отправлять посланников обратно наверх, чтобы доставить бревна для тарана, но сомневались, ибо разбивать врата было бы величайшим кощунством — золотой бык был теплым, как кожа молодой женщины, и сиял, чуть не переливаясь.

Наконец, на третьи сутки ожидания, за воротами что-то зашуршало, зашаркало, а золотой бык прямо так и брызнул светом, мало отличавшимся от света самого солнца. Кто-то с трудом открыл тяжелый замок и сумел едва приоткрыть могучую створку, когда воинство Эпимитриуса пришло ему на помощь. За дверьми предстал им благообразный старец в таких же одеждах, в какие ныне был облачен Служитель. Увидев его, воины пали на колени и спросили: «Не ты ли тот благословенный служитель Митры Вездесущего и Лучезарного, что хранит здесь, среди гнусного и разнузданного язычества варваров, великие дары и таинства? Если это так, а об этом красноречиво говорит проводник пославшего нас блаженного Эпимитриуса, то спешим сообщить тебе, что час пробил и царство аквилонское во имя Митры основано, и те, кто стоит перед дверьми твоими, готовы приять у тебя заповеданные древние таинства. Впусти же нас, если мы достойны!»

И он впустил их, и они прошли потайными коридорами и увидели усмиранных свирепых горных львов, и грифов, и дракона. Войдя в обширный зал, они там долго беседовали с благочестивым старцем. От него они узнали, что старец пребывает здесь долгие годы и хранит многие знания и чудесные вещи и святыни, но не по завещанию Лучезарного Митры, а во славу грядущую великого бога Илу. Великий Митра же — лишь один из бесчисленных ликов, явленный земле как посланец Всеединого Илу, чтобы искренне верующие могли приблизиться к истинному отцу. Святыни же это было основано здесь еще атлантами на самой заре человечества, когда люди подобны были богам и потому предвидели многие грядущие кары и бедствия, а также воцарение на земле Темных Богов и многообразных культов.

Илу же был предначальный и единый творец всего сущего, коего почитали еще во времена, предшествовавшие Атлантиде. Почитаем он был и альвами, и людьми, которые называли Атлантиду Землею Под Звездами. Но впоследствии, когда по велению Илу эту землю поглотили воды морские, что стало возмездием атлантам за их великую гордыню, бога Всеединого в землях смертных вовсе позабыли, и лишь немногие племена сохраняли память о нем, теперь совершенно исчезнувшую.

Ныне же еще не пробил час открыть миру истину об Илу Всеедином, ибо открыть истинное знание темным и несведущим, утвердившимся и закосневшим в безверии, злонаравии, гордыне, самочинии и идолопоклонстве, было бы глупо и нелепо. Они еще не готовы принять эту истину. Тех же, кто придет к тайному святилищу Илу, преодолев козни и чары демонов, победив многие искушения и не побоявшись варварских орд, ждут здесь блаженство и свет. Им предстоит стать хранителями знаний, таинств и чудес, они сумеют преумножить их к великой и вечной славе Илу.

Когда же пробьет час, Илу Всеединный явит всем великое чудо. И выйдут тогда избранные, что таились до

времени в неприступных горах. Они пойдут по землям, народам, царствам, городам и весям, чтобы возгласить повсюду великую славу Илу. И только тогда, ибо уже пробьет час, услышат их и верующие и варвары, и цари и нищие, и добронравные и злодеи, и мужи и жены, и старцы и дети, и даже дикие звери. Тогда и настанет царство Илу.

Служители Митры выслушали старца и, поверив в каждое его слово, остались при нем и ныне живут здесь.

Люций слушал, не веря своим ушам.

— Неужто и ты,— обратился он к Служителю,— был среди тех, первых?

— О, нет, конечно! — рассмеялся тот. — И блаженно-го старца, и тех, что пришли первыми, давно уж нет, ибо даже дарованная Илу своим хранителям долгая жизнь отнюдь не вечна. Тем не менее она гораздо дольше, нежели у простых смертных.

Далее выяснилось, что в святилище ныне обитают около десяти тысяч человек. Пещерные нелюди боятся подходить к твердыням служителей Илу, потому так безмятежен был путь Люция в пограничной галерее. Желтокожие дикари считали служителей безжалостными подземными чудищами-убийцами, видимо, за их блестящие доспехи и ужасное оружие, а потому, очевидно, только посмеялись злорадно вслед Люцию, надевавшемуся на спасение.

Жизнь служителей — для вновь прибывших все они называются Служителями, по примеру святого старца-хранителя, между собой же они используют имена в соответствии с иерархией посвящения — протекает в молениях, трудах, чтобы обеспечить существование, и в постижении знаний. Всего существует девять ступеней, и Служитель ныне достиг пятой. Воины и труженики достигают степени не выше второй, иные же, избранные, идут дальше.

На вопрос, чем же они питаются здесь, в пещерах без света, где не растет ничего, кроме лишайника, и

нет корма для домашних животных, Служитель ответил, что пещера снабжена световодными шахтами, да такими хитрыми, что позволяют выращивать прямо под землей значительное количество жита и других полезных растений, а также травы для овец и коз. К большому сожалению, недавно животных поразил какой-то неизвестный недуг, и потому пришлось воспользоваться услугами дракона, чтобы добыть скот для пропитания и разведения. Как только поголовье восстановится, ночные вылазки ящера немедленно прекратятся.

— Почему же вы не вышли сами на поверхность и не купили то, что вам требовалось, как цивилизованные люди? Вы могли и не рассказывать, кто вы и откуда явились. Почему служители Илу предпочли промышлять разбоем? — изумился Люций.

— По предначертанию мы никогда не должны выходить в мир,— покачал головой его собеседник. — Мы можем лишь принимать гостей извне, и я очень сожалею, что дракону пришлось применить свою силу, чтобы точно выполнить то, что ему приказали.

— Значит, я тоже никогда больше не смогу выйти на поверхность? — поразился Люций, догадавшись, какая участь ждет его.

— Это так,— с улыбкой согласился Служитель. — Но не отчаивайся. Ты, даже если бы мы могли тебя отпустить, все равно не сумел бы покинуть святилище. Путь под горой недоступен из-за колдовства паков — так называем мы эту желтокожую карликовую расу. Они бессильны в сражениях с нами, но и мы не способны ни мыслью, ни силой преодолеть черное облако Великого Канона — порождения их заклинаний, самого могучего заклинания, довлеющего над ними. Но это пока,— усмехнулся он. — Выход же через верхние пещеры высоко в горах есть лишь один, но его охраняют грифоны. Мимо них никто не сможет пройти. Ни один из попытавшихся сделать это не остался в живых. Придет время, и ты их увидишь.

— Почему же вы не пробьете в скале еще один выход? — изумился Люций.

— Этого нет в предначертании, — сурово ответил Служитель. — Есть одни врата для входа, врата же для выхода будут отперты в назначенный час. К тому же слишком велика вероятность, что нас обнаружат, — добавил он, понизив голос. — А мы еще не столь могущественны, чтобы противостоять бесчисленным варварским и демонским войнствам внешнего мира, пусть оружие наше чудесно, а богатства велики.

— Что же ждет того, кто самовольно дерзнет покинуть вашу обитель или отречется от Илу? — задал Люций нелегкий вопрос, страшась вызвать у Служителя неприязнь проявлением столь нескрываемого интереса ко входам и выходам.

Но тот был настолько уверен в невозможности побега, что ответил совершенно спокойно.

— Был лишь один случай отречения и две попытки побега, — благодушно улыбнулся он. — Для всех отступников они закончились плачевно.

— Но почему же за эти годы вас стало настолько больше? — поспешил оставить неприятную тему Люций. — Или столь многочисленны были приходившие к вам и среди них были женщины?

— О, нет, далеко не столь многочисленны, — поспешил разуверить его собеседник. — Существует история о семистах семидесяти семи прекрасных девственницах, доставленных сюда по предначертанию. Они стали женами тем, кто явился сюда первыми.

— Как это — доставленных? — не понял офицер.

— Во исполнение предначертания, — служитель Илу Всеединого был явно воодушевлен стремлением вновь прибывшего изучить и постичь предание, — во внешний мир был послан дракон. Только ему и еще некоторым разумным созданиям дозволено покидать пределы обители. В разных странах, ближних и отдаленных, побывал он и всюду стал богом для тех, кого покорил своей силой и волей. И везде назначил приносить себе жер-

тву — юную прекрасную девственницу знатного рода. Девственниц священный змей, конечно, не убивал, а приносил в обитель, и здесь они становились женами избранных. Если, конечно, не погибали по дороге от страха, — пояснил жрец. — И длилось так, пока не стало девственниц семьсот семьдесят семь.

— Сколько же было пришедших первыми? — поинтересовался аквилонец.

— Двести, — последовал ответ.

— А каково число мужей и жен ныне? — осведомился Люций.

— Мужчин среди нас едва ли больше двух с половиной тысяч.

Аквилонец едва удержался, чтобы многозначительно не присвистнуть.

— Есть ли женщины среди служителей? — задал Люций последний вопрос. Картина подземной жизни стала для него вполне ясной.

— Да, — ответил жрец. — Среди посвященных есть жены, и некоторые из них достигли высоких ступеней. Они принимают участие в молениях и обрядах и весьма усердны в постижении тайнств и предания.

— Последний вопрос, почтенный, — решил закончить разговор Люций, чтобы быстрее приступить к осмотру пещер и осуществлению уже созревшего у него плана побега. — Можно ли просить у вас о спасении моего спутника, который попал в лапы паков?

— Нет, — покачал головой Служитель. — Если позволит Илу, он придет сюда сам. Мы же не вправе рисковать. Теперь отдохни, а после я покажу тебе обитель.

Служитель отвел Люция на прежнее место, рядом с пещерой дракона, и, чтобы аквилонец больше не страшился животного, подвел его к змею, предложил почесать того за ухом, потом погладить по голове и пощупать чудовищные клыки. Крыло дракона, поврежденное мечом бритунца, и рана, нанесенная самим Люцием, были уже почти залечены. Дракон пристально взглянул на нового человека холодными немигающими, как

у змеи, глазами, запоминая, и вновь положил голову на подстилку из лишайника. Затем он устало прикрыл глаза, и только красноватый огонек едва тлел из-под опущенных век.

Змей был стар и равнодушен ко всему. Никто не знал его истории, кроме разве самых посвященных, которые могли читать письма атлантов, никто понятия не имел, что заставляет его оставаться в этих пещерах. К истовым служителям Илу его можно было причислить с большим сомнением. Люций решил воспользоваться равнодушием и способностями своего недавнего врага для побега. Остаться в пещере на всю жизнь он не желал. Ему хорошо, не понаслышке, была знакома жизнь таких тайных обитателей: по всей Хайбории, да и в Аквилонии и в самой Тарантии, было полно всяческих сект, кругов, братств, обитателей и других объединений представителей истинной веры. Их нельзя было преследовать за их религии — такого закона не существовало, но можно было привлечь к ответу как общества, создание которых воспрещалось. Однако зачастую в таких объединениях состояли очень влиятельные придворные чины, бороться с которыми закон не мог, поскольку они и были его исполнителями.

Разумеется, сила, влияние и численность этих объединений были различны, но признаки — повсюду одинаковы. Везде многоступенчатая система посвящений, построенная на самом гнусном обмане, предательстве и запугивании, в центре же этих кругов — либо зияющая мертвая пустота, либо безумец, либо черное колдовство, что было самым страшным. Везде невеликое число «посвященных» издевалось как могло над большинством поклонников. И почти везде существовали некие «тайнства», которые на деле были словесным прикрытием для самого разнузданного разврата. И здесь, в подземных глубинах Люций, столкнулся с тем же, но на сей раз его испугало неизвестное могущество властителей. Оно могло быть опасным не только для девяти десятых простых жителей этого убежища, не только

для окрестных селений и Фрогхамока — здесь гнездилась угроза благополучию Аквилонии.

Никто бы не стал утверждать, будто Люций был горячим патриотом королевства или неукоснительным последователем Митры, но все виденное было противно его природе, убеждениям и просто страшило. Весьма возможно, что основатели этого поселения и вправду были великими волшебниками и учеными, преследовавшими исключительно благие цели, но за тысячелетие многое могло измениться. Оставалось только раззнать, в чем состояла истинная мощь подземелий...

* * *

— К сожалению, дальнейшие строки этой сказки кратки и бедны сведениями, — огорченно вздохнул Септимий. — Причина, подозреваю, в том, что составители списка, да и оригинала, были мало сведущи в предании, философии и науках и не сумели достойно описать то, что происходило в пещерах. Известно, что Люций видел и подземные посевы, и пажиты, ему дозволено было ознакомиться с хранилищем свитков, доступных непосвященным, — оно было огромно и содержало бесценные знания. Видел он и множество приспособлений, назначение коих не смог уразуметь. Лицезрел он и прекрасных женщин, которые действительно были здесь в числе гораздо больше, нежели мужчины, и не верилось, что девы эти — лишь потомки тех первых семисот семидесяти семи девственниц. Дракон, очевидно, продолжал приносить туда девушек.

Видел он и пещеру грифонов. На четыреста локтей раскинулась она, и вдоль с обеих сторон тянулись два ряда возвышавшихся на три человеческих роста изваяний. Это были звери с телами пещерного льва и головами орла, с огромными клювами и когтистыми лапами. Для убедительности Служитель выпустил нескольких голубей, и несчастные птицы устремились вперед, к сиявшему сквозь далекий узкий выход свету горных снегов. Едва достигли они первой пары чудищ,

как ударили синие молнии, и голуби один за другим замертво упали на пол пещеры. «То же было и с тем, кто пытался бежать этим коридором,— заметил Служитель, и его зеленый драгоценный камень злое сверкнул.— Вот его останки»,— указал он рукой, в которой держал свиток. У ног правого грифона из четвертой пары — и как человеку удалось проскочить столь далеко? — белел скелет. Присмотревшись, Люций понял, что скелет был женским.

Трудно поверить в это,— воскликнул Септимий,— но Люцию удался побег! И бежал он через ту самую галерею с грифонами! Поскольку как непосвященный спал он по-прежнему в пещерке рядом с залом дракона, у него имелась возможность следить за тем, готовится ли змей к походу наружу или мирно спит. Больше ему все равно нечем было занять свое время. Питался дракон овцами, чаще всего теми, что добывал во внешнем мире. Служители кормили ящера мало, и Люций плохо понимал, зачем дракон служит им. Вероятно, он просто нашел спокойное убежище, где до него не могли добраться надоедливые странствующие рыцари — любители приключений и драконьего золота, или же над ним висело заклятие...

* * *

В одну из ночей — ночь, разумеется, была наверху — дракон вновь собрался на охоту. Люций, воспользовавшись кратковременным отсутствием служителей, подобрался к твари и, сознавая, что иначе он все равно погибнет здесь, рискнул. Схватившись одной рукой за драконий гребень, а другой за крыло, вскарабкался он на спину ящера и прижался плотно к его спине, держась за костистый гребень чудища. Дракон, к счастью, не проявил ни малейшего недовольства. Видимо, за долгие столетия аквилонец оказался первым, кто придумал такой отчаянный способ выбраться из подземелий, и дракон не получал приказа убивать или выдавать того, кому взбрет в голову попутешествовать на

его спине, каждый миг рискуя сорваться с огромной высоты и разбиться вдребезги.

Пришедшие тут же служители во тьме не заметили притаившегося человека. Воины не сопровождали их. После совершения каких-то пассов руками и движений свечой вперед выступил один, имевший восьмую ступень посвящения. Он заговорил на том же языке, на каком поначалу обратились к Люцию стражи ворот — они, к слову, исполняли тогда ритуал освещения входа, призванный привечать пришедших. Дракон, до этого равнодушно лежавший, по обыкновению полузакрыв глаза, немедленно поднял голову и изогнул шею. Глаза змея раскрылись, в них загорелся тот самый яростный огонь, что видел Люций во время схватки. Едва жрец закончил, глухой могучий рев огласил подземелье. Служители едва успели отскочить в сторону: дракон, оттолкнувшись лишь легонько лапами, ни сделав ни малейшего движения крыльями, мягко и плавно поднялся на полтора локтя и бесшумно, постепенно ускоряя полет, заскользил к выходу.

Усидеть на спине дракона оказалось не сложнее, чем в седле послушной лошади. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее потянулись назад коридоры, залы, гроты, туннели. И вот, поднявшись по длинной наклонной шахте, змей вынес Люция в галерею с грифонами, ничуть не замедлив движения. Проход между двумя рядами чудищ стремительно приближался. Человек, вцепившись мертвой хваткой в драконий гребень — не оттого, что боялся сорваться, а от сковавшего его напряжения и мучительного ожидания,— приготовился к тому, что сейчас рухнет, испепеленный и безжизненный, рядом со скелетом той неизвестной, что когда-то предпочла быструю смерть заточению. Он уповал лишь на чудо, на древнюю магию ушедшего народа, что хранила от сокрушительного времени холодную плоть крылатого змея.

И чудо случилось. Открыв зажмуренные глаза, он подставил лицо свежему ветру, который врвался в

устье пещеры. По бокам мелькали свирепые головы грифонов с хищными клювами, царапали гранит их длинные медные когти, холодной яростью горели птицы, но в то же время какой-то змеиной мудрости преисполненные глаза. Горели, потому что не могли убить того, кого им надлежало убить, и того, кто обманул их.

Осталась позади последняя пара чудищ — самых огромных и злобных, — и вот, едва не задев гигантские ледяные наросты, образовавшиеся на своде, Люций верхом на драконе вылетел на свободу. Впервые за несколько дней — он и сам не знал, за сколько, утратив в вечном красноватом факельном и белом колдовском свете пещеры всякое ощущение времени, — увидел он солнце, вернее, уже только последние лучи его.

Тонкая линия серых облаков протянулась над белыми зубьями вершин, а над ней в розовом небе погружался за горизонт расплавленный желтый диск. Люций оглянулся назад. Черный зев пещеры был уже далеко. Гора, в недра которой он уходил, угольно-черным конусом уходила ввысь. На востоке ночь уже затопила небо, и очертания скал терялись в ее черноте, а из межгорных провалов медленно изливалась холодная мгла, и горная страна исчезала в ней. Но путь дракона лежал к западу, и Люций на черном чудовище, которое бесшумно планировало, распластав кожаные гигантские крылья, понесся прямо в золотую вечернюю зарю.

Поначалу в вышине было очень холодно, и аквилонец пожалел, что не прихватил с собой хоть одно из шерстяных одеял, под которыми спал. Однако дракон быстро шел вниз, будто по ступеням гигантской лестницы, скользя над огромными уступами камня. Вот показались впереди и холмы, вершины которых тускло освещали последние лучи заходящего светила. Люций смотрел вниз без всякого страха. Дракон чувствовал себя в зыбком воздухе так свободно и уверенно, как не чувствует себя и трезвый человек на твердой земле.

Полет его был столь ровным, что Люций точно в колеснице ехал по гладким мраморным плитам.

Темная ночная земля раскинулась под ним. Горбы холмов спускались в необозримое лесное море. Пространства болот маслянисто мерцали, серебрились под встающим месяцем ленты глубоких и спокойных лесных рек. Стояла удивительно спокойная тишь, не отравленная ядом столичной суеты, и только на высоком холме у болот чернела тяжелая каменная корона Фрогхамока. Впервые за годы службы, проведенные на севере, Люций понял, сколь суров и прекрасен этот безлюдный край.

Дракон стал снижаться, и десятник увидел, что побуждало его сделать это: на одном из холмов из надвинувшейся тьмы вдруг вспыхнул огонь пастушьего костра. Кто-то, несмотря на плачевные события последних дней и ночей, все же рискнул выгнать овец на горное пастбище. Вот когда у Люция по-настоящемухватило дух! Дракон, имея значительный вес, стал камнем падать вниз, со свистом рассекая густой ночной воздух. Хорошо еще, что земля уже погрузилась во тьму, и человек не видел, как стремительно растут казавшиеся мелкими камешками острые известковые скалы, как несется навстречу земля. Он видел только, как на глазах разрастается огненный цветок костра, и ощущение сладкой жути пронизывало все его существо.

Первый и единственный раз довелось ему участвовать, разумеется только как наблюдателю, в драконьей охоте. Головокружительный спуск закончился. Ящер вновь выравниал полет, и только тут Люций разглядел, что дракон скользит над самой землей, лишь немного выше кустов боярышника. К сожалению, человек не успел заметить, как далеко и в какой стороне от Фрогхамока опустился дракон. Сейчас же, по своему обыкновению, змей затаился за каменной грядой и медленно подбирался к добыче. Ворчание и лай неутомных псов постепенно затихли. И, хотя разговоров у костра на таком расстоянии слышно не было, аквило-

нец не сомневался, что люди еще раньше оказались связанными чарами гипнотического сна. Даже Люций, прекрасно уже сознавая, чем обезоруживает противника дракон, ощущал расслабляющую члены вялость, лень мысли и рассеянность внимания.

Дракон между тем, почувствовав, должно быть, что все спокойно и можно приступать к делу, вытянул шею и стал осматривать пастбище. Убедившись окончательно, что ни люди, ни собаки не видят его, змей тяжело поднял крылья и, перевалив через камни, опустился наконец на траву. Но, прежде чем начинать охоту, ящер должен был освободиться от седока, который отнюдь не был ему в тягость при полете, но охотиться бы, безусловно, помешал. А Люцию впервые за весь полет стало действительно страшно. Одно дело там, в пещерах, где дракон почему-то повиновался жрецам Илу Всеединого, а что взбредет в голову злобной твари здесь, когда он на воле и сам себе хозяин? Люций сразу вспомнил всю силу и злобу дракона, когда расправлялся тот с его людьми той бурной ночью. И как только оставил ящер в живых его и несчастного пуантэнца? Неужели посчитал за мертвых? Или отнес туда, где их, без сомнения, схватили бы подгорные карлики?

Но всякая охота гадать тут же пропала, когда дракон, остановившись, повернул свою ужасную голову и воззрился на Люция немигающими глазами, в которых человек увидел все тот же страшный огонь. Ужас, изгнавший все другие чувства, был так велик, что пальцы Люция разжались сами собой, и он, как мешок, повалился на траву, ожидая расправы. Дракону, оказалось, только того и надо было. Отделавшись без особых хлопот от наездника, он с неожиданным проворством, подобно юркой ящерице, но не теряя при этом драконьего достоинства и стати, направился к стаду.

Овцы, зачарованные драконьим колдовством, даже не шевелились. Видимо, это был последний поход дракона в здешние места, ибо прежде змей осторожничал и не оставлял следов. Люций возблагодарил в сердце

Митру Лучезарного. Естественно, после того, как оправился от ужаса. Не дожидаясь, пока дракон, разобравшись с овцами, вспомнит невзначай о нем, Люций ползком, пачкая о мокрую от росы траву свою белую одежду, забрался в какую-то яму, закрытую кустами, и притаился там, дрожа как осиновый лист. Страшная слабость охватила его, а в голове вертелась одна мысль: «Спасен!» Он не смел и носа высунуть из своего ненадежного укрытия: пожелай дракон отыскать его, это удалось бы змею без труда. Наконец послышались взмахи мощных крыльев. Черная тень пронеслась над холмами и исчезла, растворилась на фоне горной степи. Дракон улетел, унося добычу. Люций остался на свободе.

— Дальнейшие приключения десятника аквилонского гарнизона весьма прозаичны, — перешел Септимий к окончанию повествования. — Справедливо полагая, что проснувшиеся пастухи примут его, да еще облаченного в столь необычную одежду, за вора или злого колдуна, он решил самостоятельно добраться туда, где его знают в лицо, то есть во Фрогхамок...

Задача эта оказалась непростой: дракон посетил самое отдаленное пастбище, и до замка оставалось два дня пути через дикую местность, при этом никакого оружия у Люция не было. Ночевать в одиночестве на горных лугах было опасно: подгорные большеглазые нелюди могли напасть снова, да и повстречаться с горным медведем или волками, когда ты можешь защититься только парой не самых могучих в Аквилонии собственных рук, не очень приятно. Мало того, Люций, привыкший более к городам и казармам, нежели к лесистым просторам, не слишком хорошо ориентировался на местности и имел довольно смутное представление о том, как попасть во Фрогхамок. Спас его случай.

Той же ночью, спускаясь с предгорий почти на ощупь и продираясь сквозь роспий в самых неподходящих местах колючий кустарник, Люций выбрался на осве-

ценную молодой луной поляну и остановился в страхе и изумлении: посреди поляны на огромном пне, который остался, видимо, от одиноко стоявшего некогда здесь большого и толстого дерева, восседал здоровенный и почти голый мужчина. Всю одежду его составляла плохо выделанная и потому источавшая дикую вонь волчья шкура. Волосы его были длинными и густыми, но гребень не касался их, должно быть, с весны, а не мылись они, вероятно, с последнего явления в землях аквилонских блаженного Эпимитриуса.

Перед дикарем лежал чурбан. В руках здоровяк держал палочку из твердого, должно быть, дерева, поскольку, даже будучи заостренной с одного конца при помощи пальцев и зубов, она упорно не желала ломаться, когда мужчина, приставляя ее к чурбану, усердно вращал ее в ладонях, пытаясь, очевидно, извлечь огонь.

Получалось это у него плохо. С досады он вскочил, в ярости швырнул палочку на траву, затопал ногами и закружился по поляне. И тут взгляды Люция и дикаря встретились. Каково же было удивление обоих, когда один узнал в злобном горце-дикаре своего солдата, что родом из Пуантена, а тот своего командира — десятника, на котором зачем-то красовался изодраный и грязный шутовской балахон.

Нечего и говорить, что удивление мгновенно сменилось несказанной радостью, будто каждый встретил не кого-нибудь, а горячо любимого родственника.

Кратко поведали они друг другу свои истории.

Оказалось, что солдат, после того как невидимые пути обездвижили его, а командир куда-то как сквозь землю провалился, оказался в положении своего рода почетной жертвы. Его связали настоящими веревками, а потом приковали на цепи в темной пещерке и только после сняли чары. Но тем не менее не убили сразу и не издевались, хотя он полагал, что таковое должно вот-вот случиться, а исправно кормили пищей из рыбы и каких-то растений.

За это время пуантенец заметил, что подземелья живут в полном смысле нечеловеческой жизнью. Миндалеглазые если и делали что понятное, так это кормили человека. Все остальное походило на какой-то муравейник. Все обитатели мира под холмами постоянно находились в движении, спешили куда-то, что-то перетаскивали, лопотали о чем-то на ходу на своем противном наречии. При этом и мужчины, и женщины, и даже дети — все были заняты. И круговерть эта продолжалась круглые сутки, за исключением трех перерывов, когда, точно сигналом трубным остановленные (хотя пуантенец ничего не слышал), они бросали свое дело тут же, где их заставлял этот условленный миг, и удалялись чинно куда-то на довольно продолжительное время. Тот, кто нес тюк, бросал его тут же и уходил, беседующие прерывали свои речи и расходились в молчании, будто незнакомые, спешивший в одном направлении разворачивался и шествовал обратно в чинном спокойствии.

Что они делали там? Куда уходили? Молились? Совершали свои жуткие ритуалы или общались со своими ожившими заклятиями? Узнать пуантенец ничего не мог, но это и не было нужно. Само собой понятно, что в такое время убежать из подземелий было проще простого, а на поверхности пусть-ка попробуют справиться с аквилонским солдатом! Дело было за малым: освободиться от цепи (или от стены, к которой цепь была прикована) и узнать, в какую сторону идти, чтобы выбраться на свет, дарованный Митрой. Он уже пробовал разогнуть железные кольца или вытащить из стены пробой, но скоро понял, что для этого нужна сила дракона, если не большая, или заклинание, способное подчинить холодное железо. Такой силы даже у могучего пуантенца не было, а заклинаний он отродясь не знал. Правда, оставался еще замок на цепи, к которому полагался и ключ. Только где взять этот ключ, солдат и представить себе не мог.

А срок, назначенный ему неизвестно кем, приближался — об этом говорили черточки, нанесенные ме-

лом на противоположной стене, которую освещал факел. В часы, когда пуантенец засыпал, чья-то рука старательно отсчитывала оставшиеся дни. Оставшиеся, скорее всего, до его смерти. Кто делает это, он никогда не видел, хотя воображение рисовало прежде всего того самого злобного мага, что так запросто обездвигил его в тот препечальный день.

Пуантенец видел во сне, как тот, скорчив злобную отвратительную гримасу, зажав в кулаке длинный тонкий и острый нож, бродит над его телом, заранее примериваясь, как это железо вопьется в ненавистную плоть человека из большого народа. Человек просыпался — на стене напротив в свете факела он видел все те же черточки, среди которых недоставало одной, и никаких следов. Надо ли говорить, что спал он, конечно, не в те часы, когда все нелюди пропадали неведь куда. В это время он как раз и пытался что-нибудь сделать с цепью.

Но черточки убывали, а цепь все не поддавалась. Когда их число сократилось с четырнадцати до девяти, он отчаялся бороться и, истомленный переживаниями, уснул незадолго до того, как все эти миндалеглазые идиоты побегут на свое непотребство. Единственным, что можно было любить в этих подземельях, был удивительный, теплый и толстый мох, на котором спалось, как в пуховой постели, — нигде больше такого ни Люций, ни солдат не встречали. На этом мху пуантенец и заснул, поглаживая его, как единственное сочувствующее существо.

Именно во время этого сна и произошло чудо, которое спасло пуантенца. Как всегда, ему снился мерзкий колдун, хотя на сей раз лицо его было не столь жестоко, как обычно, да и кинжала в кулаке не было. Колдун долго ходил вокруг, что-то бормотал, потом взмахнул откуда-то появившимся у него в руках большим платком, и платок мгновенно исчез, а в пальцах у колдуна появился ключ, который он вертел с легкостью и проворством вендийского жонглера, так что тот мелькал, превращаясь в нечто прозрачное.

Пожонглировав ключом вдоволь, колдун бросил его, как метают дротик, в замочную скважину, а сам заплясал в диком танце, так что руки, ноги, тело и голова двигались будто сами по себе в бешеном темпе, выписывая умопомрачительные вензеля. После очередного такого прихотливого па вдохновленный до иступления самим собою колдун расплясался так, что по горячности исчез, только дуновение долетело до солдата. И вместе с тем последовал тихий характерный щелчок: ключ повернулся в замке сам собой, дужка отпала, а затем ключ тоже испарился чудесным образом, лишь дымок синеватый пошел.

«Неужели свободен?» — не поверил себе пуантенец, не понимая, бодрствует он или еще пребывает во сне. Если во сне, то откуда звуки и ощущения, а если все происходит наяву, то какого черта злобной твари размыкать его оковы — поиздеваться решил, что ли? Да и вообще, что это он разгуливает по пещерам и пляшет подобно пиктскому шаману в столь неурочный час, когда все нелюди предаются беснованию совсем в другом месте?

И тут, сообразив, что сны снами, а дело делом, — жить-то ему очень хотелось, — преодолев тонкую, но трудную границу между видениями и бодрствованием, он открыл глаза. И успел заметить, как кто-то одетый в тонкую белую ткань, мгновенно отступил в темноту из круга света под догорающим факелом, и действительно, только дуновение коснулось лица пуантенца. Но этот кто-то определенно не был ни колдуном, ни вообще обитателем подхолмных пещер: фигура была высокая и тонкая, похожая на женскую! А час между тем и вправду был еще не поздний — нелюди покуда не начали шнырять по своим коридорам. Окончательно придя в себя, солдат взглянул на замок. Чудо! Замок действительно был открыт! Ключа рядом не было, но, пребывая в железном браслете с одним кольцом на левой щиколотке, пуантенец мог идти куда ему заблагорассудится. И он поспешил встать — на стене исчезла еще одна черточка.

Кормили его не слишком щедро, и потому сказать, что он был полон сил, было бы неверно, к тому же от долгого сидения в глазах зареяло и немного закружилась голова. Но скоро дурнота отпустила его. Теперь следовало определить, куда держать путь.

Он огляделся. Ниша, куда его водворили, находилась в длинном темном туннеле, уходящем в обе стороны в неизвестные подземные глубины. Слева от ниши во мрак ответвлялся узкий проход. Рассудив, что идти туда же, куда бегут все карлики на свой шабаш, было бы опасно, солдат пребывал в замешательстве. И тут — или это показалось? — из-за угла этого узкого бокового коридора мелькнула та самая белая полупрозрачная ткань и сейчас же исчезла.

Повинуясь безотчетному порыву, он двинулся вслед неуловимой незнакомке. В коридоре было темно, пришлось идти держась рукой за стену. Он не ведал, где кончится этот проход, надо ли поворачивать еще или так и следовать вдоль стены, не знал, сколько еще ему идти, и надо ли торопиться.

Зато он верил, что удача наконец-то улыбнулась ему и Митра, услышав его молитвы, ниспослал ему спасение в лице светлого и таинственного проводника-хранителя, принявшего прекрасный и почти незримый облик.

— Весьма странно было бы, если б грубый пуантенский мужлан столь красочно и богоприятно мог излагать свои мысли, — заметил Септимий, саркастически улыбаясь. — И тем не менее я склонен думать, что чудо, дарованное свыше, тем паче дарованное в самый тревожный час, когда жизнь висит на волоске, способно привести к просветлению самую что ни есть темную и заблудшую душу. Не удивлюсь, если, преисполнившись благостного трепета пред деянием бога, косноязычный пейзаин заговорил вдруг не менее красноречиво, чем, скажем, достойный Тарквиниан. Истории известны такие примеры. Впрочем, я вновь уклоняюсь от повести, — спохватился молодой ученый.

Итак, продолжая следовать этим коридором, солдат вдруг ощутил, что под ногами его вода, притом очень холодная. Что ж, лужи в подземных катакомбах не были редкостью, и пуантенец смело двинулся вперед. Но вода с каждым шагом прибывала, и, когда она достигла бедер, он усомнился в правильности избранного направления и снова застыл в растерянности. Вода была просто ледяной, пальцы ног начинали стынуть. Кто же знал, вдруг здесь целое подземное озеро, выход из которого находится где-нибудь в глубине, куда даже опытный и сильный пловец не сумеет добраться?

И солдат воззвал к Митре Светозарному, дабы тот послал ему знамение, что путь его верен, либо, если это наваждение подземных бесов, изобличил его. И тут же он ощутил легкое касание на своей поднятой вверх руке — оно было прохладным и нежным. Будто чьи-то тонкие пальцы обняли его запястье и повлекли вперед. И он, преисполнившись возвышенных чувств и решимости, пошел, теперь уже не сомневаясь, туда, куда вела его рука поводыря, не обращая внимания на ледяной холод воды и забыв об ужасах, таившихся во тьме. Скоро вода подступила ему к горлу, идти далее стало невозможно. На свое счастье, он умел неплохо плавать и, оттолкнувшись от каменистого голого дна, поплыл вперед, делая мощные гребки. Над головой он по-прежнему чувствовал присутствие невидимого хранителя.

Так он проплыл довольно, как ему думалось, долго. Тишину не нарушало ничто, кроме плеска волн, которые он сам же и вызывал. Несколько раз он проверял, не появилось ли под ногами дно, однако воды по-прежнему были пусты и глубоки. Когда холод стал уже невыносим, он повторил попытку еще раз, и тут долготерпение его было вознаграждено. Почти онемевшие ступни коснулись поверхности, да не голого камня пещеры, а скользких водорослей. Выходит, он добрался до места, куда проникал если не солнечный свет, то свежий воздух снаружи! Стремительно вышел он на неизвестный берег, и порыв прохладного ветерка пах-

нул ему в лицо. Несмотря на холод, до дрожи пробиравший тело, на лбу у пуантенца выступил горячий пот. Он опрометью бросился вперед, пробежал несколько локтей и вот, миновав поворот, оказался перед трещиной на высоте своего роста. Сквозь нее серело затянутое тучами ночное небо. Как в бреду, не помня себя от опьянения свободой, подтянулся он на руках и, обдирая плечи о твердый шершавый камень свода, вывалился на поверхность земли.

Он очутился в ложбине на склоне холма. Перед ним простирались ночные угольно-черные купола холмов и залитые непроглядной мглой распадки, а далее грозной громадой вставали горы, одна выше другой. Ложбинка была совсем крошечной, четыре локтя в глубину и пятнадцать в длину. В устье ее лежали белеющие обломки известняка и шелестела мелкими листочками в слабо тянувшем ветерке одна гордая и прямая горная рябина, стойкая к диким зимним бурям предгорий. Осознав наконец, что почти спасен, и поняв, кому обязан он столь чудесным спасением, пуантенец упал на колени и вдохновенно пропел Митре единственный гимн, который знал от начала до конца на память, а после обратился к Подателю Жизни с робкой просьбой явить ему облик той, что вела его, не оставляя, по подземным коридорам.

В ответ прошелестело знакомое уже дуновение, и в луче проглянувшей на миг из-за туч луны рядом с рябиной увидел он стройную женскую фигуру, облаченную в белую полупрозрачную хламиду, складки которой едва заметно шевелил ветер. Стан ее был едва не тоньше стройного деревца. Длинные распущенные волосы были светлы и отливали серебром в лунном свете, а лицо, невыразимо ясное, поражало неземной красотой.

В правой руке она держала ветку омелы. Пораженный таким совершенством, не смел он сначала и рта открыть, а затем, словно это заговорила сама душа, потоком хлынули благодарственные речи божественной

деве. Дева стояла некоторое время, слушая его с дивной улыбкой, а затем жестом велела ему остановиться, встать и идти за ней. Не оборачиваясь более, она невесомым летящим шагом вышла из ложбины. Завороженный пуантенец двинулся следом.

Она вышла на склон холма, по-прежнему оставаясь на расстоянии пятнадцати локтей от него, затем повернулась в сторону долин, указала на них веткой, и тонкий алмазный луч прочертил ночную темень. Пуантенец проследил за ним взглядом, и там, во тьме долины, с трудом различил кажущуюся такой маленькой с этих высот тяжелую скалу замка Фрогхамок. Луч погас. Обернувшись вновь туда, где стояла женщина, он не увидел ее. На том месте, где только что стояла Прекрасная, колыхалась густая и серая в лунном сиянии трава. Лишь звонкий серебристый смех долетел до его слуха и быстро затих. Пуантенец остался в ночных горах один, но свободный и спасенный.

История дальнейших его приключений не столь интересна. Для защиты и охоты он выломал здоровенный березовый сук, однако, не будучи знатоком северных лесов, плутал долго по безлюдным горам и долам, питаясь первыми попавшимися ягодами и орехами, но все же медленно приближаясь к замку.

Наконец, не понимая, куда можно идти в лесу, а куда нет, он натолкнулся на волчье логово, где недавно вывелись щенки. Нечего и говорить, что волки не потерпели такого вмешательства в свою жизнь. Не обладал пуантенец железным здоровьем сельского жителя, не владел он боевыми приемами, не имел той силы, что была в его мускулах — не видать бы ему больше белого света. Волки напали на него вместе, порвали в клочья одежду и жестоко поцарапали и искусали. К его счастью, звери были не слишком велики. Волка ему удалось убить страшным ударом березовой дубины по затылку, а вот волчица не уступила человеку и долго еще преследовала его, пока не удостоверилась, что он уходит прочь и навсегда.

Шкура убитого волка заменила ему пришедшую в полную негодность одежду. Однако у него не было каких-либо инструментов для выделывания шкур, и потому его новая одежда выглядела кошмарно, а добывание огня всякий раз превращалось в муку. Березовую дубину пришлось выламывать заново: пуантенец показал Люцию обломок предыдущей с отметинами яростных зубов. Оставшись одна, волчица превратилась в настоящего демона, и твердая горная береза сыпалась в ее челюстях, как труха...

* * *

— Конец всей этой истории очевиден, — развел руками Септимий. — Никто, понятно, не поверил рассказам Люция и пуантенца. Люций, правда, не был даже разжалован: Аммий заступился за него, а дело уладили, поскольку овцы перестали пропадать. Люций вроде бы даже сделал-таки себе карьеру, вознесенный неожиданно волной дворцовых интриг до тысяцкого. Он вернулся в столицу, но, уже прослужив там лет пять, как-то поутру был найден убитым на ступенях библиотеки. Смерть наступила от удара в сердце узким отравленным кинжалом. Следствие не обнаружило никаких следов убийцы, и все было списано на эхо событий пятилетней давности. Хотя, на мой взгляд, конец ниточки следует искать немного раньше и выше, в этих горах, — добавил Септимий.

Что до пуантенца, то он оставил армейскую службу и сделался храмовым слугой, а потом очень преуспел на религиозном поприще и стал магом, окончив свои дни весьма почтенным и уважаемым старцем. Когда он умер, среди его вещей нашли сотворенный на стекле неизвестным мастером портрет молодой прекрасной светловолосой женщины, стоящей на склоне холма в лунном свете. На ней была белая полупрозрачная хламида.

— Вот и вся сказка, — заключил Септимий. — Я склонен верить, что описанные в ней удивительные

приключения и события — истинная правда, и готов поклясться в этом на алтаре Митры. Почтенный Орибазий повествует, что оригинал документа был составлен личным писцом Аммия III и заверен подписью и печатью последнего. Теперь же я готов выслушать все твои возражения, друг Юний.

Он отложил свиток и улегся на ложе на спину, заложив руки за голову и обратившись лицом к Юнию, всем видом своим показывая готовность с легкостью опытного фехтовальщика отразить любой выпад новичка.

— Прежде всего я сам должен взглянуть на документ, — с философским спокойствием ответил Юний.

Он не поленился подняться, перейти просторную комнату, нагнуться за списком и вернуться с ним на ложе.

После внимательного и довольно продолжительного изучения, в течение которого Юний, увлекшись, время от времени посвистывал, чмокал, сопел и мычал, достойный архивариус изрек:

— Что ж, свиток, несомненно, подлинный. Подписями владельцев Фрогхамока скреплено немало документов в архивах Тарантии. Подпись Аммия III, приведенная здесь, имеет характерные для эпохи правления Эпамидонта V витиеватости и художественные вычурные детали. Тогда модно было щеголять искусством каллиграфии. У меня нет оснований считать свиток подделкой.

— В этом я и не сомневался, — перебил его Септимий. — Скажи мне, что думаешь ты о содержании?

— Сказка, — коротко, но как-то не совсем уверенно, высказался Юний. — Сказка, хотя для простой сказки слишком подробная и явно обработанная каким-то образованным, не лишенным сочинительских талантов человеком. Возможно, это был и сам почтенный Орибазий, хотя стиль вряд ли его. Следовало бы, конечно, удостовериться, существовали ли в то время тысяцкий по имени Люций или маг — бывший крестьянин из Пуантена.

— Они действительно жили тогда, я проверял,— спокойно отозвался Септимий.

— Хорошо, однако и это ни о чем не говорит. Иной раз о вполне живых исторических деятелях наслушаешься такого, что любая сказка меркнет и блекнет. Да взять хотя бы нынешнего аквилонского вседержителя. Ты слышал хотя бы одну историю о его молодости? Петрониус, марающий сотни свитков папируса в год дурацкими опусами о стигийских колдунах, обнаженных красотах и непобедимых кхитайских наемниках, коими в упоении зачитывается плебс, а ныне, увы, в согласии с модой, и королевский двор, никогда не измыслил бы такого. Даже его извращенной фантазии не хватило бы.

— Согласен,— подхватил Септимий.— Конечно, слышал. Какое мужество и благородство в сочетании с силой горного льва! — Он усмехнулся.— А еще я слышал о королевском гареме, вроде как в Туране. При этом туранскому шаху и не снились те подвиги на ложе любви, коими может похвастать наш король! Ты знаешь, сколько, хм, красоток он способен ублажить за ночь?

— О да, премного и предивно! И, надо сказать, не только наши доблестные рыцари пребывают в полном удовольствии от подобного образа жизни и мысли, но и прекрасные дамы тоже испытывают совершенный, я бы сказал, экстатический восторг! — воскликнул Юний.

— И прекрасные дамы, и благородные девицы! — поддержал друга Септимий.— Впрочем, я очень сомневаюсь, что после сего среди них еще остались девицы.

— Да, увы нам! Наша эпоха — эпоха упадка и воцарения варваров, развратников и пьяниц,— вздохнул Юний.

— Это так,— скорбно признал Септимий.— Да и все последние правители наши не отличались добронравием и высотой помыслов. И древние мужи тоже, по сути, если знать историю, были вовсе не столь благонравны...

— Падение нравов, упадок наук и искусств, тлен, безверие и разорение,— покачал головой Юний.— Кстати, мы, кажется, немного увлеклись и отклонились от главной темы беседы нашей.— Он в некотором замешательстве почесал свой высокий классический лоб.— На чем же я остановился?

— М-нэ-э...— многозначительно протянул Септимий, тоже упустивший несколько нить разговора.— Помнится, мы остановились на том, что факт существования Люция-тысяцкого и второго персонажа повести отнюдь не свидетельствует о ее правдивости.

— Именно,— облегченно выдохнул Юний. От напряжения мысли лоб его покрылся испариной.— Так вот, и поелику так, то для подтверждения истинности данной истории требуются либо иные, более весомые, доказательства, либо наличие еще какого-либо, желательно письменного, источника, повествующего непротиворечиво о том же. Что можешь ты привести?

— Немногое, однако слушай. Я сам спрашивал пастухов с предгорий о существовании долины, описанной как капище подземного народца. Сведения легенды подтверждаются, горцы не погрешили против имеющегося текста ни единым фактом. Помнят они и о непонятных пропажах скота, и об исчезновении на пастбищах отряда аквилонских солдат. Правда,— уточнил он,— численность воинов за годы возросла с десяти до пятисот. Она могла бы увеличиться и еще, но пятисот для здешних жителей — число предельное, ибо более грандиозного воинства они представить не могут. И огромный костер в первое полнолуние после осеннего равноденствия продолжает пугать суеверных туземцев. Мало того, во Фрогхамоке время от времени объявлялся хозяин, которому приходила идея собирать местные предания, да я и сам этим занимался. И что прелобопытно: несмотря на огромное количество всяческих пещер, гротов, расселин, ни в одной легенде не повествуется о приключениях под землей, будто бы строгое табу наложено на все упоминания о происходящем под го-

рами и холмами и тех, кто населяет подземелье, меж тем как у прочих горных народов непременно бытуют сказания о мире без солнца и разных гномах.

Здесь такого нет, кроме, разумеется, жуткой легенды о миндалеглазых карликах. Гномы, как выяснилось, вовсе не легенда, и наш славный король в этом лично несколько раз удостоверился. Так в чем же дело? Значит, у горцев есть причины бояться. Далее. Я не склонен верить никаким рассказам о былом могуществе мифических атлантов. Вероятно, они были, но, думаю, не столь сильны и непобедимы, раз хайборийцы утвердили свое господство на материке. Но тайные храмы Митры в пещерах — не сказка, они и действительно существовали. Почему бы в этих горах не сохраниться подобному?

И, наконец, последнее. Две недели назад к отцу опять приходили пастухи: овцы снова стали пропадать незаметно и в никуда. А мальчишки из одной горной деревеньки, стоящей почти прямо над Фрогхамоком, отыскали в пересохшем летом русле горного потока гигантский трехпалый птичий след.

— Что ж,— настаивал на своем Юний,— и в этом нет ничего замечательного. Все может оказаться просто совпадением или мальчишескими проделками,— сказал он задумчиво, потом помолчал.— И тем не менее мне очень бы хотелось все это проверить...— Он поглядел мечтательно на сводчатый потолок, потом перевел взгляд на вид за окном.

В ответ раздался заразительный хохот Септимия. Молодой человек приподнялся на ложе и, обратившись к ничего не понимающему Юнию, давась, проговорил:

— Друг мой, ты сам не заметил, как выполнил то, чего я хотел от тебя добиться. Мне вовсе не нужно было, чтобы мы вместе тосковали здесь, глотая вино кубок за кубком. Что в этом проку? Я ловлю тебя на слове. Ты сказал, что тебе самому интересно проверить все это. Так? — Глаза Септимия вновь сверкнули сухим лихорадочным блеском.

— Ну, да, сказал,— растерянно ответил Юний, тоже приподнимаясь, не в силах понять, куда клонит Септимий.

— Значит,— торжественно объявил тот,— решено! Если не завтра, то через день мы отправляемся в горы. И я не хочу слушать никаких возражений! — воскликнул он, видя слабую попытку Юния что-то возразить.— Я уже, как ты сам заметил, целый год не вел дел и не был в путешествиях, а ты и подавно. Даже если мы не отыщем ничего, то не вижу причины, отчего бы двум благородным нобилим не предпринять горную экспедицию и хотя бы там, в чистоте и первозданности горных лугов, отдохнуть от тупоумия и распутства, воцарившегося в столице. Все уже готово к походу, но последнее решение остается все же за тобой. Учти, если ты откажешься, я поеду один. Итак?

Юний поразмыслил еще немного, потом возвел глаза к потолку, пробормотал что-то, выдохнул, махнул безнадежно рукой и сказал:

— Разве могу я отпустить тебя одного? Ведь ты всенепременно вяжешься без меня в какую-нибудь идиотскую историю. Что ж, ладно. Я еду. Вперед, на горные луга!..

* * *

Вот так и закончил Кондла Морниган свой рассказ о подслушанной беседе.

Нечего и говорить, что, как только письмо было написано, гонец тут же вскочил на коня и помчался во весь дух, только его и видели. Ему предстоял долгий путь, до самой Тарантии, где горец, к слову, не был ни разу и понятия не имел о тонкостях дворцового этикета.

Глава четвертая

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Был глухой и пустынный предрассветный час, когда даже воры заканчивают свою темную работу и даже притоны на окраинах Тарантии затихают.

У зарешеченных ворот в толстой высокой стене, окружавшей королевский дворец, сменялась четвертая ночная стража. Развод караула был почти завершен, когда из коридора между стенами, ведущего в огромный двор, послышались стук копыт и шуршание колес. Спустя несколько мгновений на освещенную площадь перед воротами вылетели четверо всадников и три колесницы. Лица всадников и возничих скрывали капюшоны и защищающие от пыли дорожные маски. Темнота ночи делала покидающих замок и вовсе неузнаваемыми, хотя даже в багровом факельном сумраке можно было легко отличить их друг от друга по росту и телосложению: один был высок и могуч, двое — высоки и стройны, один среднего роста и кряжист, еще один невысок и крепок, а один из возниц не то что коротышка, но выглядел настолько субтильным, что одежда сидела на нем мешковато.

Один из всадников откинул капюшон и спрыгнул с коня. К удивлению начальника караула, перед ним предстал королевский канцлер Публий собственной персоной. Из складок плаща канцлер извлек свиток. Волевое, словно высеченное из гранита, строгое лицо с

резкими правильными чертами, жесткий подбородок, крупный прямой нос, высокий лоб с залысинами, коротко стриженные волосы, серые пронизательные глаза — сомнений быть не могло, это сам Публий.

— Этих людей следует пропустить немедленно. Вот распоряжение короля, — быстро и четко проговорил канцлер.

Начальник стражи был обучен грамоте в пределах, позволяющих прочесть свиток, который содержал сведения о том, нужно ли кого-то впустить или выпустить, в какое время и в каком количестве. Пересчитав по пальцам людей, лошадей и колесницы, он с недоумением уставился на Публия:

— Господин канцлер, здесь написано, что я должен выпустить восьмерых. С тобой же только семеро. Куда подевался восьмой?

«Этот педант Хорса не забыл о спящем гонце!» — Публий аж вспотел. Препираться с начальником стражи ворот было бесполезно: он подчинялся или командиру гарнизона, или королю, или подписанным ими распоряжениям, ничего иного для него не существовало.

— А меня ты забыл сосчитать? — призвав на помощь всю свою надменность и высокомерие, спросил Публий, приосанившись. — Открывай живее, или тебе мало королевской подписи?

Устойчивую подпись Конан так и не выработал, считая это баловством, и для него придумали особую систему знаков, которые он старательно выводил под каждым необходимым документом. Время от времени условный знак менялся, о чем, как о пароле, незамедлительно сообщалось всем службам. На сей раз паролем служило сочетание древних гандерских магических знаков.

Стражник был посрамлен, а Публий возгордился еще больше. Мало того, что сегодня ему привелось занять высший пост в государстве, так он к тому же сумел наглядно продемонстрировать самому себе преимуществу усердно насаждаемой им же самим бюрократии.

Не он ли настаивал на точном, чуть ли не поштучном учете всего ввозимого и вывозимого пусть не из страны, но хотя бы из дворца? И что же? Благополучие двора ничуть не ухудшилось, а расходы на его содержание существенно сократились. Кроме того, Публий нашел в себе силы перековать хама и поставить на место зажавшуюся солдатню — привратников.

С видом несправедливо обиженного калеки стражник потупился, пробормотал нечто вроде «Слушаюсь, будет исполнено» и отдал-таки солдатам приказ поднимать решетку. Застучали зубчатые колеса, звякнули тяжелые цепи, решетка поползла вверх. Едва достигла она высоты шести локтей, как великан в явно тесноватом для его широких плеч сером грубом плаще хриплым басом скомандовал: «Вперед!» — и один за другим всадники скрылись в ночи, затерявшись в лабиринте узких улочек, начинавшемся сразу за главной площадью. Последним, записывая за пазуху свиток с распоряжением, проскакал под решеткой Публий. Только тут до привратника дошло, что канцлер не оставил ему, как полагалось, этот самый свиток.

— Стойте! Свиток! — отчаянно заорал вдогонку офицер.

— После! В канцелярии! — донесся ответ Публия, и стук копыт его коня последним исчез в ночи.

Понятие «в канцелярии» для всех во дворце было равносильно понятию «никогда». Канцелярский цербер Тарквиний своим бессердечием превосходил даже профессионального цербера — привратника. Так бесследно исчез единственный документ, который мог хоть косвенно свидетельствовать факт, что король Конан I покидал Тарантию.

Со стражей городских ворот неприятностей не возникло. Здесь оказалось достаточно присутствия Публия и его личной охраны. Железные створки со скрипом захлопнулись. Впереди серела в звездном свете лента северной дороги. Немногие купцы с небольшими обозами дожидались утра. На крохотный отряд никто

не обратил особого внимания. Промчавшись через предместья, всадники и колесницы пропали среди полей и рощ, будто их и не было.

В четверти дня пути от столицы близ дороги располагался постоялый двор. Здесь уже дожидались свежие лошади. Конан, отъехав с канцлером в сторону, сбросил наконец капюшон и стянул с лица маску, полной грудью вдохнув густой и влажный аромат поля.

— Благодарю тебя, Публий. На тебя всегда можно было положиться, а это сейчас редкость. После моего возвращения, если оно случится, ты получишь достойную тебя награду.

— Я вознагражден уже тем, что ты доверяешь мне Аквилонию, владыка, — гордо ответил Публий.

— Награда будет ждать тебя, — повторил король, словно не услышав ответных слов. — Если я не вернусь, ты и Троцерио возьмете дело в свои руки. Я сказал все.

Краткий разговор был окончен. Канцлеру оставалось лишь поклониться. Пути их здесь расходились. Публий возвращался к нелегким повседневным заботам о государстве, короля ждала неизвестность.

На востоке забрезжило утро. Над полями стлался туман. Восход клубился серыми призрачными облаками, уже подкрашенными розовым. День обещал быть солнечным и ветреным. По-прежнему вдоль дороги тянулись поля, перемежающиеся лесками и рощами, встречались яблоневые сады и виноградники. Через медленные неширокие речки и ручьи были переброшены мосты. Деревни с глиняными и каменными домиками, крытыми красной черепицей или попросту соломой либо тростником, уже начинали просыпаться. Слышались скрип колодезного ворота, стук ведер, мычание коров и блеянье овец.

Двигались быстро. На каждой почтовой станции меняли лошадей: Хорса позаботился об этом, послав вперед гонца. Королевская грамота в руках Умберто оказывала на служителей почты магическое воздействие. Верхом ехали сам Конан, Евсевий и Умберто.

Арминий, Тэн И и Хорса правили колесницами. В одной из колесниц, самой большой и широкой, сделанной по восточным образцам, за спиной лёгкого кхитайца, свернувшись калачиком на соломе, беспробудно, как после изрядной выпивки — а, собственно, так оно и было, — храпел здоровенный горец, завернутый в клетчатые пледы из овечьей шерсти, весьма потрепанные и засаленные. Проснуться он должен был часов через двенадцать.

Спали, впрочем, все: высокое искусство верховой езды при идеально ровной дороге позволяло наездникам и колесничим время от времени впадать в дремоту. Даже железный Хорса клевал носом. Умберто же просыпался только на станциях. Лишь Конан и Евсевий выпадали из общего числа, прямо на скаку ухитряясь вести неторопливую беседу. Король не ошибся в выборе, молодой ученый все больше нравился ему.

После восшествия на престол Конан сразу отправил в Киммерию послов — сообщить об этом соплеменникам. Через некоторое время пришел по-киммерийски немногословный, сдержанный и вежливый ответ. Король из Киммерии желали всяческих благ и заверяли в мирных намерениях, если намерения короля такие же. Проще говоря, весть восприняли именно так, как Конан и ожидал: он давно не появлялся в Киммерии, и там его если не забыли, то считали мертвым.

А то, что в Тарантии (девяносто девять из ста киммерийцев не знали, что значит «Тарантия») сидит действительно Конан Канах, мог подтвердить только совет на Поле Вождей и лишь при наличии там самого Конана, да и то необязательно. Его могли с полным на то основанием счесть колдуном, похитившим личину прежнего Конана и ныне задумавшим развалить клан изнутри путем наговоров и других зловредных действий. Поэтому его в лучшем случае отпустили бы на все четыре стороны за пределы Киммерии, а в худшем здесь же и убили бы, а потом немного погоревали, увидев, что по смерти предполагаемого колдуна личина не

покинула его и, стало быть, это была вовсе не личина и вовсе не колдун, а самый настоящий Конан Канах. Что ж, бывает!

Доказать, что он это он, Конан мог только каким-нибудь особо выдающимся подвигом: зарубить гиперборейского мага или убить дракона. Но Гиперборея в последнее время вела себя тихо, а драконы не сидели на каждой ветке, издавая дивные трели. Итак, разгадка тайны горы Седой могла помочь Конану решить еще одну задачу: вернуться на родину, да не просто так, а великим вождем! Ради этого стоило рискнуть.

Евсевий посетил Киммерию пять лет назад, когда путешествовал по северу. С тех пор как Конан побывал в Киммерии последний раз, там ровным счетом ничего не изменилось. Клань то враждовали, то мирились, то киммерийцы отправлялись в набег на Нордхейм, то, наоборот, оттуда являлись искатели жен и рабов. Черная скала Стоячий Камень на Поле Вождей по-прежнему восхищала своей необычностью, все так же прятал голову в вечных тучах Бен Морг. Суровые скалы и темные леса впечатлили Евсевия, клетчатые разноцветные пледы, огромные двуручные мечи, необычные музыкальные инструменты и замысловатые амулеты, изображавшие нечто не совсем понятное аквилонцу, оказались весьма экзотичны, но главной целью его путешествия были все-таки древние развалины.

Подобные сооружения Евсевий находил и в других странах. Все они были невообразимо стары, но отличались монументальностью и единством стиля. Евсевий предполагал, что это следы атлантов, некогда пытавшихся закрепиться на материке. Не исключено, что киммерийцы, несколько отличавшиеся от хайборийцев строением черепа, внешним обликом и языком, вели свое происхождение именно от атлантских колонистов, со временем утративших связи с метрополией и впадших в дикость. Однако ничего примечательного Евсевий в руинах не отыскал. На память о Киммерии у него остались только теплый плед и меч, купленный,

надо сказать, за немалые деньги. Владеть им, правда, Евсевий так и не научился, предпочитая короткий колющий клинок аквилонского образца.

— Я покажу тебе, как пользоваться таким оружием, — пообещал Евсевию слегка расчувствовавшийся король. Обещание, впрочем, надо было выполнять. В то же время точного срока Конан не назвал, что позволяло не торопиться с выполнением обещанного.

С восходом солнца очнулся кхитаец. Ночью Конан едва успел выслушать от него несколько уверений в совершеннейшем почтении, после чего надо было немедленно отправляться в дорогу. Сейчас же Тэн И проснулся не просто так: как и все кхитайцы, он стремился к непреложному исполнению всех писанных и неписанных правил и законов, а почитание Митры требовало обязательной утренней молитвы, приветствующей солнце. Надо было остановиться. Времени, разумеется, терять не хотелось, но и ронять в глазах подданных авторитет короля державы, несущей миру свет всевидящего Митры, не позволяя митраисту отправлять религиозный культ, никуда не годилось. Конан попробовал схитрить.

— Почтенный Тэн И, — обратился он к кхитайцу, сколько умел вежливо, отчего тот немедля замер и стал кивать головой, как кукла. — Ты не мог бы совершить молебен, не покидая колесницы? Разве это противоречит какому-то канону?

— Нет, великий государь, — ответил Тэн И, и в голосе его прозвучало искреннее сожаление. — Митра Лучезарный не любит поспешности. Уверяю тебя, это отнимет очень, очень немного твоего драгоценного времени.

— Совершенно кхитайская манера рассуждать, Сет ее возьми! — вспыхнул король. — «Очень немного времени» и тут же «не любит поспешности»! Эй, Хорса, есть у тебя песочные часы? Я даю этому правоверному четверть часа, хотя и этого многовато. Мне не сильно хочется, чтобы на нас обратил внимание какой-нибудь проезжий бездельник.

— Тэн И не надо часов, великий государь! — воскликнул растроганный такой милостью кхитаец. — Тэн И знает, что такое четверть часа, очень хорошо знает, да! — И кхитаец проворно соскочил с колесницы и принялся разворачивать маленький коврик, чтобы преклонить колени.

— М-да... — промычал король. — Не всегда хорошо, когда монарх поддерживает жрецов, а они его. Случаются издержки — слишком велики обязательства.

— О царственный, — зашептал на ухо Конану Евсевий. — Полагаю, он действительно отмерит четверть часа точнее любых механизмов. Ведь он повар, а лишний упущенный миг при такой профессии может разом испортить плоды многочасового искусного труда.

— Согласен, — проворчал Конан и, скрестив руки на груди, стал наблюдать за Тэн И, вытаскившим откуда-то еще и статуэтку священного быка. Бык, впрочем, скорее всего, был из чистого золота, а его глаза — из бирюзы. «Да, неплохо живут у нас повара!» — подумал король.

— Король, — раздался грубый простуженный голос с другой колесницы. Грузный, тяжелый, крепко сбитый центурион Арминий не умел добавлять к званиям эпитетов, он мыслил предметно. — Я тоже знаю, что такое четверть часа. Если этот кухонник не закончит вовремя, я быстро дам ему знать, что ответил великий Митра.

Ни один мускул не дрогнул на лице молящегося, но Конан на всякий случай решил немного урезонить бравого боссонца, дабы предотвратить нежелательную ссору.

— В конце концов, четверть часа — не так уж много, Арминий. Кроме того, пока мы говорили, прошла уже треть этого срока. Вспомни, сколько раз по четверть часа пришлось нам выстаивать в душной пуще под градом пиктских стрел? Король не должен быть самодуром, иначе его задуют, — изрек Конан.

— О царственный, я запишу сию фразу, она достойна быть внесенной в анналы! — воскликнул Евсевий и

тут же чуть не подавился от внезапного приступа хохота: дохлый Нумеди́дес на ступенях дворца помнился всем очень хорошо.

Лучи солнца стремительно побежали по полю и вмиг достигли противоположного горизонта. Митра снова пришел в мир, и мир приветствовал его.

Тэн И закончил молитву точно в срок, так что ни Арминий, ни кто другой не могли упрекнуть его в нарушении обещания.

— Митра остался доволен, я думаю. — Кхитаец был преисполнен внутреннего тепла и благости. — День будет удачным. И этот, и следующий, и еще один.

— А дальше? — подал голос Умберто, который наблюдал за молитвой, не скрывая усмешки.

— Дальше гора Седа́я, по-иному Дол Улад, — серьезно ответил Тэн И и взобрался на колесницу, намеренно задев при этом спящего. Горец хрюкнул, чуть пошевелился, а потом снова затих.

Конан призадумался: вчера кхитайцу ничего не сказали о цели поездки. Значит, откуда-то он вызнал о ней. Выходит, во время предутренней скачки Тэн И сумел подслушать его беседу с Евсеем и сделать выводы. Вот тебе и кхитайский шпион! Впредь надо быть менее болтливым!

Дальнейшая дорога не принесла ничего особенно замечательного. Поля сменялись пажитями, пажити — лесами, леса — садами, сады — деревнями, мелькали беломраморные загородные дома знати и почтовые станции из серого камня. Иногда появлялись невысокие холмы, плавно переходившие в равнину.

Все участники похода привыкли подолгу находиться в седле, и кавалькада стремительно неслась вперед, на север. Время от времени Евсей осведомлялся, не изволит ли царственный узнать что-либо о данной местности. Царственный выказывал подобие слабого желания, и Евсей принимался с воодушевлением называть имена и даты, провозглашать цифры и цитировать себя и иных выдающихся землепроходцев. Конан про-

пускал все мимо ушей, запоминая только размеры доходов, приносимых селением, и имя владельца.

При виде постоянного двора или почты ненадолго оживлялся Умберто, вспоминая, когда он имел удовольствие здесь останавливаться, что пил, в каких количествах и удалось ли ему совратить дочку трактирщика или какую другую девицу либо остановившуюся на ночлег проезжую даму. Тэн И молчал и вежливо улыбался, Арминий вкушал отдых от ежедневной казарменной служебной лямки, а Хорса, судя по всему, был весь в предвкушении завтрашней встречи с родным Гандерландом. Гонец Мабидана спал и пребывал в счастливом забытии и неведении.

Солнце уже перевалило далеко за зенит, и лучи его сделались не жаркими и не столь слепящими, когда характер местности стал меняться. Появились длинные сухие поперечные гривы, поросшие высокой сосной, исчезли фруктовые сады, на горизонте показались настоящие глухие леса. Даже небо изменило цвет на более бледный.

Двигались они и вправду весьма быстро, не заглядывая в большие города, стоявшие несколько к западу или к востоку от главного ствола северной дороги. Тем не менее на пути к полуденному восходу им еще неизбежно предстояло миновать главный замок графства Раман и скопление окрестных вассальных деревень, а также столицу Гандерланда — Ларвик.

К вечеру все несколько подустали, только Конан и Тэн И выглядели свежо. Ночью король предполагал дать людям короткий отдых где-нибудь в лесу. Все молчали, и даже предусмотрительный Хорса проворонил час, когда истекли сутки действия вина и гонцу от Мабидана пришло время пробудиться.

Тэн И едва успел остановить лошадей, резко дернув поводья, а затем покинуть колесницу в головокружительном прыжке с пируэтами, когда пудовый кулак горца обрушился на легкое дерево борта повозки как раз там, где только что стоял кхитаец. Тонкая доска

треснула, и лошади непременно понесли бы, и только железная рука старого кавалериста — сотника Умберто — остановила упряжку. Конан смотрел на представление и довольно ухмылялся: развлечений в дороге не предвиделось, а тут — пожалуйста!

Горец меж тем, пошатываясь, как на палубе корабля при пятибалльном волнении, поднялся все же вполне уверенно на ноги и осмотрелся. Взор его был все еще мутным. Одет Бриан Майлдаф был в особенный горский наряд — нечто среднее между костюмом из туники и кожаных штанов, одежды гандеров и киммерийцев, и хламидой или тогой, привычными для центральной Аквилонии. Горцы заворачивались в длиннющий отрез шерстяной клетчатой ткани, так что ноги оказывались закрыты неким подобием юбки с разрезом спереди. Подол такой юбки опускался ниже колен, но не до самой земли, как одеяния пастухов Гимелийских гор.

Ныне от долгого пребывания обладателя этого редкого наряда в бессознательном состоянии и лежащем положении, да еще и в довольно тряской, несмотря на прекрасную дорогу, колеснице, полы юбки разметались не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы смутить дам, если бы таковые здесь присутствовали. Владелец костюма и пары слегка искривленных, но крепких ног под ним нимало, впрочем, не смущался данным обстоятельством. Был он высок — почти четырех локтей, узок лицом, зарос густой бородой, волосы каштанового цвета были заплетены в три длинные косы. Телосложение у него было завидное, скульпторы из столицы уж точно заинтересовались бы подобной необычной натурой. Горец не был из тех цирковых силачей, что перекачивают мускулы, как стальные шары, под блестящей от масла кожей, но обладал продолговатыми пружинистыми мышцами, в любое мгновение готовыми сжаться и распрямиться подобно тетиве арбалета со страшной силой.

Именно такой удар и пробил борт повозки: кулак у горца и вправду был велик. Большие его глаза, обычно

голубого цвета, сейчас стали чернее грозовой тучи и метали молнии. Под стать были и первые слова, сказанные на несколько устаревшем варианте аквилонского.

— Порази вас всех молнией Таранис, нелюди из сидов! Стоило поить меня вином, чтобы тащить обратно в этой дрянной тачке землекопа! Я бы и часа лишнего не просидел в вашем мерзком сиде и всю ночь скакал бы, чтобы оказаться подальше от этих паковых пещер!

Надо сказать, что ругался горец очень даже прилично с точки зрения этикета в отличие от многих столичных офицеров.

— Где моя лошадь? Где мой любимый пегий Стедди? Я тебя спрашиваю, ты, похожий на киммерийского разбойника!

— А я и есть киммериец, — благодушно пробасил Конан. — И даже разбойник. Это только сейчас я король.

— Ты? Король? — насмешливо возгласил горец и на мгновение задумался, припомнив, видать, что новый король действительно родом из Киммерии. — Ах, чтоб тебя... — Горец почесал затылок. — А чем докажешь?

— А чему поверишь? — быстро спросил Конан.

Горец еще на секунду задумался, а потом ответил:

— Трем вещам. Я слышал, что новый король великий воин и очень силен. Если ты бросишь столб дальше меня, я признаю, что ты король.

— Что еще? — спросил Конан, входя в азарт.

— Король должен быть богат и щедр. Ты подаришь мне пятьдесят овец? Тогда я поверю.

— Что третье? — усмехнулся Конан сметливости парня. А еще говорят: дикари, варвары!

— Вчера меня принимал какой-то желтоволосый гандер, пусть ему споет банши! Это он вчера напоил меня вином.

— И что? — продолжал ухмыляться король.

— Если ты король, то можешь наказать его за это.

— Как? — насторожился Конан и быстро глянул на Хорсу. Тот спокойно стоял в своей колеснице, не снимая капюшона и маски.

— Ты позволишь мне самому побеседовать с ним еще раз! — выпалил горец.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Сейчас мы едем к тебе домой, во Фрогхамок. Даже если старый Мабидан покажет на меня пальцем и сумеет вбить в твою излишне крепкую башку, что король Аквилонии — я, то я все равно выполню твои условия. Только вот столбы метать будем во Фрогхамоке, потому что я спешу. Овец я куплю тебе там же: ты умеешь торговаться, а я это уважаю. Тебя следовало бы посылать на туранский базар, а не гонцом во дворец. А человека, с которым ты пил, я покажу тебе прямо сейчас. Только будь добр, приведи в порядок свою юбку.

Ничуть не смутившись, горец опустил глаза и, увидев изъян в костюме, тотчас его устранил, что-то подтянув и где-то подвязав.

— Кто этот человек? — Он оглядел всех присутствующих и снова остановил взгляд на Конане.

— Хорса, сними капюшон! — приказал король.

Гандер откинул капюшон и снял маску. Лицо его было усталым и немного бледным, глаза смотрели холодно.

— Что хочешь ты узнать у меня? — обратился он к горцу.

— Ты обещал устроить нам встречу с глазу на глаз! — возмутился горец, обращаясь к Конану.

— Ничего подобного, — возразил король. — Я обещал, согласно твоему условию, что ты сможешь сам с ним побеседовать. Вот и беседуй, только побыстрее, не знаю, как там тебя.

— Бриан Майлдаф, если кто не знает! — заносчиво объявил горец. — Ты, кого зовут Хорсой! Готов ли ты отвечать как мужчина за вчерашний гнусный поступок? Если да, сойди с этой тачки, и пусть разговаривают наши кулаки! Ставлю четыре против одного, что кулак Майлдафа говорит лучше.

— Может быть, и лучше твоего языка, которым впору мерить пастбища, — неожиданно в тон горцу ответил сдержанный обычно Хорса, прыгивая с колесницы. — погоди, пока я сниму кольчугу, не то от твоего кулака останется одна горская овсянка!

Хорса, видимо, знал, как разозлить горца. Майлдаф побагровел и, казалось, даже раздулся от гнева.

«Такой противник не слишком опасен, — подумал Конан. — Если только битва не опьяняет его до того, что он не чувствует боли, а каждое движение противника опережает на мгновение, как демон».

Между тем Хорса скинул кольчугу и остался в одной льняной рубахе. Он был на голову ниже Майлдафа и поуже горца в плечах. Вроде бы у гандера не было никакой возможности выиграть этот поединок. Конан готов был уже остановить Хорсу, но тут горец прыгнул вперед, как снежная кошка, с места, без видимых усилий. Правая рука стремительно метнулась навстречу Хорсе, и пальцы ее уже готовы были сомкнуться на левом плече у гандера, но схватили только воздух. Хорса быстро сделал шаг назад и влево, и Майлдаф промахнулся на пару пальцев. В это же время кулак Хорсы ткнулся — именно ткнулся, столь слабым виделся удар, — под ребро горцу.

Результат превзошел все ожидания: Майлдаф как-то сразу будто уменьшился в росте, осел и начал падать. Победа была быстрой и полной, но Хорса допустил ошибку. Вместо того чтобы взгреть хвостуна еще раз или просто отойти еще на шаг назад, предоставив Бриану Майлдафу спокойно помучиться, смакуя горечь поражения, гандер остался стоять рядом. Уже падая — боль, видимо, была очень сильна, к тому же у парня перехватило дыхание, — горец успел, извернувшись по-паучьи, выстрелить в гандера длиннющей левой рукой.

Удар пришелся в челюсть, и хорошо, что не задел горло, не то, не ровен час, проломил бы Хорсе кадык. Гандер рухнул как подкошенный. Рядом улегся Бриан Майлдаф. Оба были без сознания. Конан не знал, сме-

яться ему или гневаться, но через несколько мгновений расхохотался.

— Нечего сказать, воители! — прохрипел Арминий. — Таким жонглерам в бродячем цирке выступать! Длинный у меня и прыгнуть бы не успел, как лежал бы с порванной селезенкой, а малыш хоть и верток, а остался бы без левой руки. Не буду хвастать, но вот Их Величество воевали, они понимают.

— Они понимают, — уважил боссонца Конан. — А что скажет почтенный Тэн И?

— Очень много ошибок, — вежливо, дабы не задеть чести бойцов, высказался кхитаец. — Но весьма, весьма способные юноши, — заключил он.

Евсевий промолчал. Кулачный бой не был его любимым видом состязаний.

— А как на взгляд ученого? — все же поинтересовался у аквилонца король.

— С позволения моего царственного, я предпочитаю ипподром кулачному бою, — ушел Евсевий от прямого ответа.

— Евсевий прав, — заметил король. — Мне не следовало допускать такого. Впрочем, было забавно. Теперь надо погрузить этих способных юношей в колесницы и найти место для стоянки до заката. Неподалеку я вижу лес, а в нем должен быть какой-никакой ручей. Поспешим.

Часа через два они сидели на берегу мелкой лесной речушки. Евсевий настолько хорошо помнил чертежи северных земель, что ему даже не пришлось заглядывать в дорожную карту, чтобы определить, где они находятся и что есть поблизости. Костер едва теплится, он и нужен-то был только для слабого света. Еду составили дорожные хлебцы и лепешки.

Хорса и Майлдаф, довольно скоро пришедшие в себя, подкреплялись выпечкой и вином. Железный Хорса наконец-то разговорился: вместе с горцем он смаковал подробности их короткого поединка. Бриан Майлдаф хохотал, пожалуй, громче, чем ржет его любимый Стед-

ди, гандер же отпускал незлобивые шутки, которым горец искренне радовался и которые старался запомнить. Умберто и Арминий вспоминали минувшие дни. Тэн И и Евсевий совершили свою закатную молитву, и теперь аквилонец впился в кхитайца словно клещами и засыпал его бесчисленным множеством вопросов о давно интересующем ученого Востоке.

Смотреть за тем, чтобы никто не подобрался к путникам под покровом темноты, пришлось, конечно, королю. Конан еще раз пожалел о том, что рядом нет Мораддина. Ночь прошла спокойно. Следующие день и ночь тоже не принесли ничего нового, кроме того, что ночевали они не в лесу, а на постоялом дворе в Ларвике. Хорса устроил им ночлег у своих дальних родственников, и никто так и не узнал, что король Аквилонии находится не в Тарантии, а возлежит на сеновале между сотником Умберто — слева и хранителем дорожных карт — справа.

На третий день отряд миновал Гандерланд. Мощная дорога кончилась, потянулась обычная, земляная. Колесницы были оставлены, все ехали верхом. Они обогнули выступающие здесь к западу отроги гор и теперь углубились в темные хвойные леса. Где-то поблизости начиналось болото. Последнюю ночь по пути на север они провели в хижине лесоруба, понятия не имевшего, кто теперь король.

С утра следующего дня потянулись вересковые болота. Дорога змеилась, обходя чрезмерно зыбкие участки. Наконец к полудню, выбежав из ольховника, она вышла к подножию холмов. На самом высоком из них черной базальтовой громадой высился Фрогхамок.

Глава пятая

ДВА СТОЛБА

Оказывается, их уже заметили, ибо когда еще через час запыленные, уставшие от почти беспрерывной, длившейся три с половиной дня гонки путники въехали в аллею, обсаженную липами, которая вела ко рву, мост был опущен. Навстречу им двигалась группа всадников: трое в одеждах благородных дворян, пятеро горцев-охранников и... Женщина?!

Да, глаза не обманывали их: на тонконогой высокой кобыле белой масти сидела грациозная и хрупкая молодая дама. Держалась она уверенно и даже манерно, не без кокетства, хотя ни в одном ее движении не угадывалось и намека на фривольность. Ее кокетство было естественным в той же степени, в коей Бриану Майлдафу было присуще умение торговаться и биться об заклад по любому поводу.

Возглавлял выезд сребробородый старик крепкого телосложения. Роста он был среднего. Если бы не столичная одежда и явное знание хороших манер и придворного этикета, то можно было бы, не колеблясь, посчитать его таким же горцем, как и сопровождающих его охранников, только дожившим до седых волос, что случалось в горах не часто: обычай кровной мести в этих краях был не просто жив — он не потерял здесь былой первобытной силы и тщательно выполнялся.

Отряд короля и встречающие сблизились на расстояние пятидесяти локтей. Не было никаких сомнений: сам хозяин замка, наместник Темры Коннахт Мабидан выехал навстречу королю. Коннахт приезжал в Тарантию принести присягу верности новому сюзерену. Во время гражданской войны полуночный восход, как обычно, оставался тихим местом, не затронутым никакими волнениями, а тем более военными действиями, да и сам Коннахт не стремился влезать в бесконечную драку за власть. Он даже совершил два полезных для Конана дела: отпустил на волю ссыльных, несправедливо осужденных Нумедидесом, и те своим авторитетом поддержали Освободителя, собрав ему в помощь несколько тысяч воинов, а также Коннахт снарядил-таки, правда ближе к концу войны, отряд из пятидесяти горцев под командованием родного племянника, Аврелия Мабидана.

Хоть и невеликий по численности, отряд зарекомендовал себя отлично, и Аврелию был пожалован чин сотника. Но молодой человек не слишком упорствовал, чтобы ускорить свою военную карьеру, в столице бывал наездами и предпочитал проводить время в обществе Септимия. Сейчас Аврелий тоже находился в числе встречающих. Надо сказать, что племянник мало походил на дядюшку, несмотря на принадлежность к той же фамилии. Лицом, статью и осанкой он больше напоминал канцлера Публия, но в молодости, пока тот еще не успел отрастить брышко.

Третьим дворянином был и вовсе юноша, русоволосый, но со странно смуглой кожей, даже более смуглой, чем это присуще уроженцам юга Аквилонии. Грудь его была широкой, что угадывалось даже под просторной зеленой одеждой, бедра узкими, ноги стройными, длинными и мускулистыми.

Воображение Конана и опыт долгих странствий помогли ему дорисовать остальное, потом повесить на шею юноше ожерелье из зубов хищных зверей, накинуть на чресла набедренную повязку, на лицо пару раз мазнуть краской полосы...

Пикт! Молодой пикт, отчего-то русоволосый и голу-боглазый, на вороном коне и в одежде аквилонского дворянина! Конан с трудом сдержался, и на лице его не отразилось и тени удивления. Откуда пикт в доме Мабидана, в такой дали от пущи? Как бы то ни было, Конан ощутил где-то внутри голос крови, знакомое чувство напряжения и неприязни, за последние три года приугасшее. Конаджохара и осажденный Тускелан снова встали перед глазами, бесчисленные каноэ поплыли по Черной реке. Король поморщился, отгоняя видение. Так или иначе, настроение было несколько испорчено, и даже лицемерие молодой прекрасной дамы на великолепной лошади не возвратило утерянного. Дама, которую согласно этикету называли бы скорее благородной девицей, действительно привлекала взгляды, и не только благодаря своей молодости, свежести и стройности. Секрет во многом заключался в необычности ее облика.

Кожа ее была светлой, но не белой, как у жительниц севера, и не смуглой, как у пуантенок, она, скорее, имела пергаментный оттенок, как у кхитайнок или жителей Гимелийских гор. Черты лица ее, тонкие и изящные, были четкими и строгими, но не резкими. Нос украшала — да, именно украшала — легкая горбинка, лоб был высок, а глаза имели удлинённый разрез — такой Конан видел опять-таки во время пребывания на Востоке. В глазах ее таился ленивый и притягательный черный огонь. Она осмотрела прибывших, ни на ком не задержав взгляда. На тонких розовых губах играла вежливая полуулыбка.

О горцах можно было сказать лишь то, что перед королем и свитой предстали еще пятеро Брианов Майлдафов разного роста и комплекции.

— Они все из нашего клана, — не замедлил пояснить Бриан. — Справа — мой четвероюродный брат, а второй слева — троюродный дядя.

— Погоди ты трепаться, — приструнил горца Арминий. — Господа сейчас будут приветствовать друг друга. Замолчи хоть ненадолго, а то я...

Горец благоразумно замолчал. Арминий был единственным во всей компании, кого Бриан Майлдаф всерьез опасался. Ветеран и впрямь казался суровым, грозным и беспощадным головорезом, хотя в отряде были воины куда более жестокие.

— Приветствую тебя, Конан Киммериец! — воскликнул Мабидан. — Ты приехал быстро, но вести о тебе, как всегда, бегут впереди копыт твоего коня!

— Кром, Имир и Митра! — прошептал король, наклоняясь к Хорсе. — Откуда он знает? Мы ведь не снимали капюшоны до тех пор, пока не въехали в парк!

— Я подозреваю, кениг, это лесоруб, которого мы видели в лесу, — предположил Хорса.

— В таком случае он не лесоруб, а соглядатай, — проворчал Конан. — Приветствую тебя, благородный Коннахт! — повернулся он к хозяину замка. — И тебе привет, Аврелий! Давно не видел тебя в Тарантии. Кто этот юноша рядом с тобой, чьи волосы светлы, а кожа темна?

— Это Кулан, мой младший сын, — представил молодого человека Мабидан. Юноша церемонно поклонился. — Но не к чести хозяина долго держать гостей на пороге. Мой замок открыт для короля и его спутников! — Мабидан сделал приглашающий жест.

— Я принимаю твое приглашение. — Король тронул коня. — Только скажи мне прежде, кто сия благородная девица?

— Это моя сестра, Этайн, племянница почтенного Коннахта, — ответил Аврелий.

— Приветствую вас, доблестные рыцари! — звонко прозвучал певучий девичий голос. — И да будет славен король Аквилоний!

— Да будет! — провозгласили четырнадцать мужских глоток.

Ритуал был соблюден. Всадники перемешались и один за другим въехали на замковый двор.

Пока расседывали лошадей, мылись, осматривали замок, размещались и прочее и прочее, прошла остав-

шаяся часть дня. Северное лето коротко, и скоро свет солнца стал тускнеть, а от деревьев, что росли в парке, легли длинные тени, из распадков поползла стылая сырая мгла, и Конан, выйдя во двор, поймал плавно спускавшийся сверху желтый осенний лист, когда остановился под большим ясенем, чтобы понаблюдать за первыми звездами и определить погоду на завтра. Тянуть с походом не следовало, и киммериец решил, что следующий день станет первым днем настоящего пути к тайне. А звезды здесь были точно такими, как почти тридцать лет назад над фортом Венариум.

Еще позднее, когда солнечный свет угас и только разноцветный закат еще горел над лесами, избранное общество собралось в главном Каминном покое. Столетиями многие поколения Мабиданов собирали здесь дорогую мебель и редкие вещицы. В силу того что замок стоял на отшибе, все это прекрасно сохранилось, ибо никто и никогда даже не пытался разграбить и разрушить замок.

Каминный покой был обширным, около тридцати локтей в ширину и, пожалуй, все сорок в длину. Длинная сторона выходила на запад тремя большими стрельчатыми окнами, которые на зиму закрывались крепкими дубовыми ставнями. В северную стену был встроен огромный камин, где при желании можно было зажарить кабана средних размеров.

Пол был выложен цветной мозаикой, изображавшей жанровые сцены из жизни дворянства, мещан и простолюдины. Не были забыты ни крестьяне, ни ремесленники, ни охотники, ни бродячие комедианты. У камина лежали шкуры бурого и белого медведей. Головы зверей были сохранены в первозданном виде, так что косолапые скалили на людей нестрашные мертвые клыкастые пасти.

На стенах висели гобелены, запечатлевшие страницы рыцарской истории королевства. Последний гобелен был близок к завершению. На нем изображалась война на западных рубежах, битва, выигранная под пред-

водительством Конана. Исключительно тонкая работа, как выяснилось, принадлежала Этайн.

Потолок поднимался на высоту двадцати локтей, и там, наверху, яркими красками были написаны моменты духовной жизни королевства Аквилонского, и в одном из благородных мужей в длинных одеяниях Конан узнал блаженного Эпимитриуса. Лик старика был мудр, строг и ясен. Эпимитриус проповедовал перед большим собранием разного народа о Митре, а ничтожную горстку каких-то безликих людей в черном, отделившуюся от прочих, обличал. Должно быть, это были служители Великого Змея, Сета.

За массивный, темного дуба стол могли сесть одновременно человек сорок. Стол окружали искусно вырезанные скамьи со спинками. По периметру зала располагались классические аквилонские лежаки и шкафы, уставленные серебряной посудой, хрусталем, цветным стеклом, бронзовыми и золотыми безделушками. Попадались и изделия из камней. Особенно нравилась всем миниатюрная копия Фрогхамока, созданная из редкой цветной яшмы с вкраплениями самоцветов, а осенние леса на холмах были выполнены золотой сканью.

Над камином возвышалась вмонтированная в стену мраморная плита. На ней красовался рельеф, повествующий о приходе основателя Фрогхамока, Бреннана Мабидана, на полуденный восход, и та самая лягушачья кочка, с которой началось строительство, и та самая лягушка на ней, что, как говорилось в предании, рекла Мабидану человеческим голосом о необходимости заложить тут замок.

Вид на вереск и осенние леса в последних красках зари позднего лета был замечательно красив, и даже Конан ощутил в душе некое подобие лирического настроения. «Старею, — снова подумал король. — Однако как-то не похоже, что Коннахт очень уж расстроен пропажей сына».

Ужин закончился, и слуги убрали блюда. Теперь хозяева и гости вкушали вино и отдыхали.

В центре внимания, впрочем, была, конечно же, Этайн. Умберто и Евсевий старались перещеголять друг друга в красноречии и остроловии. Несомненно, Евсевий знал гораздо больше об искусстве и истории, но по части рассказов о веселых жизненных приключениях и дворцовых сплетен Умберто не было равных. Хорса тоже находился при них. Говорил он, правда, мало, но если ему удавалось вставить слово в речи Умберто и Евсевия, это слово всегда приходилось к месту.

Аврелий и Тэн И неторопливо беседовали о чем-то, присев на отдельную скамью в глубине зала, подальше от стола. От Конана не ускользала ни одна особенность поведения собравшихся, но он знал, что и Тэн И следит за всем внимательнейшим образом. Иногда тень усмешки пробегала по его лицу, хотя Аврелий вроде ничего веселого не сообщал.

Конан понял, что кхитаец заодно подслушивает разговоры Умберто и Евсевия и, должно быть, находит непростительные неточности в их речах. Король ничуть не удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что Тэн И знает вдвое больше, чем ученый. «Интересно, что ответит кхитаец, если я, призвав Митру в свидетели, спрошу, не шпион ли он?» — подумал киммериец.

Арминий занимался тем, что без усталости пробовал вино, но совершенно не хмелел. Неизвестно как попавший сюда Бриан Майлдаф — Хорса, наверно, привел его — проводил время в беседе со стражниками, стоявшими у дверей покоя, но, если вдруг слышал, что кто-то, указывая рукой в окно, говорит что-либо о здешних краях, тут же вставлял свое громкое замечание. Конана это потешало, но Евсевий, к примеру, морщился. Впрочем, от дверей куда чаще долетало, что король обещал Бриану полсотни овец и что такой добрый король обязательно сдержит слово.

Коннахт, Конан и Кулан сидели в одиночестве в разных концах зала: Конан и Коннахт друг напротив друга у торцов стола, Кулан же пристроился на скамье у камина, отрешенно и молча глядя на огонь.

«Самое время побеседовать с Коннахтом, — прикинул Конан. — Пусть у Тэн И глаза хоть на затылке и где-то наверняка припасена еще одна пара ушей, но сейчас Аврелий немного его отвлекает». Конан поднялся и направился к хозяину. Несмотря на высокий рост и могучее телосложение короля, никто этого толком не заметил: Конан умел двигаться подобно тени, и это не раз спасало ему жизнь. Только Тэн И успел метнуть на короля молниеносный взгляд и вновь вернулся к разговору.

— Я знаю, какое горе постигло тебя, Коннахт, — без обиняков начал король, усаживаясь на лавку справа от Мабида. — Бриан Майлдаф прибыл в Тарантию четверо суток тому назад. А еще мне известно, что следы драконьих когтей снова появились в предгорьях за Фрогхамоком. Говорю «снова», поскольку знаю старую легенду вашего края. Что думаешь об этом ты, Коннахт, и почему решил известить меня?

— Потому, Конан Киммериец — дозволю называть тебя так, о король, поелику я старше тебя и никогда не был царедворцем, — заговорил неторопливо Мабида (голос его был тих и все же отчетливо слышен, как шорох ветра в вереске), — потому что я не вижу, к кому еще мог бы обратиться в Аквилонии, да и во всей Хайбории, пожалуй. Тебе уже известна легенда о тысяцком Люции, что упростит и ускорит мой рассказ. Но это только часть предания. Мой сын отыскал ее, и вовсе не за горным ведром отправились они наверх тайком от меня, а за тайной драконьего следа.

— О чем же вторая часть предания? — немедленно спросил Конан.

— Она не вторая, но более древняя и восходит ко временам Бреннана Мабида. До сих пор еще некоторые задаются вопросом: зачем Бреннан покинул Тарантию и двинулся на полуночный восход, в дикие горы. Бреннан Блажной звали его, — горько усмехнулся старик. — А зря, ибо не ведали ничего.

— Ты открыл секрет? — Конан ставил конкретные вопросы, его не привлекал ореол витиеватых словес, не

второе явление блаженного Эпимитриуса спасет Хайборию.

— Под горой тьма одержала победу?

— Да. Они привлекли на свою сторону паков. Не знаю, как уж они столковались... Вероятно, дали пакам какое-то оружие: горцы тогда теснили их все дальше и дальше в горы. Паки помогли темным победить, но те сами чуть не просчитались: Великий Канон оказался куда сильнее, чем они думали. Паки закрыли гору от мира. Осталось лишь два выхода.

— Два? — поразился Конан. — Тот, которым вылетает дракон, — это раз. А другой?

— Помнишь, Люций погиб на ступенях библиотеки от кинжала? Это дело рук служителей. Длинный и узкий отравленный кинжал в форме тростникового листа — их ритуальное оружие. На ноже был растительный яд, он убивает мгновенно, и от него нет лекарств, в отличие от змеиного. Гора скрывает много тайн.

— Где второй выход? — повторил Конан. И обернулся, осматривая зал: не прислушался ли кто лишний — пока лишний — к их разговору. Но все было по-прежнему мирно и благостно. Спутники, кроме, пожалуй, Хорсы, не представляли еще себе всей опасности задуманного. Тэн И король сейчас в расчет не брал: если кхитаец-воин брался за дело, он умирал, но не делал работу плохо. Его только следовало заранее предупредить, что он может погибнуть, он должен был знать условия. А потому пускай слушает.

— Второй выход, — еще тише сказал Мабидан, — очень и очень опасное место. Пройти могут только бесстрашные и сильные люди...

— У меня такие люди есть, — перебил его Конан. — В чем состоит опасность?

— Их несколько. Очень трудная горная дорога... — начал Коннахт.

— Ерунда, — фыркнул Конан. — Еще?

— Паки могли за долгие годы перекрыть и этот выход.

— Про остальные выходы мы знаем, что паки есть там без всяких «может быть», — отвел Конан и этот довод. — Еще?

— Третья причина самая серьезная: этот выход находится за хребтом. Он в Киммерии.

— Гора Седая... — прошептал король.

— Верно, — кивнул Коннахт. — Окрестности ее — табу. Любой, кто входит туда по своей воле, считается демоном. Его убивают. Если кто-нибудь выйдет со стороны гор в этом месте, даже если это заблудившийся давеча сородич, его убивают. Ты знаком с обычаями этих варваров?

— Я сам оттуда, не забывай, — Конан давно не обращал внимания на слово «варвар». Оно стало законной частью его имени, неотъемлемой частью. — Я давно не был в Киммерии, но, если придется идти тем ходом, мы пройдем, — заявил король. Заявил уверенно, хотя вовсе не был уверен в успехе.

— Может быть, — опять вздохнул Мабидан. — Не хотел бы я, чтобы Септимий нашел хотя бы один вход.

— Я вытащу Септимия из этой дыры, если он еще жив, — обещал Конан безутешному родителю. — Что известно тебе о драконе? Я не в восторге от этих тварей, хотя совсем недавно даже они признали меня королем, что было очень кстати. Они тоже были черными, — довольно усмехнулся король.

— Я не знаю точно, что такое этот дракон, — развел руками Мабидан. — Если кто-нибудь вообще это знает. Может быть, он дух, или демон, или даже бог. В любом случае он старше Хайбории, если не Атлантиды. Но на нем висит проклятие. Он разумен и владеет речью, он очень стар и много знает, но вынужден подчиняться тем, кто владеет заклятием. Кем было оно наложено и как оказалось у жрецов Илу, тоже неизвестно.

— Как можно привлечь дракона на свою сторону? — задал Конан практический вопрос.

— Сначала надо с ним поговорить, а мы не можем этого сделать, пока у нас нет сильного мага. — Коннахт

положил руки на стол, тихо стукнув перстнем по столешнице.— Если бы удалось просто его освободить, то и тогда тьма лишилась бы многого!

— Понятно, попробуем обойтись без мага,— продолжал допрос Конан.— А что ты знаешь о паках, кроме того, что есть в легенде, и того, что добавил сейчас? Лет двадцать назад я столкнулся с племенем гномов, казавшихся полными ублюдками, на деле же все вышло наоборот.— Слово «наоборот» было как нельзя кстати, учитывая имена джавидов.— Над ними тяготело проклятие, созданное одним ублюдком.

— Не знаю ни про каких ублюдков,— разочаровал Конана хозяин.— Паки — очень древний народ. Когда-то их сильно обидели люди. Думаю, колдовство здесь не поможет. Им нужна свобода. Тот, кто даст им ее, станет для них богом. Только никто не знает, какая свобода им нужна.

— Ладно...— Конан махнул рукой.— Последнее, что мне приходит сейчас в голову, это та женщина, что вывела из пещер олуха из Пуантена. Она существует?

— О, Белая Дева Горы! — мечтательно произнес Мабидан.— Иногда горцы видят ее и тогда считают, что великое счастье улыбнулось им. Она существует.

При этих словах Конан изумленно уставился на Мабидана. Вот уж такого он не ожидал!

— Существует,— повторил Коннахт.— На стекле. Помнишь тот портрет, что изобразил очарованный пуантенец, ставший священником? Мой дед нашел портрет в южных горных храмах и выкупил. Стекло пылилось в дальнем углу запасника. Его собирались отдать бродячим торговцам. Знаешь, сколько оно стоило деду?

— Сколько? — Такое всегда интересовало короля.

— Сто золотых.

— За стекло?

— За стекло с портретом. Прекрасным портретом.

— А-а... Ты покажешь мне его? Только я возьму с собой Евсевия, он больше в этом понимает. Меня интересует не стекло.

— Понимаю. Магия. Я не видел Белой Девы. Я вообще никому не советую ходить не то что в горы — даже в холмы, даже в окрестные леса одному. Но я боюсь тех, что под горой, боюсь паков, боюсь дракона и ужасной неизвестности. Ты бесстрашный человек, Конан Киммериец, поэтому я обратился к тебе. С прежним королем говорить было не о чем, ты понимаешь. Нумедидес был ничтожеством, а тебе по силам одолеть это. Если понадобятся деньги, из казны не будет взято ни единой монеты. Я дам сколько потребуется, только верни мне сына! — горячо заговорил Коннахт. Глаза его заблестели.— Сотни лет Фрогхамок стоял здесь, сотни лет Мабиданы строили свое маленькое государство, и весь мир был доволен. Я не хочу, чтобы все это исчезло в одночасье, пусть даже после моей смерти.

Мабидан говорил уже слишком долго, а длинных и пустых речей Конан не любил.

— Пока я король, Фрогхамок будет на месте, цел и невредим,— заверил он распалившегося хозяина.— Все, что есть на земле и под землей, боится холодного железа, а мечом я еще не научился владеть. Денег твоих мне не надо. Если ты можешь, не худо было бы раздобыть мага или хоть завалящего колдуна. Может, среди горцев отыщется такой?

— Горцы очень милы и простодушны,— усмехнулся взявший себя в руки Коннахт,— но... Для подобного разговора мы должны уединиться.

Конан еще раз оглядел зал. Говорили они не столь уж долго. Все были на своих местах: Майлдаф балагурил, Хорса, Евсевий и Умберто все пытались перещеголять друг друга перед прелестной Этайн, к Арминию присоединились Аврелий и Тэн И, и теперь уже втроем они сосредоточенно дегустировали вино. Вряд ли кхитаец обрадуется внезапному исчезновению подопечного, но, в конце концов, он же шпионит за государством, а не за королем! Потерпит.

Конан чуть было не забыл о Кулане. Юный пикт — иначе Конан не мог его назвать — сидел, будто и не

пошевелившись ни разу, все так же внимательно глядя на огонь. В облике его Конану почудилось нечто не вполне человеческое. Конан решил высказать догадку, давно появившуюся у него.

— Кулан правда твой сын? — шепнул он Коннахту.

— Ты угадал, Киммериец, — был ответ. — Идем сейчас?

— Да.

Конан не то чтобы ненавидел пиктов, он относился к ним, как к скорпионам: пиктов, по его мнению, надо было либо не трогать, либо уничтожать. Но бояться пиктского колдуна? Нет, победителю Зогар Сага этот мальчик страшен не был. К тому же он вроде не совсем пикт. Конан встал, чем привлек наконец всеобщее внимание.

— Мне нужно с глазу на глаз побеседовать с хозяином, досточтимым Коннахтом, о делах государства. Мы не задержимся надолго, — объявил король.

— Да, не беспокойтесь, это не займет много времени, — добавил Мабидан, тоже вставая. — Кулан, ты идешь со мной.

Хозяин шагнул к выходу, стражники распахнули двери, и тут напомнил о себе Майлдаф.

— А мои овцы? Ты не забыл о них, король?

— Это важнейший государственный вопрос, — произнес Конан со всей возможной значительностью одну из немногих заученных дурацких придворных фраз, действующих на чиновников как магическая формула. — Им мы займемся в первую очередь.

От такого оборота Майлдаф опешил, а Конан, Коннахт и Кулан прошествовали через зал к дверям. Никто не успел проронить ни слова, как стражники уже захлопнули дверь за спинами ушедших.

С другой стороны, в освещенном факелами коридоре, тоже стояли часовые.

— Куда мы идем? — Конан остановился, пропуская вперед Коннахта и Кулана. Конан не помнил, слышал ли он хоть один звук от пикта за весь день.

— Недалеко. Над залом есть покой, где мы сможем поговорить и одновременно слышать все, о чем говорят в зале, — пояснил Коннахт.

— А они нас? — полюбопытствовал король.

В ответ Коннахт лишь хитро улыбнулся.

Они прошли по коридору локтей сорок и стали подниматься по винтовой лестнице. Стражники стояли на каждом углу. Попытайся враг взять Фрогхамок штурмом, ему пришлось бы положить здесь тысяч сорок воинов, а лазутчика поймали бы, едва он сделал бы первый шаг, даже прилети он на крыльях. Может быть, горцы и были туповаты и простодушны, но наблюдать и бить наверняка они умели. Лестница кончилась, последовал такой же коридор, после чего очередной стражник распахнул дверь в небольшую — восемь на восемь локтей — комнату. В ней находились четыре ложа и столик с кувшинами и закусками. Сводчатое окошко выходило на запад.

— Это долго объяснять, но каналы сделаны так, что мы слышим все, о чем говорят внизу, притом отчетливо, они же — ни единого пороха сверху, вздумай мы даже кричать, — сказал Коннахт.

— Я рад.

Король уселся на ложе. Мабидан последовал его примеру, Кулан остался стоять, скрестив на груди руки и глядя в окно. Снизу действительно очень ясно доносился разговор в зале. Конан прислушался и не услышал ничего интересного.

— Итак, Кулан — не твой сын? — повторил он слегка измененный вопрос.

— Он мой приемный сын, — начал Мабидан. — Моя жена Эорунн умерла через пять лет после рождения Септимия. Жениться вторично я не стал. Однажды, десять лет назад, до Фрогхамока добрался бродячий цирк. Среди артистов оказался пиктский мальчик с волосами и глазами гандера. Это и был Кулан. Тогда ему едва исполнилось семь. Как рассказали артисты, он был сыном гандера и женщины из пуши. Гандер

служил пограничником. Узнав о связи, клан изгнал ее, а быть вместе в Пограничье им бы не позволили, ибо пиктов там ненавидят все. Они собирались переселиться в Тауран, но отца в последний день убили в стычке. Мать взяла ребенка и ушла вместе с цирком, но без мужа жизнь ей была немила. Через год, во время ночлега в лесу, она пропала, и больше ее не видели. Мальчик остался с цирком и кое-чему научился: ходить по канату, жонглировать, показывать нехитрые фокусы.

Но вскоре проявилась главная способность пикта: он умел говорить с животными, они понимали его без слов. Если бы цирк мог позволить себе содержать зверей в дороге, это стало бы коронным номером. Увы, денег не хватало. Но мальчик мог приручить кого угодно: от белки и собаки до гадюки и орла. Как-то раз из чащи вышел волк, а ночь была очень холодна, и хищник всю ночь спал бок о бок с мальчиком, согревая его, а потом ел хлеб у него с руки. Я заинтересовался мальчуганом и выкупил его.

— Ты сделал правильно,— заметил король.— Пикта аквилонцы рано или поздно убили бы, скорее всего, затравили бы собаками, несмотря на то что он ребенок.

— Так или иначе,— продолжил Мабидан,— мальчик остался в замке, и я назвал его Куланом.

— Однажды я уже видел подобное от пикта,— мрачно изрек Конан.— Фокусы со зверями. Впечатления не самые приятные.

— Прошу тебя, Конан,— Мабидан был искренен,— подожди говорить, пока я не закончу. Ты знаешь, как относятся к пиктам в Аквилонии. Мальчику и так пришлось нелегко.

— В Киммерии их любят еще меньше,— возразил король.— А людям в Конаджохаре было вряд ли легче. Парень должен знать, что ему еще предстоит. Рассказывай дальше.

— Я сам убедился в способностях Кулана. Звери слушались его, но недолго. Он отпускал их. В его от-

сутствие они опять становились дикими и неукротимыми. Я понял, что мальчик сумеет многое, если найти ему наставника, но не в Стигию же было его везти и не в Гиперборею! К тому же пикта... И я решил рискнуть: до пущи здесь далеко, но все же не так, как до Стигии.

— Ты отправил его в пущу?

— Да. Ему тогда сравнялось девять, если циркачи сообщили правду о его возрасте.

— Кто сопровождал мальчика?

— Я опять отправил его с бродячим цирком, где были собаки и ручной медведь. Вместе с Куланом ушли двое: Робин Монграт и Майл Майлдаф.

— Сколько же здесь Майлдафов? — спросил Конан.

— Три деревни. Майл Майлдаф был двоюродным дедом моего гонца. Три года назад Майлдаф и Кулан возвратились. Монграт погиб в пуще. Его убил наставник Кулана.

— Кто учил мальчика? И, подожди-ка, когда, говоришь, он вернулся?

— Три года назад. Они провели в пуще пять лет. Услышав следующие мои слова, попытайся сдержать справедливый гнев.— Коннахт специально встал и согнулся в глубоком поклоне.— Прошу тебя, о король.

— Обещаю,— процедил Конан. Смутное подозрение шевельнулось внутри.

— Кулан учился колдовству в деревушке Ггавеле близ реки Черной. Его наставника звали Зогар Саг.

— Так...— прохрипел Конан.— Сомневаюсь, что пикты могут научить доброй магии. И совсем не верю, что это мог Зогар. Твой... Твой сын умеет говорить, или он проглотил язык, или беседует только со зверьем? — Король говорил резко и грозно.

При этих словах юноша взглянул на короля и спокойно, без акцента, на правильном аквилонском, ответил:

— Могу, о король Конан. Твое имя славно в Пограничье, и пуща говорит о тебе с уважением.

— Еще бы,— недобро ухмыльнулся король и тут же спросил на пиктском: — Где ты был, когда штурмовали Тускелан?

— Я бежал вместе с Майлом,— просто ответил Кулан.— Накануне Зогар принес в жертву Робина. В жертву болотному демону. Он и Майла хотел убить, и, может быть, меня. И мы ушли.

— Ладно.— Разговор продолжался на пиктском.— Чем так прельстился Зогар, что взялся учить тебя и не убил твоих провожатых сразу?

— Он узнал во мне одного из детей Юхиббола Сага. И мы дали ему много золота, стекла, шелка и страусовых перьев.

— К перьям он был равнодушен,— усмехнулся Конан.— Тебе известен тайный знак Юхиббола Сага?

— Разумеется, но...

— Знаю. Когда-то он очень мне пригодился. Как бесился демон! Чему еще научил тебя Зогар? Ты можешь вызвать демона?

— Да, могу, но это не самое приятное.

— Согласен,— кивнул Конан.— Это черные демоны?

— Нет, пикты не ведают черного колдовства. Они зывают к силам земли вроде Юхиббола.

— Это Зогар-то не знал черного колдовства?! Никогда не поверю, мальчик,— криво усмехнулся Конан.

— Зогар знал. Но меня он не успел научить этому. И я сам не хотел.

— Зогар бы заставил,— заверил юношу Конан.— Я не хочу думать, что ты лжешь, хотя бы из уважения к твоим отцам — настоящему и приемному. Ты общался с призрачным змеем?

— Да, Зогар испытывал меня. Я был в логове змея, и он не тронул меня. Но чары Юхиббола много сильнее.

— И ты можешь вызвать змея прямо сюда?

— Могу, если так будет нужно. Но уверяю тебя, о король, в здешних лесах есть создания пострашнее.

— Охотно верю. Но сейчас меня волнует иное.— Конан опять перешел на аквилонский.— Ты слышал наш разговор о горах и наверняка знаешь легенду.

— Знаю,— подтвердил юноша.

— Тогда ответь: чем ты можешь помочь? Ты способен управлять камнем?

— Нет, этот камень не рожден землей. Его создали. Но я понимаю язык растений и некоторых камней. Я постараюсь провести вас безопасным путем.

— Ты в силах побороться с Каном паков?

— Не знаю. Пещеры темны для меня, но можно послать вперед демона, и не одного. Правда, для этого потребуется человеческая кровь.

— В крайнем случае возьмешь мою,— поморщился Конан.— Как насчет беседы с черным драконом?

— Я попытаюсь. Если он такой древний, как говорит отец, он должен помнить Юхиббола.

Конан задумался.

— Идет,— наконец сказал он.— Коннахт, я забираю твоего парня с собой. Если хоть один волос упадет с его головы, причинивший вред заплатит своей жизнью, кем бы он ни был. А вообще неплохая подобралась компания: киммериец, боссонец, пикт, кхитаец, горец, гандер... Кто там еще? А, да, аквилонцы всех мастей.— Король хлопнул ладонью по столу.— Коннахт, разговор закончен. Ты даешь мне еще Бриана Майлдафа, и больше никто мне не нужен. Разумеется, ты снабдишь меня едой, теплой одеждой и всякими мелочами вроде веревок. Об этом поговоришь с Хорсой. Я же возвращаю тебе Септимия, если он жив еще. А разворошить этот муравейник под горами будет к нашей общей выгоде. Да, еще. Возвратится Майлдаф или нет, но он или его клан должны получить полсотни овец, я заплачу. Завтра вечером мы отправляемся. А сейчас я иду отдыхать: утром мне метать эти дурацкие столбы с этим придурком Майлдафом. Понятия не имею, как это делается, но я король и должен победить. Мы идем обратно в зал?

Коннахт встал и поклонился.

— Все будет исполнено, как ты повелел. Благодарю тебя, Киммериец.

— Благодарить будешь, когда мы вернемся. Значит, меня уважают в пуще? — обратился напоследок Конан к Кулану.

— Это так, король, — отозвался пикт.

— Может быть, мне следовало думать о пиктах лучше. Но, видно, уже не получится, — проворчал Конан и распахнул дверь в коридор.

В зале царило оживление. Евсевий держал в руках замысловатый предмет, должно быть, музыкальный инструмент.

— Прекрасная графиня, — ручьем журчал ученый. — Я посетил множество стран, и немало сладкозвучных инструментов тешили мой слух. Также знал я звучание варварских труб и барабанов, и странных и непривычных для цивилизованного человека приспособлений для извлечения звуков в странах юга и востока. Однако звучание сего инструмента мне неизвестно. Вероятно, звук происходит посредством приведения в колебательное движение сих тончайших вервий, напоминающих струны. Но я не смею осквернить своими неумелыми и грубыми перстами сие творение, ибо все, что дарит нам чудо музыки, имеет душу, и без знания оной было бы кощунством строить из себя музыканта. Посему, графиня, не угодно ли вам будет открыть нам душу сего тонкого создания, а с ней и часть своей, ибо все мы пребываем в затруднении, столь вы уклончивы и лукавы.

Конану оставалось только поскрести подбородок, слушая, как ученый выговорил все это без единой запинки. Даже Умберто не смог ничего добавить к произнесенному.

— Если госпоже будет угодно, пожалуйста, — выразил Тэн И всеобщее желание, пусть не столь пышно, но исключительно вежливо и доходчиво.

Инструмент и вправду был интересен: деревянная резная рама, украшенная серебром, в форме скругленно-

го клина, а на ней струны различной длины и толщины из светлого волоса. Должно быть, звук и впрямь должен был получиться куда приятнее, чем у писклявых туранских трехструнок, но Конана больше заинтересовало обращение с титулом, произнесенное Евсевием.

— Этайн — графиня? — обратился Конан к Мабидану. — Она замужем?

— О, нет, — ответил Коннахт. — Это лишь привычное нам всем обращение. Мой старший брат был графом, он владел маркой на востоке. После его смерти графство унаследовал Аврелий, но это временно. Аврелий оставит дела сразу, как Этайн выйдет замуж, и передаст марку ее мужу. Таким образом, Этайн будет носить титул по праву. Думаю, что долго ждать не придется.

— Да, — согласился король. — На такое приданое найдется немало охотников. Впрочем, Этайн не похожа на уроженку Аквилонии.

— Мой брат женился вторично на дочери одного из князьков с Гимелийских гор, вот откуда такое смешение черт. Впрочем, очень удачное смешение.

— Очень... — Король устроился на скамье.

Молодая графиня была, несомненно, привлекательна, но она мало интересовала Конана. Завтра предстоял поход, а также объяснения с теми, кто еще не знал, куда и зачем они идут. Король решил послушать игру, а после объявить, что отправляется почивать.

Наконец все расселись. Этайн взяла в руки хитрый музыкальный инструмент, походивший более всего на лиру. Установив раму вертикально, девушка взялась левой рукой за дальнюю часть ее, а пальцы правой руки осторожно коснулись струн. Звук получился глубокий, загадочный, плывущий, словно медленная волна. Ни лютия, ни лира не давали звуков такой глубины.

Музыка, должно быть, и в самом деле была хороша. Но Конану она скоро наскучила. Он с нетерпением ожидал, когда ж Этайн завершит первую композицию, как называл это Публий, но вдруг Майлдаф, тоже по-

рядком заскучавший у дверей, бесцеремонно прошел прямо к королю, громко топая сапогами.

— Король, я вижу, тебе не по нраву такая игра. Если хочешь, спустимся вниз. У нас сегодня праздник, горцы веселятся всю ночь. Там, во дворе, куда веселее. Вы как знаете, а я пошел,— обратился он явно не к одному только Конану.

Этайн, разумеется, прервала игру — того королю и надо было.

— Сейчас я пойду с ним,— объявил Конан.— А потом отправлюсь спать. Благодарю графиню за приятную музыку.

— Дозволь мне пойти с тобой, кениг.— Хорса быстро встал со скамьи.

— Оставайся здесь,— махнул рукой Конан.— Во Фрогхамоке нам ничего не угрожает. Идем, Бриан Майлдаф.

Бриан Майлдаф служил посыльным при Коннахте Мабидане, поскольку обладал отличной памятью, железным здоровьем, умел дать сдачи любому обидчику, а в споре не уступил бы ни туранскому торговцу, ни самому старому и словоохотливому шемиту. Он знал все ходы и выходы в замке (Конан не исключал, что и про тайну комнаты над Каминным покоем горцу известно), и они быстро спустились во двор, минуя парадные галереи по боковой лестнице, куда доносился запах кухни.

— Во дворе стоит дерево, а рядом находится священное место для костра,— показывал горец.— Туда приносят золотые хлебные колосья. Сегодня у нас Праздник Зерна. Он, вообще-то, идет целый месяц, но сегодня особая ночь. Днем девушки собирали для венков желтый клевер и золотую ромашку. А ночью мы до утра пьем наше золотое вино и едим землянику и ячменные лепешки с медом, с сыром, с чем угодно и просто так. Женихи сегодня выбирают себе невест, чтобы завтра в состязаниях показать свою доблесть, а потом договариваются о свадьбе. Завтра будут метать копьа,

кидать столбы, биться на мечах и еще стрелять из лука. А сейчас праздник! Сегодня будет петь Мойа!

Конан не знал, кто такой Мойа, но во дворе уже пылал огромный костер, размерами напоминающий башню, и еще несколько костров поменьше. Воздух оглашался звуками каких-то дудок, барабанов и рожков. Тут и там встречались группы горцев в своих шерстяных накидках и шапках с меховой оторочкой и хвостом из пушистой лисы. Девушки в длинных новых платьях, в венках из цветов клевера и ромашки несли в руках колосья. Отовсюду доносились песни, сухие дрова весело потрескивали в кострах, гудели разноголосые разговоры...

И хоть горцы не любили киммерийцев, а те — горцев, они были во многом похожи, и среди них Конан чувствовал себя куда лучше, чем наверху, в покоях замка. Бриан провел его к главному костру. Там сменяли друг друга певцы, аккомпанируя себе на таких же арфах, что была в замке, только более скромных. Они исполняли песни, то быстрые и зажигательные, и тогда многие начинали танцевать, то медленные и печальные, то мрачные баллады о давних днях, то простые деревенские.

Конан не понимал языка горцев, но Майлдаф, сколь мог верно, переводил королю содержание. Особо отряженные люди обносили собравшихся молодым вином, хотя напиток не был виноградным, а большие котлы с пивом находились здесь же, подвешенные на цепях к вкопанным в землю крепким столбам. Стояла глубокая ночь, но всякая охота спать у короля пропала, ему было весело под звездами.

Но вот возгласы стихли, и к костру на песенное место вышла стройная, крепко сложенная девушка среднего роста. Ее длинные вьющиеся волосы были желты, как колосья, что держали в руках ее подруги, а глаза сини, как вода горных озер. Обнаженные руки ее, тонкие и сильные, серебрившиеся в ночи, украшали незатейливые медные браслеты. Лицо ее было молодо и

прекрасно, а глаза смотрели смело и задорно. Арфы у нее не было — мигом нашлись охотники подыграть.

— Это Мойя. — Из темноты возник Майлдаф с кружкой пива. — Она поет лучше всех! А как танцует...

Он хотел сказать еще что-то, но тут заиграла музыка, и Мойя начала петь. Это было необыкновенно. Голос девушки творил со слушателями такие чудеса, что не было возможности не следовать послушно за ним. Он то лился родником, то взлетал к облакам, то падал вниз, как большая черная птица, и приобретал тревожные и грозные интонации, то делался грубым и даже хриплым, как у старой колдуньи, то звенел подобно струне, то затихал шелестом ветра в колосьях, то отдалялся прозрачным лесным эхом, то приближался и говорил будто с тобой одним, словно Мойя стояла совсем рядом, а не в двадцати локтях, и пела только тебе.

Песня сменяла песню, а иногда песню сопровождал танец. Никогда еще Конан не видел такой выразительности, пусть и не было у Мойя утонченности восточных танцовщиц: те были комедиантками, циркачками — Мойя жила танцем, и танец бился, как живой огонь.

Когда музыка смолкла и Мойя остановилась, чтобы немного отдохнуть, сначала повисла тишина, а потом двор потонул в восхищенных криках. Конан тоже что-то кричал и поймал себя на том, что кричит по-киммерийски.

Мойя знала себе цену, а потому умела играть с большим собранием людей.

— Горцы! Видите, там, на столбе, что натерт маслом, венок из клевера? — Она указала на возвышавшийся за спинами собравшихся у костра высокий, локтей тридцать высотой, деревянный столб.

Толпа раздалась. Люди с факелами тут же осветили столб. На вершине и впрямь было что-то с трудом различимое в темноте. Мойя подбежала к столбу.

— А еще там серебряная заколка, ее специально для Праздника Зерна сделал старый Махатан. Такая заколка очень украсила бы мой плащ, не правда ли? —

Раздались возгласы восторга. — Тот, кто достанет мне венок и заколку, сам наденет венок мне на голову и сам заколет на мне плащ. Видите, плащ есть, но его нечем заколоть! — Она приняла из рук старика (видимо, это и был кузнец Махатан), новый шерстяной плащ и показала всем. — А еще этот смельчак заслужит мой поцелуй. Найдется ли в кланах земли Гвинид кто-нибудь, кто утешит бедную девушку?!

Тут же раздались ответные крики: желающих нашлось множество.

— Она уже четвертый год это предлагает, — пояснил Майлдаф, который остался стоять, спокойно попивая из кружки. — Никому еще этого не удалось. Я сам пробовал три года подряд — бесполезно. Но я поднимался выше всех — до половины! Здесь нужны сила медведя и ловкость снежной кошки.

Король кивнул. Он смотрел на молодых сильных парней, которые один за другим, под музыку и шум собравшихся, пытались покорить столб — и раз за разом срывались, сопровождаемые смехом не принимающих участия в забаве и тех, кому это еще предстояло.

Взгляд короля то и дело возвращался к Мойя. Она была как лепесток огня: вся горела и, кажется, светилась. И она была красива и гибка, как настоящий огонь.

Когда то ли пятнадцатый, то ли двадцатый желающий попытать счастья съехал вниз и поспешно скрылся в толпе, повисла пауза. Если кто еще и думал добраться в этот раз до верха, то уверенности у него явно поубавилось.

— Что же вы, мужчины Гвинида?! — прозвенел голос Мойя. — Или четвертый год подряд не смогу я надеть новый плащ и опять должна ходить в старом всю холодную зиму? Или вы ждете, когда сквозь дыры в нем увидите мое тело? Зря ждете: Мойя умеет держать в пальцах иголку!

Но горцы продолжали мяться, и тогда в освещенный факелами круг вошел высокий черноволосый мужчина в кожаных штанах и тунике. Мышцы на его теле

играли легко, как волны, а руки, думалось, были свиты из нескольких толстых канатов. И в то же время двигался гигант совершенно бесшумно, как дикий лесной кот.

— Я достану тебе брошь, красавица,— прозвучал мощный, низкий, с хрипотцой, голос.

Даже не сбросив сапоги, хотя это дозволялось, человек приблизился к столбу, примерился, как это делает перед прыжком кошка, и... И, не успели собравшиеся и глазом моргнуть, как сильное тело взметнулось сразу локтей на девять, не меньше. Мужчина подтягивался только на руках.

Дальнейший путь вверх был труднее, ибо сила первого толчка была исчерпана, а столб давеча натерли маслом на совесть. Но на этот раз преграде суждено было покориться: человек стискивал дерево с силой питона. Руки его, казалось — или так оно и было? — проминали твердые ясеновые волокна, выдавливая в стволе углубления. Чудилось — или так и было наяву? — что столб скрипит. Все, и сама Мойя, затаили дыхание. До вершины осталось шесть локтей... Пять... Три... Один...

Пальцы-клещи ухватили железное кольцо, венчавшее столб. Мужчина подтянулся, заглянул в корзинку, укрепленную в кольце, и другой рукой извлек оттуда венок и что-то маленькое, но сверкнувшее благородной серебряной звездой в слабом, едва достигавшем такой высоты, отблеске факела. Но все добытое еще надо было доставить на грешную землю, ведь столб оставался скользким, а одна из рук теперь была занята хрупкой ношей. Надо было обладать большой силой и отменным проворством, чтобы не сорваться с большой высоты.

Но человек, кажется, не ведал усталости. Будь у него заняты обе руки, он, наверно, добрался бы вниз только с помощью ног. Наконец, когда до земли оставалось локтя четыре, он чуть оттолкнулся от столба и легко и мягко спрыгнул на землю. Дыхание его оста-

валось ровным, будто и не влезал он только что наверх, а стоял здесь, внизу,пил и балагурил.

Мойя с любопытством оглядела незнакомца. Был он уже немолод и лицом не походил на горца, но разве это было важно? Девушка смело подошла к победителю.

— Как и обещала, я склоняю голову перед тобой! Пусть этот венок будет возложен твоими руками!

Наклоняться, впрочем, ей не пришлось: мужчина был на голову выше Мойя.

— А теперь пусть и этот плащ будет застегнут тобой! — провозгласила Мойя, когда золотой венок украсил ее желтые волосы. И вот серебряная фибула с тонким фантастическим рисунком засверкала у нее на плече. — А теперь я выполняю свое третье обещание!

Тонкие руки, серебристые в звездном свете, обвились шею незнакомца, и горячие губы коснулись жесткой щеки. В это мгновение Мойя почувствовала его ладонь на своей талии — эта рука могла бы запросто сломать ее, как соломинку, но эта же рука умела быть нежной и ласковой. Синие глаза — глаза северянина — смотрели не как сумасшедшие от страсти глаза юноши, но ясно и твердо. И она поняла, чего хочет сейчас: видеть эти глаза перед собою и не терять их из вида хотя бы сегодня ночью. А там будь что будет.

Поцелуй явно затянулся, приветственные крики смолкли, и Мойя, оторвавшись наконец от губ неизвестного, спросила громко:

— Я вижу тебя впервые, чужестранец! Назови нам свое имя!

Мужчина усмехнулся, обвел взглядом собравшихся и сказал негромко, но так, что услышал весь двор:

— Конан Киммериец, король Аквилонии.

Повисла тишина. Молчали все, слышно было, как потрескивают в кострах сучья и как звенит цепью сторожевой пес в дальнем конце обширного замкового двора. Никто не знал, что сказать на это: мало кто интересовался, кто теперь король Аквилонии, но о Ко-

нане Киммерийце слышали все. Мойа замерла в растерянности и смущении, и тут молчание нарушил явно уже хмельной, но бодрый и сильный голос Бриана Майлдафа:

— Да здравствует король Конан!

И тотчас те немногие, кто под командой Аврелия Мабидана сражался в армии Освободителя, узнали короля.

— Он! Это он! Да здравствует король Конан! — подхватили они.

И веселье закипело вновь. Люди приветствовали своего короля, и король был среди них своим, хоть и оставался киммерийцем. Потом еще много говорили, плясали, пели и пили, и никто не стал доискиваться, когда и куда исчезли со двора король Конан и с ним королева Праздника Зерна — Мойа Махатан.

* * *

Проснулся Конан рано — темнота еще не схлынула окончательно с небосклона, и последние звезды мерцали еще над зубцами западной стены. Сеновал в замковой пристройке приютил короля на эту ночь, и ночь эта была вовсе не худшей в его жизни, как сказал бы Хорса, и даже напротив. Мойа спала. Венок потерялся где-то в высокой копне сена. Густые длинные желтые волосы девушки разметались, в них кое-где смешно застряли такие же желтые соломинки. Она дышала легко и улыбалась во сне. Конан не стал ее будить. Он отыскал ее платье, плащ и другие вещи и аккуратно сложил их возле спящей.

«А ведь прежде я так не делал!» — подумал король, съехал с копы и вышел во двор. Там было серо и пусто, предрассветный воздух был налит густым влажным туманом.

Кроме двух безмолвных часовых у ворот и большого дремлющего черного пса, во дворе никого не было. Впрочем, нет: кто-то невысокий, в серой одежде из грубого льна, выделял какие-то немыслимые движе-

ния среди деревьев, составлявших небольшую аллею перед дверьми донжона.

Конан умылся ледяной водой из бочки, прошел мимо кострищ — зола была еще теплой, мимо покоренного ночью столба, который теперь не казался уже высоким, и приблизился к странному человеку, укрывшись за толстым стволом ясеня. Перед ним был Тэн И. Кхитаец, вопреки общепринятым представлениям о внешности кхитайских поваров, был отнюдь не кругленьким сытым человечком, а тонким, как тростинка. Он прыгал, словно кузнечик, размахивал руками и ногами, кувырчался, принимал какие-то паучие позы и время от времени резко вскрикивал, отсчитывая особый положенный ритм. Подобные упражнения некогда проделывал и Моррадин, и Конан не стал мешать Тэн И, а только наблюдал за ним. Как он ни старался, не мог понять чего-либо в движениях этой живой мельницы: киммериец больше полагался на свой меч, искусство фехтовальщика и навыки солдата-наемника. Тэн И сам скоро заметил, что за ним подсматривают, но показал это не прежде, чем завершил свою гимнастику. Закончив, он встал на колени, поклонился на восток и замер так ненадолго. Конан ждал. Наконец Тэн И встал, отряхнул одежду от листьев и трухи и изрек:

— Солнце встало, государи! Тэн И готов выслушать твои приказания.

— Приказания потом, — ответил Конан, выходя из-за дерева. — Пока здесь никого нет, я хочу с тобой побеседовать.

Король присел на корточки и прислонился спиной к стволу. Тэн И уселся прямо на траву, поджав ноги, как это делают кхитайцы. Он выглядел чуть ли не вдвое меньше Конана, хотя был весьма высок для уроженца своей страны. Но если бы кто-нибудь взглянул сейчас на них со стороны, эта разница не бросилась бы в глаза: двое равных вели серьезный и неторопливый разговор, и не было здесь короля и повара, только двое мужчин.

— Тэн И, вчера ты слышал все или почти все, о чем говорили я и старый Мабидан. Я не стану лукавить, это не в моих правилах, если кто-то работает вместе со мной. Я знаю, что ты шпион царя Шу и тащиться за мной на север не входит в твои обязанности. Мало того, тебе вовсе не обязательно заниматься спасением Септимия Мабидана и королевства Аквилонского. Кроме того, Умберто и Хорса осведомлены, чем ты занимаешься при дворе в свободное от кухни время. Умберто, при всем уважении, нельзя назвать человеком слова, а Хорса — мой телохранитель. — Конан ухмыльнулся, Тэн И тоже. Оба понимали, что слова «телохранитель Конана» звучат смешно. — Они могут убить тебя, едва заподозрят самую ничтожную мелочь, хотя знаю, что сделать это им вряд ли удастся — убить, в смысле. Короче говоря, Тэн И, ты можешь не идти туда, куда иду я, но я буду рад, если ты останешься со мной.

Кхитаец поглядел на Конана своими желтыми, как у тигра, раскосыми глазами. Черные, смоляные волосы забавно топорщились у него на затылке, словно у птицы грифа.

Вообще кхитаец выглядел как-то несуразно среди всех этих вересков, мрачных хвойных лесов и северных гор.

— Я пойду с тобой, государь Конан, — ответил кхитаец. — Царь Шу найдет другого шпиона, как нашел меня, когда скончался от старости прежний. Я знаю, ты можешь платить мне много больше, чем Шу Сицян. Но я договорился с Шу, а очень большие деньги мне не нужны, денег мне хватает. Я чту Митру Лучезарного, он великий бог. Эпимитриус низверг Великого Змея и основал Аквилонию. Я не столь могуч, но я верю, что человек рождается не только затем, чтобы убивать себе подобных и добывать этим золото. Я занимался этим сорок пять лет и не приобрел ничего, кроме скорби. Ныне я вижу свет и хочу успеть то, что по глупости не делал в молодости. Теперь можешь не

поверить мне и прогнать меня, как старую негодную собаку, государь.

— Ты останешься со мной, Тэн И.

Конан протянул кхитайцу руку. Узкая ладонь Тэн И целиком утонула в широченной ладони киммерийца, но пожатие ее было не менее крепким.

— Мы уходим вечером, — предупредил Конан. — Подумай хорошенько, что нам нужно взять с собой.

— Слушаюсь, государь. — Тэн И низко поклонился.

Конан оставил кхитайца во дворе, а сам отправился в замок. Первым, кто встретил его сразу в покое стражи за дверьми, был заспанный и донельзя растрепанный Бриан Майлдаф. Тем не менее никаких признаков похмелья Конан у горца не обнаружил.

— А, король, — улыбаясь во весь рот, приветствовал Конана Бриан. — Славно вчера погуляли! А ты ловко влез на эту жердь, и Мойя осталась довольна. Да. Но сегодня я выиграю у тебя, — самоуверенно заявил Майлдаф, ибо иначе не был бы он Майлдафом.

— Посмотрим, — пожал плечами Конан. — Ты лучше вот что мне скажи, Бриан. Я ведь приехал сюда не оленей бить, сам понимаешь. Сегодня я уйду в поход, в горы, и, может быть, мы все там сгинем. Я это вот к чему: я тебя зову с собой. Пойдешь?

— В горы? — переспросил Бриан. — Это к пакам, что ли? Пойду, давно хотел поглядеть на их рожи: вправду ли они так же косоглазы, как господин Тэн И. А Хорса идет?

— Идет, — кивнул Конан. — Ты очень легко соглашаешься на то, чего многие боятся больше смерти.

— Боятся? — несказанно удивился Майлдаф. — Паков? Чего мне их бояться, если я ночью попадаю в белку за пятьдесят шагов? Да, не забудь, состязания начнутся за час до полудня на лугу перед замковым парком. А теперь мне надо сходить домой, собраться. До полудня, король.

Майлдаф решительно двинулся к дверям.

— Ах да,— приостановился он уже на пороге.— Хотяин отпускает меня с тобой?

— Отпускает! — расхохотался Конан.— И дает полсотни овец даже в том случае, если ты не вернешься.

— Да?! — Эта новость была для Майлдафа радостной, и в то же время она вызвала долгие и трудные размышления.— Кому же тогда останутся овцы? Нужно будет двоюродному брату, кузине, дяде по матери...— Почесывая затылок, Майлдаф вышел вон.

Король остановился в задумчивости. В том, что Хорса, Умберто и Арминий ползут в царство Нергала, если туда вздумает полезть Конан, сомнений не было. А вот что Евсевий? Ему это вовсе ни к чему! Экая важность, что Люций из легенды — его далекий предок! А здесь, в замке, он, похоже, нашел еще одну причину тому, чтобы никуда не ходить: графиня Этайн вряд ли стала для аквилонца меньшим соблазном, чем сомнительные сокровища подземелий. Да и стоит ли подвергать риску жизнь молодого, красивого да еще и умного аристократа? Не так уж и много их осталось в Тарантии!

Пусть он сам изъявил желание идти с королем, но это было в столице, во дворце, где спорить с царственным небезопасно, а представители века Второй реформы были весьма искушенным народом по части всяческих интриг. Иное дело здесь, где никто не сможет обвинить Евсевия в нелояльности, коль скоро король даже у помощника повара спрашивает согласия.

Но где же поместили Евсевия? Конан собрался было выяснить у молчаливых стражников, где здесь дворецкий, чтобы тот указал загулявшему без присмотра монарху, где изволят почивать хранитель дорожных карт, как затруднение разрешилось само собой: Евсевий, облаченный в тунику для гимнастических занятий, спустился навстречу по лестнице.

«Да, в случае войны с Немедией или Кофом мне, вероятно, стоит сформировать отдельный полк из пова-

ров и ученых», — оценил король этот факт с государственной точки зрения.

— Приветствую тебя, о царственный.— Евсевий отнесся к глубокому поклону. В руке он держал короткое копье. Позади шел пасмурный слуга из гандеров, который нес каменное ядро и каменный же диск для метаний.— Что заставило тебя оставить ложе в столь ранний час?

— Забота о подданных,— хмуро пошутил Конан.— Евсевий, я хочу услышать от тебя ответ на один вопрос: ты представляешь, в какую дыру мы полезем начиная с сегодняшнего вечера?

— Вполне, о царственный,— откликнулся ученый.— Будет ли мне дозволено предположить, о чем еще пожелают спросить меня Ваше Величество?

— Будет.— Конан с интересом посмотрел на Евсевия.

— О царственный! Ты, видимо, хочешь предложить мне выбор: идти с тобой ко вратам бездны или же остаться вздыхать у божественных ног прекрасной Этайн. Изволь, я отвечу. Деньги, титул и земли у меня есть. Что толку иметь еще, если любая перемена погоды во дворце в силах отнять у меня все, сколько бы я ни имел? Можешь счесть это за лесть, но с твоим восшествием на престол аристократия, у которой есть идеи и деньги и у которой нет сил и желания грызться за власть, зажила наконец спокойно. Итак, титул и земли мне не надобны. Любовь и красота? О да, графиня красива, но красота обманчива: я не видел твари краше, чем ядовитая змея, живущая в одном из храмов Стигии. Я вовсе не хочу оскорбить графиню, но все в руках Митры — любовь вспыхивает и угасает внезапно. Мой же путь к престолу Лучезарного лежит через знание, ибо познание творения угодно творцу. Что ж, порой для этого приходится рыться в земле среди падали и червей, но разве сам Митра не нисходил во глубины для битвы с чудовищем, и разве он не поднялся высоко после?

— Ты-то ведь не Митра, — резонно заметил король. — Ладно, я считаю, что ты согласился идти, несмотря на роскошную возможность не вернуться. Так?

— Воистину, о царственный, — ответил Евсевий. — Могу ли я теперь, о царственный, предаться упражнению, изобретенным нашими премудрыми предками для совершенствования тела, либо тебе угодно будет далее вкушать беседу?

— Мне будет угодно вкушать что-нибудь более существенное, — вежливо отказался Конан от приглашения к дальнейшей беседе. — Ступай, Евсевий. Если бы все ученые были похожи на тебя...

— Наука погибла бы, о царственный, — заметил ученый. — Да будет твоя трапеза приятной. — И Евсевий, а за ним все еще не проснувшийся слуга покинули замок.

Конан опять остался один. До полудня было еще далеко, а все, что требовалось выяснить, уже было выяснено.

— Ты случайно не Майлдаф? — обратился он к обоим стражникам сразу.

— Моддермотт, господин! — отвечали горцы хором.

— А почему же у вас одинаковый с Майлдафами узор на одежде? — удивился король.

— Пятьсот восемь лет назад, — начали Моддермотты одновременно, — клан Моддермотт победил Майлдафов и взял себе их цвета, а потом, четыреста пятьдесят три года назад, Майлдафы снова воспряли и изгнали Моддермоттов. Четыреста пятнадцать же лет назад...

— Достаточно, я понял, — оборвал стражников король. Вчера за ночь он выслушал десятка два подобных историй. — Где дворецкий? Ваш король проголодался!

Время до полудня прошло в сборах, разговорах, обсуждениях, как и куда направиться сначала и куда затем. Увидеть Мойя Конану так и не привелось.

Когда водяные часы, стоявшие в замке во всяком удобном и неудобном месте, указали, что до полудня

остался час, и то же подтвердили солнечные часы во дворе, король в сопровождении Арминия, Умберто, Евсевия и Хорсы отправился выполнять данное Бриану Майлдафу обещание.

У подножия холма, на котором возвышался Фрогхамок, располагался просторный и ровный зеленый луг, где трава тщательно подстригалась, пропалывалась, поливалась и высаживалась в течение всех восьмисот лет существования замка.

Праздник Зерна был в разгаре. Сегодня мужчины демонстрировали свою воинскую доблесть, метая копья, стреляя из лука и сражаясь на мечах. Кроме того, предстояло еще одно загадочное состязание — бросание столбов. Столбы, впрочем, нашлись тут же: крепкие круглые бревна в полторы ладони в поперечнике и пяти-шесть локтей в длину.

На лугу были разбиты шатры, опять всюду были хлебные колосья, пиво и вино. Тут же на кострах варилось мясо кабана, играла музыка. Вскоре, однако, она смолкла. Начинались состязания в стрельбе из лука.

Конан искал в толпе Бриана Майлдафа и увидел его в числе желающих поучаствовать. Особой хитростью придумка не отличалась: в землю втыкали прут высотой в рост человека, и стрелки один за другим били в него. Постепенно дистанция для выстрела увеличивалась, и так до пяти раз. Бриан, объявивший утром, что стреляет отлично, на сей раз не соврал. Его стрелы летели точно в цель, расщепляя пруты надвое, при этом горец не тратил времени на приготовления, а стрелял навскидку. На пятом рубеже, где расстояние достигло ста пятидесяти локтей, цель поразили лишь трое, и Майлдаф был в их числе.

Вот тогда-то Евсевий Цимиский, выступив вперед, обратился к главам кланов, следившим за благообразным и правильным течением праздника.

— Не будет ли достойнейший и мудрейший синклит столь любезен, чтобы позволить чужестранцу уча-

ствовать в состязании вместе с теми доблестными мужами, оставшимися на ристалище? Я лишь хочу испытать свои невеликие силы, не претендуя на звание победителя.

Предводители вряд ли знали, что такое синклит, но после недолгого совещания один из них, высокий старик с острым носом, поднялся и изрек:

— Человек короля может принять участие в состязании, и поелику случится, что в искусстве стрельбы он превзойдет всех, то он по праву будет объявлен победителем сего состязания.

Все собравшиеся восславили мудрость и справедливость вынесенного решения.

Слуга, которому Евсевий за все утро так и не дал отдохнуть, поспешил подать беспокойному гостю лук, чтобы только тот отстал от склонного к полноте пожилого человека. Аквилонец вышел на черту и так же легко, как Майлдаф, разделил прут надвое.

После этого испытание усложнили: прут подвесили горизонтально, вернув стрелков на изначальную, самую короткую дистанцию, и все началось заново. Но на втором же рубеже двое горцев выбыли из борьбы, и Майлдаф с Евсеем остались вдвоем. Поднялся ветерок, слабый, но вполне достаточный, чтобы затруднить попадание в тонкий прут, продетый концами в отверстия в двух вертикальных стойках.

На последнем, пятом рубеже хитрый Евсевий переждал порыв и выстрелил так, что прут переломился. Немедленно принесли новый, но то ли он оказался менее счастливым, чем его предшественники, то ли Майлдаф погорячился, выпустив стрелу почти сразу после установки мишени, не повременив, пока установится тишь и вереск на болоте перестанет кланяться ветру, но стрела ушла на каких-то полпальца вниз и, лишь задев прут, упала в траву. Победителем оказался Евсевий. Майлдаф был явно расстроен.

— Я попал бы в этот чертов прут, даже если бы он качался туда-сюда на веревке! — утверждал он.

Все охотно верили и подтверждали, что такое действительно случалось, но вот сегодня именно Евсевий, книжник из Тарантии, первым занял почетное место рядом с предводителями кланов.

Затем начались игры копьemetателей. Делали они почти то же, что и стрелки из лука: бросали копья в деревянный чурбан, близкий по размерам к человеческой фигуре. Задача усложнялась тем, что чурбан был обит прочной, грубой и толстой кожей с нашитыми на нее металлическими пластинами. Если копье не пробивало кожу, давали попробовать метнуть еще раз. Если же бросок вновь был неудачен, для такого метателя состязание заканчивалось. Несомненно, что все горцы умели наверняка бить копьем любого зверя, а если потребуется, то и врага в доспехах, но центурион Арминий многие годы именно таким способом добывал свой хлеб, и здесь ему не нашлось равных. Люди короля доказывали, что Конан выбрал их не зря.

Фехтовальщики бились на горских мечах. Конан и сам с удовольствием поучаствовал бы в поединках, но, прекрасно понимая, что легко одолеет любого и что с королем никто не станет биться в полную силу, без оглядки, предоставил сотнику Умберто показать свое мастерство.

Двуручный меч не был любимым оружием сотника, привыкшего к рапире, но Умберто выглядел весьма достойно и только под самый конец боев уступил горцу огромного роста и невероятной силы. Удачливый соперник сотника из клана Матбретов и стал победителем.

Но тут на празднике появился Тэн И. По обыкновению виртуозно держась на грани между вежливостью и угодливостью, кхитаец испросил разрешения на поединок с Матбретом. Старейшины, явно беспокоясь за целостность и сохранность человека из королевской свиты, все же позволили бой. Горцы смеялись и бились об заклад, на первом или на втором ударе завершит поединок Матбрет. И только Умберто по собственному

опыту знал, чего можно ожидать от помощника повара, а Конан догадывался об этом.

Как выяснилось, горцы бились об заклад правильно, они лишь ошибались в распределении ролей. Никто не успел ничего понять, как клинок горца разрезал дерн, а лезвие меча Тэн И остановилось на бедре Матбрета. Тэн И задержал удар, который мог оставить горца без ноги. Победа была полной, но Матбрет требовал повторить бой, не желая поверить, что столь быстрое его поражение отнюдь не случайно.

Позволение на схватку было дано, но на этот раз кхитаец, рассудив, что подобное скоротечное завершение неинтересно публике и может спровоцировать и третий бой, разрешил горцу немного потеснить себя под одобрительные возгласы его соплеменников, а затем тремя резкими ударами, просчитанными так, чтобы все было видно даже неискушенному в вечном бое человеку, загнал соперника в положение, когда четвертый удар оказывался для того роковым, если, разумеется, победитель этого хотел. Тэн И ограничился тем, что выбил меч из рук великана. Удар кхитайца был столь искусен, что крепкий клинок не выдержал и в руках у горца остался лишь обломок рукояти. Толпа разразилась приветственным ревом. Все удивлялись, поздравляли кхитайца, восхищались его умением. Тэн И же скромно откланялся и мгновенно исчез. Сейчас был здесь, и вот его уже нет, будто растаял!

Однако долго скучать не пришлось, ибо предстояло главное зрелище дня — бросание столба. Ни Конан, ни кто-либо из его людей никогда не видели, как это происходит. Евсевий, правда, читал в манускриптах о такой любимой горцами забаве, но действительность оказалась куда красочнее.

Расстояние в несколько локтей отвели для разбега, и вот первый горец, невысокий, но богатырского телосложения, в полном парадном наряде своего клана, присел, ухватил столб и, крикнув, поднял его стоймя. Дерево было увесистым и к тому же неустойчивым, а

ведь его еще надо было бросить! Пристроив столб поудобнее, чтобы тот не вздумал коварно выскользнуть из рук прежде времени, человек начал разбег. Конечно, назвать бегом эту дорожку семенящих шагов можно было с трудом, но кто бы смог бежать с грузом в сто двадцать фунтов в руках?! Дотащив бревно до специальной отметки, горец вытолкнул столб вперед и вверх.

Бревно, наклоняясь стремительно вперед, пролетело несколько локтей и упало плашмя на траву. Бросок, судя по реакции почтенного собрания, был не слишком удачен, и тем не менее первого приветствовали все. Из толпы вынырнул Майлдаф.

— Что скажешь, король? Карабкаться на столбы умеют все, ну, кто-то получше, кто-то хуже, — невозмутимо проговорил он. — А вот кидать столбы куда труднее! Ты все еще думаешь, что сможешь победить?

Конан уже понял, в чем суть таинственного бросания столба, и лишь кивнул утвердительно.

— Конечно, я выиграю. Скажи только, как определяют победителя?

— А-а, это просто: смотрят, где столб коснулся земли в первый раз, и меряют, а если он упал плашмя, то смотрят по ближнему концу.

— Ага, — многозначительно проговорил король. — Что ж, пошли. Я как новичок буду метать после тебя.

— А я метая предпоследним, — заявил Майлдаф.

— Тем лучше, не надо будет долго ждать до конца.

Состязание тем временем продолжилось. Из каждого клана выходили по трое, четверо, а иногда и по пять человек — эта забава была самой любимой, она и выглядела смешно, и требовала от метателя недюжинной силы и кошачьей ловкости.

Столбы летели и прямо, и в сторону, а двоим и вовсе не удалось совершить бросок: они потеряли равновесие при разбеге. И падали столбы по-разному: то плашмя, то втыкались нижним торцом, а потом валялись, то тыкались в траву верхней частью, но не застревали, как

копья, а, проскользнув вперед, шлепались, и тогда сухое дерево даже гудело немного при ударе о землю.

Наконец пришел черед Майлдафа. Он облапил бревно, поддерживая его нижний торец правой рукой, а левой заставляя сохранять вертикальное положение, и бревно будто прилипло к его ладоням.

Бриан, пожалуй, быстрее всех преодолел расстояние до бросковой черты. В последнее мгновение его левая рука, постепенно сползавшая по столбу вниз, пришла на помощь правой. Толчок получился сильный и резкий.

Столб накренился вперед, но не слишком низко, чтобы сразу рухнуть, не пролетев и трех локтей. Преодолев в воздухе изрядное расстояние, дерево встало на нижний торец, спружинило и повалилось вперед. Все приветствовали великолепный бросок. Майлдаф сиял. Во второй раз за этот день удача улыбнулась ему!

Но оставался король. Конану не составило труда поднять столб, изготовленный из ясеня и обтесанный, приятный на ощупь. Конан постарался повторить прием Майлдафа, и это у него получилось! Быстро сделав несколько мелких — мелких для себя, разумеется, — шагов, король вытолкнул бревно, выпрямляя руки. Столб описал плавную дугу и, ударившись верхним концом, не упал назад, а перевернулся и шлепнулся вперед.

Это была победа! Произойди так же после броска Майлдафа, и выиграл бы он, но королю повезло больше, и он обогнал горца на четыре локтя! Последний участник, обескураженный двумя подряд отличными бросками, не смог поравняться с лучшими.

На этот раз, однако, Майлдаф не выглядел разочарованным.

— Наш король доказал, что он и вправду король! — заорал Бриан.

Все честное собрание, конечно же, заранее было оповещено о договоре, что заключили Конан и Майлдаф по дороге. Король выполнил все условия, а проиграть

одному только королю было вовсе не зазорно, а напротив, почетно. Все прославляли монарха и зазывали его вечером на праздник заключения договоров о помолвках. Видимо, Майлдаф трепал языком не обо всем, что ему было известно. Никто, оказывается, не подозревал, что король отправляется куда-то нынче же вечером.

Время отъезда неумолимо приближалось. Пообещав, что скорее всего, если будет здоров и не занят, то непременно пожалует, король удалился в замок.

Моя так и не появилась.

Глава шестая

ВСТРЕЧА НА ХОЛМЕ

К вечеру все было готово. Восемь лошадей для верховой езды и четыре вьючные стояли на маленьком заднем дворике. Узкая дверь, через которую лошадь с поклажей едва могла протиснуться, вела за стены, в сторону гор. Там почти сразу начинался ольховник, а снаружи дверь и вовсе не была заметна: она прилегала так плотно и так сливалась со стеной, что только знающий о ней мог бы отыскать вход. Все торжества обычно устраивали на солнечном склоне холма, где находились главный двор, парк и луг. Оттуда доносился шум веселья, виднелись огни костров, но все это оставалось позади.

Коннахт, Аврелий и Этайн вышли проводить путников.

— Помни о своем обещании, король, — сказал на прощание старший Мабидан. — У тебя нет вассала вернее, чем я, но если ты вернешься с моим сыном, я стану тебе не только вассалом, но и другом.

— Я помню обо всем, что обещаю, Коннахт, — ответил король. — Если Септимий жив, он вернется домой. А Кулан будет здесь, даже если мне самому придется остаться там вместо него.

— Если через месяц о вас не будет известий, — продолжал Коннахт, — в горы поднимется Аврелий. Горцев я извещу о том, куда ты направился, послезавтра, когда

вы будете уже далеко. Ты успел полюбоваться им, и они обшарят каждую трещинку в холмах, чтобы найти тебя.

— Хорошо. Не тревожь их прежде времени.

Над стеной появился тусклый еще, но набирающий силу месяц. Небо было ясным, сумерки пока не сгустились. Ехать собирались до полуночи и даже немного за полночь. Как и много лет назад, дороги севера звали короля, только теперь манили они не неизвестностью. Цель была поставлена, и оттого дорога становилась много опаснее, чем полжизни назад.

Король легко вскочил в седло вороного жеребца.

— Пора, — отчетливо прозвучали в предвечерней тиши его слова.

Слуги распахнули потайную дверь, которая открывала узкий проем. Наклонившись, дабы не задеть свод, Конан выехал сквозь проход в толстой, в три локтя, стене. Сапоги шаркнули о стены — так точно была подобрана ширина двери, чтобы пропустить рослого человека в полном вооружении и верхом. За дверью пришлось спускаться с невысокого вала ко рву, через который предусмотрительно перебросили мостки. Копыта застучали по мосткам, конь выехал на луг, и Фрогхамок остался позади.

Один за другим спутники Конана и трое провожающих спустились по валу за мостки и остановились. Арминию прощаться было не с кем, а Майлдаф распрощался уже со всеми, с кем мог, и со многими успел опять поздороваться, и они спокойно стояли в стороне, придерживая вьючных животных. Аврелий и Тэн И никак не могли закончить начатый еще вечером разговор. Наконец они вежливо раскланялись, весьма довольные друг другом.

«Надо будет расспросить Тэн И, о чем они там», — подумал Конан.

Коннахт держал за руку Кулана, и даже не слишком внимательный наблюдатель заметил бы сейчас нечто неуловимо роднящее благообразного дворянина древних кровей и юного колдуна, пикта-полукровку.

Евсевий, Умберто и пропавший как-то из вида на эти сутки Хорса окружили графиню. Речь, похоже, шла о том, кто получит шарф красавицы, чтобы всюду, где надо и не надо, по любому поводу и без повода славить имя прекрасной Этайн Мабидан. Похоже, шарф не достался никому. Евсевий и Умберто, правда, не очень огорчились. Понятно, что утром Евсевий мог и лукавить, но повода для таких подозрений не давал. Умберто же за свою жизнь, вероятно, перевидал столько шарфов, рукавов, платков, кружев, юбок и иных предметов дамского туалета, что страдать из-за еще одного шарфа или юбки было бы просто нелепо. Хорса сохранял бесстрастную мину.

Но вот прощание закончилось. Аврелий, Коннахт и Этайн оставались. Они, как только уходящие скроются в лесу, объедут замок и объявят собравшимся, что король сегодня не сможет выйти к ним, но приветствует всех.

Восемь смельчаков вереницей потянулись вверх по склону, туда, где один над другим поднимались все выше и выше лесистые холмы, к горам. На опушке леса Конан, возглавлявший отряд, оглянулся. Трое конных еще стояли у мостков. Кажется, Мабидан поднял руку в последнем напутствии. Конан махнул рукой в ответ.

Подъехал Хорса. Он тоже смотрел назад и тоже поднял руку, прощаясь. Конан случайно зацепил взглядом оттопырившийся ворот его рубахи. Помимо тонкой кольчуги, с которой Хорса не расставался, из-под ворота виднелся лоскут шерстяной материи, на котором был выткан рисунок: рыцарь на коне и сплетение букв. Конан узнал работу: те же руки изготавливали неоконченный пока гобелен, изображавший войну с пиктами. Так вот кому достался шарф графини Этайн! Однако... Вот тебе и скромник Хорса!

А Мойя так и не пришла...

Всего через два полета стрелы езда без дороги кончилась. Путники выехали на широкую тропу, ведущую

в холмы, к дальней деревне, в которой предполагали остановиться на ночлег. Туда уже послали гонца, чтобы предупредить о прибытии восьмерых. Кого именно, конечно, не говорилось. Темнело быстро, а под сводами леса и подавно. Тропинка, однако, просматривалась четко: пользовались ею часто. В свете месяца она казалась пепельно-серой среди черных уже трав, кустов и деревьев, стоявших по бокам.

Еще через десяток полетов стрелы начался пологий склон. Послышался шелест водяных струй. Здесь тропа пересекала небольшой ручей, над которым был построен надежный каменный мост. Ехали молча. Лес спал. Ветер стих, птицы давно замолчали, а звери не подходили столь близко к замку. В маленьком овраге, заросшем тростником, где внизу что-то шептал сам себе ручей, сумерки были гуще. Конь короля ступил на мост.

И в тот же миг на том берегу — в шестидесяти локтях впереди — справа из зарослей выступила фигура в белом и остановилась на тропе. Бедро Конана инстинктивно напряглось: меч был на месте. Но внешне король оставался спокоен. Он остановился и жестом велел остановиться бесшумно возникшему сзади Хорсе. На том берегу стояла просто женщина в белом плаще с низко надвинутым капюшоном, и лица ее не было видно в темноте.

— Здесь ли король Конан? — раздался голос, приглушенный и искаженный маской, но не узнать этот голос король не мог. Мойя пришла. Это была она.

— Я здесь, — ответил король.

Наступила тишина, стал слышен лишь шепот вод.

— Можешь ты переехать на этот берег один и побеседовать немного с бедной девушкой? — тихо, но так, чтобы Конан услышал, произнесла стоящая на том берегу.

— Кениг, не ходи, это может быть ведьма, — шепнул за спиной Хорса.

— Сам ты ведьма, — прозвучал тут еще один голос. — Это Мойя Махатан, — авторитетно пояснил Бри-

ан Майлдаф.— Дай королю самому разобраться со своей женщиной.

В другой раз Майлдаф, может быть, и поплатился бы за свой длинный язык, но сейчас был не тот случай.

— Да,— ответил Конан и тронул поводья.

Конь процокал по мосту, а потом звук копыт снова мягко пригасила земля тропинки. Король остановился перед женщиной и спрыгнул на землю.

— Мойя, я искал тебя сегодня, но ты не пришла...

Девушка откинула капюшон. Лицо ее было бледным, а глаза заплаканы. Желтые волосы, казавшиеся посеребренным золотом в лунном свете, рассыпались по плечам.

— Я была на празднике. Я видела, как ты опять победил. Ты великий король, ты великий воин, у тебя есть много женщин там, на юге, в большом городе, я знаю. Они красивы и ласковы, они ухожены, как цветы, которые выращивает в замке графиня. Скажи тогда, зачем тебе понадобилась Мойя Махатан?

Пожалуй, впервые в жизни Конан не знал, что ответить.

— Ты хорошо поешь,— только и сказал он.— Хочешь, я возьму тебя в Тарантию?

— Зачем, король? — вскрикнула она.— Я погасну там, как гаснет факел, когда в горах начинается сильный дождь со снегом. Я не смогу быть одной из многих.

— Я сделал тебе плохо? — задал король дурацкий вопрос.

— О, нет, король,— горько рассмеялась девушка.— Я была счастлива. Я счастлива и сейчас, когда ты просто рядом. За этим я и пришла сюда. Поезжай, я знаю, что ты опять победишь. Только возвращайся. Может быть, тогда я буду знать, что сказать тебе.

Как и вчера, тонкие руки обвили шею короля, а горячие губы слились с его губами. Мойя явилась ему лепестком пламени. Она осталась им.

Ветви качнулись, девушка исчезла в лесу. Король — как некстати! — чувствовал себя несколько смущенным. Не оборачиваясь, он вскочил в седло.

— Едем дальше,— буркнул Конан.

Часам к двум после полуночи они достигли деревушки. Шесть каменных домов с тростниковыми крышами, сеновал, хлеб, масло, молоко, холодное мясо, яйца, сыр, ледяная вода с утра — и снова в путь. Лесистые холмы были очень живописны, но довольно однообразны, и Конан нашел, что настало время выяснить у Тэн И, о чем это он толковал так увлеченно с Аврелием. Кхитаец загадочно и самодовольно заулыбался в ответ.

— О, это очень забавно, государь, очень забавно,— тихо засмеялся он.— Господин Аврелий очень образованный человек. Он прочел великое множество книг.

— Зачем? — Конана интересовала практическая сторона дела.

— Он ищет бога,— прозвучал странный ответ.

— Бога? В книгах? — не понял король.— Разве мало ему храмов?

— Он боится, что его обманут,— сколь мог доходчиво объяснил Тэн И.— Считает, что должен найти бога сам.

— Я знал и знаю множество людей, которым все равно, есть боги, или их нет. И они ведь совершенно не страдают от этого,— опять не понял киммериец.— Зачем ему понадобился бог?

— Чтобы спокойно спать по ночам,— снова улыбнулся Тэн И.— Он боится, что живет не так, потому что не знает бога, и из-за этого совершил много грехов. Он сильно мучается.

Столь глубокое погружение в теологию для Конана было непривычно.

— Ладно, а от тебя он что хотел?

— Мы беседовали о трудах кхитайских философов. Очень мудрые люди, но все их творения — только игра ума. Да, как будто пишут, пишут иероглифы... Очень красиво, чеканно, да, но... Пусто, все мертвое.

— Ты говорил ему о Митре? — спросил Конан. — Он ведь хороший солдат, почему бы ему не отправиться на битву с детьми Сета? И спать будет как убитый, — несколько двусмысленно закончил король.

— Он будет думать об этом, — кивнул Тэн И. — Государь обо всем сказал верно. Только господину Аврелию нельзя сказать так просто. Нужно было много, много времени — весь вечер, ночь и еще сегодня. Да.

— И что же он решил? Опять думать?

— Может быть, государь. Господин Аврелий никогда не говорит определенно. Да.

— Жаль, — покачал головой Конан. — Он хорошо сражался.

Послеполуденный привал провели в ложбинке, затененной кустами жимолости, на склоне одного из холмов. Пастбища еще не начались, и вершины этого, да и многих окрестных холмов, были лысыми. Холодное дыхание гор чувствовалось здесь, и лес отступал.

Конан обещал Евсевию, что они доберутся до летних пастбищ за два с половиной дня вместо положенных четырех, и король держал слово. Когда-то, столетия назад, те, кто описал эти места, шли от деревни к деревне теми дорогами, которыми пастухи гонят свои стада, останавливаясь вместе с ними на ночлег. Конан шел почти прямой дорогой, лишь бы прошла лошадь, и позволял себе только самый краткий отдых. Он знал, что его спутники выдержат, а если не выдержат, им нечего будет делать и в подземных жилищах паков.

В этот раз караулить выпало Конану и Тэн И, остальные спали, спрятавшись от солнца, а лошадей привязали в густых зарослях. Кроме стрекота насекомых и переклички птиц, никакие звуки не нарушали покоя этой безлюдной местности.

Тэн И ушел немного вверх по склону, ближе к границе леса и голой вершины холма. Обнаружить кхитайца, затаившегося в укромном месте, могла бы разве что собака, в то время как Тэн И на вопрос о том, не случилось ли что за время отдыха, мог подробно рас-

сказать, как птица ухватила за крыло бабочку или как лисица выслеживала мышьи норы.

Конан же, наоборот, спустился немного вниз к россыпи больших камней, служивших приметой для их проводника — Бриана Майлдафа. Горец отлично знал окрестности замка и помнил буквально каждый шаг их пути, предупреждая, что сейчас будет сожженное грозой дерево, а за поворотом — никогда не просыхающая глубокая грязная лужа. Но если ориентир был известен Майлдафу, то не было никаких оснований предполагать, будто никто иной не избрал его ориентиром для себя. А россыпь ведь была весьма заметна, словно огромный каменный монолит был разбит кем-то еще более огромным, и обломки разлетелись в стороны, откатившись по крутому здесь склону. Во всяком случае, ничего подобного на всем пути от замка Конан пока не увидел.

Час пролетел незаметно. Конан уже было думал перейти на другое место, как вдруг потянувший снизу, из чащи, легкий ветерок донес до слуха короля легкое позвякивание, очень напоминающее звон конской упряжи. Конан не очень любил луки и арбалеты, но уважал это оружие, особенно когда за него брался истинный мастер. Вот и сейчас небольшой охотничий лук Майлдафа был рядом — с арбалетом слишком много возни, в лесу он не удобен. Между тем звук не был наваждением — он приближался. Кто-то вел коня под уздцы вверх по склону, это было понятно по тому, как ставит лошадь копыта. Стук копыт пропадал в толстом слое мха и прошлогодних листьев, но почва, если приложить к ней ухо, уже подрагивала. Конь был крупный и должен был нести рыцаря.

Конан не раз встречался один на один не только с опасными, хорошо вооруженными людьми, но и с демонами, а потому даже мысли о том, чтобы позвать на помощь или отступить, у него не возникло. Да и какой, к Нергалу, может появиться демон в неполном дне пути от замка?!

Тот, поднимающийся, как видно, и не думал скрываться. Он просто шел вверх, хотя и точно по следу отряда. Как бы то ни было, а в положении охотника сейчас оказался Конан.

Человек шел очень тихо, как умеют ходить охотники и разведчики, но не так бесшумно, как это делают следопыты Пограничья или пикты. Наконец между густыми деревьями локтях в ста мелькнуло тело лошади рыжей масти. Конь оказался действительно крупным, жилистым и сильным — настоящий конь горцев.

Шаги приближались. Из густого подлеска вышел среднего роста мужчина лет тридцати, очень напоминавший канцлера Публия в молодости. Он вел в поводу статного рыжего коня, который помимо двух седельных сумок нес треугольный щит с гербом Мабиданов. Каптановые волосы мужчины были коротко подстрижены, а сам он гладко выбрит, несмотря на то что провел ночь и полдня на лесных дорогах. Одет он был по-походному: в черную тунику, тонкую кожаную куртку и кожаные штаны, на поясе висел длинный боевой нож. Мужчина недоверчиво приглядывался к камням: то ли вспоминал приметы, то ли чувствовал чье-то присутствие. Конан опустил лук и поднялся из-за камня во весь рост.

— Мне кажется, ты идешь верно, Аврелий Мабидан! — сказал король.

Путников стало девять. Может, возымели действие беседы с Тэн И, или Аврелию наскучили ученые изыскания в библиотеке, или внезапно захотелось перемен в жизни, но, решившись раз, он не стал откладывать исполнение замысла до утра. Оставив Коннахту и сестре письмо, он той же ночью собрался и покинул замок, представляя в общих чертах путь, которым пойдет король. Слушать Аврелий умел ничуть не хуже Тэн И и прекрасно знал, зачем понадобились Конану летние горные луга. Места он знал едва ли не лучше Бриана Майлдафа, и найти дорогу даже глухой ночью не составило для него большого труда. Единственным препят-

ствием стал неожиданно быстрый темп, избранный королем. За всю дорогу Аврелий сделал лишь одну остановку: умыться, побриться и почистить сапоги.

Присутствие в отряде Аврелия пришлось Конану по душе. И действительно, если они попадут в какую-нибудь западню, вряд ли племяннику Мабидана одному даже во главе сотни горцев удастся выручить их, а так к путникам присоединился и воин, и ученый.

— Я опасюсь только одного, — поделился с Аврелием своими соображениями король, — чтобы нынешней осенью не пришлось говорить о том, что северная ветвь рода Мабиданов пресеклась навсегда.

К вечеру характер растительности стал меняться: клены, осина, ольха, ива, дуб и ясень постепенно отступали, оставаясь внизу, а сосна и ель, занимали все больше места. Жимолость и крушина уходили, а можжевельник поднимал кривые колючие руки, и бересклет шевелил мелкими, опущенными волосками, кожистыми листьями.

Ночевали на этот раз и вовсе на природе — у ручья под скалой в небольшом гроте. В ответ на вопрос, нет ли здесь входа в холмы, Майлдаф отрицательно помотал головой.

— Здесь живут только маленькие лесные брауни, а паков нет уже очень давно. Некогда эти леса — до самых вересковых болот — были их землей. Теперь здесь нет никого, кроме мелкой безвредной нежити. Кстати, король, как ты хочешь идти дальше? К найденному драконьему следу или прямо на долину, где паки жгут по осени костры?

Конан уже думал об этом. Зачем было ему смотреть на драконьи следы, когда самого ящера там уже давно не было? Им нужен был вход под землю, а близ долины таковой непременно должен был отыскаться.

— Веди к долине, — велел он горцу.

— К долине так к долине, — пожал плечами тот. — Но тогда нам придется забрать к северу, а это лишних полдня дороги через лес.

— Пускай,— ответил Конан.— Это мне нравится больше, чем тащиться по лугам под ярким солнцем.

Начиналась третья ночь их пути от замка. Леса подходили к концу. Сосны измельчали, ель пропала вовсе, болотистые низинки исчезли, и только береза и рябина сопровождали теперь путников в их восхождении.

Они решили уже обосноваться на ночлег на широкой поляне, как вдруг, пожалуй, впервые за два дня пути, заговорил Кулан:

— Я чувствую, что с севера тянет дымом. Там костер.

Все, словно собаки, усердно принялись нюхать воздух, но так ничего и не уловили.

— Тебе показалось, Кулан,— осторожно, чтобы не обидеть юношу, сказал Аврелий.

— Нет, я чувствую запах явственно,— упорствовал молодой колдун.

— У меня нет оснований не доверять чутью пикта в лесу,— прекратил споры Конан.— Кулан и я пойдем на дым, а вы пока ждите нас.

И король с приемным сыном Коннахта углубились в лес.

Поначалу Конан действительно ничего не ощущал, но Кулан шел уверенно, и вот порыв ветра и вправду донес до короля слабую струйку горького дыма: где-то горели березовые дрова.

«У парня и впрямь чутье собаки,— подумал киммиец.— Если он сумеет такое под землей, паки нам не страшны. Он по запаху обнаружит их за десять полетов стрелы».

Двигались Конан и Кулан не производя ни малейшего шума. Над лесом стояла половина луны, заливая светом опушку. Впереди виднелся невысокий холм, на склоне которого росла одинокая рябина. Между холмами и лесом, ближе к опушке, ярдах в тридцати от нее, в ямке, обложенной камнями, теплился костерок. Вокруг огня сидели трое горцев и еще двое в дорожных плащах — походной одежде аквилонцев.

— Эти люди тебе никого не напоминают? — шепнул юноше Конан.

— Да, господин,— так же тихо ответил Кулан.— Это Септимий и Юний, а с ними их слуги.

Огонь еле слышно потрескивал в углублении, обложенном камнями — обломками бывших могучих скал. Со стороны леса напелзл холодный густой туман. Прибывающая луна призрачным светом заливала начинающиеся здесь луга и уходящие ввысь горы. Все было видно как днем, только в распадках было темно. Ночь близилась к середине.

Вторую неделю Септимий и Юний в сопровождении троих горцев — своих слуг и проводника — обшаривали предгорья в поисках следов седой древности, но так ничего и не нашли. То ли проводник трусил и намеренно не желал подходить к пещерам, где, по поверьям, обитали паки, то ли им просто не везло, но, кроме двух драконьих следов в русле пересохшего ручья и двух чуть дальше на холме, им ничего не удалось обнаружить.

Следы, конечно, впечатляли: трехпалые, с огромными когтями длиной почти в четыре локтя. Благодарение Митре, дожди с тех пор пролиться не успели, а сырая земля в вывороченном дерне еще не успела высохнуть совсем и рассыпаться, так что рельефный рисунок кожи гигантской рептилии не оставлял никаких сомнений: это не подделка, не мальчишеское баловство. Это след огромного змея, притом крылатого, поскольку на расстоянии девяти локтей по обе стороны следа трава была примята, словно кто-то решил подмести ее большой широкой метлой или протащил по ней кусок материи или кожи. Собственно, это и была кожа: дракон волочил по траве свои длинные крылья. Но он улетел, и только трава, холмы и камни знали, что произошло здесь сотни лет назад и что скрывается ныне.

Наконец, осознав, что от проводника толку не добьешься, Юний и Септимий решили использовать последнюю зацепку — долину, где паки жгли свой костер.

Проводник долго отговаривал их идти туда, но деньги и угрозы возымели действие: горец согласился отвести их к месту, откуда открывается прямая дорога через холмы к этой долине. Но идти дальше наотрез отказался, заявив, что молодые господа могут отправляться туда сами, если им вдруг надоело жить как людям. Конечно, будь на его месте такой оболтус и сорви-голова, как Бриан Майлдаф, о, тот бы полез и в драконье логово, потому что сам наверняка якшается с ведьмами, банши и вообще по ночам бродит бес знает где. Но это Бриан Майлдаф, а проводник — вовсе не Бриан Майлдаф, а Бангор Лириган, которому еще дорога его жизнь.

Эта ночь в холмах должна была стать или последней ночью перед путешествием под землю или вообще последней в этом походе.

— Скажи мне, друг Юний, тебе хочется, чтобы наконец мы открыли эти ворота в легенду, о которых говорили перед уходом в замке?

— Честно сказать, Септимий, я уже сомневаюсь в искренности и правильности своих чувств. Мрачное величие сих пустынных мест вызывает в душе моей образы мистические и нереальные, так что порой я даже затрудняюсь определить, чего именно я желаю, а чего — нет. Временами мне кажется, будто я уже не я, а некий демон или дух взирает моими очами на эти белые камни, омытые дождями и прокаленные солнцем, похожие на кости павших великанов, и некто говорит мне слова на темном непонятном языке. Но как только пытаюсь я вникнуть в их смысл, только лишь начинает мне казаться, что я вот-вот смогу читать по этим трещинам на валунах, по траве и очертаниям холмов, как по книге, тут же все исчезает, и снова я маленький и беспомощный человек.

Да, мне хочется увидеть подземные тайны, но в сознании моем есть место и для страха. Благоразумие нашептывает мне: это глупые сказки темных людей. Ни один народ не может существовать под землей, он

неизбежно вырождается и погибнет от недостатка здоровой пищи и света. Там, в глубине, нет ничего, кроме росписей на стенах, следов кострищ, костей, что рассыпаются в прах от одного прикосновения, да каменных топоров и кремниевых наконечников.

Но интуиция моя подсказывает иное: тысячи глаз следят за каждым нашим шагом, холмы полны своей нечеловеческой и враждебной жизни, которая боится света, но сломит и переборет всякого, кто рискнет вторгнуться в ее владения. А там, в сердце гор, гнездится еще одна сила, и она не чужда, но злобна, и ждет лишь часа для выхода наружу, и черный дракон — предвестник ее, как черный ворон — предвестник беды.

Такова правда о моих чувствах, Септимий, но это лишь сиюминутная зарисовка. Неподдельный интерес движет мною, и я буду весьма огорчен, ежели результаты завтрашнего дня заставят нас повернуть обратно.

— Спасибо за откровенность, Юний. — Септимий подбросил в костер еще одно полено. — Видишь ли, меня тоже не покидает ощущение, что мы не одиноки здесь. Иногда, особенно ночами, мне становится жутко, и я сомневаюсь уже, верно ли поступил, затеяв это предприятие. Но приходит утро, и я снова встаю с предчувствием пусть не новой тайны, но новых ощущений, и я не обманываюсь. Однако, и это ты заметил точно, появляется нечто мистическое. Вот и сейчас мне кажется, что за нами следят со стороны леса. Будто сейчас оттуда возникнет...

— Тебе не кажется, Септимий Мабидан, — раздался громкий низкий голос.

Из травы поднялся высокий человек в темно-сером плаще с капюшоном. Мужчина богатырского телосложения и громадного роста шагнул в освещенный костром круг. Его лицо закрывала маска.

— Ты и вправду затеял идиотский поход, не спросив отца, и теперь благодари Митру, что не успел влезть под землю до того, как тебя нашли. Сейчас бы твои кости валялись у кострищ узкоглазых подземных тварей.

— Кто ты такой и почему позволяешь себе говорить дерзости?! — оправился от первого шока Септимий, уразумев, что видит не демона, а просто человека из плоти и крови, непонятно как и откуда возникшего здесь. — Если ты немедленно не принесешь извинения и не назовешь своего имени, то вместо меня заговорит мой меч!

— Лучше уж говори сам, это будет и полезнее для твоего здоровья, и выглядеть будет симпатичнее, — расхохотался великан. — Ты хочешь знать мое имя? Изволь. — Мужчина снял капюшон и маску.

Перед Септимием стоял моложавый не то гладиатор, не то наемник лет сорока, обликом чистокровный северный варвар, бритунец или киммериец, с копной черных прямых волос, резкими и крупными чертами обветренного всеми ветрами Хайбории лица и бесстрастными синими глазами.

— Я Конан Киммериец, король Аквилонии.

* * *

Над холмами вставало утро. Солнце быстро растапливало туман, и тот уползал в лес белыми змеящимися волокнами.

Каждый уже был занят своим делом. Тэн И, соблюдая свой особенный ритм, исполнял очередной загадочный танец из упражнений для тела и дыхания. Юний с Септимием отправились к ручью за водой, по пути обмениваясь тонкими замечаниями по поводу того, как различные выдающиеся пииты прошлого и современности описали бы сии радующие глаз художника в эту пору места. Арминий, изъясняясь не столь изысканно, если не сказать сильнее, вместе с Умберто и горцами рубил дрова и заготавливал факелы.

А проводник Бангор Лириган собирался вниз, в родную деревню. Бриан Майлдаф подбирал необходимое для похода в пещеры снаряжение и попутно переругивался с Лириганом, который был лет на пятнадцать старше Майлдафа и на пол-локтя ниже ростом.

— ...Может быть, ты пьешь эль под скалой с брауни и спишь с лесными ведьмами на Черном ручье, — обличал соплеменника Лириган.

— Лучше спать с лесной ведьмой, чем с такой, как твоя жена, — невозмутимо отвечал Майлдаф. — И лучше эль у брауни, чем то пойло, что варят у вас в Карнигане вместо пива.

— Попридержи язык, дубина! — рассердился уязвленный Лириган: жена у него и вправду была высокая, тощая, сварливая и уродливая. — Я работаю с утра до заката, у меня целых два десятка прекрасных овец, а ты бездельник и голодранец!

— Дубиной я и впрямь орудую лучше, чем ты — языком, — не полез за словом в карман Майлдаф. — А овец у меня теперь шесть десятков, и пять десятков из них не чета твоим драным кошкам.

Тут Лириган и вовсе поперхнулся, и не потому что его овец обозвали драными кошками, а от зависти.

— Откуда ты достал столько скота?! Не иначе, заключил договор с королем паков, нечестивец!

— Короля паков я еще вытащу из его норы, — пообещал Майлдаф. — А овцы мне достались по честному договору именно с королем, только не паков, а с королем Аквилонии Конаном. Правда, король?

— Ага, он сказал тебе правду, Бангор Лириган, — подтвердил Конан.

Вместе с Майлдафом король занимался приготовлениями к походу. Евсевий и Хорса ухаживали за лошадьми: животным скоро предстоял долгий отдых. Аврелий и Кулан сосредоточенно помогали мастеру Тэн И, с непревзойденной виртуозностью исполнявшему обязанности повара и в этом диком краю в условиях, совершенно не похожих на роскошную дворцовую кухню. Король, оторвавшись на миг от веревок, оглядел все почтенное собрание.

«До чего же приятно смотреть, — подумал Конан. — Наконец-то дворянство занялось полезным делом! Как благостно и достойно!»

Вскоре все было готово. Костер затушен, лошади обхожены, Лириган, не переставая ворчать себе под нос, удалился в лес подальше от этой шайки чокнутых во главе с их чокнутым королем. Двое слуг Септимия должны были оставаться наверху, чтобы следить за лошадьми и ждать.

Оставалось совершить последний переход: менее чем в четверти дня пути к северу, не далее, находилась искомая долина. Ныне ее скрывал только приметный холм, невысокий, но выделяющийся своей почти круглой формой и ровной поверхностью. Конан, время от времени посматривая на этот холм, ловил себя на мысли о том, что он напоминает курганы, в которых хоронили своих вождей норджеймцы. Другое дело, что никаких деревьев на тех курганах никогда не росло, даже кусты нещадно выкорчевывались. Местный холм, будь он курганом, не уступил бы и самому большому из виденных Конаном норджеймских, но горная рябина, росшая на обращенном к солнцу склоне, ложбинка и какие-то камни портили вид.

Однако... Горная рябина близ ложбинки на склоне холма — это ведь было в легенде! Именно там пуантенец выбрался на белый свет из мрачных подземелий, ведомый Белой Девой Горы, и здесь же он увидел ее.

Конан успел взглянуть на портрет, написанный на стекле, в замке Мабидана. Работа была очень старая, и краски поблекли, но женщина, смотревшая с картины, все равно казалась живой. Как раз стекло и нужно было для того, чтобы показать: это не земная женщина, это дух. Стекло стояло почти невидимой, но осязаемой гранью между мирами людей и духов. И вот оттуда, из-за тонкой границы, смотрели пронзительные голубые глаза на тонком, почти прозрачном бледном лице. Светлые, едва не белые волосы, осиянные луной, слегка шевелил легкий ночной ветер, а губы были чуть-чуть приоткрыты, и с них вот-вот готовилось слететь слово. Но какое?

Кто-то тронул короля за плечо. Король обернулся.

— А, Кулан! Куда ты запропастился?

Действительно, Кулан в последний час куда-то исчез, если не сказать хуже: как сквозь землю провалился.

— Я обошел холм вокруг.— Кулан показал рукой для убедительности.— На склоне, что глядит в сторону солнца, растет горная рябина, очень старая, но крепкая. Еще там два белых камня, ложбина и трещина в земле.

— Не хочешь ли ты сказать, Кулан, что здесь — то самое место, откуда восемьсот лет назад вылез пуантенец? Ты думаешь, рябины живут столько?

— Здесь особенное место,— как будто не заметив слов короля, продолжал пикт.— Я долго прислушивался и вчера, и утром. Внизу есть вода, а в ней — рыбы.

— Не хочешь ли ты этим сказать, что и среди рыб есть дети Юхиббола Сага и ты можешь с ними говорить?

— Да,— уверенно ответил пикт.— Это может показаться странным, но смотри!

С этими словами Кулан, глядя неподвижными и остекленевшими, но зрячими глазами куда-то в холмы, напряг голосовые связки. Конан не слышал ничего, но разумом понимал: звук есть, только очень тонкий, и ухо не способно его различить. Кулан поднял правую руку. На нее сейчас же, откуда ни возьмись, спустилась и села бабочка с белыми крыльями. Конан не видел, откуда она появилась. Наверно, летела со стороны солнца. Но Кулан не спешил останавливаться, и вот уже другая бабочка, с бледно-желтыми крылышками, пролетая низко над травой, поднялась к пикту и тоже села на руку. А следом третья, четвертая, пятая... Бабочки слетались на зов Кулана, как на благоухающий дивным ароматом цветов. Их было так много и таких разных, что Конану почудилось, будто начался волшебный листопад!

Но вот лицо Кулана приняло обычное свое бесстрастное выражение. Бабочки вспорхнули и рассыпались по лугу, словно и не летели только что, позабыв обо всем, на руку пикта.

— Ты видел,— изрек Кулан.— Это было довольно просто. В самом глубоком подземелье у нас будет проводник.— Он сдул с рукава последнюю бабочку, не желавшую улетать так скоро.— Если магия паков не заглушит мою. Так же я слышу и рыб под землей, а они — меня.

— И сейчас ничто не мешает тебе?

— Нет.

— О царственный, разреши, я прерву ненадолго твою беседу с юношей.— Сзади подошел Евсевий.

— Говори,— позволил Конан.

— Если ты помнишь, о царственный, в легенде говорилось о рябине на склоне холма. Здесь я тоже зрю дерево, которое именуют горной рябиной. Ягоды еще только начинают созревать, но этот вид деревьев мне ведом. К тому же там, где произрастает сие растение, если мои глаза меня не обманывают, я вижу ложбинку и два белых камня. Конечно, царственный может справедливо возразить, что ни одно дерево не имеет столь долгого срока жизни, но ведь столь же странно и место, где мы ныне пребываем.

— Бриан! Майлдаф! — взмолился король. «Пожалуй, я понимаю, отчего графиня предпочла немногословного Хорсу», — подумал киммериец.

— Я здесь, король! — Горец подошел вразвалочку. Победа, одержанная с утра над Лириганом, вдохновляла его на великие деяния.

— Слушай, Бриан, не скажешь ли ты нам, знаменито ли чем-нибудь место, где мы сейчас находимся? — спросил Конан.

— А, это? — Горец указал на все тот же холм.— Это холм Белой Девы, иногда она тут появляется. Сам, правду сказать, не видел, а вот мой троюродный брат...

— Понял,— поспешил прервать его Конан.— Когда ты... То есть, когда ее видели в последний раз?

— Месяца два назад,— отозвался Майлдаф, явно разочарованный тем, что ему не дали договорить.— А

зачем тебе это место? Мы же условились идти в долину, ведь так?

— Мы не пойдем в долину,— громко возвестил король.— Мы спускаемся здесь. Кто из вас не умеет плавать?

К счастью, таковых не нашлось, однако никто, кроме Кулана и Евсевия, не мог уразуметь, чего вдруг захотел король.

— Мы спускаемся здесь,— попытался объяснить Конан.— Спускаемся под землю, в пещеры. В этих пещерах живут, а может, уже и не живут паки. Так их называют сородичи Бриана. Эти паки низкорослые, желтокожие, у них огромные миндалевидные глаза. Зато они все видят в темноте, метко стреляют из лука, и они обладают какой-то магией. В этом месте есть более-менее безопасный вход. Когда-то, восемьсот лет назад, одного человека спас... спасла из плена паков Белая Дева Горы. Никто из нас ее никогда не видел, но она существует. Вылез он через эту пещеру, которая начинается там, где растет рябина. В пещере есть озеро. Нам придется плыть, а вода в пещерах холодная, я это знаю.

Конан остановился перевести дух. Речь получалась бестолковой, но ничего другого ему в голову не приходило.

— Король, я хочу спросить у тебя,— раздался голос Арминия.— Я не испугаюсь ни желтолицых демонов, ни девиц с крыльями, ни драконов с белыми мордами, о которых говорили в замке. Мы сами дадим по морде этим тварям и зажарим дракона на вертеле. Это необходимо для отечества, я знаю. Но почему туда не идет армия, а идешь ты, король, с горсточкой людей? Разве в Аквилонии не осталось солдат? Что ответишь, король?

— Мы идем не за этим, Арминий,— ответил Конан.— Паки только мешают нам пройти туда, куда мы хотим попасть. Под горой, глубже, сидят жрецы Сета. Их нельзя одолеть войском, потому что они маги. Здесь

нужен небольшой отряд из тех, кто умеет воевать один против десяти. Нам не надо убивать дракона. Мы только должны узнать, чем грозят нам горы, а для этого нужно не войско, а... А шпионы,— напелся Конан.— Ты должен понять меня, Арминий.

— Теперь я понял, король,— склонил голову вестран.— Тогда, если нам так нужно плыть по этому подземному болоту, почему бы не сделать то, что не раз делали мы, когда переплывали реки? Мы сколачивали маленькие плоты или надували бурдюки и плыли с ними, а наши вещи оставались сухими.

— Арминий, и ты потащишь плоты в пещеру? — насмешливо спросил Умберто.

— Если ты подорвал силы в постельных сражениях, я понесу и твою долю,— пообещал Арминий.

— Мы опять задержимся, царственный,— осторожно вступил Евсевий.

— А тебе не терпится получить в бок стрелу от этой твари? — не спустил и ему Арминий.— Я не обижусь, если они меня продырявят, но утонуть в этой дыре не хочу. Это было бы полной глупостью.

— Арминий прав,— рассудительно молвил Аврелий.— По-моему, подземное озеро начинается в нескольких локтях от входа, и проход там достаточно широк.

— Не проще ли сначала подняться и посмотреть, есть ли там вообще вход? — заговорил наконец Хорса.— Паки могли завалить его не снаружи, а чуть дальше. Кениг, разреши мне проверить это.

— Разумно,— кивнул король.— Лаз там есть, и Кулан знает это, потому что он единственный среди нас колдун, и только что я убедился: это правда. Поэтому сейчас Арминий, Умберто, Майлдаф, Юний, Септимий и Аврелий пойдут делать плоты, раз у нас нет бурдюков. Хорса, я и Кулан пойдём в пещеру. Евсевий и Тэн И останутся при вещах.

— О царственный,— поклонился Евсевий.— Если бы я мог приказывать здесь, я бы не стал подвергать твою драгоценную жизнь опасности прежде времени. Ты еще

сможешь явить свою силу и бесстрашие, коими прославлен по всей Хайбории, от Западного океана до Кхитая. Позволь мне или господину Тэн И заменить тебя на этот раз.

Конан хотел было ответить Евсевию так, как он того заслуживал, но при теперешней жизни такое не всегда было возможно. Следовало хранить королевское достоинство, к тому же он сам несколько дней назад высказал непреложный закон выживания для монахов: король не должен быть самодуром, иначе его задуют. И, коль скоро Конан-варвар принял правила этой игры, их следовало хоть иногда выполнять, хотя бы для вида.

— Сказал бы я тебе, чем я прославлен по всей Хайбории,— криво усмехнулся Конан.— Хорошо,— продолжил он покровительственно.— С лошадьми, так и быть, останусь я. А ты, Евсевий, как ученый вместе с господином Тэн И сопроводите Кулана. И помните, что Кулан — младший сын нашего гостеприимного хозяина, господина Коннахта Мабидана.

— Пусть государь не беспокоится,— вежливо заметил Тэн И.— Мы не пойдем дальше, чем это будет необходимо.

— Так и быть,— разрешил король.— Слушайтесь господина Тэн И.

Слова эти, должно быть, пришлись не очень по сердцу Евсевию и Хорсе, но кхитаец как-никак был все же настоящим шпионом!

— А я, король? — встрял бесцеремонно Майлдаф.

— Ты еще годишься как проводник. А будешь спорить, овец отберу. Король я или нет?

— Так нечестно,— обиделся Майлдаф, но, так как терять овец ему очень не хотелось, все-таки замолчал.

Между тем Тэн И, не теряя времени, позволил всем выбрать свое любимое оружие, а сам ограничился длинным и широким изогнутым кхитайским мечом. Четверо — впереди шел маленький кхитаец — стали подниматься по склону. Шестеро снова отправились в лес,

делать под командой Арминия плоты. В походных условиях все быстро встало на свои места, только король остался королем. Теперь надлежало ждать.

Солнце уже поднялось в зенит, плотики были построены, а Тэн И и его спутники все не возвращались. Времени между тем прошло уже около полутора часов — вполне достаточно, чтобы пройти коридором, делающим всего один поворот. Конан уже жалел, что не отправился на разведку сам.

— Мой отец, покойный Алан Майлдаф, всегда говорил мне: «Бриан, не будь жадным!» Он был прав. На что мне эти пятьдесят овец, когда я не там, где должен быть? Будь я там, все давно бы уже были здесь!

— Нам еще понадобится проводник, — еще раз напомнил ему Конан. — Не думаю, чтобы Тэн И прозевал опасность или позволил себе поступить безрассудно.

— Не отправиться ли нам посмотреть, что там происходит? — осведомился Аврелий, но тут же Арминий, неотрывно следивший за тем самым местом, где трепетала мелкими листочками старая рябина, сообщил:

— Вижу людей. Троиخ. Кхитаец, пикт, умник этот, ученый... Гандера нет!

Не сговариваясь, все вскочили и бросились навстречу разведчикам. Хорса пропал, а это не предвещало ничего хорошего.

Как ни быстро бегал Конан, Бриан Майлдаф, несмотря на длинные полы своей юбки, помчался в гору с быстротой зайца и обогнал короля на те же тридцать ярдов, на которые король обогнал всех остальных.

Когда трое увидели бегущих к ним товарищей, только на лицах Евсевия и Тэн И отразилась радость. Кулан шел будто деревянная кукла, не видя ничего перед собой. Одежда на Кулане и Евсевии была мокрой, хоть выжимай. С плаща аквилонца, облепившего его стройную и рельефную фигуру, капала на траву вода, но это совсем не волновало молодого человека. Лук и стрелы были мокры также, и это, а, может

статься, и то, пока неизвестное, что случилось в последний час с ними под землей, было причиной его удрученного состояния. Один только кхитаец сохранял спокойствие и имел вид столь опрятный, что будто бы и не ходил никуда. Меч, однако, он теперь держал в руках, а не в ножнах.

Когда Конан взобрался наконец на холм, Майлдаф уже тряс за плечи Кулана и заставлял его немедленно снять одежду. Юноша был холоден, как ледышка.

— Что с ним?! — закричал Конан, остановившись перед маленьким Тэн И. — Где Хорса?!

— Господин Кулан пробыл в воде долго, слишком долго и сильно замерз, — невозмутимо ответил кхитаец. — Господин Хорса пропал, его утащил демон...

— Демон? — выдохнул Конан. — Какой демон? Почему же ты сухой и чистый, а они мокрые и...

— Не гневайся, о царственный. — Евсевий даже теперь не изменил своим безупречным манерам. — Тэн И сделал все, что мог. Хорса виноват сам. — Аквилонец тоже сильно замерз, но сдерживал дрожь, то и дело бившую его. — Пусть Бриан займется Куланом, он, по всей видимости, знает, как быть в подобных случаях, а я расскажу все. Только позволь нам дойти до костра!

Майлдаф и вправду знал, как заставить сердце Кулана не остановиться от холода. Он содрал с пикта всю одежду и, втолкнув в его негнувшиеся пальцы приличного веса камень, гнал теперь юношу с руганью и тумаками вверх по склону. Тот почти ничего не понимал. Не понимал и того, что же хочет от него горец, но в упрямстве Майлдафу не было равных, и Кулан, с трудом передвигая онемевшие ноги, тащил вверх и камень, и самого себя.

— Он справится, — заметил Тэн И. — Надо быстрее идти к костру.

Со всей возможной поспешностью стягивая с себя мокрую одежду и растираясь жестким толстым полотнищем, Евсевий начал рассказ.

— Как и говорилось в легенде, мы нашли неширокую щель, куда Майлдаф влез бы с трудом. Потом мы прыгнули вниз — там уступ локтя четыре высотой. Под ногами оказался толстый мох, опять же как в легенде. Коридор уводил в недра холма, и потолок постепенно поднимался. Через некоторое время ход действительно уперся в глухую стену, делая резкий поворот налево. Сразу стало темно, и пришлось зажечь факелы. Но поворот оказался не единственным, видимо, мы просто счастливо наткнулись на другую, очень похожую пещеру...

Коридор повернул еще несколько раз, и вскоре Евсений и Хорса уже потеряли ориентацию, но Тэн И, который согласно ритуалу посвящения в монастыре провел не один месяц в подземных катакомбах, зачасную в крошечной темноте, сохраняя полное присутствие духа, объяснил, что пещера уходит в глубь земли по раскручивающейся спирали, но не округлой, а с поворотами под прямым углом. Такие коридоры могли создать только люди или гномы, либо им подобные разумные существа. Тэн И спросил у Кулана, не чувствует ли тот присутствия какой-либо враждебной силы. Тот ответил, что пока нет. Еще Кулан сообщил, что, по его мнению, туннель древний, но не старше полутора тысяч лет, так говорили камни...

И вдруг за очередным поворотом — путники, очевидно, уже достигли уровня подошвы холма, а то и находились глубже — бледный голубоватый свет появился в конце нового отрезка галереи, изливаясь из-за поворота в дальнем ее конце. Здесь Тэн И попросил всех остановиться, хотя Кулан по-прежнему утверждал, что духов или демонов поблизости нет. Тем не менее Тэн И велел всем оставаться на месте, сам же прокрался до поворота и заглянул осторожно за угол. Все ожидали дурного, но ничего подобного не случилось, и Тэн И жестом подозвал товарищей к себе.

— И вот, — продолжал Евсений, — взору нашему открылось помещение округлое, со сводчатым потол-

ком, двенадцати или чуть более того локтей в высоту, около тридцати локтей в глубину и двадцати в ширину. Посреди стоял саркофаг из белого с прожилками мрамора. Свет источали незнакомые мне голубые камни, укрепленные на своде. Свечение походило на то, что исходит от гнилого дерева, только было в тысячи крат ярче...

Очевидно, они попали в усыпальницу древнего вождя. Правильные очертания и форма холма навели ученого аквилонца на мысль, что сооружение это искусственное, подобно курганам Нордхейма, хотя и значительно превосходящее их по размерам. Впоследствии оказалось, что он прав. На саркофаге лежала глухая каменная крышка, и путники не могли узнать, покоится здесь мужчина или женщина, или же, как нередко бывает, супружеская чета, когда жена или муж вынуждены согласно обычаю последовать в могилу за усопшим супругом или супругой. Возможно, впрочем, могила принадлежала человеку высокого роста, ибо длина саркофага была равна пяти локтям. Определить, какому народу принадлежит захоронение, также никто не смог.

На крышке саркофага были начертаны совершенно не известные знаки, составленные из прямых вертикальных, горизонтальных и наклонных черт. Вполне возможно, что это были буквы, и Евсеия как ученого, конечно, заинтересовала эта загадка, но разгадывать ее у них не было времени. Кроме того, был там выложенный цветной яшмой рисунок, изображающий человека в одежде священнослужителя Митры. Этот человек летел на крылатом черном змее над высокой горой, на вершине которой горели семь светильников. Аквилонец предположил, что, возможно, именно здесь располагалось древнейшее святилище Митры, слухи о котором достигли ушей блаженного Эпимитриуса, ибо для слухов все едино: храм и усыпальница вождя-митраиста.

Вдоль стен комнаты стояли деревянные ларцы, прекрасно сохранившиеся, ибо в сухом и чистом воздухе

пещеры тление замедляется. Заглянув внутрь, путники обнаружили там полусгнившие ткани, глиняную и металлическую посуду, некоторые изделия из серебра. По стенам было развешано разнообразное оружие: копья, секиры, мечи, щиты, брони и шлемы. Мечи имели форму удлинённого тростникового листа с острым оконечьем. Стены также были испещрены надписями на том же незнакомом языке. Евсевий попытался отыскать где-нибудь пергамент или папирус, но, увы, ничего подобного не обнаружил.

Другого выхода из пещеры не было. Хорса даже простучал стены в поисках потайной двери или люка, но не успел он закончить это, как Кулан, стоявший в напряженной позе в устье коридора в течение всего времени, пока трое его спутников внимательно осматривали помещение, объявил, что понял, где находится подземное озеро, о котором говорили еще наверху. Неизвестно, узнал он это от камней или рыб, но несколько не сомневался, что вода внизу и к ней должно вести отверстие в полу.

Все бросились отодвигать ларцы, и действительно в дальнем углу вскоре обнаружили кольцо, вделанное в пол. К кольцу присоединялась толстая цепь, уходившая через проем в стену. Тянуть за цепь или кольцо было бессмысленно: каменная крышка люка, пригнанная столь точно, что швы можно было различить лишь с большим трудом, оказалась чересчур тяжелой. Евсевий предположил, что где-то должен находиться рычаг, приводящий в действие тайный механизм, который и откроет люк.

Рычаг должен был размещаться в этой же пещере, поскольку никаких более помещений в усыпальнице не нашлось. С ним согласились и стали ощупывать все, что могло бы послужить рычагом.

И вот Хорсе посчастливилось: сняв со стены круглый щит с изображением грифона, он нажал на крюк, на котором тот висел. Крюк плавно ушел в стену, приводя в движение скрытую, но несложную систему, и

цепь, втягиваясь в проем, повлекла за собой кольцо. Люк открылся.

Вниз уводила неглубокая шахта, а затем начинались ступени. Гандер хотел было на правах первооткрывателя незамедлительно исследовать новый лаз, но кхитаец, колебавшийся, очевидно, между желанием продолжить разведку и смутными опасениями, которые подталкивали его к решению вернуться, пока не поздно, вновь обратился к Кулану. Пикт опять замер и долго прислушивался к голосам, доносившимся из глубин, после чего сказал, что в пещерах теплится жизнь, но она далеко, за водоемом, и ее присутствие никому сейчас не угрожает.

Но есть там и нечто иное. Оно тоже далеко, и природа его непонятна. Скорее всего, это просто дух или дух, которому дано облекаться в плоть. Находился он столь глубоко, что Кулан не взялся судить ни о его силе, ни о том, добрый это дух или злой. Услышав слова молодого колдуна, Хорса, не дожидаясь указаний Тэн И, тут же спрыгнул в шахту, заявив, что поскольку это нечто так глубоко, то пусть там и сидит, а ему, Хорсе из Ларвика, бояться нечего.

«Да,— подумал Конан,— похоже, общение с графией превратило Хорсу в странствующего рыцаря. И как же, однако, быстро это произошло! Прежде гандер трижды подумал бы».

— Нам ничего не оставалось делать,— вещал далее Евсевий, закутываясь в теплый шерстяной плащ,— как последовать за ним. Ну не бросать же его в одиночестве?! Тэн И приказал Кулану оставаться в комнате, но тот также не выполнил приказа, как выяснилось через некоторое время...

Шаги Хорсы уже звучали где-то впереди. Проход был весьма узким, и аквилонец постоянно следил за тем, чтобы не повредить лук, задев им о стену. Вскоре лестница кончилась, и все очутились в огромнейшей пещере, обширной настолько, что света факелов не хватало, чтобы увидеть ее целиком и оценить, насколько

она на самом деле велика. Где-то впереди хлюпала и плескалась вода, но звук исходил откуда-то снизу. Путники направились в ту сторону, оставив один факел у прохода, чтобы не заблудиться, и приблизились к гандеру, остановившемуся в десяти шагах впереди. Подойдя, они увидели, что Хорса стоит на краю обрыва, а внизу, локтях в шести, плещется черная вода. В это мгновение и послышались шаги сзади: это Кулан не выдержал и, нарушив приказ, присоединился к остальным.

— Кто-то обитает там, за этой водой, но не сразу на берегу, а дальше, в пещерах, — сообщил он.

Собственно говоря, пора было возвращаться, ибо искать что-либо еще не было необходимости. Вход в пещеры найден, подземное озеро — тоже, Кулан установил существование жизни, и даже удалось отыскать неизвестное доселе древнее захоронение людей, чтивших Митру.

Но Хорсе этого показалось мало. Запаса факелов вполне хватило бы, чтобы пробыть в подземелье еще часа два и благополучно вернуться назад, и гандер решил прогуляться вдоль обрыва, поискать удобный спуск к воде. Не успел он сделать и нескольких шагов, как раздался его удивленный возглас. Все поспешили к нему.

Гандер стоял на тонком перешейке. Справа от него был крутой обрыв и озеро, а слева зияла черная дыра. Под землю, еще глубже, чем забрались люди, уходил широкий круглый колодец. Поперечник его составлял восемь локтей, и четыре локтя отделяли шахту от обрыва. Свет факелов пропадал в этой бездне, не проникая далее нескольких десятков локтей. Никто и представить себе не мог, в какие глубины уводит этот колодец, но наверняка их никто и никогда не измерял и вряд ли измерит когда-либо. Из дыры веяло черным пещерным холодом. И тут прозвучало предостережение Кулана:

— Что-то потревожило духа глубин. Он стремительно поднимается к нам.

— Отступаем! — мгновенно скомандовал Тэн И, и все стали поспешно отходить к проему, где была лестница, только Хорса зачем-то отстал...

— И тут нас настигли! — почти выкрикнул Евсвий.

— Как это «настигли»? — не понял Арминий. — Их было много?

— О, я даже не знаю, кто это был, засим и вынужден говорить так неопределенно, — объяснил Евсвий. Глаза ученого расширились от нахлынувших воспоминаний, он обильно жестикулировал и, кажется, благодарение Митре, согрелся. — Это изошло снизу, из колодца. В пещере поднялся безумный вихрь, который валил с ног. Ветер дул, казалось, со всех сторон сразу, и мы на месте-то с превеликим трудом удерживались, не говоря уж о том, чтобы куда-то идти. А затем над жерлом колодца появилось багровое свечение, после чего оттуда встал кто-то черный в одеждах из клубящегося мрака, окруженный багровым пламенем. Над бездной возвышался некто высотой в три человеческих роста, одновременно похожий и не похожий на человека. Верхние конечности у него, определенно, имелись, но были то руки или же крыла, понять я не смог, ибо чудилось мне то одно, то другое. Были и ноги, но оканчивались они трехпалой стопой птицы или же рептилии.

— Похожее я видел у демона топи в лесах Конаджохары, — заметил Конай. — Продолжай, Евсвий.

— Тело демона не имело ясных очертаний, но извивалось оно подобно змее, которая, сидя в своей корзине, танцует под дудку вендийского факира. А голова... Это было что-то, являющееся одновременно и огромным оком, и ненасытной пастью, что-то чернее черного, отвратительное и одновременно притягивающее, как взгляд удава. Чудовище не двигалось, замерев на несколько мгновений. Ни единого звука не издавало оно, лишь вихрь продолжал дуть, хотя напор его ослабевал. Мы стояли в замешательстве и оцепенении, но Тэн И пер-

вым преодолел сомнения. «Скорее отступаем! — крикнул он. — Ему не втиснуться в проход!» И тотчас порождение мрака колыхнулось и скользнуло к Хорсе. Тут-то и узрели мы некое подобие человека в сей демонической фигуре. Это было создание страшно костлявое, непонятно, мужчина или женщина, с космами столь длинными, что свисали оные почти до земли. На худом темном лице черными провалами были обозначены глаза, пасть зияла угольной ямой, нос же был длинный и крючковатый, даже и не нос, а настоящий птичий клюв. Груды у чудища были вислые, и, мнится мне, оно могло бы закинуть их за плечи и ходить так, если бы пожелало.

— А еще говоришь, непонятно, мужчина или женщина, — кохотнул подошедший Бриан Майлдаф.

Он был весь мокрый от пота, зато Кулан Мабидан пришел в себя, и теперь слуги растирали его крепким можжевелевым настоем. Юноше не грозила более смерть от переохлаждения, но вместе с чувствительностью пришла и боль. Скрипя зубами, пикт еле сдерживал стон.

— И вправду непонятно, — ответил Евсевий. — Ведь руки у чудовища были отнюдь не женские. Эти руки... Пожалуй, только у нашего царственного и увидишь такие великолепные мышцы. Что касается ног, то они, похоже, так и остались трехпалыми, с огромными когтями. Когти появились и на руках, и вот такая ручища метнулась к Хорсе...

Гандер не растерялся, отскочил и взмахнул мечом. Очевидно, клинок задел демона, ибо ручища мгновенно убралась. Все происходило совершенно бесшумно, словно в кошмарном сне. Демон не издал ни звука, но подобное обращение явно пришлось ему не по вкусу, и он преобразился. Теперь перед людьми предстало подобие огромного волка, у которого был длинный красный язык и шесть лап. На четыре он опирался, передние же две, по-прежнему вооруженные страшными когтями, жадно шарили перед мордой оборотня.

Вихрь стих совсем, и уже ничто не нарушало зловеющую тишину.

Черный демон прыгнул на Хорсу, и сей же миг Тэн И бросился гандеру на выручку, аквилонец же приготовился стрелять. Хорса пробовал отбиться, возможно, он даже задел врага, но все же демон сбил его с ног, и гандер упал на камни. А Тэн И с мечом и факелом уже стоял рядом с монстром, стрела же Евсевия вошла демону в грудь. Но чудовище, не обращая внимания на раны, вновь сменило облик и стало походить на гигантского паука. Лапы кошмарного насекомого обхватили Хорсу, а навстречу кхитайцу выбросились четыре шевелящиеся конечности.

Евсевий едва не забыл о луке со стрелами, засмотревшись на то, как бьется с врагом кхитаец. Тэн И орудовал своим клинком так, что ни одно мерзкое щупальце не могло дотянуться до него. Тем временем аквилонец опомнился и выстрелил еще дважды, но все безрезультатно. Хорса, размахивая мечом, пытался освободиться. И тут Тэн И пустил в ход факел. До сих пор удары стального оружия уязвляли демона, но не чинили ему видимого вреда. После же тычка горящим факелом по черному телу пробежала судорога, демон съежился и отпустил Хорсу! Тот снова упал на камни, ибо потерял много сил и к тому же у него оказалась повреждена нога. К Евсевию подскочил Кулан.

— Стрела, горящая стрела! Зажги стрелу! — кричал он. — Это Черное Пламя Смерти, оно должно бояться живого огня!

Покуда Тэн И фехтовал мечом и факелом — демон обернулся теперь какой-то уж вовсе непотребной каракатицей или крабом, — аквилонец поскорее навертел на стрелу промасленную паклю с запасного факела, зажег и выстрелил в монстра.

Что тут началось! Демон вздрогнул всем телом, затем стал расти, как дерево, лишь змеиная голова покачивалась наверху. Не теряя времени, Евсевий выпустил

вторую горящую стрелу, метя как раз в голову прозрачному змею...

— Не путай, — остановил аквилонца Конан. — Прозрачный змей — создание из плоти и крови, он живет в Пиктской Пустоши. По сравнению с твоим уродом это милейшая тварь.

— О царственный, — поклонился Евсевий, — как тебе будет угодно...

Демон стал на глазах оседать и чуть ли не рассыпаться после второго выстрела, и аквилонец уже подумал, что им каким-то чудом удалось одержать победу, но увы! Демон отступил, устроив людям, дерзнувшим выступить против него, ледяное купание. Мрак его тела сгустился и образовал нечто вроде черного крыла огромной мельницы, и это крыло принялось вращаться все быстрее и быстрее, набирая бешеную скорость. Не успел Евсевий выпустить третью стрелу, как резкий и сильный удар сбил его с ног, и он полетел с обрыва в холодную воду.

Счастье, что он не выронил лук, а колчан висел за спиной на прочном ремне. Вынырнув, аквилонец сразу взглянул наверх: его отбросило довольно далеко от берега, и он мог видеть, как черный мрак отступает перед факелом Тэн И, втягиваясь в бездну. Тогда Евсевий стал искать Кулана. Вода была очень холодной, и даже закаленный аквилонец продрог до костей, а юноша мог и вовсе потерять сознание.

Благодарение Митре Лучезарному, Кулан оказался недалеко, локтях в двадцати. Он уверенно держался на воде, но холод уже сковывал его. Евсевий доплыл до Кулана и потащил его за собой к берегу. Было темно, и того злополучного спуска к воде, который пытался найти Хорса, никто не видел. Аквилонец сделал все, что было в его силах: подтащил Кулана к берегу и заставил его уцепиться за камни. Вскарabкаться наверх было крайне трудно: скала нависала над ними, гладкая, без трещин и выбоин. Хорошо еще, что хоть у самой поверхности нашлись выступы, за которые мож-

но было держаться, чтобы не барахтаться в воде, тратя последние силы.

Шло время, и холод начал всерьез мучить Евсевия, когда сверху раздался голос Тэн И: «Где вы?» — и в воду шлепнулась веревка. Руки Кулана свела судорога, и аквилонцу пришлось обвязать его наспех под мышками, чтобы Тэн И смог втащить пикта наверх. Евсевий выбрался сам, ухватившись за брошенный ему конец...

— А как же Хорса? — напомнил Конан.

— Это самая странная и печальная часть моего повествования, о царственный, — опустил голову Евсевий. — Едва взобрались мы на берег и вознамерились посмотреть, чем можем мы помочь Хорсе, как увидели над телом его новое необыкновенное создание. Если Демон Глубин был чернее черного, то новая фигура оказалась блее белого. Такой невообразимой пугающей белизны я не видел никогда. Это было блее мрамора, блее известки, блее снега, мела, звезд.

— Это был человек? — поинтересовался Аврелий.

— Да, это был человек, но не из плоти...

Это был высокий худой старик с посохом в руках, с длинной бородой и длинными белыми пальцами. Лицо его скрывал капюшон. Тэн И двинулся было вперед, но столкнулся с невидимой преградой. Старик поднял правую руку в предостерегающем жесте. Тэн И попробовал еще раз и вновь не сумел продвинуться ни на шаг. Воздух стал вдруг вязким, в сотни раз более вязким, чем мед. Между тем старик склонился над Хорсой. Гандер спал, не чувствуя, что с ним происходит. Тогда Тэн И выхватил нож и попытался метнуть его в старика. Нож, пущенный с огромной силой, вдруг резко изменил свой полет и, остановившись и зависнув на миг, со звоном упал.

— Стреляй! — приказал Тэн И Евсевию и протянул зажженный факел, чтобы он поджег стрелу.

Лук и стрелы намокли, и аквилонец боялся навсегда испортить тетиву, но один выстрел с небольшого рас-

стояния она бы выдержала. Он уже собрался было запалить паклю, как вдруг Кулан, преодолевая дрожь, прошептал:

— Не делайте этого! Зеркало Зервана отбросит эту стрелу в тебя! Хорса, может быть, еще вернется, но теперь... Нельзя!

И Кулан, до этого еще стоявший кое-как на ногах, опустился на четвереньки. Юношу била дрожь, он изнемогал от холода и не мог согреться — холод медленно пробирался к его сердцу. Тэн И отвязал от пояса какую-то склянку, бросился к Кулану, разжал ему зубы и влил в рот несколько капель. Евсевий тем временем еще раз попытался пробиться сквозь невидимую завесу, но в ответ получил толчок, равный собственному усилию, а оно было немалым, и отлетел назад на пять локтей, ощущая в плече такую боль, словно по нему хвятили кулаком в железной перчатке. За призрачной же стеной произошло чудо: старик легко, как ребенка, подхватил Хорсу на руки и исчез вместе с ним, будто их и не было, а следом исчез и посох старика! Только меч Хорсы остался лежать на камнях.

Евсевий кинулся к нему и обнаружил, что преграда исчезла, но что от этого было толку, если гандер тоже исчез? Тэн И поднял факел, и они еще раз осмотрели поле недавней схватки, обогнули злополучный колодец — ничего! Хорсу они вернуть не могли, но зато вполне были в состоянии спасти Кулана. Капли, которые дал ему Тэн И, быстро подействовали: юноша мог идти, но взгляд его стал пустым и невидящим, руки повисли, точно плети, и лишь ноги пусть и неуверенно, но шли, хотя переставлял он их подобно деревянной кукле.

— Что ты ему дал? — спросил Евсевий кхитайца.

— Капли, — невозмутимо ответил Тэн И. — Их делают далеко на юге Вендии из некоего растения. Они убивают в человеке все желания, кроме желания спастись, выживать. Сейчас, для того чтобы выжить, Кулан должен во что бы то ни стало выйти наверх. Он

и будет идти, пока хватит сил, не думая ни о чем другом. Теперь он способен только дышать и идти, больше ничего. Иначе он умрет. Поэтому пойдем скорее.

Они двинулись в обратный путь. Кулан вел себя и вправду как зверек или насекомое, которое лишь инстинктивно определяет, где выход, и безошибочно брел туда, не отзываясь ни на слова своих спутников, ни на прикосновения.

— Что будет, если действие капель кончится прежде, чем мы успеем дойти? — спросил аквилонец у Тэн И, когда они шли уже спиральным коридором, который казался теперь нескончаемым.

— Это будет очень, очень плохо, — покачал головой кхитаец. — Тогда мы понесем Кулана и будем молиться Митре...

— К счастью, все обошлось, — выдохнул облегченно Евсевий и утер выступивший на лбу горячий пот. За время рассказа он успел осушить четыре большие глиняные кружки с горячим питьем.

— А как же Тэн И удалось избежать удара крыла? — спросил Септимий.

— Я упал на землю, господин, — ответил кхитаец, — и крыло пронеслось надо мной.

— А как же ты загнал это порождение Нергала обратно в его логово? — решил выяснить окончательно картину Юний.

— После того как крыло сбilo всех в воду, я подполз к самому сердцу крутящейся тьмы и ткнул туда факелом, — объяснил Тэн И. — Демон задрожал и стал превращаться в нетопыря, но я не позволил ему закончить превращение и ударил факелом и мечом одновременно. Тогда демон очень, очень рассердился, даже стал светиться багровым изнутри, словно грозовая туча, и сам он стал похож на тучу, но не сумел превратиться ни во что. Поняв, что ему нельзя давать менять облик и тогда он не в силах будет сражаться, я стал гнать его мечом и факелом к колодцу. Он очень сердился и

светился все сильнее, а над колодцем лопнул, как большой гриб... Как он называется по-аквилонски?

— Дождевик, что ли? — брякнул Майлдаф.

— Да-да, дождевик, — кивнул кхитаец. — И потом он стал падать вниз, как черный снег.

— Так ты убил его? — обрадовался Юний.

— Нет, не думаю, — покачал головой Тэн И. — Он ушел к себе в логово. Но теперь я знаю, как ему противостоять.

— Будем надеяться, — пожал плечами Конан.

День вступил во вторую свою половину. Новости, принесенные разведкой, были одновременно и утешительны, и печальны. Проход в пещеры был найден, паки не смогли замуровать все выходы и даже не охраняли некоторые из них, но в подгорной тьме скрывались создания куда более страшные, чем желтолицые карлики, да и водная преграда оказалась значительно опаснее, чем предполагалось. Требовались уже не плотики для вещей, а плоты, которые выдержали бы вес человека. Конечно, Конан или Евсевий могли бы и вплавь одолеть не слишком широкое подземное озеро, но Кулану или Септимию такое было явно не по силам. А без колдуна отряд не мог обойтись, и это стало ясно с первых же шагов.

Кстати, Септимий не проявил каких-либо особых признаков беспокойства по поводу здоровья младшего брата, как, впрочем, и признаков неприязни к нему. Должно быть, горделивый аквилонец, к тому же ученый, презирал дикого пикта-колдуна, но не питал к нему ненависти, поскольку ясно было, кто унаследует титул и состояние Коннахта.

А вот потеря Хорсы была очень тяжка. Конан уже по-всякому обругал и графиню Этайн, и ее дурацкий шарф, и довольно скоро с неудовольствием понял, что запас ругательств неумолимо тает. Оставалось или звать на помощь Арминия, или расспросить очухавшегося Кулана, что это еще за зеркало Зервана и кто этот высокий, тощий и белый, как бледная поганка, старикан в капюшоне. Король избрал второе.

— Кулан, ты сможешь отвечать на мои вопросы? — спросил он светловолосого пикта, который сидел теперь у костра, закутанный заботливым Брианом в ворох пледов цветов клана Майлдафов и потягивал все то же горячее питье — настоящий суп кирпичного оттенка из чая, соли, молока и масла, куда Тэн И еще присовокупил всяческих трав. Рецепт этого варева кхитаец узнал от гирканских кочевников.

— Да, — кивнул Кулан.

— Тогда ответь мне, кто этот старик в белом, похитивший Хорсу, кто такой Зерван, почему Хорса «может быть, вернется», как ты утверждаешь?

Впервые Кулан сделал не колдовской, а обычный мальчишеский жест — почесал лоб.

— Великий Зерван, Отец времени, — пояснил юноша. — Он вечный и безначальный, как Митра. Только Митра добрый, а Зерван не творит добра и не чинит зла, он только следит, чтобы одно не одолело другое насовсем.

— То есть как? — не понял Конан. — Раз следит, выходит, что делает?

— Нет, — возразил Кулан, отхлебнув еще из чапки. — Он делает возможным то, что может произойти, а может и не произойти. Вот, к примеру, камень может сорваться с кручи и сбить с тропы в пропасть коня с седоком. А может не сорваться. Всадник может быть злодеем и разбойником, а может быть гонцом Страбонуса, допустим, к Нимеду, а может быть просто пастухом, который едет в соседнюю деревню к своей невесте. Зерван никогда не станет сам сбрасывать камень. Он может сделать так, чтобы камень упал. А уж вздумается кому-то проехать там именно тогда, когда камень покатится, или на тропе будет пусто, — к этому уже Зерван не причастен.

— Интересно, — промямлил Конан, хотя понял мало. — В общем, где-то балкон рухнет на башку Страбонуса, где-то молния прибьет царицу зингарийскую, а где-то под землю провалится храм Сета, но в нем не

случится никого, кроме гадюк, а в целом ничего не изменится.

— Примерно так! — Евсевий поперхнулся питьем, которое усердно ему подливали. — О царственный, тебе следует встретиться с тарантийскими теологами, слишком уж они зазнались и разучились говорить понятно. Пусть поучатся у тебя!

— Всенепременно, — охладил порыв Евсевия король. — А что понадобилось Зервану от нашего Хорсы? И что это за зеркало?

— Зеркало Зервана — это то, что мешает нарушить равновесие, — ответил Кулан. — Его нельзя ни разбить, ни пройти сквозь него. Клинок может быть отбит железом, плечо ударится о стену, но сожженное огнем не восстанет, а потому огненная стрела казнила бы того, кто ее пустил. Хорсы коснулся Черный Огонь Смерти, он ранил не его тело, но душу. Раненная этим огнем душа может оставить в покое тело, но погубит многие души, как больной моровой язвой может погубить целый город, как жрецы Сета убивают змеиным ядом тысячи душ. Зерван — время, которое излечивает все. Хорса вернется, но будем ли мы живы тогда или нас уже не будет, этого я не могу сказать, ибо не знаю, сколь тяжела его рана.

— Ясно, — пробурчал король. — Ох уж мне эти волшебники! Кстати, Евсевий! — громко обратился он к ученому. — Вот тебе еще один попутчик на собрание богословов, — кивнул король в сторону Кулана. — Они лопнут от злости, когда до них дойдет, что пиктский мальчик знает нечто, что они прохлопали.

«Вероятно, пикты заслуживают лучшего к себе отношения, — снова подумал Конан, — но себя я уже не переделаю».

— Ладно, как я понял, Хорса может объявиться среди нас в самый нужный момент, — заключил король. — Посему не поленитесь захватить с собой его меч, он-то пригодится в любом случае. И еще: если кто-то, — Конан выразительно посмотрел на Кулана, — решит, что

король остался в Тарантии, я быстро напомню, что король среди вас. А теперь нам предстоит соорудить пару больших плотов. Тот парень из Пуантена был здоров, как бык — они там все такие — да к тому же его согревало Белое Древо... Тьфу, Белая Дева! Своим духом святым, не иначе. А у нас нет ничего, кроме грешной плоти, поэтому те, кто может плыть, поплывут, если понадобится, а Кулан останется сухой, как я сейчас. Вечером, на закате, мы полезем в пещеру все. Там все равно темно, хоть глаз выколи, что днем, что ночью, и потому наплевать, что происходит наверху.

Глава седьмая БИТВА БЕЗУМИЙ

К вечеру, когда желтые лучи горного солнца уже не так горячи и мягко ласкают листья, траву и белые известняковые глыбы на холмах, отряд из десяти человек скрылся в трещине на склоне холма. Замыкал цепочку Бриан Майлдаф.

— Бриан, зачем ты лезешь в эту дыру? — не удержавшись, спросил один из слуг, оставшихся снаружи. — Неужели ты хочешь навсегда быть заточен в холмах у паков? А если они превратят тебя в червяка или улитку?

— Должен же я как-то развлекаться... — удивился такому вопиющему непониманию Бриан и исчез в трещине.

Подземное шествие возглавил Тэн И, за ним шел Конан. Спиральный ход действительно не таил никаких опасностей, а вот усыпальница поразила короля до глубины души. Сколько разнообразного оружия, какие роскошные узоры и насечки, какаяковка, какая сталь!

Больше всего понравился Конану шлем — вполне обычный куполообразный островерхий шлем с маской для глаз и защитой для носа, без всяких украшений, но он подходил королю как нельзя лучше, и, если Конан хоть что-то знал о стали, эту вороненую броню не пробил бы и вендийский меч, а форма шлема была такова,

что любая стрела, направленная чуть косо, неизбежно соскользнула бы по его поверхности в сторону.

«Грабить могилы нехорошо, — подумал король, — но за свою жизнь я сделал столько всего нехорошего, что этот шлем вряд ли станет самым тяжким преступлением на весах белобородого Зервана».

Король забрал шлем, и никто не сказал ни слова.

— Кто-нибудь сумеет прочесть эти письмена? — обратился Конан к ученым, склонившимся над саркофагом.

— Нет, но я берусь разгадать их за семь дней, если мне назовут хоть какое-нибудь слово, записанное на этом языке, — уверенно заявил Септимий.

— Где ж его тебе взять? У трупа спросить, что ли? — хмуро заметил Арминий, изучавший меч. — А вот таким колоть поудобнее, чем нашим, — задумчиво проговорил он.

— Одно слово? — встрял в ученый спор Майлдаф. — Изволь, вот тебе первое сверху, которое выбито такими здоровенными буквами: «Диармайд».

— Как? — удивленно воззрился на горца Септимий. — Диармайд?

— Ага, — отвечал беззаботно Майлдаф. — Вы бы раньше спросили...

— Так знаешь что-то об этой могиле? — не поверил своим ушам Септимий. — Что?

— Не больше, чем другие, — важно отвечивал Бриан. — Но и не меньше. Диармайд О-Дуйн был великим воином и некогда жил в этих краях, но в низинах, и ему не было равных. Он всех победил, загнал паков в пещеры и владел пятью тысячами овец. А потом он женился, но неудачно. А затем пришли странствующие монахи, и он начал поклоняться вашему Митре, оставил все сыновьям, ушел жить сюда и стал этим, как его... Отшельником. К нему приходили всякие люди за советом... А еще он иногда летал на драконе. Потом он умер. Его сыновья передрались и перебили друг друга, но до того успели возвести этот курган.

— Это все? — подступил к Майлдафу Септимий. В глазах ученого разгорелся жадный огонь: еще бы, он напал на след еще одной тайны!

— Ну, эта сага длинная, — протянул Майлдаф, поглядывая на Конана. — Вот если наш король разрешит...

— Не разрешу, — отрезал Конан. — Потом. У вас будет еще время наговориться, если живы останетесь. Скажи только одно, Бриан Майлдаф: этот Дир... Мар...

— Диармайд?

— Он самый, — кивнул Конан. — Который О-Дуйн. Он и вправду летал на драконе?

— Я сам не видел, не поручусь, — развел ручищами Майлдаф. — Но сага говорит так.

— А те следы дракона, что нашли в холмах, это не того ли самого? — осведомился Евсевий.

— Почему мне знать?! — возмутился Майлдаф. — Спросите об этом самого О-Дуйна, вот он, рядом лежит. Хотя, — призадумался горец, — размеры совпадают. В саге сказано, как сейчас помню: «... И был дракон сей велик весьма. От крыла до крыла восемнадцати локтей, а от головы до хвоста двадцати восьми локтей, а когти имел длиною в два локтя, а цветом черен и зубов имел превеликое множество...».

— Кулан, ты слышал? — обратился к колдуну король. — Дракон-то, оказывается, носил на хребте святого отшельника. Правда, это было еще в дохайборийское время.

— Я не знаю, как действует камень, — покачал головой пикт.

— Хорошо, — громко сказал король. — Тэн И, где тот гвоздь, которым открывают люк?

Кхитаец подошел к стене, снял с нее большой круглый щит и легко утопил в стену внушительный крюк. Раздались лязг, скрип и скрежет, и каменная плита в углу, сквозь которую был пропущен стальной пробой, удерживающий массивное кольцо, прикрепленное к мощной цепи, поднялась, открыв черную пасть люка.

Юний заглянул в дыру и спросил, не слишком уверенный в положительном ответе:

— Мы сможем протащить здесь бревна и доски для плотов?

— Да, господин, — ответил Тэн И. — Когда мы шли здесь утром, я измерил ширину прохода.

— Аврелий останется здесь. Остальные — вниз, сколачивать плоты!

Длинные бревна, которые волокли по коридорам Майлдаф, Арминий, Евсевий и Конан, прошли через люк точь-в-точь — Тэн И был мастером шпионского ремесла, не допускающего небрежности.

Пещера, где плескалось озеро, пребывала во тьме. Звуки людских шагов, стук дерева, возня и шарканье гулко отдавались в ней. Свод был высок, и всякое эхо разносилось далеко, многократно отражаясь.

— Вот этот колодец. — Тэн И подвел Конана к непроглядно черной яме, уходящей в невообразимую подземную глубину.

— Кулан, ты слышишь что-нибудь? — спросил король.

— Дух бездны ушел глубоко, — ответил Кулан. — Тэн И жестоко уязвил его. Я не слышу Черного Огня, так он сокрылся.

— Ну так пусть скроется еще глубже! — И король швырнул факел в черное жерло колодца.

Падая, факел озарял бесконечные черные стены, уходящие вниз, пока не превратился в едва различимую красноватую искру.

— Ого! — воскликнул Конан. — Да у него дна нет!

Факел исчез из вида, и спустя некоторое время глубокий вздох донесся из темных недр. Вздох, наполненный яростью и ненавистью ко всему, что может иметь цвет и форму, не говоря уж о жизни и разуме.

— Похоже, Тэн И, ты победил самого хозяина бездны, — тихо сказал подошедший Евсевий.

— Если бы все было так, господин, — отозвался кхитаец, — мы бы не шли туда, куда идем.

По приказанию короля пещеру обыскали. Никаких других выходов, кроме подземного озера, никто не нашел. Стены круто поднимались вверх, нависая над головой, и не было никакой возможности вскарабкаться по ним. Кто знает, может, там, где свет факелов не в силах был разогнать тени, в скалах таились какие-то иные проходы и трещины, выводившие на поверхность или уходящие в холмы боковыми путями?

«Сюда бы сейчас Мораддина с его мышкой, — подумал Конан. — Вот кто нашел бы то, мимо чего мы проходим, может статься, двадцатью локтями ниже, или, наоборот, сказал бы, что все мы придурки и ищем то, чего нет».

Зато отыскалось то, чего не успел отыскать Хорса, — спуск к воде. Ровные, аккуратно вырубленные ступени вели вниз и уходили прямо под воду. Майлдаф, задрав полы своей юбки, спустился тремя ступенями ниже и возвестил:

— А я стою на причале! — Он походил еще немного. — Ага, вот здесь причал обрывается. Ну-ка... — Не боясь промокнуть, он нагнулся, окунувшись с головой в воду.

— О Митра Лучезарный! — воскликнул Евсевий. — Да он сотворен из дуба и сосны! В этой воде человек умирает через четверть часа, а он барахтается, как тюлень!

Наконец Майлдаф вынырнул, отряхиваясь, как большой лохматый пес.

— Там в причал вбиты кольца для лодок! — крикнул он.

— Значит, озеро прибывает, — глубокомысленно заключил Юний.

— Что ж, за полторы тысячи лет могло и прибыть, — пожал широкими плечами Арминий. — Если мы хотим отчалить побыстрее, пара-тройка рук в помощь мне не помешает.

Плоты строились под руководством Арминия и Тэн И. Последний некогда побывал на полуденном восходе

огромного Кхитай, у берегов Южного моря, где научился у тамошних жителей особенному приему строительства лодок — с балансиром. Подобное сооружение имевалось катту-марам. Лодка выходила чуть менее быстроходной, зато не страшилась бурь и несла много больше груза.

Примерно так же строил Тэн И и теперь. Из маленьких плотов, сколоченных утром, собрали два больших, а к ним прикрепили перекладинами на некотором расстоянии длинные бревна. Таким образом, все десять путников вместе с грузом могли разместиться на плоту, и никому не пришлось бы окунаться в ледяную воду.

Когда все было готово, кликнули сверху Аврелия, который не покидал свой пост ни на мгновение.

— Я скопировал для тебя все надписи, какие только обнаружил на стенах, — протянул он Септимию несколько листов пергамента. — А здесь я попытался привести знаки в систему. Должно быть, сия черта свидетельствует звуки звонкие, а сия — носовые. Гласные же, по-видимому, обозначаются точками...

— Отплываем! — скомандовал Конан. — Кулан, что на том берегу?

— Он пуст, — ответил юноша.

— Это говорят тебе рыбы? — рассмеялся Умберто.

— Да, — спокойно ответил пикт. — У воды я более склонен верить рыбам, чем даже собственным глазам.

— Глазам! — усмехнулся Арминий. — Да лучше бы я стал сейчас кротом! К чему глаза в этих потемках?!

Весла, обмотанные тряпками, чтобы не производить лишнего шума, спустя долгие века впервые потревожили озерную гладь. Факел, оставленный на берегу, одиноко светил путникам вслед. Он единственный провожал их в неизвестность.

* * *

Взмахи весел уже перестали считать. Факельное пламя, отражаясь в зеркале неподвижных вод, скользи-

ло за плотом. Иногда освещенный участок тревожили всплески. Это слепые рыбы — в крошечной тьме глаза были им не надобны, привлеченные то ли теплом факелов, то ли необычным движением чего-то очень большого, то ли зовом жреца Юхиббола, подплывали к поверхности и вновь ныряли в глубину.

Через некоторое время — по ощущениям, прошло около часа — пещера начала сужаться. В неподвижной прежде водной глади появились признаки течения.

— Что там впереди, Кулан? — раздался голос ко- роля.

— Туннель, а за ним еще одно озеро. После — бе- рег.

И действительно, скоро весла можно было бросить: течение само влекло плот. Отсветы факела, поднятого Майлдафом, заплесали на стенах, которые встали впе- реди. Широкий черный грот трех локтей высотой по- добно зеву мифического чудовища втягивал в себя воду. Майлдаф поспешно присел, хотя от устья грота их отделяло еще приличное расстояние.

— А ты уверен, что нам не снесет головы потоло- ком? — задал Арминий не праздный вопрос. — Рыбам, конечно, все равно...

— Не знаю, — просто ответил Кулан. — Рыбам и вправду все равно.

— Однако! — процедил сквозь зубы Арминий и до- бавил пару теплых слов про всех колдунов вместе взя- тых и колдовство вообще. — Я-то выплыву, а вот с то- бой что делать?

Молодой колдун в ответ промолчал. Течение втащи- ло плот под своды пещеры. Поначалу потолок оставал- ся на той же высоте, что и у входа, а потом стал медленно, но неуклонно понижаться, между тем как течение все убыстрялось.

— Даже если мы очень захотим, нам не выгрести против такого течения, — хладнокровно размышлял вслух Умберто. — Остается уповать на благоразумие и предупредительность рыб достойного Юхиббола.

Потолок опустился до двух локтей. Хуже всего при- шлось Конану и Майлдафу: их рост не позволял даже сидеть на корточках. Любой выступ на потолке при такой скорости грозил запросто разmozжить им голо- вы. Пришлось королю и горцу на время прилечь. Даже сквозь плотную кожу сапог Конан чувствовал, сколь холодна вода в пещерном озере. Течение убыстрилось до стремнины, факел выхватил из тьмы мокрые камни стены.

— Ого, да он еще и сужается! — заметил Майлдаф.

Неровный потолок, угрожающе нависая над головой, убегал назад, как несется назад земля под копытами коня.

Но вот — благодарение Митре! — свод начал подни- маться, однако течение и не думало замедлиться. Из воды вынырнула каменная гряда, едва поднимающаяся над волнами. Юний, Арминий, Аврелий и Умберто, схва- тив весла, выставили их вперед в надежде оттолкнуть плот от каменных клыков или хотя бы смягчить удар. Но тут течение само развернуло их утлое суденышко, протащило вдоль гряды, завертело в водовороте и как из пращи выбросило уже по другую сторону камней и повлекло дальше в недра горы...

Наконец сила потока пошла на убыль, а вскоре людям пришлось опять сесть на весла. Стены ушли в стороны на недостижимое для факелов расстояние, а свод угадывался примерно на высоте десяти локтей.

И вот ширь озера снова простерлась перед ними. Новая пещера оказалась еще просторнее той, откуда они приплыли. Звук голоса улетал куда-то в черноту, и лишь дальнейшее эхо подтверждало, что они находятся глубоко под холмами.

— Страшно представить, каков вес земной толщи над нами! — прошептал восторженно Евсевий. — Сколь искусны и многообразны творения природы! Ни один архитектор не воздвиг бы столь грандиозного чертога!

И вдруг далеко впереди — или так казалось, ибо в угольной черноте пещеры невозможно было даже

приблизительно определить расстояние, — вспыхнуло бледное голубое пламя, подобное тому, что освещало усыпальницу святого Диармайда О-Дуйна.

— Огоны! — оповестил всех Юний, исполняющий теперь обязанности впередсмотрящего.

— Вижу, — кивнул Конан. — Кулан, а ведь ты говорил мне, что берег там пустынный?

— Он и сейчас пуст, — откликнулся юноша.

— Откуда же там огонь?

— Я полагаю, государь, — заговорил Тэн И, — что там находится место, где добывали светящийся камень для гробницы.

— Почему же мы не заметили огонь сразу? — усомнился Умберто.

— А вот почему. — Тэн И указал рукой вперед. Никто, однако, ничего не разглядел.

— Почтеннейший Тэн И, не все видят в темноте, как кхитайские лесные кошки, — пробурчал Арминий.

— Ох, извините, извините, — залопотал кхитаец. — Впереди небольшой остров, скала. Она и заслонила от нас огонь. Надо взять чуть-чуть вправо, иначе мы на нее наткнемся.

И точно, вскоре из мрака выступил одинокий утес, торчавший подобно плавнику гигантской акулы матово-черным камнем из черной же маслянисто блестящей воды.

— Пристать к острову! — приказал король точно так же, как в давние теперь времена на бескрайнем Западном океане.

Плот тихо подвели к берегу. Утес был высок, хотя сам островок мал, локтей сорок в поперечнике. Тэн И, Умберто, Арминий и Септимий спрыгнули на камни.

Умберто, как горный барс, сразу полез на скалу, а остальные принялись обшаривать клочок суши.

— Здесь когда-то был маяк, клянусь моей рапирой! — прокричал Умберто, добравшись до вершины.

Факел его сиял с высоты сорока — сорока пяти локтей. — Здесь место для костра, а камень покрыт не то хрусталем, не то особым стеклом! Смотрите!

Умберто опустил факел, и внезапно с вершины утеса на восемь сторон ударили узкие и бледные, но изрядно рассеявшие тысячелетнюю подгортную темноту лучи отраженного света. И это от одного факела! А что было бы, коли развести там хороший костер?!

Один луч дотянулся до противоположного берега. Там поднималась из воды лестница, а на берегу была сложена пирамида из светящихся бледно-голубым светом камней. Устье большой пещеры уводило дальше внутрь горы. Берег был необитаем, стояла тишина, и только черное озеро мелкими волнами тихонько плескалось о стену причала. Ворота в страну паков никто не охранял!

— Спускайся, Умберто! — прокричал сотнику Конан. — Дальше можем плыть спокойно!

Свет маяка потух, и пещера вновь утонула во тьме. Осмотр острова внизу также закончился. Арминий и Септимий не обнаружили ничего, а вот у кхитайца в руках оказался истлевший обломок дерева.

— Что это у тебя, Тэн И? — спросил Конан.

Без сомнения, это была часть носа большой шлюпки. На толстой доске еще сохранилась причудливая резьба — вьющийся растительный орнамент, и два знака, как раз такие же, что и в гробнице.

— Вот тебе еще один обломок древности, Септимий. — Конан отдал доску ученому. — Если мы выберемся отсюда, а в этом я дал слово твоему отцу, через семь дней я буду ждать в Тарантии твоего гонца. Не обижусь, если им будет Бриан Майлдаф. Так вот, я хочу знать, да и Евсевий наверняка не откажется прочесть, что написано на стенах этой могилы.

Дальнейшее плавание не принесло неожиданностей. Благополучно преодолев оставшееся расстояние, плот пристал у дальнего берега, освещенного таинственным голубоватым светом.

— Я велю украсить один из покоев тарантийского дворца этим камнем,— сказал Конан, ни к кому не обращаясь.

«Во имя Крома! — подумал он. — Неужто я действительно становлюсь королем?»

Пол пещеры вновь устилал толстый темно-зеленый ковер мха, но вокруг груды светящихся камней образовался правильный круг голого грунта, локтей восемь в поперечнике.

— Странное явление,— обратил на это внимание Юний. — Мох будто боится этого камня и предпочитает обходить его стороной!

— Так и есть,— ответил Кулан. — Этот мох очень неприхотлив, но и он зачахнет, если станет расти близко к таким камням. Любое иное растение погибло бы на гораздо большем расстоянии.

— Правда? — изумился Умберто. — О король, не лучше ли и нам держаться подальше от светящихся камней? Думаю, это было бы разумно.

— Да, так будет лучше,— подтвердил Кулан.

— Хорошо,— не стал спорить Конан. — Но отдыхать будем здесь. Сегодня мы проделали нелегкий путь, а завтра нам предстоит теплая встреча. Здесь, правда, не бывает сегодня и завтра, но вы должны поспать. Плот мы спрячем. Завалим камнями, чтобы никто не нашел, хотя здесь никого и не было сотни лет. Кулан, далеко ли паки?

— Уже нет. Я не слышу самих существ, ибо никогда не знал, каковы они. Но впереди завеса чуждого колдовства, и я ничего не могу разглядеть за ней. Думается, это и есть Великий Канон паков.

— Тогда располагайтесь для ночлега. Сторожить будем я и Аврелий,— объявил король. — А потом Майлдаф и Умберто сменят нас.

— Вот завтра я постреляю! — мечтательно проговорил Бриан, сладко потягиваясь на теплой моховой подстилке.

«Ночь» прошла спокойно. Конана разбудил запах еды.

— Откуда костер? — не понял он. — Здесь же нет дров!

— Я набрал мха,— объяснил Майлдаф, хлопотавший у огня. — Он горит, как торф, даже лучше.

И действительно, в подобии камина, сооруженном горцем из обломков камня, шипел, стгоя, мох, а пламя было не только ярким, но и распространяло сильный жар.

— Это надо учесть,— пробормотал себе под нос Конан, присаживаясь к огню и принимая из рук Майлдафа миску с дымящейся похлебкой.

Подкрепившись, они собрали все вещи, а ненужное спрятали под камнями.

— Теперь вооружитесь и смотрите в оба, а больше слушайте, и слушайте в первую очередь Кулана и Тэн И. Тэн И пойдет впереди, а за ним Евсвий и Майлдаф. И приготовьте луки,— велел Конан стрелкам. — Кулан, как только почувешь неладное...

— Я немедленно предупрежу,— серьезно ответил пикт. — Покуда дальнейший путь темен.

— Вперед! — скомандовал Конан, и Тэн И шагнул в черный туннель.

То ли предвкушение внезапной и близкой опасности довлело над ними, то ли самый воздух в этой части подземелий сделался другим, но все притихли. Никто больше не шутил, даже разговор не завязывался. Лишь Конан и Бриан Майлдаф — два варвара — держались как ни в чем не бывало, будто шли по незнакомому, но вполне обычному лесу.

Так прошли два часа пути. Туннель несколько раз поворачивал, но пока ни одного бокового хода не отвлялось от главного ствола. Наконец к исходу третьего часа — Конан, полагаясь на свое удивительно развитое чувство времени и ритма, никогда не ошибался в этом — коридор уперся в стену. Направо и налево расходились два одинаковых прохода. Между ними стена была заботливо отполирована явно человеческой рукой. На идеально ровной плите белой краской был нанесен

рисуюнок: толпа людей с луками, камнями и короткими копьями атаковала чудовищных размеров кошку с огромными клыками на верхней челюсти.

— Старый знакомый, — негромко произнес Конан. — Кулан, я был свидетелем, как твой дражайший наставник, Зогар Саг, сам урча, как голодный кот, вызвал из пущи подобное создание, и этот зверь, как лучинку, сломал толстенный столб и в минуту сожрал здорового взрослого мужчину. Я это к чему... Справился бы ты с таким, если будет нужно?

— Постараюсь. Этих зверей осталось очень мало, и они должны помнить... — Кулан внезапно замолчал и насторожился. — Что-то надвигается на нас оттуда. — Он указал рукой на левый проход. — Большое и злобное.

— Половина — в правый коридор, остальным оставаться на месте! — мгновенно распорядился король. — Кем бы ни была эта бестия, на две стороны сразу ей не развернуться!

Евсевий, Умберто, Юний, Септимий и Тэн И моментально переместились вправо. Теперь уже все чувствовали присутствие чего-то страшного и огромного там, за непроницаемым пологом тьмы.

— Это зверь, — уверенно заявил Кулан. — Я пытаюсь его остановить, но его разум замутнен. Сейчас он в раздумье, но сил моих не хватает, чтобы быстро разорвать чужие пути!

— Да кто же это?! — воскликнул Умберто, и ответ не заставил себя ждать.

Очертания огромной грязно-серой лохматой туши возникли из мрака. Прыжок, мягкое, почти неслышное приземление, и вот на перекресток выскочил тот, кого справедливо звали древним ужасом горных каверн. Его считали исчезнувшим с лика земли, но, как видно, ошибались.

Это был пещерный медведь ростом около пяти локтей в холке, и одни боги ведали, насколько он высок, если поднимется на задние лапы. Глаза животного были

безумны и безжалостны. Медведь, конечно, не в первый раз сталкивался с людьми. Он не стал ждать, пока в него полетят стрелы, и с ходу бросился на маленького кхитайца. Евсевий, стоявший в глубине коридора, успел выстрелить, но медведь, хоть и был невероятно громоздким, обладал обезьяньей подвижностью и копащей реакцией. Зверь наклонил лобастую башку, и нацеленная в глаз стрела прошла мимо. Страшные когти почти опустились на голову Тэн И.

Но не тут-то было! Кхитаец увернулся от удара, и его кривой меч молниеносно резанул по оскаленной пасти. Одновременно справа выпустил стрелу Майлдаф, а Арминий глубоко всадил в бок хищника свое короткое, но тяжелое копьё.

Участь зверя была предрешена, но убить его сразу оказалось невозможно. Походя смахнув лапой Юния, яростно рыча, медведь развернулся мордой к королю. Евсевий выпустил в открывшийся левый бок одну за другой две длинные стрелы, но отыскать сердце великана их острые и крепкие наконечники, которые легко пробивали броню, не смогли. Спереди в шею медведя воткнулась стрела Майлдафа, морда зверя была расплосована страшным ударом кхитайского клинка, из глотки рвался хрип, из пасти несло тошнотворной гнилью, но хищник неудержимо рвался вперед.

Конан накопил немалый опыт битв один на один со всякими тварями, в том числе и во много раз более страшными, и не думал отступать. Ткнув в морду страшилища горящим факелом и сбив его на мгновение с толку, Конан прыгнул вперед и оказался между лапами медведя. Где находится медвежье сердце, король знал с юных лет. Ошибиться можно было лишь в одном: медведь мог оказаться вовсе не медведем, аоборотнем, но смрадное дыхание и настоящая кровь убеждали в обратном.

Удар меча разорвал плоть чудовища, как гнилую холстину, и почти достал сердце, но не дошел всего-навсего на палец! Медведь подышал. Сбоку на него об-

рушились мечи Тэн И и Септимия, но страшная лапа уже накрывала Конана, и король не успевал ни отско- чить, ни нанести повторный удар...

И тут медведь рухнул, будто молнией пораженный, обмякнув внезапно, как набитый соломою мешок. Ко- нан едва успел увернуться, избежав незавидной участи быть раздавленным. Зверь лежал неподвижно. Кулан утирал со лба холодный пот.

— Я сломал это жало,— проговорил он. Голос его был слаб, но в нем звенела радость.— Да, это походило на жало, которое подстегивало мозг чудовища. Он не чувствовал боли, а потому рвался в драку. Как только жало сломалось, он умер. Умер от боли, поскольку она оказалась нестерпимой.

Конан, весь в медвежьей крови, стоял перед пиктом подобно памятнику: негибачый, спокойный, уверен- ный.

— Это было колдовство паков? — спросил он, де- монстративно пнув сапогом бессильную теперь лапу с когтями длиной почти в две ладони.

— Да,— отвечал юноша. Силы его быстро восстано- вились, голос снова стал бесстрастным.— Теперь я знаю, что охраняет подземелье. Оно поражает безумием, но это не совсем безумие. Это похоже на огромный мура- веиник или на улей, только без матки, и поэтому оно не умеет созидать — только коснеть в своем изначаль- ном виде, не допуская никого извне и не выпуская изнутри.

— Это же и есть Канон в чистом виде! — восклик- нул Евсевий. Даже смертельная опасность не смогла заставить его забыть о философии.

— Выходит, мы можем быть уверены, что колдов- ство паков нам более не грозит? — спросил Конан.

— Полагаю, да,— с большой долей уверенности от- ветил Кулан.

— Что ж, ты спас мне жизнь.— Конан положил ладонь на плечо юноши.— Ты первый пикт, которого я не хочу убить.

— О царственный! — позвал тут король Евсевий. Конан обернулся к нему.— Убит Юний.

Юний был мертв. Удар медвежьих когтей разорвал ему бедро и правый бок. Кольчуга не спасла, к тому же при падении Юний сильно ударился о стену. На гус- тых черных волосах запеклась кровь. Все стояли в молчании над распростертым телом.

— Мы сожжем его и похороним здесь,— решил король.— Все равно эти пещеры будут частью нашего королевства.

Через час обряд погребения был завершен. Прах Юния, успевшего-таки перед смертью нанести рану сво- ему убийце — медвежья лапа была рассечена до голой кости,— сложили в небольшой серебряный кубок, отыс- кавшийся у Тэн И. На кубке, по иронии судьбы, был изображен горный кхитайский медведь, зверь неболь- шой и совершенно безвредный.

— Он погиб в бою, хотя мог совершить много боль- ше,— произнес король короткую похоронную речь.

В мягком известняке легко вырубili углубление, куда и поместили кубок, а сверху положили увесистый плоский камень.

— Мы еще вернемся сюда привести место в надле- жащий порядок,— обещал король.— А теперь нам пора.

Труп убитого медведя оставили так, как он и ле- жал: возиться с громадной тушей было недосуг.

Правый коридор, как вскоре выяснилось, не вел ни- куда: он замыкался кольцом. Отряд направился влево.

— И как же ты намерен одолеть Великий Канон? — обратился Конан к Кулану.— И почему те, кто скрылся под горами, до сих пор не победили его? По-моему, их магия должна быть посильнее магии дикарей.

— Не спеши с выводами, о король,— возразил пикт.— Как, по-твоему, кто победил бы, случись им встретиться: Зогар или Тсота-Ланти?

— Не хотел бы я встречаться ни с тем, ни с дру- гим,— мрачно ответил Конан, не до конца понимая, куда клонит юный колдун.— Так в чем же дело?

— Я не уверен, что думаю правильно, — осторожно начал Кулан, — но я сильно сомневаюсь в том, что служители Илу Всеединого — сплошь великие маги, даже те из них, что достигли высших кругов посвящения. Они отрицают жизнь, хотя и не заявляют об этом открыто, а значит, им неоткуда черпать новые силы. Их магия стоит на страхе и лжи, и, сколь бы сложны ни были их ритуалы, такие силы всегда действуют одинаково. Зато они умеют искусно развращать, принуждать и подчинять. Поэтому служители не могут сломать Великий Канон. Канон — сила жизни, пусть и замкнутая в себе. Он не допускает проникновения извне, и его можно только уничтожить. Сила служителей в их военной мощи. Значит, ее покуда недостаточно.

— Иными словами, — вмешался в беседу Евсей, — они смогут повергнуть паков, если натравят на них, к примеру, меч, думающий самостоятельно?

— Точно, — согласился Кулан.

— Тогда почему ты уверен, что выиграешь схватку с Каноном? — недоуменно спросил Конан. — У нас-то нет такого меча!

— Великий Канон может победить только тех, кто боится смерти, — высокопарно заявил Кулан.

— Да кто же ее не боится? — совсем запутался король. Объяснения колдуна были непонятны ему настолько, что Конан сам уже был не рад, затеяв этот разговор. Победит мальчишка паков — значит, так угодно богам, а уж как — это его колдовское дело. Не победит, значит, не судьба!

— Боятся все, — смутился юноша, подбирая нужные слова, — но... Но некоторые могут победить этот страх, как сделал сегодня ты, решившись идти под землю, а другие нет.

— А! — догадался Конан. — Одни верят только в судьбу, а другие еще и в себя. Ясно. И еще. Почему ты тогда называл Великий Канон нечеловеческой волей? Он ведь рожден жизнью?

— Паки — иная раса. Такая же иная, как гномы, — объяснил Кулан. — Но великий Юхиббол старше, много старше всех разумных рас. Он властвует и над паками.

— Понятно, — кивнул Конан. Речи Кулана не слишком убедили его, но ненадолго успокоили.

Путь продолжался во мраке и тишине. Песок в колбе, будь у них таковая, высыпался бы наполовину, как послышалось журчание: из расщелины в скале сочилась тонкая струйка воды. Внизу образовалась маленькая лужица, после чего тонкий ручеек тек под едва уловимым уклоном, сопровождая отряд. Вода оказалась очень кстати. Люди смогли отмыть грязь и кровь, оставшиеся после схватки с медведем.

Вскоре ручеек нашел себе более просторную дорогу. Отряд вышел к пересечению двух пещер. В поперечной пещере шумел поток. Туда и впадал ручей. Туннель, по которому бежала вода, был низок, человеку не пройти, зато и вода не была глубока. Здесь устроили привал.

— Так чем же захочет пронять нас это колдовство? — поинтересовался неунывающий Майлдаф.

— Все тем же. Страхом, — ответил Кулан. — Тот, у кого нет сил бороться, сначала замрет, а потом и подчинится кошмару.

— А тот, кто не сдастся?

— Пройдет дальше, я думаю, — развел руками Кулан.

— А стрелять-то придется? — несколько разочарованно спросил Майлдаф.

— Великий Канон будет защищаться. Рано или поздно, но он толкнет паков на настоящий бой.

— Ага, — удовлетворился Бриан. — Эта магия так надоела!

Конан был полностью с ним согласен.

Отдохнув, люди двинулись дальше. Ждать нападения не хотел никто, они сами намеревались нападать.

Наконец казавшийся бесконечным коридор закончился. В стене открылся боковой ход, а за ним еще и еще. Ни малейшего намека на то, в какую пещеру

сворачивать, не было. Подземелье хранило зловещее молчание. Все взоры устремились на колдуна. Кулан, понимая, что от него зависит, может быть, судьба всего отряда, задумался.

— Может быть, ты позовешь бабочек? — подал мысль Септимий. — У паков должен быть огонь...

— Нет, — отверг предложение колдун. — Живое существо будет стремиться к солнечному свету. Любая бабочка полетит к солнцу, и я не заставлю ее поступить иначе. Жрец Юхиббола Сага может позвать и попросить, но не принудить. Для этого нужна иная, черная магия.

— Пойдите! — Септимий потер лоб. — Помните, в легенде говорилось о талисмане Митры — золотом быке. Он вывел посланцев Эпимитриуса к храму даже сквозь владения паков. Если и у нас найдется нечто подобное, почему бы не попробовать?

— Перстень! — мгновенно сообразил Конан. — Камень должен показать дорогу! Достань его!

— Если там еще остались хоть частички света... — проговорил Кулан, погружая руку за пазуху.

Серебряный перстень тускло засиял в факельном свете.

— Что это? — не понял Септимий.

— Это перстень Коннахта, нашего... Твоего отца, — сказал Кулан. — Если бы ты предупредил его, куда идешь, он бы рассказал тебе, что перстень носил еще Бреннан Мабидан. Он сделан из того зеленого камня, что у слугителей на повязках.

И в этот миг камень засветился! Сначала едва тлеющей искрой, а потом все ярче!

— Смотрите! — воскликнул Аврелий, указывая на камень, хотя все и так уже видели исходящее из него сияние.

Проверили все проходы. Из доброго десятка отверстий лишь вблизи одного свечение зеленого камня не убывало, а осталось прежним. Не прибавилось света, и когда камень понесли в глубь главного хода.

— Пора сворачивать, — решил Конан.

Новый коридор оказался гораздо уже главного ствола. Идти пришлось по двое, а широкие плечи Конана и вовсе не позволяли никому пристроиться рядом.

Ход вывел в круглый зал, локтей сорока в поперечнике. Отсюда разбегались в стороны еще три прохода. Снова принялись испытывать камень, и тут Евсевий огорошил всех неприятной догадкой.

— То, что камень горит ярче, еще не означает, что мы избрали верный путь! — провозгласил он. — Вполне вероятно, мы и приближаемся к цели, но между нами и ею может оказаться стена толщиной в десяток локтей, которую не пробить и за год, в то время как окольный путь выведет нас туда, куда нужно.

Возразить на это было нечего, но король сказал спокойно:

— Значит, мы обойдем все пещеры, пока не найдем нужную.

— К тому же мы знаем, что искать, — поддержал Конан Аврелий. — Нам нужна широкая просторная галерея, где нет паков и горят факелы. Как та, где прошел Люций.

— Здесь тоже нет паков, и горят факелы, — проворчал Арминий. — А камень ярче светил у средней пещеры, — добавил он.

Следующая подземная дорога оказалась еще уже. Идти пришлось в колонне по одному. Шествие по-прежнему уверенно возглавлял Тэн И.

Вскоре, однако, коридор вновь расширился, потолок ушел в беспросветную черноту, стены взметнулись вверх. Внезапно подземную тишину разрушил леденящий вой. В ноздри ударил запах серы. Во тьме зажглись два зеленых глаза. Сквозь непрекращающийся вой послышалось какое-то копошение, словно кто-то шарил множеством маленьких лапок.

По сути, так оно и было. Существо, похожее одновременно на удава, гусеницу и сороконожку выдвинулось навстречу людям. Длинное членистое тело поддер-

живали несколько десятков пар тонких, но крепких, покрытых хитиновой броней ног. Столько же начитывалось и верхних конечностей, которые заканчивались зазубренными мощными клешнями. Воздух впереди обшаривали непрестанно шевелящиеся усы, а на голове на некоем подобии рогов горели два огромных фасеточных зеленых глаза. Вдобавок ко всему сколопендра хищно передвигала внушительными жвалами, а ростом чудище было повыше Конана и Майлдафа.

Вой меж тем не прекращался, он доносился откуда-то из глубин. Оттуда же тянуло серным запахом, и там же разгоралось зловещее темно-красное зарево.

Гнусная тварь подняла переднюю часть туловища, готовясь напасть, точно встающая на хвост змея. Но Тэн И не замедлил шага, он шел прямо на чудовище. Меч его был поднят и готов к смертельному удару.

— Это призрак! — раздался сзади голос Евсевия. — Насекомые не живут в пещерах! Смотрите!

Свистнула стрела, которая должна была продырявить сколопендре брюхо, но без звука и без толчка пролетела она сквозь фантом и исчезла во мраке. Кошмар рухнул вниз, прямо на меч подоспевшего кхитайца, и растаял. Даже магия Кулана не пригодилась.

— Неужели паки не нашли ничего пострашнее? — искренне удивился Конан. — Да окажись эта тварь настоящей, я бы не отступил, не говоря уж о призраке!

— Думаю, это лишь начало, — отозвался Кулан.

И действительно, стрела Евсевия будто бы разбудила что-то в глубине. Вой становился глуше и глуше и скоро перешел в низкий давящий рокот. В аккомпанемент ему зазвучал жуткий ритм чудовищного барабана, словно били по огромному древесному стволу, издающему особый звук, как делают племена южных джунглей для передачи сообщений на большие расстояния.

Красное пламя разгоралось. В лица пахнуло жаром, сажа и сера посыпались черным снегом, крупными хлопьями, а рокот стал столь низок, что слух едва мог

его уловить. Воздух задрожал, стены поплыли, как будто были таким же миражем, как и только что растаявшее чудище.

Пол закачался под ногами и куда-то пропал. Внизу разверзлась бездна, полная темного красного пламени. Рокот ушел за грань слуха, но не исчез, и ужас, порожденный этим неслышимым звуком, заполз в сердца.

Конан потерял из вида шедшего впереди Тэн И. Черное вращающееся колесо с острыми косами возникло впереди в ярко-красном огненном ореоле. Оно росло и приближалось, и вот уж не одно колесо, а пара таких колес мчалась на короля из невообразимой огненной дали.

Жар все усиливался, и удушье от падающей кругом серы добавлялось к нему. Катящиеся колеса соединились, над нею появился помост, все такой же черный. И огромный вороной ростом в десять раз больше Конана стал надвигаться на короля, поднимая гигантские копыта, каждое из которых могло втоптать в землю, если бы здесь была земля.

А управлял колесницей тот, чей ужасный лик мог бы описать разве невероятно талантливый и совершенно сумасшедший поэт. Черные полы плаща развевались языками гигантского черного пламени, огромные руки крепко держали поводья, и беззвучно взлетала и падала длинная плеть, которой хлестал он своего коня. Черный лик стоявшего на колеснице демона был злобен и недвижим, как маска зембабийского шамана. А там дальше из огня поднималось нечто и вовсе невообразимое!

«Чепуха какая! — возмутился Конан. — Мало я видел демонов? Да брат Зогара был стократ страшнее! Только вот куда подевался Тэн И и все остальные вместе с ним?»

И едва задал он себе этот вопрос, как сомнение закралось в душу. А ну как пикт оказался не прав, и паки способны вызвать из неведомых глубин, уходящих в подземный мир, такие создания, что и чернокнижник

Пелиас, будь он жив, ни за что не справился бы? Да и что может знать мальчишка про обитателей вечной тьмы? Куда ему бороться с Великим Канонем, против которого бессильна черная магия Сета? Заклятие просто сломало волю Кулана, и теперь...

Конь надвигался, как гора, и демон в маске с глазами, горящими красными угольями, хохотал низким неслышным смехом. Конан не боялся опасности, он слишком часто оказывался с ней лицом к лицу, чтобы испугаться теперь. Он вынул меч и занял оборонительную позицию.

И тут нечто древнее, дремавшее доселе незаметно в глубинах разума, пробудилось внезапно и, сбросив оковы, вошло в сознание. Конан ощутил, как в нем просыпается дикое и темное начало, властное и лишь отдаленно ощущаемое прежде, звероподобное и неодолимое. Он перестал быть хозяином себе, словно голос крови тысяч и тысяч его предков взял наконец верх над тем, что мнит себя хозяином человека, — умом, опыт которого насчитывает жалкие несколько десятков лет.

Преграды рухнули, и в своей душе король почувствовал бездны минувших эпох, из которых поднималась сила, перед коей мчащийся навстречу демон казался слабой тенью. Вместо того чтобы бежать или обороняться, человек сделал шаг вперед и сей же миг почувствовал, как стремительно увеличивается.

Невообразимая фигура мужчины ростом под огненные облака, обнаженного, ярко-медного цвета, прикрытого лишь пятнистой шкуркой, с огромным молотом в руках выросла перед черной колесницей. Конан остался там, где и стоял, но этот великан с растрепанной бородой, с косматыми волосами цвета догорающих углей, с тяжеленным каменным молотом в руках — это тоже был он, Конан Киммериец.

Взлетел молот, колесница не успела сбавить ход, и безмерная тяжесть гигантского оружия обрушилась на черного демона. Брызнул в стороны непроглядный мрак, как гнилой нарыв, рванулось к небесам багровое пла-

мя, повалил черный жирный дым, и порождение магии паков пропало, только огненно-медный великан с молотом громоподобно и победно смеялся, уперев в бока руки, бугрившиеся чудовищными мышцами.

Но бой не закончился! Красное зарево исторгло еще одно страшилище. В черной лохматой шерсти, на могучих когтистых лапах, с пастью, разинутой от земли до неба, с красным жадным языком и огромными острыми клыками, которые тоже были черны, — огромный волк спешил из тьмы, и черный хвост его, как у всякого волка, был поджат. Утробное глухое рычание вырывалось из бездонной, как черный колодец во владениях Нергала, пасти хищника. Волк был намного больше великана с молотом, он был крупнее всех возможных тварей и демонов, и одолеть его силой, поглотить, могла только его мать — предначальная тьма.

Но Конан не отступал. И вот медно-красный гигант, которым он только что был, исчез, уступив место иному созданию. Из огненных недр выкатывалось туловище огромного змея. Чешуя его была того же огненно-медного цвета с нестерпимо блестящими золотыми прожилками. Небольшая — так казалось снизу — трехугольная голова с раскрытой пастью, в которой трепетал узкий раздвоенный язык, с двумя загнутыми зубами поднялась к самым полыхающим тучам. Хлестнул, как бич, тяжелый хвост, и вот, свиваясь в кольца и катясь медленно вперед, огненная рептилия двинулась на волка.

Тот остановился пораженный. В красных глазах его, преисполненных жаждой убийства, вспыхнуло бешенство незнания. Прежде он убивал змей, но те были небольшими, пусть и ядовитыми. Бессильно извивались и шипели жалобно они под его лапами, а он рвал их на части, прежде чем они успевали пустить в ход свой яд.

Но Юхиббол знал о тварях телесных и бестелесных куда больше, чем маленький народ, загнанный под землю давным-давно, не помнивший ничего, кроме северных лесов, гор и болот.

Змей замер, устремив на волка взгляд бесстрастных немигающих глаз, а потом молниеносно ударил. Раздался жуткий предсмертный вой жертвы, взлетела кло-чьями шерсть, и вот медные кольца змеиного тела не-сокрушимыми обручами скрутили нечто черное, бесформенное и недвижимое. Царь древнего, дочелове-ческого мира выиграл бой.

На миг показалось, что безумная боль, не отпускав-шая голову из-за непрерывного низкого рокота и бара-банного ритма, боль, которая давила не только на мозг, но и на волю, стала отпускать. Красное зарево как будто побледнело, будто бы исчез нестерпимый жар, и вновь выступили из небытия каменные стены, но тут Великий Канон вытолкнул из своего чрева последнее чудовище, собрав все силы тех, кто его создал и кого он поработил.

То был Демон Глубин, Черный Огонь Смерти, о ко-тором рассказывал Евсевий. Струющаяся жаром чело-векоподобная фигура с руками-крыльями, лапами ги-гантского дракона и скрывающимся и меняющимся нечеловеческим ликом-зевом.

Огненный змей сделал все, что мог, и исчез. Конан остался один. Нужен был огонь, но у киммерийца в руках оставался один-единственный факел, которого было явно недостаточно.

«Как же такое могло случиться? — подумал ко-роль. — Выходит, Канон направил на меня порождение небытия, Черный Огонь Смерти. Но Канон не может иметь над ним власти. Паки могут знать его, но не в силах им управлять! Да и демон на колеснице, и волк — лишь призраки, и я не устоял перед чарами. Хорошо, что хоть кто-то освободил мой разум от оков, и порожд-ения моего бреда оказались ужаснее призраков Вели-кого Канона. О, Кром! Я вел войну с привидениями при помощи привидений, как трусливый колдун! Довольно! Хватит с него и одного факела!»

Конан подождал, пока видение приблизится и, при-звав на голову демона гнев Крома и злобного Имира, что

есть силы метнул горящее дерево. Черный Огонь осел и рухнул, как обрушиваются стены зданий при оползне. Гул барабанов и рокот прекратились мгновенно. Жар исчез. Красное пламя, запах серы, плывущие миражи — все сгинуло. Последнее злобное завывание сотрясло пе-щеры и пропало. Конан стоял на твердом полу пещеры. Впереди в тридцати шагах разгорался костер. Это начи-нал гореть мох от его упавшего факела. Не раздумывая, король бросился туда: теперь еще не хватало спалить самих себя заживо в пещере! В несколько прыжков Ко-нан добрался до факела, поднял его и поспешно затоп-тал нарождающееся пламя пожара.

Теперь можно было обернуться. У стены, присло-нясь к ней, бледный как мел, стоял Тэн И. Губы кхи-тайца вздрагивали, по лицу струился пот, он бормотал что-то на своем языке. Таким Тэн И Конан еще не видел. Но кхитаец был в сознании, просто пережитый кошмар не до конца отпустил его.

Сотник Умберто сидел на полу, обхватив голову руками. Голова болела и у Конана, низкие неслышные звуки сделали свое дело. Евсевий стоял, опершись на копье, поданное ему, очевидно, Арминием, и часто ды-шал, время от времени прикрывая ладонью глаза.

— Это было ослепительно! — повторял он снова и снова.

Арминий стоял рядом, положив тяжелую и грубую мозолистую руку Евсевию на плечо, как отец сыну.

— Ты крепкий парень, — сказал он. — Я и не думал, что книжечки могут быть солдатами. Правда, ты не умеешь как следует браниться, но я тебя научу!

У Аврелия, по-видимому, кружилась голова, потому что он опирался рукой о стену, обмениваясь короткими фразами с сидевшим подле него Септимием.

— Как же низок я в своих... — донесся до Конана обрывок разговора.

Один неунывающий Бриан Майлдаф, думалось, не испытал ничего дурного. Однако и его не минула чапа сия.

— Я и не знал, что банши такие красотки! Я думал, это облезлые костлявые старухи с гусиной кожей и признаками тления,— рассуждал он.— Оказывается, они здорово поют, и у них такие крепкие груди, как у наших молодых девчонок! Да и сами они...— Горец мечтательно поглядел в потолок.— Но руки! Это просто лед, а не руки! А какие на них когти! Хорошо, что великий Нуаду поделился со мной своим запасным мечом!

— И ты убивал женщин, подлец? — спросил у него Арминий.

— Нет, разумеется! — возмутился Майлдаф.— Боги тебя упаси подумать и сказать такое! Я всего лишь подстриг им ногти! Ну, а как только ногти оказались в руках Нуаду...

— И что? — продолжал допытываться Арминий.

— Ну он же колдун, хоть и бог,— пояснил Майлдаф.— Он коснулся их своим огненным мечом, они сгорели и...

— Кто? Эти твои бабенки? — опять не понял Арминий.

— Ни одна из них не успела стать моей,— с достоинством, но не без нотки огорчения ответил Майлдаф.— Не банши сгорели, а их ногти, то есть когти. А как только они сгорели, ведьмы завyli, как голодные псы, и унеслись прочь.

— Да, тебе просто повезло! А мне — нет. Мне показали какую-то пакость,— вздохнул ветеран.— Этот болотный хмырь Тухулка со своими гадюками на башке, волчьими ушами и совиным клювом, да еще с мерзкой козлиной бородой... Глаза б мои не глядели! Но это ладно. Вот нашему ученому чуть не выжгли глаза!

— Правда? — участливо поинтересовался горец.— Это как?

— Это была епитимья, наказание,— слабым голосом ответил Евсевий.— Пять лет назад я соблазнился ересью, утверждавшей, что солнце не есть один из ликов Митры и что истинный свет бога не виден

никому. Весь же свет мира дольного суть лишь недостойное искажение истинного света, плененного темной материей.

— Этого я никогда не пойму,— покачал головой Арминий.— В общем, ему явился этот самый истинный свет и чуть не ослепил совсем, а потом этот свет обернулся таким мраком, что хоть помирай на месте, так это было гнусно! Тогда он воззвал к Солнцу, и оно разогнало мрак. Примерно так, Евсевий?

— Да, Арминий, благодарю тебя,— кивнул ученый.— Глаза мои начинают видеть, слепота уходит.

— Вот и славно! — искренне обрадовался центурион.— А вот почтенный Тэн И отказывается рассказать хоть что-нибудь. Говорит, это так страшно и непотребно, что и вымолвить нельзя. Ну да ладно...

— А вот и король! — Майлдаф только сейчас приметил Конана.— Конан, а что показал этот пакостный... То есть паковский морок тебе?

— Ничего хорошего,— проворчал Конан, но все же поведал о своих злоключениях.

— Три испытания, государь? — Кажется, раскосые глаза кхитайца округлились.— Три испытания! Мы все прошли лишь через одно!

— Ты говорил об огненно-медном великане с молотом из камня, о царственный? — пришел в себя Евсевий.

— Ну да, в шкуре и с бородой,— кивнул Конан.

— Да это ж был сам Кром! Разве ты... Разве царственный не догадался?

Конан стоял точно громом оглушенный.

— Великий Кром! — непривычно тихо проговорил он и подумал: «Жаль, об этом не знают в Киммерии!».

— А что видели Септимий и Аврелий? — полюбопытствовал король.

— Я бился с крокодилом,— ответил Септимий.— Есть такой водяной зверь в южных болотистых джунглях.

— Знаю,— кивнул Конан.— Премерзкая бестия!

— Я познакомился с этими тварями во время одного из путешествий. По незнанию мы осквернили святилище крокодила в одной из деревень, и колдун — они там почитают крокодила как бога — проклял нас. Я почти забыл об этом, но сегодня проклятие будто восстало во плоти и преследовало меня в образе сего чудовищного зверя.

— И чем ты одолел его? Мечом? — У Конана проснулся профессиональный интерес.

— Мечом! — саркастически воскликнул Септимий. — Если бы мечом можно было пронять броню этой гадины! Я вспомнил заклинание, слышанное там же, в Зембабве. Я уж думал, что и не запомнил его тогда, но нет! Едва я произнес его, тварь стала смирной, как собачонка, и я развлекался катанием на ней!

— На крокодиле?! — изумился Конан.

— Ну да! Бред, но сколь ослепительный! — нервно рассмеялся Септимий. — А потом все исчезло. Собственно, все мы сражались с призраками, и только Аврелию явилось искушение.

— Это так, друг Аврелий? — взволнованно обратился к племяннику Коннахта Евсевий. — Мне ведь тоже было воздано за мои помыслы об отступничестве.

— Да, — кивнул Аврелий. — Это так.

— И что же сие было? Скажи нам, и душа твоя обретет спокойствие и мир. Ты превозмог искушение?

— Да. Это было искушение плоти.

— Женщина? — предположил Евсевий. — Ты давал обет жреца Митры?

— Нет, — отрицательно покачал головой Аврелий. — Много хуже. Это был соблазн кровосмесительного греха.

— Как?! — поразился Евсевий. — Неужели графиня Этайн?

— Да, то была сестра. Не ведаю, мне ли одному являлись прежде подобные помыслы или нам обоим, но тем не менее... — беспомощно развел руками Авре-

лий. — Я устоял, но это свидетельство моих больших прегрешений.

— Я видел немало племен, где кровосмешение не считается зазорным, — пожал плечами Конан. — Хотя они, конечно, варвары, даже по сравнению с нами, киммерийцами, — усмехнулся он.

— Некогда во многих странах кровосмесительный брак был привилегией монархов, — добавил Септимий. — Но дело не в этом. Аврелий устоял перед искушением. Канон не смог одолеть никого из нас.

— А Кулан? — только сейчас спохватился Конан. — Где колдун? Почему я его не вижу здесь?

— А он пошел куда-то вперед, с духами беседовать, наверно, — безмятежно объяснил Майлдаф.

— Что?! — взревел король. Не тратя времени на бранные слова — он еще успеет их высказать, — Конан ринулся вперед по пещере.

Пробежав локтей двести или триста, благо грунт был ровный, король влетел в еще одну круглую залу. На полу сидел живой и здоровый Кулан. Перед ним пылал огонь костра, разведенного, впрочем, весьма нетрадиционным способом: огонь оплетал рисунок, выложенный мхом и щепками в круге, где мох был вырван.

— Да это же знак Юхиббола! — вырвалось у Конана. — И ты решился его начертить?

— Да, огнем, — улыбнулся пикт и посмотрел на короля озорным и торжествующим взглядом. — Я ведь жрец Юхиббола, мне можно!

— Зачем? — не понял Конан. — Разве нас преследовали звери?

— Нет! — помотал головой пикт. — Канон брал пугающие нас образы из тайных глубин нашего разума или из нашей больной совести. Но сам Канон — это такой большой зверь. Я уяснил это, когда он настиг нас.

— Тебе тоже явилось что-нибудь? — поинтересовался король.

— Да, и это было очень неприятно, — ответил юноша. — Ко мне приходил Зогар Саг.

— Кто?! Этот демон из пущи?

— Да, это был он. Он ругал меня за то, что служу тебе, и говорил, что теперь я сделался великим колдуном и должен заняться черной магией, иначе меня убьют черные колдуны. Я ответил, что и вне черной магии есть много нераскрытого, и он был вынужден согласиться со мной. Тогда я спросил, есть ли средство победить Канон без черной магии, так чтобы он не просто оставил нас, но рухнул навеки.

— И что? Он ответил? — Конан ждал, затаив дыхание.

— Да. Он сказал, что это совсем не сложно. Надо начертить знак Юхиббола, но не просто так, а огнем. Это подчинит Канон и одновременно освободит зверя в нас. Мы попрощались, и я сделал, как он сказал. Тут же раздался вой, очень страшный и тоскливый...

— Я слышал его, — нетерпеливо кивнул Конан. — Ты можешь поручиться, что старый чернокнижник, да еще покойник, не обманул тебя?

— Уверен, — опять улыбнулся Кулан. — Это ведь не мог быть сам Зогар, он уже давно мертв. Это был образ Зогара, который я сохранил в себе, не более. Канон рухнул, и теперь паки свободны. И беззащитны, — добавил Кулан. — Но теперь я не знаю, где они, потому что не чувствую их колдовства — оно развеяно мною. Зато посмотри, как горит камень в перстне! Мы близки к цели!

Кулан поднял вверх руку. Зеленый камень не просто светился, он переливался всеми оттенками зеленого.

— Он даже стал немного теплее! Попробуй!

Конан дотронулся до камня. И правда, зеленый самоцвет был гораздо теплее обычного.

— Беззащитны?! — усмехнулся Конан, имея в виду паков. — Луки-то у них остались...

Внезапно он чуть ли не кожей ощутил, что из темноты двух ходов, которые вели из зала, за ними наблюдают.

Глава восьмая ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОНАН!

Быстро! — рявкнул Конан и, схватив за руку не успевшего ничего сообразить пикта, потащил его в туннель, из которого они недавно вышли.

Едва успели они вбежать туда, как о стену ударилась первая стрела.

— Падай! — гаркнул киммериец и толкнул юношу на землю, к стене, а сам кинулся к противоположной.

К счастью, Кулан упал за очутившийся здесь как нельзя кстати приличных размеров камень, надежно закрывший пикта от стрел.

— Лежи и не смей высовываться! — приказал король. — Здесь вся твоя магия не стоит и глотка воды! Здесь нужны Майлдаф с Евсеем и их луки!

Хорошо, что между ними и паками, которые сами не показывались пока из темноты пещер, еще пылал костер — знак Юхиббола Сага. Огонь был весьма яркий, и гореть ему оставалось еще с четверть часа. Свет пламени мешал Конану увидеть врагов, но и пакам не позволял рассмотреть, где спрятались люди, хотя жители подземелья обладали несомненным преимуществом: их глаза куда лучше были приспособлены к темноте и скудному красноватому свету костров и факелов.

Тем не менее бежать по коридору обратно было бы безумием. Паки отлично стреляли на звук, и испытать это их замечательное умение на своей собственной шкуре

король Аквилонии не жаждал. Надо было звать на помощь, хотя голос тотчас выдал бы, где укрылся Конан. Король набрал полные легкие воздуха и заорал что есть силы, обращаясь назад:

— Евсевий! Паки! Сюда!

И тут же по-кошачьи мягко с кувырком перекатился с того места, где лежал, на несколько локтей назад. Туда, где только что находилась его голова, ударили сразу две стрелы, а третья прошла в паре ладоней над плечом.

«Скорее бы! — подумал король. — Пока нас не утыкали стрелами!»

Конечно, можно было броситься вперед и опеломить паков внезапной атакой. От трех-четырех стрел Конан уклонился бы или отбил бы их мечом без большого труда, а если стрел окажется слишком много? Или карлики успеют дать второй залп? Или их будет больше, чем полтора десятка? Словом, нашлось чересчур много всяких каверзных «если». Конан предпочел подождать.

— Мы слышим тебя, государи! — донеслось из коридора.

Отвечал Тэн И. Звук казался близким, но Конан-то знал, что это только бегом сюда можно примчаться за считанные мгновения, а если красться осторожно, то понадобится гораздо, гораздо больше времени!

Между тем паки, по всей видимости, догадались, что врагов поблизости лишь двое, и перешли в наступление. В освещенный круг неожиданно выскочил первый обитатель подземелья. Он был чуть более двух локтей ростом, худой, как Тэн И, одет в штаны и рубаху из какой-то грубой, явно растительного происхождения ткани. По подолу и вороту рубахи шла простая вышивка из треугольников и спиралей.

Лицо пака действительно походило на лица кхитайцев: плоское, с высоким лбом, тонкими губами, пергаментной с желтоватым оттенком кожей, обесцвеченной за столетия жизни без солнца. Однако нос у пака был

прямой, а не приплюснутый, и, конечно, выделялись глаза: огромные, миндалевидные, почему-то на редкость отталкивающе неприятные. Наверное, так некоторые люди считают омерзительными глаза рептилий или насекомых.

Пак был бос. Волосы его, желтые, как у Майлдафа, и длинные, были собраны на затылке в пучок, из которого еще был выпущен хвост. Пучок к тому же был проткнут стрелой. В руках пак держал лук величиной в рост самого карлика, а у пояса его висел колчан со стрелами. Из-за плеча выглядывал еще один колчан, в котором находились стрелы с оперением иной окраски.

Пак осмотрелся и выдернул стрелу из того колчана, что за спиной. Пришла пора Конану удивиться по-настоящему: у стрелы был железный наконечник, а ведь ни о каких кузницах паков легенда даже не упоминала!

«Они вооружили паков...» — вспомнил Конан слова Коннахта Мабидана, произнесенные в замке. Уж не обработке ли железа обучили слугители Илу этих людей, когда в подземном монастыре шла война за власть?

Так или иначе, пак, приладив на тетиву эту стрелу, крадучись, двинулся внутрь прохода, где затаились Конан и Кулан. Он еще не успел обойти догорающий костер настолько, чтобы источник света оказался у него за спиной.

«Если он сделает это, — рассудил Конан, — то немедленно увидит нас. А от стрелы в упор с железным жалом кольчуга не спасет».

Хорошо еще, что Кулан развел костер у самого входа в зал, поэтому, когда пак обойдет наконец огонь, его и Конана будут разделять едва-едва восемь локтей. Король решил рискнуть, если Евсевий и Майлдаф с их мощными дальнобойными луками и Тэн И с его арбалетом не успеют раньше. А они, скорее всего, не успевали: пока извлекут луки, пока подкрадутся, пока

организуют прикрытие сзади... Кто поручится, что паки не обойдут их по подземным коридорам с тыла?

Между тем лучник, убедившись, что стрела из темноты ему не грозит, сделал-таки шаг, позволивший ему обойти костер и увидеть, что происходит в туннеле. Его темный силуэт возник на фоне огня — и Конан метнулся вперед. Удар меча был молниеносным, как бросок вендийский кобры, и киммериец немедленно отпрянул назад, вновь переменяя место.

Град стрел засыпал проход, но Кулана надежно закрывал камень, и паки его не видели и не слышали, а Конан, отчасти из-за удачно совершенного маневра, а в остальном благодаря чистому везению, тоже не был задет. Он с удовольствием увидел, что пак лежит неподвижно. Темное пятно быстро расплывалось на его рубахе: меч Конана проткнул карлику живот.

А стрелы летели и летели, пусть реже, чем при первом залпе, но достаточно густо, чтобы зацепить людей. Костер в зале стал гаснуть, что было на руку только желтолицым: в темноте они ориентировались, как змеи, и хоть горец кичился, что стреляет на слух без промаха на сто шагов, но...

Паки не стали ждать полной темноты. Понадеявшись на то, что их больше, они устремились вперед. Конан приготовился драться в окружении, при этом сидя на корточках, чтобы стрельцы из задних рядов не смогли достать его через головы своих товарищей, но тут послышались знакомые и очень приятные в такое мгновение звуки: щелчок арбалета и гудение. Гудящие стрелы были у Евсевия — он привез их из Гиркании. Тамошним кочевникам они служили для того, чтобы весь отряд лучников стрелял незамедлительно и дружно в направлении, указанном звучащей стрелой. В темноте пещер такие стрелы тоже пришлись как нельзя кстати.

Трое паков упали, а за ними еще трое и еще... Но костер угасал, и необходимо было осветить поле боя. И лучше бы прорваться вперед, найти подходящее укры-

тие, ведь должны же были паки построить хоть какие-то укрепления! Почувствовав, что такой вал метких стрел им не преодолеть, паки отступили из зала обратно в туннели.

— Факел! — потребовал Конан.

Подползший сзади Арминий вложил факел в руку короля.

— Не слишком ли опасно зажигать огонь? — прошептал он.

— Огонь будет не здесь, — пообещал Конан. — Подходите сюда и стреляйте в проходы! — приказал он лучникам, к которым присоединился Аврелий.

Когда приказание было выполнено, Конан стремительно рванулся вперед, к умирающему костру. Факел вспыхнул мгновенно, и король бросил его дальше вперед, туда, где расходились два туннеля. Сухой мох загорелся немедленно, и вот уже новый костер осветил чертог.

— Перстень! — Конан протянул руку к Кулану.

Тот, не спрашивая ни о чем, содрал с пальца перстень и отдал его королю. У левого входа свет так и брызнул из камня. Конан до времени спрятал перстень в мешочек на поясе.

— Стреляйте сюда несколько раз, но не ниже, чем на локоть от земли! — предупредил Конан, лег на мох и пополз вперед.

Все поняли его замысел. Иного способа, чем молниеносная атака, штурм, чтобы прорваться как можно дальше вперед, покуда паки не пришли в себя, у людей не было.

Арминий пополз вслед за королем, а четверо лучников, быстро перебегая от выступа к выступу, от укрытия к укрытию, осыпали туннель стрелами. Паки, давно уже не воевавшие, отступали под натиском маленькой, но дисциплинированной и умелой армии. Конана и Арминия прикрывали надежно, а вслед за ними тем же способом отправился Умберто. Септимий и Кулан следили за тем, чтобы отряд не атаковали сзади,

и перетаскивали поклажу. Иногда им помогал Аврелий, оставляя на некоторое время лук. Через некоторое время стало ясно, что паки попросту удирают, лишь иногда вяло отстреливаясь. Конан, Арминий и Умберто могли теперь подняться в полный рост. Началась погоня!

Цель, преследуемая Конаном, была понятна: не дать пакам, если, конечно, они встретились с небольшим дозорным отрядом, добраться до основного поселения подземных жителей и донести о случившемся, а напротив, ворваться туда самим, преследуя врага или уничтожив его. А потом, пользуясь паникой, которая непременно поднимется в отсутствие Великого Канона, побыстрее выйти к храмам служителей под Седой. А уж там... «Десять человек иногда сделают больше, чем целая армия, если их специально этому учили» — так или примерно так говорил Морадин, когда они пробирались по разгромленному кхитайцами дому Радбуша в Султанапуре.

К великой радости киммерийца, темные коридоры кончились и начались обитаемые пещеры. Перед людьми открылся освещенный зал, залитый все тем же голубоватым свечением, знакомым по погребению Диармайда О-Дуйна. Здесь преимущество было уже на стороне преследователей. Майлдаф, Тэн И, Аврелий и Евсевий били из темноты на свет, и паки были у них как на ладони. Десятка два карликов, должно быть, даже удивились, когда по ним вдруг перестали стрелять, а из коридора внезапно выскочили трое высоких вооруженных до зубов воинов. Мечи у паков были, но что могли противопоставить эти короткие, едва в локоть, клинки боевым мечам людей и рапире? В единственный выход, который вел из этого зала, не ушел ни один пак.

— Теперь дальше, и побыстрее, пока они не очухались! — И Конан вновь устремился в туннель.

Отряд еле-еле поспевал за королем. Коридоры здесь освещались факелами или голубыми камнями, но всю-

ду было пусто. Конан видел разные предметы обихода, ткани, утварь, ясли для овец и водоемы, где, наверно, паки разводили рыбу. Но все было будто бы в одночасье брошено, при этом совсем недавно. В одном из гротов еще шипел, сгорая в очаге, мох.

Кулан оказался прав. То ли Великий Канон пал, то ли у паков наступил час их сборища, то ли случилось и то, и другое сразу, поэтому никто не удивился, когда за очередным поворотом они выскочили в галерею, сравниться с которой могли только пещеры, где стучалось в пустынные берега подземное озеро.

Это была огромная площадь для собраний. В центре ее возвышалась скала, на которой собралась группа из десяти карликов в белых одеждах, похожих на тогу Евсевия. Возглавлял действо пак ростом чуть повыше обычного — около трех локтей.

Пол пещеры образовывал своего рода чашу, плавно поднимаясь у стен, так что самые дальние ряды человечков находились на высоте почти вровень со скалой, что создавало эффект близости. В покато полу были вырублены ступени и скамьи, так что пространство пещеры использовалось полностью. Во все стороны отсюда уходили коридоры, как крысиные норы, и во всех толпились паки. Нечего и говорить, что вся площадь так и кишела ими, они чуть ли не с потолка свисали.

Впечатление создалось такое, будто Конан попал в один из кхитайских городов, где не то случились именины императора, не то вот-вот должна была состояться публичная казнь, до коего зрелища все кхитайские (да и не кхитайские тоже) зеваки были весьма охочи. Вся пещера была желтая, как речной песок, от этих бесчисленных узких лиц и голубая от сияния диковинных камней. И отовсюду таращились глаза — большие, черные, миндалевидные и очень неприятные.

Конан, Умберто и Арминий проникли в пещеру через самый, пожалуй, широкий выход и очутились на возвышении, спускавшемся вниз ступенями. Площадка

эта была размером десять на шесть локтей, а дальше на ступенях и справа, и слева, и впереди колыхалось «людское» море.

Едва в пещере показались люди, гвалт, поднятый безумным сборищем, мгновенно утих. Тысячи или даже десятки тысяч огромных мерзостных глаз уставились на воинов. Драться с таким количеством паков было самоубийством, хотя Умберто, Арминий и Конан без труда могли закрыть туннель и противостоять довольно долго даже самой лучшей регулярной армии верхнего мира.

Но что было делать дальше? Четверо стрелков надежно прикрыли бы мечников, но ненадолго. Их запас стрел быстро иссяк бы, а у паков имелся нескончаемый резерв. Но паки уже заметили их, и прятаться снова в пещере было бы глупо. Искушенные в подземной войне нелюди быстро обложили бы маленький отряд и взяли бы его измором.

Оставалось одно: воспользоваться шансом и истребить всех главарей подземной расы, собравшихся, очевидно, на этой самой скале посредине, утыкать их стрелами, а потом, используя замешательство, прорубиться через зал. Эти десятеро, скорее всего, были жрецами, пытавшимися возродить рухнувший Канон или успокоить растерянный народ.

— Бриан! Евсевий! Стреляйте по этим! — Конан махнул рукой в сторону скалы.

Уже вбежавшие в зал Майлдаф и аквилонец дали залп. Двое карликов в белом рухнули как подкошенные, но главный — высокий, с рыжими патлами, завязанными на затылке лентой и собранными в хвост, остался цел. Он повернулся к людям и, злобно глядя на них, поднял обе руки. Следующие две стрелы были нацелены прямо ему в грудь, но, не пролетев и половины пути, они словно увязли в воздухе и бессильно упали вниз.

— Проклятие! Колдун! — прорычал Конан.

Тем временем некоторые паки опомнились, а у многих здесь были при себе луки. Понимая, что сейчас

на них будут нацелены сотни стрел, Конан скомандовал:

— Назад, в коридор!

Еще одна стрела, выпущенная мастером быстрой стрельбы, Евсевием, исчезла в вопящей толпе, натолкнувшись на невидимое препятствие. А в следующие мгновения произошли сразу два события.

Паки дали разрозненный залп. Конан, Арминий и Майлдаф успели отступить под защиту каменных стен, и стрелы не задели их. Евсевия спасла пластинчатая броня, к тому же он стоял не посредине туннеля, а сбоку, и лишь немногие стрелы на излете коснулись его. При этом паки, повинувшись давнему безотчетному инстинкту, целились преимущественно по высоте своего роста, на два-три локтя от земли, и высокому Евсевию все стрелы, среди которых нашлись и те, что были с железными наконечниками, попали в доспех.

А вот сотник Умберто скрыться не успел, и стрелы там, где он стоял, легли гуще. Кираса отразила большинство из них, но не все. Острые железные наконечники продырявили сталь, а стрелы, летевшие в голову, остановить и вовсе было нечем: надеть шлем Умберто не успел. В пронзенной кирасе, со стрелами, торчавшими из шеи и головы, сотник упал, обливаясь кровью, и рапира со звоном выкатилась из мертвой руки.

И тут же на площадку выскочил Тэн И. На пальце у него горел перстень. Конан в горячке преследования успел передать их путеводную звезду аккуратному кхитайцу. Зачем рассудительный обычно Тэн И сунулся вперед, не смог потом объяснить и он сам.

— Скорее всего, я думал, что арбалетный болт пробьет колдовскую завесу, — говорил кхитаец неуверенно.

Так или иначе, но появление Тэн И произвело среди паков настоящий фурор. Они заорали так, что даже птичий базар на нордхеймском побережье не наделал бы столько шума. Тысячи воздетых желтых рук указывали на Тэн И.

Как ни увлечен был Конан сражением, а что-то позабавило его в этом зрелище. Желтокожий, худенький, невысокий, с мелкими тонкими чертами лица Тэн И и такие же, только еще меньше, паки, толкавшиеся внизу, да еще и одетые почти так же: в прочные холщовые штаны, рубахи и кожаные дорожные сандалии. И лишь двумя чертами они разнились. Черные блестящие волосы Тэн И были коротко и аккуратно подстрижены, а желтые и рыжие гривы паков были отпущены чуть не до пояса. И, конечно, разными были глаза: доброжелательные узкие глаза кхитайца и огромные нечеловеческие миндалины подземных жителей.

Неизвестно, что именно вызвало такое возбуждение: или сам вид Тэн И, или его наружность, зеленый ли перстень на его пальце, горящий так, что видно было чуть не тысячу локтей, или все это вместе, или что-то еще, но паки разделились на два лагеря. Одни, очевидно, восприняли появление Тэн И как пришествие живого бога, готовы были пасть пред ним на колени и истово молиться об отпущении грехов. Другие — их было явное меньшинство — пытались, бушуя и кипя яростью, поскорее застрелить кхитайца из луков. Но им мешали их же собратья.

Подавляющее же большинство карликов и вовсе ничего не могло понять, и явно не знало, что им теперь делать, а лишь рассеянно озиралось и крутилось на месте. В пещере началась свалка.

Самым замечательным было то, что и в рядах высшего духовенства паков не виделось и следа согласия. Самый маленький и толстый жрец, поднатужившись, подпрыгнул и повис на руке у колдуна, отведя ее вниз. В коротышку сейчас же вцепился другой жрец, пытаясь оторвать его от главного, но малыш усердно отпихивался ногами. Двое престарелых паков — их волосы уже поседели — ожесточенно тузили друг друга, каким-то чудом не срываясь с довольно узкой площадки на скале. Еще один жрец, помоложе, пронес под одеждой оружие, и его противнику, зрелому мужу, который был

на пару ладоней шире молодого пака в плечах, приходилось худо: он едва сдерживал руку молодого, в которой тот сжимал кривой нож. При этом все жрецы отчаянно переругивались между собой, но выкрики их тонули в общем шуме.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но Конан и Тэн И мгновенно оценили всю выгоду ситуации. Не дожидаясь, какая из партий одолеет, не дожидаясь, пока какому-нибудь удачливому карлику удастся единственный, но смертельный выстрел, Тэн И разрядил арбалет. А Конан просто махнул рукой, давая знак Майлдафу и Евсевию.

Колдун, видимо, еще мог защищаться, поскольку стрела Тэн И, пусть и в двух локтях от колдуна, все же остановилась, но длинные стрелы из луков он задержать уже не мог. Сзади из темноты выступил Кулан, и взоры двух колдунов встретились. Наверно, пак был куда более сведущ в колдовстве, чем пиктский юноша, — по крайней мере, Кулан не останавливал стрелы в воздухе, и даже его наставник Зогар не отличался подобным умением, — но пак увидел среди людей маломальски достойного противника и отвлекся на него.

Это последнее и склонило окончательно чашу весов судьбы. Стрела Евсевия продырявила колдуну горло, а горец попал ему прямо в глаз. Пак упал замертво. В это же время молодой жрец извернулся-таки и воткнул нож в бок своему противнику. Тотчас старый пак, куда-то подевавший своего ровесника — очевидно, спихнул все же его со скалы, — вытянулся во весь свой рост и провозгласил нечто на непонятном языке, свистящем, как ветер в горных ущельях.

Воцарилась долгожданная тишина. Затем старик обернулся к людям, все еще в ожидании нацелившим на скалу свои стрелы, и, указывая на Тэн И, выкрикнул, вероятно, какое-то приветствие, а после упал на колени и склонил голову. То же повторила за ним вся пещера.

Глядя на несколько тысяч желтых затылков паков, Конан понял, что это только половина победы. Требо-

валось как-то объясниться с паками, а никакого иного языка, кроме языка жестов, в их распоряжении для этого не было. Даже если Тэн И приняли за бога или воскресшего праотца, не было уверенности, что через два слова его не разжалуют обратно, хотя бы потому, что он не знает языка своей паствы.

Момент настал решающий. На всякий случай Тэн И поднял вверх руку с перстнем, как бы возвещая нечто торжественное. Заметив это, седой жрец опять что-то крикнул, и паки замерли, коленопреклоненно ожидая вещей слов. Мгновения были выиграны, но дальнейшая игра в молчанку становилась и вовсе нежелательной.

— Может быть, нам следует сейчас исчезнуть, о царственный? — шепнул Евсевий. — По боковым коридорам мы все равно как-нибудь пройдем через пещеры паков к цели, а прежде чем остановить нас, теперь они трижды подумают.

— Нет, — отверг идею король. — Любой не подчинившийся сумасшедший с луком или фанатик-жрец непременно подстережет нас и не замедлит сделать все, чтобы нас уничтожить. Скорее, мы должны попытаться прошептывать через весь зал в благостном молчании, а заодно прихватить с собой этого седого как заложника.

— Король! — обратился к Конану Септимий. Голос ученого дрожал от волнения. — Дозволь, я попытаюсь поговорить с ними. Этот язык представляется мне знакомым.

Евсевий хотел что-то возразить, но Конан принял решение мгновенно:

— Иди!

Аквилонец вышел вперед и встал рядом с Тэн И.

— Сейчас я буду говорить, — тихо пояснил он. — А вы, почтенный Тэн И, только открывайте рот. Они будут думать, что я ваша говорящая голова.

И, вздохнув глубоко, Септимий начал речь. Перед собой он держал свиток, на который пунктуальный Аврелий скопировал для младшего Мабидана надписи в усыпальнице. Неизвестно когда, но Септимий уже

успел добавить кое-какие записи от себя. Говорил Септимий медленно, порой останавливаясь, но без запинки. Речь его свистела и шипела так же, как только что звучавшая речь жреца.

Ко всеобщему изумлению, паки слушали, и ни один из великого множества собравшихся не выказывал не то что возмущения, но даже непонимания.

— Что он говорит? — обратился Конан к Евсевию.

— Не имею понятия, о царственный, — откликнулся тот.

Тэн И старательно открывал рот, повинаясь ритму, в который укладывалась речь Септимия, пока тот не закончил. Выглядел Септимий таким уставшим, будто весь день таскал тяжелые камни на высокую гору, но остался доволен.

— Сейчас он произнесет ответную речь, — Септимий указал на старика пака. — Но она будет не для нас, а для них. — Он обвел широким жестом все собрание. — Я был голосом для Тэн И, а старец будет голосом для меня.

— Они что, глухие? — не понял Арминий.

— У них есть два языка, — пояснил Септимий. — На одном говорят жрецы, и я обращался к жрецам на нем, поэтому только жрецы меня и поняли. Но остальные, по крайней мере, слышали, как звучит этот язык, а потому речь моя не показалась им чуждой, хотя они не уразумели ни слова. Меж собой они говорят на своем древнем языке, о коем я понятия не имею.

— Так что это за язык и почему он знаком тебе? — В Евсевии заговорил ученый. — Мне прежде не доводилось слышать такого.

— Это язык одного древнего гиперборейского племени, — объяснил Септимий. — Племени этого давно уже нет, но некогда оно главенствовало на севере. Знаки, начертанные на стенах усыпальницы, имеют тот же ключ, что и письма, которые я нашел три года назад в скалах близ северного берега моря Вилайет. Они лишь немного изменены, а звуки, кои они обозначают, остались прежними. Я рискнул, и вот — удача!

— Теперь ясно, откуда взяли паки свое колдовство, — процедил Конан. О колдунах Гипербореи он тоже с некоторых пор думал не очень хорошо. — Не наговорил бы он своим людишкам лишнего, — кивнул Конан на пака, то шипевшего змеем, то щебетавшего, как птаха.

— А что ты наплел ему? — решил узнать Арминий.

— Я понял, что господина Тэн И они приняли за какого-то своего древнего героя, который похитил у Белых Колдунов зеленый камень, путешествовал далеко на север, не убоившись покинуть пещеры, потом вернулся, основал Великий Канон и в конце концов куда-то исчез вместе с камнем, пообещав, как водится, вернуться опять. Я и объявил, что их великий герой — имя его я просто не могу произнести, для этого надо быть паком — вернулся и желает теперь помирить паков с людьми Верхнего мира, но прежде он должен победить Белых Колдунов.

— А это еще кто такие? — поинтересовался Кулан. — Гиперборейцы?

— Если бы! — воскликнул Септимий. — Тогда бы мы сейчас спокойно могли уйти отсюда и отправляться по домам! Белые Колдуны — те, кто сидит в горе и командует черным драконом. Великий Канон пал, жрецы это признают, и у них теперь нет никакой защиты, кроме стрел и осколков гиперборейских заклинаний, главного знатока коих мы только что благополучно убили.

— Мы забыли об Умберто, король, — напомнил Аврелий.

— Я никогда не забываю о друзьях, — жестко ответил Конан. — Но я предпочитаю прежде позаботиться о живых друзьях. Умберто будут возданы все заслуженные им почести.

В это время старый пак закончил свою речь со скалы, и живое желтое море ответило ему приветственным ревом. Жрец сошел со своего подиума и направился к людям. Паки расступались перед ним, давая дорогу. Убитых в свалке уже куда-то утащили. Слова

Кулана о муравейнике подтверждались, дисциплина здесь была железная.

— Нам надо отдохнуть и похоронить Умберто, а заодно пусть покажут дорогу. Ну, и... поспособствуют, что ли, — напутствовал Конан Септимия, которому снова предстоял нелегкий труд переводчика.

Паки оказались народом куда более культурным, чем представлялось. Даже Майлдаф, с детства наслушавшийся о них кошмарных рассказов, коим, впрочем, не слишком верил, нашел, что с ними можно иметь дело. Но вот их глаза!..

Эти глаза, что и говорить, отталкивали людей издревле, а в сочетании с необычными ритуалами паков служили столь серьезным основанием для неприязни, что пару тысячелетий назад сыграли роковую роль. При столкновении с древними горцами и киммерийцами паки были вытеснены в необитаемые горы и пещеры.

...Умберто похоронили здесь же, под скалой жрецов. У сотника не было ни родственников, ни жены. Дети, вероятно, где-то имелись, но brave сотник ни с кем не обсуждал этот щекотливый вопрос, поэтому прийти на могилу было некому.

Саму могилу людям рыть не пришлось. Седовласому жрецу стоило свистнуть, как целый рой карликов с кирками и заступами слетелся под скалу. Через час все было готово. Умберто был митраистом, хотя обязанности прихожанина исполнял из рук вон плохо, но Евсевий, Аврелий и Тэн И соблюли все необходимые процедуры. Паки-каменотесы даже воздвигли над могилой тяжелую мраморную плиту и под руководством Евсевия и Септимия высекли на ней эпитафию, тут же сложенную Евсеем: «Он был доблестным рыцарем, и потому оплакан теми, кем был убит». Соответствовало ли сие действительности, неизвестно, но паки-жрецы имели вид вполне покаянный и скорбный.

Жили паки тем, что разводили овец, а также выращивали в искусственных прудах слепую, но крупную и вкусную подземную рыбу и собирали особый съедоб-

ный пещерный лишайник. У них были примитивные ткацкие станки и кузницы, руду они добывали в горных штольнях.

На ночлег людей устроили в традиционной для жилищ паков круглой камере, разгороженной на две половины занавесками. Впрочем, спать Конану, Тэн И и Септимию почти не пришлось. Кхитаец был объявлен живым богом, и, если бы не муравьиный порядок паков, его бы давно растащили по кусочкам. Каждый пак норовил потрогать хоть край одежды Тэн И, а уж взглянуть на него стало просто делом чести. Так и пришлось ему терпеливо сидеть у костра, благословляя кивком головы и легким прикосновением каждого, кого жрецы подпускали к нему. Конан был представлен жрецам как великий вождь и полководец Верхнего мира. Белая, хоть и загорелая под всеми солнцами Хайбории кожа и синие глаза короля, а также внушительные пропорции его тела, видимо, сильно напомнили жрецам рассказы предков об учителях-гиперборейцах, и Конана немедленно зауважали.

Септимий переводил без устали.

Вести какие-либо дипломатические переговоры у короля не было ни малейшей охоты. Зеленый огонь перстня на пальце у Тэн И свидетельствовал, что ворота в тайну, сколь бы мрачной она ни была, где-то совсем близко. Но коль скоро колония паков обосновалась на территории королевства Аквилонского, король поспешил заверить жрецов, что люди Верхнего мира не тронут пальцем ни одного пака, если паки перестанут воровать у них скот и похищать женщин для принесения в жертву. А еще Конан обещал пакам земли в горах выше их священной долины, пусть пасут овец на здоровье. Но все это не раньше, чем великий герой и люди Верхнего мира, пришедшие с ним, разберутся с Белыми Колдунами. Вот об этих последних Конан и хотел бы знать побольше.

Как поведал жрец, Белые Колдуны жили в глубинах горы всегда. Они пришли сюда гораздо раньше, чем паки.

Они построили в пещерах неприступную твердыню, которую охраняли могучие войны, поставили железные ворота, некоторые туннели затопили водой, устроили всякие хитрые механизмы-ловушки и выпустили в большие пещеры Черную Тень, которая бесшумно летала и была неуязвима. Тень имела длинную шею, зубастую пасть и когти. Понятно, что речь шла о драконе.

Иногда к Белым Колдунам приходили еще люди, если, конечно, у пришедших доставало сил пробиться сквозь владения паков. Но таких пришествий не случалось уже очень давно.

Лет восемьсот назад у Белых Колдунов случилась вражда. Под землей началась война, и однажды Белые Колдуны обратились к пакам, с которыми прежде и знаться не желали. Они научили паков ковать железо, а взамен попросили их никого не выпускать из горы на поверхность, обещая больше не убивать паков и не посягать на их подземные владения. Любого, кто бы ни забрел к пакам сверху, разрешалось убивать, приносить в жертву и вообще делать с ним все, что заблагорассудится. Таковы были условия Белых Колдунов, и паки приняли их, потому что за спинами послов пряталась в пещере Черная Тень и не согласиться было бы самоубийственно.

Но Белые Колдуны недооценили паков. Получив железное оружие, те не только перебили всех, кто попытался покинуть гору, но и отбросили наверху горцев, время от времени проявлявших активность и наносивших пакам чувствительный урон.

А потом объявился и великий герой, который, используя свое незаурядное умение владеть всеми видами оружия и мощь зеленого камня-талисмана, подаренного Белыми Колдунами в качестве символа мира, сумел добраться до Гиперборей, после возвращения совершив славнейшие и выдающиеся деяния, о коих Септимий уже поведал.

Так и текла с тех пор подземная жизнь маленького народа до сегодняшнего дня, пока аквилонский король

не сделал то, чего не смогли сделать его предшественники. Что ж, паки обрели теперь ту свободу, о которой упомянул вскользь в замке Коннахт Мабидан. Им и надо-то было совсем немного! Но теперь сюзерен был обязан защитить их от опасности, от которой прежде ограждал их Великий Канон — от Белых Колдунов. Поневоле Конану пришлось обещать и это.

— Спроси их, что они знают о Белой Деве Горы, — напоследок велел Конан Септимию.

Тот перевел вопрос.

Морщинистое лицо жреца озарилось улыбкой. О да, время от времени — раз в пятьдесят лет, не чаще — красивую женщину из Верхнего мира, одетую в белое, видели в пещерах. Она всегда появлялась там, где кто-то попадал в беду: запутывался в подземных коридорах или подвергался нападению Духа Глубин. Она приходила и спасала гибнущего, выводя его обратно или преграждая дорогу подземному ужасу. Ничего больше об этой удивительной женщине жрец рассказать не мог, сам же он никогда ее не видел.

Что касается Духа Глубин, то он представлял собою нечто непонятное и пугающее, возникая внезапно из темных колодцев и пещер, уходящих вглубь горы, и убивая без разбора и жалости. И даже Великий Канон не всегда мог справиться с этим духом.

После того как возвратившийся великий герой и люди Верхнего мира отдохнут, жрец обещал показать им дорогу к пещерам Белых Колдунов, но помочь воинами наотрез отказался. Даже если бы он приказал, ни один пак не пошел бы в нижние пещеры, так сильно боялись они Черной Тени.

Об этом, правда, Конан не очень сокрушался. Победа над Белыми Колдунами должна быть одержана не стрелами маленьких паков, а расчетливым риском и колдовством, и, может быть, наукой, чью истинную силу Конан увидел в последние дни.

После короткого сна, который мало освежил, — Конан не доверял пакам и ждал коварного нападения, —

жрецы повели их подземными коридорами внутрь гор. Пещеры сменялись туннелями, туннели залами, из залов опять расходились туннели...

Наконец отряд оказался в полутемной пещере, завершавшейся тупиком. Здесь проходила граница владений паков. Отряд воинов постоянно дежурил здесь, охраняя неизвестно что.

Жрец напарил в стене определенный выступ, на что-то нажал, за что-то потянул. Раздался страшный скрежет и скрип — песня ржавого железа. Массивный каменный блок, обросший мхом и покрытый плесенью, отодвинулся в сторону, открыв небольшую темную камеру. Конан понял, что некогда здесь легендарный тысяцкий Люций, дальний предок Евсевия Цимисхия, и его солдат, впоследствии глава одного из храмов Митры, ожидали своей участи.

В углу камеры открылся неширокий лаз, уходящий в темноту. Факел внизу не горел. Арминий опустил в проем светящийся голубой камень, привязанный к веревке. Центурион, несмотря на предостережение, припас все же горстку этих камней на случай, когда кончатся факелы.

Голубой огонь осветил ровные обтесанные стены, пол на глубине восьми локтей и укрепленное в стене железное кольцо для факела. Легенда не обманула. Впереди лежал путь к подземной твердыне служителей Илу.

Единственное, о чем удалось напоследок упросить жрецов, это оставить выход открытым на случай, если великий герой возжелает воспользоваться им при победном возвращении.

— Если вместо нас сюда явятся Белые Колдуны, вы всегда успеете захлопнуть дверь перед их носом, — увещевал жрецов Септимий.

Помявшись, те согласились. Не слишком уповав на то, что паки сдержат слово, Конан по опущенной веревке скользнул вниз.

Глава девятая

СОШЕСТВИЕ В БЕЗДНУ

Потянулась длинная галерея, которой некогда прошел Люций. Она вела вперед и вглубь, так что скоро потолок ушел вверх, а стены раздались в стороны. Девственный мох устилал пол. Конечно, отряд из восьми человек — увы, уже всего лишь восьми! — располагающих вместо быстро сгорающих факелов холодно сияющими голубыми камнями, которые при необходимости затаиться легко можно было спрятать, двигался во много крат быстрее одинокого усталого путника, напуганного постоянной угрозой погони, неизвестностью и непроницаемой крошечной тьмой.

Кроме того, их вел зеленый камень, который снова перешел к законному владельцу — Кулану. Юноша выглядел воодушевленным, но вместе с тем был явно напряжен. Ему предстояла схватка с опаснейшим противником, по сравнению с которым Великий Канон наков выглядел пусть не слабее, но гораздо понятнее.

Но главная задача так и не была решена. Никто не знал, как склонить на свою сторону главную силу подземелья — дракона, Черную Тень. Ведь смог же Диармайд О-Дуйн приручить чудовище! Кулан много раз обращался к камню и так, и сяк, пытаясь услышать голос, поймать след чужой мысли, но все попытки оказывались бесплодными. Юхиббол Саг не желал или не мог прийти на помощь своему жрецу.

А план Конана был хоть и прост, но срабатывал в подобных ситуациях отменно. С четырьмя-пятью охранниками, как бы ловки и умелы они ни были, он справился бы и в одиночку, а уж с помощью Тэн И и Арминия дело можно было сделать даже без шума и особого кровопролития. После этого следовало облачиться в одежду поверженных, раздобыть маскарадные костюмы для отряда и, захватив заложника поважнее, заставить его препроводить всех туда, где помещался глава Белых Колдунов.

А уж тогда, если тот окажется не совсем помешанным на своем Илу Всеедином, можно будет легко выудить все секреты этого каменного сундука. Ну, а если главный окажется фанатиком, который скорее кинется на воткнутый в землю меч, чем скажет хоть слово, можно будет найти второго главного или третьего. В такой шайке всегда отыщется кто-нибудь мелкий и вредный, который знает все и недоволен всем, а своим безумным начальником в особенности. И уж этот мелкий и вредный за самую умеренную плату — за большие обещания — покажет все, что угодно.

Как и предполагалось, вскоре обнаружили боковые проходы. Но перстень никак не желал откликаться на них. Для верности Аврелий и Арминий все же обследовали два подобных ответвления. Увы, один коридор закончился осыпью, а второй был замурован огромной каменной плитой. Да, со времен Люция здесь кое-что изменилось! Но мрачное предположение Евсевия не подтвердилось — камень указывал единственно верный путь.

Наконец галерея повернула налево, и далеко впереди показались две красные звездочки. Это были факелы над воротами храма Илу! Теперь следовало идти очень осторожно: из-за ворот за галереей могли наблюдать. Все спрятали свои камни-фонари, и лишь идущий впереди Тэн И освещал дорогу маленьким тонким лучиком, прикрывая свет ладонью. Это делалось из предосторожности, чтобы не угодить в глубочайший ров

перед воротами. Однако такая предусмотрительность оказалась излишней. Факелы догорели едва наполовину, хорошо освещая пространство перед воротами. Мост по-прежнему висел над пропастью, пыльный и ветхий. Все остановились перед ним.

— Государь, я самый легкий из нас, — начал Тэн И, ясно намекая, что первым ступить на это древнее сооружение следует именно ему.

Но Конан не желал впустую рисковать людьми и остановился на краю пропасти, пытаясь найти другое решение. Оно должно было найтись! И оно нашлось, но не у короля, и даже не у Евсевия или Септимия, а у Бриана Майлдафа.

— Король, как ты думаешь, — спросил горец, поглядывая в провал, — вон тот столб, за который крепится канат, достаточно прочен?

— Должно быть, раз вся эта рухлядь еще держится на нем, — пожал плечами Конан.

— Ага, — кивнул Бриан, как будто уже получил приказ действовать.

Не говоря ни слова, он извлек из мешка толстую веревку, сделал на конце затягивающуюся петлю, как на аркане, и своим страшным мечом ничтоже сумняшеся обрубил веревочные перила, висевшие на том самом столбе, о котором шла речь. Никто не успел ни помешать ему, ни даже возразить. Майлдаф бросил свой аркан, и петля захлестнула столб на той стороне. Бриан подергал веревку, прилагая немалое усилие. Столб даже не шелохнулся. Тогда Майлдаф привязал другой конец веревки к такому же столбу на своей стороне. Новая переправа была готова.

— Я пойду первым, — объявил горец и, словно циркач, ловко перешел через пропасть прямо по веревке.

— Вот это да! — не сдержал восхищения Конан. — А теперь мы проверим старый мост, это даже занятно!

Король вытащил запасной мешок, не долго думая, бросил туда несколько валявшихся поблизости камней

и швырнул ношу на самую середину моста. Трухлявые доски все же выдержали удар, но истлевшие веревки не перенесли такого издевательства и лопнули. То, что было мостом, бесшумно полетело в бездну, и, лишь спустя некоторое время — Конан успел сосчитать до сорока трех — снизу донесся слабый отзвук падения. Обрывки веревок и привязанные к ним остатки досок жалкими лохмотьями обвисли на столбах.

— Ого! — вырвалось у Арминия.

— Очень хорошо, что я не успел ступить на этот мост, — глубокомысленно заметил Тэн И.

Когда так или иначе все преодолели препятствие — воспользоваться способом Бриана Майлдафа никто более не решился, — Конан велел всем затаиться в углах площадки, а Евсевию и Майлдафу вменил в обязанность постоянно держать окно для зажигания факелов под прицелом. Роль просящих защиты и приюта пришельцев отвели Септимию и Аврелию. Оставалось дожидаться, пока догорят факелы.

И вот потух сначала один светоч, за ним другой, и пещеру окутала тьма. Все было тихо, из-за железных ворот не доносилось ни шороха, ни звука. Да полно, остался ли еще здесь этот бесполезный караул?

Но чу! Звук донесся сначала издали, а потом все ближе и ближе — мерную поступь солдат и бряцание доспехов невозможно было спутать ни с чем иным!

— Славно шагают! — тяжело вздохнув, прошептал Арминий.

— Еще бы, — отозвался Майлдаф. — Чем им здесь еще заниматься? Только шагать!

— Стучите! — приказал Конан.

Аврелий, нарочно обряженный в рваную и пыльную хламиду, дабы всякому видно было, сколь жестокие лишения пришлось ему претерпеть, прежде чем достиг он вожденной цели, три раза ударил в ворота факелом, который держал как посох.

— Впустите! — жалобно простонал Септимий на древнем аквилонском. — Есть ли здесь люди?! Помило-

сердствуйте! Тьма сгущается позади меня, и в ней скрываются ужасные создания! Спасите!

В ответ за воротами сначала все стихло, а потом заговорили разом несколько человек. Речь их была гортанной и глухой и действительно звучала темно и грозно, будто глаголили руины покинутого древнего города. Затем кто-то подошел к зрачку, ныне закрытому изнутри щитком. Удостоверившись, очевидно, что за воротами лишь только двое безоружных оборванцев, кто-то отдал команду, и тяжелые шаги застучали по каменным ступеням. Щелкнул замок, и железная створка на высоте двух человеческих ростов распахнулась. Из окна показался воин в глухом серебристом шлеме, осветивший площадку факелом. Его лицо закрывала маска. Он повернул голову, чтобы осмотреться кругом...

Для Бриана Майлдафа этого оказалась более чем достаточно! Стрела попала точно в глазную прорезь, и убитый повалился вперед, но Аврелий и Септимий успели подхватить тело, а Тэн И, разбежавшись и высоко подпрыгнув, мгновенно влетел в распахнутое окно, используя свисающий труп как лестницу. За кхитайцем последовал Конан, за королем — Арминий.

На противоположной стороне ворот им противостояли лишь четверо стражников, и один уже лежал с рассеченной страшным косым ударом грудью. Вежливый и благообразный Тэн И в настоящем бою был жесток, как раненый хищник.

В плен надо было взять офицера — начальника караула. Брать в заложники солдат не предполагалось. Воины подземелья, впрочем, умели себя защитить: доспехи на них были прочные, да и сталь их мечей была лучше аквилонской, но столетия, прошедшие без боевой практики, не пошли на пользу воинству Илу Всеединого. Конан первым же сильнейшим ударом выбил меч из рук своего противника, а вторым разрубил его красивый посеребренный шлем.

Тэн И загнал в угол офицера, и тому оставалось лишь слабо отмахиваться от кхитайца. Стражник ни-

как не мог догадаться, почему же его до сих пор не убили.

Армению пришлось потруднее: враг оказался выше ростом, да и меч у него был длиннее, но его подвело плохое знание колющего удара. Арминий, не мудрствуя лукаво, просто ткнул солдата мечом в носок сапога, тот оторопел на какой-то миг от резкой боли и неожиданности, чем центурион незамедлительно воспользовался, нанеся второй молниеносный укол прямо в маску. Третьего удара не потребовалось.

Тем временем в окно влез Майлдаф, и, когда Тэн И ударил офицера по латной перчатке с таким расчетом, чтобы тот только выронил меч, горец и Конан скрутили несчастному руки, обездвигив его. Кхитаец едва заметно коснулся пальцем шеи плененного, и голова того безвольно поникла.

— Будет спать некоторое время, — пояснил Тэн И.

Чтобы не оставлять следов, тела убитых охранников убрали, благо ров был близко.

— Скоро он очнется? — осведомился Арминий. — Нам нельзя задерживаться здесь надолго.

Вместо ответа кхитаец легонько потрепал по щеке уже связанного и посаженного на ту самую скамью, где столетия назад расположился Люций, пленника. Тот поднял голову и посмотрел на окруживших его победителей пока еще не очень ясным взглядом. Шлем с офицера сняли. Это был высокий и хорошо сложенный красивый молодой мужчина с вьющимися русыми волосами, зеленоглазый, с благородными и строгими чертами лица. Септимий, Евсевий, Аврелий и Тэн И, как и предполагал Конан, хорошо знали древнеаквилонский. Они и повели допрос.

— Как тебя зовут и какова твоя должность? — начал Септимий, попутно облачаясь в доспехи одного из убитых стражников. Они оказались несколько великоваты, и лишь Конану, Майлдафу и Евсевию такие доспехи пришлось по росту. Из оставшихся самым высоким был именно Септимий.

— Сартак,— ответил офицер, понимая, что запыраться бессмысленно: тяжелая ладонь Конана лежала на его плече.— Я сотник, начальник караула Главных ворот.

— Твой круг посвящения? — продолжил Септимий. Глаза пленника зло блеснули.

— Второй.

— Врёшь,— хладнокровно изрек Евсевий.— Я вижу на твоём плече знак — три золотых драконьих головы. Это третий круг?

Взгляд Сартака потух так же быстро, как и вспыхнул.

— Да,— кивнул сотник.

— Где-нибудь поблизости есть посвященные четвертого или пятого круга? — взялся за дело Евсевий.

— Есть,— ответил пленник.— Вместе с охраной здесь всегда находится слуга пятого круга.

— Пускай приведет его сюда,— усмехнулся Конан, когда Тэн И перевел ему ответы Сартака.— А чтобы действительно привел, с ним пойдем я, Евсевий и Майлдаф. Скажем, дескать, нужен слуга, а то здесь много странных гостей. И предупредите: если вздумает выдать нас, его убить я успею, а вот успеют ли его дружки убить меня — большой вопрос.

Услышав такие речи короля, Арминий одобрительно заулыбался:

— Наконец кончилась магия и пошло настоящее дело!

— Магия, боюсь, еще не кончилась,— оборвал его Конан.— И помните: ни один волос не должен упасть с головы Кулана.

Сартак, услышав предложение, побледнел, но согласился. А что ему оставалось?

— Он, конечно, может подать какой-нибудь неизвестный нам тайный знак,— рассуждал Конан,— и нас где-нибудь дальше встретят так, что на каждого придется не по одному противнику, а по двадцать. С другой стороны, он знает, что умрет в таком случае первым, а сейчас он еще жив, и мы даже не хотим его

убивать. Поэтому, я надеюсь, мы с ним договоримся. Евсевий, будь любезен, переведи.

Выслушав и оценив свои неблестящие перспективы, Сартак только понуро кивнул. В подобной ситуации он оказался впервые. Как выпутаться из нее, он не знал, а потому выбрал обычную тактику обывателя: замереть, авось не тронут.

И его пока не трогали. Рассеивая факельным светом густой мрак пещеры, Конан и Евсевий шли вслед за Сартаком, пока не оказались перед следующей заславой. На сей раз туннель перегораживала крепкая каменная стена, сложенная из ровно и гладко обтесанных базальтовых блоков, чем-то напоминая неприступные стены Фрогхамока. В стене были широкие ворота, сейчас закрытые массивными железными створками.

Сартак как-то особенно постучал и в ответ на прозвучавший изнутри вопрос назвал пароль. Створки медленно распахнулись — они приводились в движение механизмом,— и за стеной открылся небольшой военный лагерь. Здесь, очевидно, и размещалась охрана Главных ворот.

Вдоль стен пещеры были возведены кирпичные строения, напоминавшие казармы. Через раскрытые двери и окна было видно, где хранятся съестные припасы, где — оружие, а где живут солдаты. Сартак уверенно прошествовал к большому голубому шатру, раскинутому в глубине пещеры.

Свет здесь был уже тот самый, белый и колдовской, описанный в легенде. Этот рассеянный свет давали облака, висевшие под потолком. Какова была их природа, не знал даже Евсевий, хотя и предполагал, что это могут быть скопления живых существ вроде светляков, только во много раз более мелких.

Сартак уверенно вошел в шатер. Конан и Евсевий последовали за ним: по словам офицера, это не приветствовалось, хотя и не запрещалось.

— По такому торжественному случаю тебе это сойдет с рук,— успокоил Сартака Конан.

Служитель пятого круга по имени Дарий оказался весьма приятным молодым человеком с широким, мягким, располагающим лицом. Он был гладко выбрит, и от него пахло благовониями, как от тарантийского щеголя. Одет он был в черную длинную рубаху с серебряным поясом и черный плащ. Черные коротко стриженные прямые волосы охватывал серебряный обруч с зеленым камнем на лбу.

Выслушав взволнованные объяснения Сартака, подтвержденные скупым и суровым кивком Конана, служитель, не прихватив даже более никого из солдат — видимо, Сартак весьма красочно описал изможденное состояние прибывших, — сразу распорядился сопроводить его к воротам. Правда, за долгие годы подземной жизни служители научились не только щегольству, но и скупости: ни вина, ни печенья для угощения вновь прибывших Дарий с собой не взял.

О чем беседовали по дороге к воротам Дарий и Сартак, ни Евсевий, ни тем более Конан не могли даже догадываться: разговор шел на языке атлантов. Но по тому, как спокойно и чинно шествовал Дарий, можно было надеяться, что ничего тревожного он не приметил.

Увидев на скамье лишь одного человека в отрепьях — Аврелия, а рядом с ним двоих стражников и еще троих странного вида вооруженных мужчин, Дарий возвел на Сартака округлившиеся глаза и, поймав его ответный обреченный взгляд, в страхе шарахнулся в сторону, подчиняясь безотчетному желанию сбежать.

Но было поздно! Бриан Майлдаф крепко схватил его за локти, да так держал, что, сколько ни дергался Дарий, не смог даже сдвинуться с места.

— Поосторожнее с ним, Бриан! — предостерег Конан. — Он может оказаться магом.

— Я думаю, тот служитель просто подсыпал Люцию в вино сонного порошка, — улыбнулся Кулан. — А загадочные слова были сказаны затем, чтобы лишний раз убедить воинов в могуществе колдовства служителей.

Эта фраза была произнесена на староаквилонском, которого совсем не знал Конан, плохо знал Майлдаф — горцы просто приняли в свой язык много новых слов, когда были покорены Аквилонией, — но зато отлично знал Дарий. Лицо служителя залила краска: Сартак ведь тоже отлично понимал этот язык.

— Ты познакомишь нас с каким-нибудь служителем седьмого круга, — просто и уверенно сказал Дарию Конан. — А еще мы прихватим с собой твоего друга Сартака. Вдвоем вам будет веселее и не так обидно. Если ты откажешься, мы будем вынуждены тебя убить, — закончил киммериец, подкрепив свои слова красноречивым жестом: провел ребром ладони по горлу.

Дарий переглянулся с Сартаком, и тот отмел все его сомнения, если таковые еще оставались, указав на Майлдафа и Септимия, переодетых в доспехи воинов храма, и добавив еще что-то на своем языке насчет Тэн И и Конана.

— Согласен, — уныло промолвил Дарий. — Я устрою вам эту встречу. Но хочу предупредить, — в интонациях его голоса Конан узнал старого знакомого шемита, торговца недвижимостью в Султанапуре, — с этого и у вас, и у меня не будет ничего, за исключением больших неприятностей. Ваш юноша прав, — кивнул он в сторону Кулана, — на пятом круге уже давно не посвящают ни в какие тайны, кроме сонных порошков, отравы, приворотного зелья и кое-каких снадобий. Но на седьмом круге есть настоящие маги, и даже если среди вас колдун, — служитель вновь пристально посмотрел на Кулана, — он вряд ли поможет.

— Благодарю тебя, почтенный Дарий, мы примем это к сведению, — хитро улыбнулся Евсевий, снимая шлем. — Когда мы вернемся на поверхность, я попрошу тебя дать мне несколько уроков языка атлантов.

— Ты интересуешься языками? — не поверил своим ушам Дарий.

— И я, и мой друг Септимий, — ответил аквилонец. — Это так удивляет тебя?

— Я полагал, что на земле более не осталось ученых, только солдаты и колдуны, погрязшие в варварстве и невежестве, кои лишь разрушают наследие атлантов, а то, что остается, облачают в одежды магии, не понимая сути,— искренне ответил Дарий.

— Ты прав, увь, во многом, но не во всем,— рассмеялся Септимий.— У нас есть и ученые, и академия...

— Потом договорите,— прервал их Конан. Слово «академия» он разобрал.— Если этот здоровяк — ученый, то я замолвлю за него словечко, когда нас поймут, так ему и передайте. А теперь нам пора, пусть ведет.

Вскоре уже весь отряд стоял перед каменной стеной с железными воротами. Тэн И, Арминий, Аврелий и Кулан представляли собой довольно колоритную группу беженцев. Особенно выделялся коренастый Арминий благодаря сильным рукам с узловатыми мышцами и внушительными бицепсами. Но что поделаешь, если храмовая стража была набрана сплошь из людей ростом около четырех локтей! Для центуриона просто не нашлось подходящих доспехов.

Конан ненадолго остановил отряд и сказал:

— Объясните Дарию, что, если по ходу дела надо будет оглушить охранника, перерезать глотку, кого-то связать или, допустим, вышибить дверь, пусть говорит об этом, не стесняясь. И пусть не удивляется, если мы вдруг сделаем нечто подобное, совсем не спросая его,— добавил король.

Когда Дарию все это перевели, он посмотрел на Конана и, состроив серьезную мину, поклонился ему. Хитрый служитель быстро сообразил, кто здесь командует.

Миновав вторые ворота и лагерь охраны, достигли они и третьих ворот. Этот рубеж охраняла толстая стальная решетка. Насколько Конан разбирался в металлах — с годами у него развилось чутье на качество железа,— ничего тверже и прочнее он еще в жизни не встречал. Даже с алмазной пилой над этой решеткой

нужно было трудиться в поте лица не меньше часа, а за это время беглеца уж точно настигла бы погоня, а нападающего сразили бы защитники.

За решеткой стоял караул, гораздо более многочисленный, чем у первых ворот. Вместе с пятью десятками воинов в тяжелом вооружении службу несли еще пять служителей пятого круга. Здесь понадобился уже двойной пароль — от Сартака и от Дария.

— Сейчас к нам приставят десять солдат и двух служителей,— предупредил Дарий.— Я проведу вас к Аббасу, он входит в седьмой круг. Учтите, что он повелит мне, Сартаку и всем воинам удалиться, а к пришельцам приставят охрану внутренних чертогов, и я ничего не смогу с этим поделать. Вам придется самим думать, как быть дальше.

— Об этом пусть не беспокоится. От десяти стражников я никогда не удирал, удирали всегда стражники, если оставался кто-то, чтобы удирать,— усмехнулся король.

Все вышло именно так, как предрекал Дарий. С этого момента Конану, Евсевию, Майлдафу и Септимию пришлось хранить гробовое молчание, чтобы не выдать себя раньше времени. Пройдя через анфиладу галерей и небольших залов, отряд и эскорт достигли тупика, заканчивающегося комнатой с гладкими стенами и довольно низким — на высоте всего лишь шести локтей — потолком.

— Сейчас мы поднимемся в верхние ярусы,— объяснил Дарий.— Вся эта комната — большой подъемник. С помощью механики мы переместимся на две тысячи локтей вверх.

Он нажал на рычаг. Совершенно беззвучно пол вздрогнул, сначала подался немного вниз, а потом плавно и мягко устремился кверху. Конан, впрочем, не удивился: видал он штуки и почудеснее.

«Устроить, что ли, такое во дворце? — подумал он.— Старик звездочет помрет ведь от разрыва сердца, если будет каждую ночь таскаться на башню по всем лестницам».

Подъем длился довольно долго и проходил в полном молчании. Конан прикидывал, смогут ли они всемером — Кулана он в расчет не брал — справиться с одиннадцатью воинами храма в столь тесном помещении, случись Дарию или Сартаку совершить безумство. Король пришел к выводу, что, пожалуй, справятся, но с неизбежными потерями. А еще неизвестно, что ждет их наверху.

Наконец подъемник остановился.

— Сейчас мы все еще под землей, — пояснил Дарий, — но уже не под холмами, а внутри высокой горы. Если вы захотите бежать, то выбраться отсюда вам будет просто. — Он хитро улыбнулся. Откуда было ему знать, что захватившим его людям известно про пещеру грифонов?

— Я бы не советовал тебе так шутить, — вполголоса посоветовал Дарию Евсевий.

Их встретила новая галерея, ничем на первый взгляд не отличавшаяся от той, что осталась двумя тысячами локтей ниже. Та же решетка и те же пятьдесят стражников ожидали их впереди.

— Можешь ты устроить так, чтобы нас пропустили за решетку как свидетелей происшествия или хотя бы как носильщиков? — осведомился Конан, тяжелым взглядом смерив Дария.

— Да, — ответил тот после некоторого раздумья, и его щека нервно дернулась.

На сей раз солдаты были наряжены в черные вороновые доспехи и черные плащи, а служители — двое из седьмого круга и трое из шестого — были одеты в белые хламиды. У всех были обручи с зелеными камнями на лбу, но у тех, что из седьмого круга, камни оказались побольше и поувесистее.

Конан мысленно сравнил их камни с тем, что пребывал сейчас за пазухой у Кулана. Камень Бреннана Мабидана был гораздо больше! Выходит, основатель Фрогхамока входил в восьмой, а то и в девятый, высший круг!

Запуганный Дарий, которому Майлдаф напомнил о себе, незаметно пощекотав спину кинжалом — горный разбойник оставался горным разбойником! — сделал даже больше, чем его просили. Произнеся длинную и обстоятельную речь, полную подобострастия и почтения к вышестоящим чинам храмовой иерархии, и выслушав краткий сухой ответ, он отдал распоряжение. Десять воинов сопровождения и два служителя развернулись и двинулись назад к подъемнику. Едва они скрылись за поворотом, офицер внутренней стражи отпер двери, и восьмерых смельчаков с двумя заложниками пропустил внутрь. Ворота захлопнулись, и Конан услышал, как щелкнул в тугом замке тяжелый ключ.

— Вы трое сейчас пойдете со мной! — властно изрек на староаквилонском один из служителей седьмого круга.

Выглядел он лет на сорок, у него была бритая наголо голова, тонкие белесые брови и крупные выразительные черты лица. Черные быстрые глаза смотрели пронзительно, словно стремились до последнего укромного уголка обшарить всю душу собеседника.

Спутник его, напротив, обладал густой шевелюрой из длинных и светлых вьющихся волос, крепких и здоровых, как у юноши, хотя этот служитель был явно постарше бритого. Облик его был примечателен: высокий лоб и худое, даже не аскетическое, а прямо-таки костлявое лицо, туго обтянутое кожей. На нем выделялись бледные, водянистые светло-голубые глаза, в которых, как ни странно, горело затаенное пламя. Эти малопривлекательные черты лица удачно дополнял длинный крючковатый нос.

— Воины могут остаться здесь ненадолго и вкушать отдых, — бросил напоследок бритый.

Кинжал Майлдафа вновь уперся Дарию между лопатками. Горец неважно разбирался в староаквилонском, но то, что их отсылают, понял прекрасно. Движение Бриана не укрылось от напряженного взгляда Сартака, и нервы у офицера не выдержали. На своем

гортанном языке он выкрикнул что-то, обращаясь к служителям и стражникам, и Конан заметил, как мгновенно изменилось выражение лица бритоголового. К счастью для короля, не все и не сразу поверили тому, что прокричал Сартак. Вероятно, подобного не случилось здесь лет восемьсот, со времен подземной войны, когда сторонники тьмы победили окончательно.

Сартак, как его и предупреждали, первым упал ничком, обливаясь кровью: Конан сдержал слово. Тэн И незамедлительно очутился за спиной у бритоголового, а Конан схватил тощего служителя, обеспечив себе щит.

— К решетке, чтобы не напали сзади! — приказал король.

И они встали — восемь против сорока, — прижавшись спинами к толстым стальным прутьям, при этом Конан и Тэн И должны были удерживать двух не самых слабых взрослых мужчин.

— Всем стоять, не то мы их прирежем! — закричал Евсевий.

Воины храма замерли в нерешительности. Они ждали команды. И команда последовала.

— Стоять! Пропустите их, пусть идут, куда хотят! — злобно процедил бритый на староаквилонском, специально, чтобы пришельцы поняли его. — Далеко им все равно не уйти!

— Пусть прикажет им выстроиться вдоль стен, — распорядился Конан. — Евсевий и Майлдаф возьмут луки и будут на флангах. Септимий и Кулан пойдут впереди. Аврелий и Арминий прикроют нас сзади. Пошли!

Евсевий перевел, но стражники поняли все и без перевода. Ясно было, что служители седьмого круга не станут просто так рисковать собственной жизнью.

Воины и служители выстроились вдоль стен. Дарий взирал на процессию из восьмерых незваных гостей и очередных двух заложников влажным взглядом, полным сочувствия и к тем, и к другим, особенно к двоим ученым, вооруженным по какому-то чудовищному недоразумению мечами.

Дарий был добрым человеком, но он очень боялся крови и, хоть мечтал иной раз о Верхнем мире, служил при воротах чуть не в самом нижнем ярусе храма. И вот, мечта его отчасти сбылась, но тут же полилась кровь, появилось насилие, злобно засверкали мечи... Душа служителя пребывала в полнейшем смятении, которое страшило даже больше, чем огромного роста свирепый варвар, верховодивший в отряде.

«И всюду удел ученых таков. Они стонут под пятой колдунов здесь, они — слуги варваров наверху», — утешился он философским выводом.

— Веди нас к кому-нибудь из девятого круга! — Конан уверенно перескакивал через круг, восходя по лестнице посвящений.

— Хорошо, — как-то слишком уж быстро согласился бритоголовый. Тот, что с длинными волосами, молчал, чувствуя уверенную силу Конана.

Они прошли уже достаточно далеко, чтобы караул сзади скрылся из вида. Миновав еще несколько пустых комнат и переходов, бритый вывел их в зал, выход из которого запирался еще одной стальной решеткой.

— На один миг отпустите мне руки, — попросил он. — Вот перстень. — Служитель для убедительности пошевелил безымянным пальцем левой руки. На пальце и вправду был золотой перстень с неведомыми письменами. — Здесь особый замок, — пояснил служитель. — Перстень нужно приложить к нему, тогда решетка поднимется.

Конан недоверчиво посмотрел на бритоголового. Отпускать ему руки не хотелось, но что было делать?

— Он говорит правду? — отдельно и четко проговорил Конан, обращаясь к молчуну. Эти слова одинаково звучали на современном и древнем аквилонском.

— Да, — кивнул брат бритоголового по вере.

— Освободить ему одну руку! — велел Конан. — Левую!

Тэн И выполнил приказ, предварительно завернув правую руку служителя так, что тот поморщился от боли.

— Придется потерпеть, господин,— посоветовал Тэн И.— Ваш послушник Дарий был терпелив и остался цел и невредим, а Сартак повел себя крайне неразумно.

Бритый, не очень прислушиваясь к тому, что ему говорят, приложил печатку к перекрестью прутьев в самом центре. И действительно, массивная решетка поехала вверх так же плавно и бесшумно, как подъемник.

Лоб у бритого взмок, по нему даже потекли тоненькие стуйки.

— Позвольте вытереть пот,— попросил он разрешения.

— Вытирай! — нетерпеливо бросил Конан.

И, как выяснилось, поступил опрометчиво. Бритый, все еще кривясь, но уже непонятно отчего — то ли от боли, то ли от злорадства,— провел рукавом по влажному лбу и, коснувшись перстнем своего зеленого камня, прошептал что-то, должно быть, заклинание.

В тот же миг с потолка низвергся титанический каменный блок, разделивший зал пополам. И — о ужас! — стоявшие немного сзади, всего в каких-то пяти-шести локтях Аврелий и Арминий, следившие за коридором, из которого они все только что вышли, остались по ту сторону стены!

Бритый, используя замешательство врагов, змеей вывернулся из захвата Тэн И и юркнул за решетку, которая тут же упала обратно, отвратительно лязгнув острыми зубцами о камни!

Евсевий и Майлдаф выстрелили в служителя, но безрезультатно! Бритый продемонстрировал тот же фокус, что давеча жрец у паков. Стрелы застряли в решетке да так и остались в ней, будто в стог сена воткнулись!

Бритый злобно расхохотался:

— Недоумки! Вы хотели перехитрить служителя Илу Всеединого, служителя седьмого круга?! Пожинайте же ныне плоды безумия своего! Не знаю, кто вы, только участь ваша незавидна! Вы желали видеть служителя

девятого круга? Скоро вы увидите его! А куда сидите, скрежещите зубами и зовите вашего Митру, гнусные скопцы! А ты, Озимандия,— обратился он к своему спутнику, которого Конан так и не выпустил из железного захвата,— посиди с ними. Ты предатель и вероотступник, и я знаю это! Проведи время со своими братьями по разуму. Может, эти волки перегрызут тебе глотку раньше, чем девятый круг разберется с ними!

Евсевий и Майлдаф выстрелили еще раз с тем же результатом.

— Недоумки! Поганая слизы! Ничтожество! — взвизгнул бритый и скрылся в коридоре.

Конан швырнул ненужного теперь служителя на пол и в ярости рубанул мечом по решетке. Меч отскочил от прутьев, нимало не повредив их, а на лезвии появилась зазубрина.

— Не порти меч, о король,— раздался резкий и скрипучий незнакомый голос. Язык был обычный, аквилонский, но в нем встречались устаревшие слова. Это говорил служитель, которого бритый назвал Озимандией.— Не поможет! Выскачка Аббас владеет единственным ключом, только дракону по силам теперь выбить эту решетку.

— Откуда тебе известно, кто я?! — Конан схватил Озимандию за шиворот, как котенка, и слегка встряхнул.

— Да я знаю о Верхнем мире больше, чем весь его девятый круг,— сухо и злобно, как филин, рассмеялся Озимандия.— Отпусти меня, Конан Киммериец! Как знать, может, я и пригожусь еще? Ты пришел почти вовремя, но все ж немного опоздал. Семь дней назад Аббас донес на меня, и меня лишили ключа от этой решетки и моего большого камня, который говорил с драконом. Явись вы семью днями раньше, и ты бы стал хозяином всей горы! Сколь коварна судьба! — Свет в глазах Озимандии потух. Он умолк.

— Говори,— приказал Конан, уняв гнев и опять становясь невозмутимым и хладнокровным.— Говори,

кто ты, что здесь творится и чем ты способен мне помочь. Прежде всего ответь, что может случиться с двумя моими людьми по ту сторону упавшей плиты. — Конан двинул кулаком по камню и не почувствовал боли.

— Увы, теперь уже ничем, о король, — бесстрастно ответил слуга. — Это не стена, но глыба, заполнившая собой половину зала. Они раздавлены ею, как ни ужасно слышать это.

— Почему ты ответил «да», когда это отродье Сета попросило освободить ему руку? — Конан опять ухватил Озимандию за шиворот и встряхнул, как мешок соломы.

— Помилосердствуй, Конан, не вытряхивай из старика Озимандии последние песчинки жизни! — усмехнулся слуга. — Я не ожидал, что этот тюфяк уже выучил заклинание замка. Я недооценил его. Можешь не верить мне, но это чистая правда.

— Ладно. — Конан отпустил жреца. — Кто ты?

— Как и сказал Аббас, я предатель. Это не храм Илу, а скопище змей, жилище Сета. Когда-то, восемьсот лет назад, последних слуг Илу расстреляли из луков паки или вырезали эти воины веры, из коих трус Сартак — самый великий храбрец. Шестьсот лет назад черная магия вползла сюда ядовитой гадиной, а теперь им мало и этого! Безумцы воззвали к Демону Глубин, и тот не замедлил явиться. Если его выпустят на свободу — а они сделают это рано или поздно, или он сам возьмет нужное, — земля превратится в пустыню, ибо демон пожрет все.

— Это не то ли чудище, с которым схватился Тэн И? — заметил Евсевий.

— Вам что-то известно о нем?! — возопил Озимандия. — Расскажите, а я поведаю все, что знаю сам!

Кратко и выразительно Евсевий описал встречу с созданием из черного колодца.

— Ты воистину великий воин! — Озимандия склонил голову перед кхитайцем. — Но то был лишь один

из ликов его. Пока он слаб, но скоро девятый круг своими изысканиями в том, о чем не имеет понятия, даст ему прежнюю силу, и он обойдется без них или подчинит их себе. Я уж не говорю о приспособлениях для уничтожения людей и порабощения их воли, оставшихся здесь со времен атлантов и даже усовершенствованных!

Но я нашел способ общаться с внешним миром — через Киммерию, — продолжил Озимандия. — Мои люди, пусть редко, все же могли уходить отсюда и возвращаться с известиями. От них я знаю о тебе, Конан Киммериец. Но Демон Глубин недавно закрыл и этот выход. Я много знаю, я изучил гору книг, я вижу, чем грозит его выход из бездны, ибо он порождение оной. Он страшнее Сета, ибо не берет души в плен, а убивает их. Только Зерван выстоит против него, но Зерван не вмешается. Я думал победить девятый круг, этих тщедушных старцев, возмнивших себя великими, но я был один, мне была необходима помощь извне. И вы пришли, но слишком поздно!

— Остановись, почтенный Озимандия. — Тихий и скромный Кулан впервые дал знать о себе. — Ты сказал, что можешь беседовать с драконом, но у тебя нет большого зеленого камня. Вот камень, который подойдет для этого! — С этими словами Кулан вытащил из-за пазухи перстень. — Это камень Бреннана Мабидана, если ты слышал о таком. Я дам тебе камень, но не прежде, чем ты скажешь мне, кто такой черный дракон святого Диармайда О-Дуйна и чем он полезен нам.

— Ты наш спаситель! — воскликнул Озимандия, и злобный и яростный огонь снова запылал в бесцветных глазах. — Я скажу, но буду краток, ибо у нас мало времени. Черный дракон — великий древний дух, бывший в незапамятное время, еще до Хайбории, до кхарийцев и атлантов, соратником Митры. Но он уклонился от битвы, когда Митра был побежден тьмой и низвергнут в бездны. Митра восстал и превозмог, и дух, ныне дракон, вернулся к нему в раскаянии. Епитимья, наложен-

ная на него, была сурова, но не безнадежна. Ему дана была телесная оболочка могучего животного и вменялось в обязанность служить жрецам Митры, но не слепо, а лишь способствуя добру и ограничивая зло по своему собственному разумению.

И так продолжалось долго, но на всякого, кто ограничен в свободе своей чем-то, помимо самого себя, можно найти узду. Нашли такую и на черного дракона, и это сделал сын Диармайда О-Дуйна, желая использовать дракона в своей вражде с братом. Но ему не дано было применить свое открытие, им завладели те, кто пришел на несколько сот лет позже. Они подчинили дракона, и он, связанный проклятием, ждет и страдает.

— Так что же ты не освободил его? — не понял Конан.

— Я не могу уничтожить само заклинание, оно просто существует, о король, — горько усмехнулся Озимандия. — Есть один выход: уничтожить тех, кому оно известно, но я не мог сделать этого один. Теперь я знаю, что зеленый камень последнего из верных, Бреннана Мабидана, не погиб. С помощью этого камня и моего перстня я могу вызвать дракона! — Он показал золотой перстень с печаткой, похожий на перстень Аббаса, но на этом были иные знаки. — Дракон ответит на зов, если его не успеют остановить, и поможет нам покинуть эту демоническую гору. Я предусмотрел кое-что для такого случая: в пещере грифонов стоит огромная корзина, она выдержит нас всех. Но до нее надо добраться! Дайте мне камни!

— Постой, Кулан, времени еще хватает, — остановил юношу Конан. — Озимандия, у меня нет оснований доверять тебе — это раз. Второе: даже если ты не обманешь, дракона остановят, едва он двинется с места. Третье: только лишь мы покинем гору, дракона остановят в полете и вернут обратно или, хуже того, прикажут уничтожить нас. Да, и каким образом мы проберемся сюда еще раз? — поинтересовался король. — Я пришел закопать эту змеиную яму, хотя здесь много хуже, если судить по твоим словам. И что проку, если

я спасусь, не выполнив задуманного? Если ты хочешь, чтобы я поверил тебе, Озимандия, скажи, как добиться того, чего хочу я, а потом вернуться назад. Что скажешь, великий маг? — осклабился Конан и встал в полный рост между служителем и Куланом.

— Ты мудр и силен, о король, — признал жрец. — Я ужаснулся злу, которым грозит миру эта гора, и я отверг это зло. Мне ведомо, как уничтожить гору и храм под ней. Но мне нужен тот, кто решится проникнуть туда, где собирается девятый круг. Они все скоро явятся сюда, я уверен в этом, ибо каждый из них подозревает каждого. Чертог их останется пуст, и если там окажется кто-нибудь, он без труда найдет мозаику, где недостает одного камня — моего! — Он дотронулся до зеленого самоцвета на своем налобном обруче. — Или такого же камня, как мой, — добавил Озимандия. — Никто, кроме девятиерых, не знает об этой мозаике. Никто, кроме них и меня. Я самый великий и самый бессильный маг этого храма! Только грубая сила может разбить заклятие замка. Но чтобы вызвать черного дракона, надо, чтобы некто грозил девятиерым полной мозаикой. А для того чтобы кто-то пробрался за решетку, нам нужно сокрушить ее, и для этого необходим дракон! Замкнутый круг!

— Постой, не убивайся так прежде времени, господин, — вмешался Тэн И. — Что это за мозаика и как она действует?

— Знаете ли вы о грифонах в верхней пещере? — ответил вопросом на вопрос Озимандия.

— Знаем.

— Это всего лишь големы, каменные чудища, оживленные злым духом, который очень стар, устал от самого себя и мечтает об одном — о развоплощении. И оно будет даровано ему, как только замкнется мозаика. Все камни вложены в нее и приросли намертво, никто не в силах изъять их оттуда, но не хватает одного. А покуда дух заточен в этой горе, он помогает служителям, побуждая чудищ метать молнии во всякого. Но,

освободясь, он отомстит своим мучителям, ибо так предписано Зерваном. Своды пещеры рухнут от могучего удара молний, оседет вся гора, и на свет не выберется никто, даже Демон Глубин.

Гора похоронит все свои тайны, но кое-что я успел переправить наверх, — похвалился Озимандия, — не все погибнет безвозвратно. Знания не уничтожить, они существуют, что бы мы о них ни думали. Впрочем, я зря сотрясаю воздух. Дайте мне камни! У нас нет иного выхода, кроме как звать дракона, или мы просто погибнем, не сделав ничего для своего спасения. Разве это достойная смерть?

— Погоди, Кулан! — На сей раз пикта остановил Евсевий. — Не можем ли мы, прежде чем решиться на такой шаг, как-то помешать девятерым? Устроить им неожиданный подарок?

— Как? — в один голос воскликнули Конан, Озимандия и Кулан.

— Я уже говорил, что белое освещение в пещерах, которое все принимают за колдовство, ничем не проверив сие утверждение, на деле порождается ничтожно малыми светящимися существами, подобными светлякам. Если это так, мог бы ты, Кулан, заставить их погаснуть на некоторое время?

— Ты прав, ученый, — поддержал Евсевия Озимандия, и хитрая улыбка заиграла на сухих бледных губах. — Пещеры действительно освещаются мельчайшими насекомыми, кои питаются изготавливаемым для них веществом. Привлеченные запахом этой пищи, что неуловим для самой чуткой собаки, но ясно различим этими существами, висят они под потолком, собираясь в огромные тучи. Только при таком скоплении они способны дать свет, достаточный для рассеяния подземного мрака. Но как сможет этот благородный юноша заставить их не излучать свет? Ведь для этого надобно уничтожить запах пищи либо использовать заклятия, известные лишь дикарям, жрецам забытого бога на крайнем западе мира.

— Не такого уж и забытого, — мрачно усмехнулся Конан. — Кулан — жрец Юхиббола Сага, великого бога пиктов.

— Только я не могу их заставить, — развел руками пикт. — Я могу лишь их попросить, и если они согласятся...

Кулан зажмурился, положил руки на колени и сосредоточился. Так же, как и в случае с бабочками, пикт напряг голосовые связки, но звука не было — он многократно превосходил тонкостью комариный писк.

Сначала ничего не происходило, а потом белые светящиеся облака под потолком стали рассыпаться, как рассыпается высохший комок белой муки. И призрачный белый свет стал меркнуть, гаснуть и вскоре исчез вовсе. Подземелье погрузилось во мрак.

— Ты уверен, что подобное произошло и в остальных чертогах? — проскрипел из темноты Озимандия.

— Да, — откликнулся Кулан. — Скрилли, так они называют сами себя, рассыпались, отозвавшись на мою просьбу. Сейчас они устремились к одному месту — туда, откуда распространяется этот запах. Пока каждый из них не насытится, облака не засияют вновь.

— Значит, кроме факелов, у служителей теперь нет иного освещения, — злорадно изрек Озимандия, забыв, что и сам он служитель. — Это к лучшему, ибо сейчас поднимется переполох, и мы выиграем время. Но для того, чтобы зеленый камень действовал, ему нужно хотя бы немного света: сам собой он не засияет. Есть ли у вас факел?

— У нас есть кое-что получше! — Евсевий вытащил из заплечного мешка заветный минерал. Голубоватое свечение распространилось в зале.

— Что ж, вы запасливы, — снова скривил губы в улыбке маг. — С тех пор, как паки создали свой Великий Канон, голубые светочи не появлялись у нас. Сейчас это нам очень пригодится, но впредь прошу тебя, о король, и всех твоих людей: опасайтесь приближаться к этим камням, тем более носить их с собой. Не знаю

отчего, но у тех, кто вынужден был подолгу находиться вблизи сих камней, приключалась тяжкая болезнь: выпадали волосы и ногти, ухудшались зубы, слабели и болели кости и все тело. Паки выжили, но они живучи, как крысы. Людям же эти камни страшны.

— Не хочешь ли ты сказать, Озимандия, что все мы обречены? — спросил Конан.

— О нет, вы не столь уж долго пребывали возле камней, и вам пока ничто не грозит. Я лишь предупредил. Но время не остановить, и Зерван не будет нас ждать. Дайте же мне самоцвет!

— Кулан, отдай ему камень, — наконец разрешил Конан. — Хуже вряд ли будет, а так у нас остается шанс.

— Помнишь, — шепнул Септимий Евсевию, — вокруг этих камней на берегу озера не рос мох?

— Да, — кивнул Евсевий. — Но он упомянул Зервана. Как бы я хотел, чтобы слова Кулана сбылись, и Зерван возвратил нам Хорсу. Да не по нашу, а по другую сторону решетки!

Тем временем Озимандия, вооружившись серебряным перстнем с камнем Мабидана и своим золотым, приложил печатку с письменами ко вновь воссиявшему самоцвету и принялся произносить на все том же древнем языке одно за другим заклинания.

Слова падали в тишину, как капли в огромный пустой сосуд, но как сосуд наполняется медленно, но неуклонно, так с каждым словом, произнесенным Озимандией, менялось что-то в самом воздухе, а камень время от времени вспыхивал, разгораясь все сильнее. Казалось, нечто невидимое, но грандиозное воздвигается во тьме, пытаясь разорвать оковы, прорываясь из мира невидимого, мира заклинаний в мир осязаемый.

И вот будто разбилось застывшее стекло, разлетелся вдребезги уродливый саркофаг, освобождая создание могучее и прекрасное. Зеленый луч вырвался из камня, переливаясь всеми оттенками зеленого.

— Видишь, — повернулся к Кулану Озимандия. Его худое лицо светилось, наверно, не слабее зеленого камня. — Ты не смог бы говорить с ним. Тебе неведом язык атлантов, а дракон не из числа детей Юхиббола.

— Что ответил дракон? Он явится? — Конана интересовало только это.

— Да, если его не остановят. Нам остается ждать, — провозгласил бывший служитель. — Хотя трудно предположить, что даже в темноте они не заметят дракона. Его чертог довольно далеко отсюда.

— Да, дракон — это не заяц, это зверь серьезный, — изрек Майлдаф, поглаживая свой ужасный меч.

Между тем камень потух, и снова лишь голубоватый свет озарял пещеру. Предупрежденные магом, все теперь расположились не ближе чем в четырех локтях от светящегося камня, лежавшего на полу.

— Однако господин Кулан надолго испортил им настроение, — заметил Тэн И. — Нас пока никто не торопит навестить.

— А мне кажется, уже пришли... — В голосе Бриана Майлдафа появились недобрые нотки.

Все обернулись. Возле решетки, прямо из темноты, медленно обретая очертания, появлялась высокая белая фигура.

Это был старик в плаще с капюшоном, очень худой, с длинной бородою и длинными тонкими белыми пальцами. Низко наклонив голову, так что лица вовсе не было видно, он сложил руки перед грудью, образовав ладонями подобие сферы.

— Бриан, стой! — воскликнул Кулан. — Это Зерван!

Старик начал медленно поворачивать раскрытые ладони в направлении людей. Ослепительный белый свет больно ударил в глаза.

На миг все потеряли способность видеть, а когда слепота отступила, старика в пещере не было. Вместо него за решеткой стоял крепко сложенный молодой белобрысый гандер ростом чуть ниже среднего, в кожаных штанах, льняной рубаше и тонкой кольчуге под

ней. На поясе его висел короткий меч, а шея была обмотана красиво расшитым клетчатым шарфом. Человек озирался, не понимая, куда он попал.

— Хорса! — позвал Конан.

Гандер обернулся и, словно не веря своим глазам, протер их, а потом шагнул к решетке.

— Кениг! Это ты?! Где мы? Почему здесь решетка?

— Тихо! — строго прервал его король. — Хорса, мне, конечно, интересно, где ты провел два дня. Но сейчас ты мне нужен именно по ту сторону решетки. Слушай! — приступил к объяснениям Конан. — Мы внутри горы. Той самой, где находится тайный храм. Здесь творятся такие безобразия, что мы решили прихлопнуть всю эту шайку разом. Сейчас мы в плену, но ты, пока в пещере темно, можешь пробраться в самое логово и осуществить задуманное нами. Вот этот почтенный муж, — Конан указал на Озимандию, — великий маг. Сейчас он скажет тебе, что ты должен делать.

Ошарашенный Хорса еще не вполне пришел в себя, но слова кенига он воспринимал сразу и исполнял незамедлительно.

— Юноша, оставь эту решетку. Она не сломается, даже если ты станешь силен, как твой кениг, — заговорил Озимандия резким и скрипучим голосом, который тем не менее был чем-то неуловимо притягателен. — В этой горе есть тот, кому по силам сломать такую решетку. Ты знаком с ним — это черный дракон. Ныне он направляется сюда, но наши враги могут его остановить. Вот камень. — Маг показал Хорсе свой налобный обруч с самоцветом. — Ты пойдешь по пути, указанному им. Чем ближе к искомому месту, тем ярче будет светиться камень.

Все просто, — продолжал Озимандия. — Идти здесь недалеко. Воинов в этой части пещеры почти нет, служители боятся их. Но служители опасны. Постарайся, чтобы они тебя не заметили. Если нужно будет кого-то убить — убивай не раздумывая. Здесь не осталось людей, только привратники бездны.

Ты попадешь на перекресток трех коридоров, там будет мозаика из зеленых самоцветов, подобных этому, — круг, окаймленный стрелами. Место, где не хватает одного камня, видно сразу: там есть выемка. Но вкладывать туда камень не торопись, жди моего знака: на несколько мгновений камень вспыхнет голубым, а потом опять станет зеленым. Но, надеюсь, до этого не дойдет, — закончил маг.

— Тогда какой смысл, кениг? — обратился Хорса к Конану.

— Ты будешь для них как занесенный над их шеями топор палача. Покуда ты будешь там, они не посмеют тронуть нас. Едва ты вложишь камень в мозаику, пещеры обрушатся сверху донизу. Но никто из нас не хочет, чтобы это произошло, пока мы здесь. Если дракон освободит нас, мы спасемся все. Если же его остановят, нас все равно перебьют, а потому лучше уж мы заберем с собой этих служителей Сета.

— Я понял, — сказал Хорса. — Я сделаю то, что ты приказал. Но где Арминий, Аврелий, Юний и Умберто?

— Они погибли, — коротко ответил Конан.

Хорса замолчал, опустив голову.

— Лови камень, — нарушил тишину Озимандия. — Заклятие замка на него не действует.

Волшебник вынул камень из своей повязки и бросил Хорсе.

— Жаль, голубой светильник не пройдет! — посетовал Майлдаф, но Хорса уже скрылся в темноте.

— Мой камень получил достаточно света, этого хватит, — успокоил его Озимандия.

— А если он не доберется? — усомнился Септимий.

— А кто помешает нам сказать, что он добрался, если это потребуется? — хитро прищурился маг.

Все замолчали. Вновь потянулись минуты ожидания.

— Зерван пришел не зря, — вдруг тихо сказал Кулан. — Значит, Демон Глубин близко.

Никто ему не ответил.

— Самое большое, чего я сейчас хочу, так это спать,— некоторое время спустя сказал Майлдаф.— Разбудите меня, когда будет нужно.

И горец разлегся прямо на мху, укрывшись одним из своих бесчисленных пледов.

— Завидное умение. Я так не могу,— вздохнул Септимий.

— Брось! Ложись и уснешь. Я последую примеру Бриана.— И Евсевий, подложив под голову свой мешок, устроился рядом с горцем.

— Пожалуй, он прав,— пробормотал Септимий и присоединился к этим двоим.

— Кулан, ты не желаешь вздремнуть? — участливо спросил король.

Сам Конан не испытывал ни малейшего желания отойти ко сну, рассказывая по оставшейся в их распоряжении половине зала взад-вперед.

— Нет, о король,— покачал головой юноша, сидящий рядом с Тэн И.— Мне неинтересно спать. Я думаю.

— О чем же? — спросил Конан.

— До того, как мы вошли сюда, я думал, что скоро покину этот край и вернусь в Пустошь...

— А теперь? — Такое заявление не показалось Конану неожиданным.

— Теперь я не знаю. Здесь оказалось столько занятного: светящиеся облака, медведь, подземные рыбы, паки, дракон и...

— И я,— засмеялся Озимандия, сидевший ближе всех к решетке, вне освещенного круга.— Я знаю, ты жаждешь мудрости, а я могу многому тебя научить. Если нам будет дано выбраться отсюда, я покажу тебе все, что знаю сам, ибо мои ученики погибли здесь все до единого. Но ты совершаешь ошибку. Тебе не надо выбирать между Пустошью и Фрогхамоком. У колдуна нет родины, и в то же время его родина — весь мир. Если ты согласишься быть моим проводником, я с удовольствием проживу несколько лет в Пустоши, поскольку плохо знаю природу.

Но как бы сильно ни был ты связан с живым, более всего колдун связан с вечным! — Голос Озимандии сделался звучным и убедительным.— Кошка может быть белой или рыжей, полосатой или пятнистой, пушистой или гладкой, большой или крохотной — и все равно это кошка, живет ли она в Пустоши или в Кхитае, тысячу лет назад или будет жить через тысячу лет. А ты живешь там, где бродит кошачья тень, которая есть в каждой кошке, но она никогда не бывает равна кошке, которую держишь ты на коленях. Колдун зрим в людском мире, но он виден и в мире теней и мыслей, который вечен и вездесущ. Колдуну не надо делать выбор — этот выбор сделан за него.

— Ты прав, господин,— осторожно вмешался Тэн И.— Но один выбор колдун все же обязан сделать: кому служить.

— Это верно, и не только для колдуна,— ответил Озимандия.— Это верно для всех. Но магу приходится тужить: он служит или тьме, или самому себе, ибо служить кому-то значит не служить богу. А не служить богу — значит служить тьме. Когда маг служит сам себе, он не станет чинить вреда себе, а следовательно, и миру, где живет, то есть не пойдет против бога. И потому колдун должен ограничивать свои желания.

— Получается, колдун должен вести себя, как Зерван? — догадался Кулан.

— У Зервана в запасе вечность,— усмехнулся Озимандия.— Человеческий век краток. Зерван служит вечности, колдун — себе. Вот он, твой выбор.

Кулан затих, глядя неотрывно на голубое пламя светящегося камня. И опять потекло в пустоту бездонных подземелий невидимое время.

Глава десятая

ВТОРОЕ НИЗВЕРЖЕНИЕ БЕЗДНЫ

Когда красные когти факелов разорвали мрак за решеткой, один лишь Конан стоял на страже, не сомкнув глаз, да Озимандия, как старый филин, иногда поднимая веки, озирает пространство.

Сразу стало ясно: это не дракон. Целое факельное шествие из людей, одетых в белые балахоны, появилось из-за поворота. В охранении шли воины, но их было совсем немного, Конан насчитал лишь дюжину. Для короля, Тэн И и Майлдафа это было даже меньше, чем немного. Но они были за решеткой, а по ту сторону стояли маги, которые могли и не пользоваться магией: проще было удушить восьмерых дерзких смельчаков дымом.

Конан вопросительно посмотрел на Озимандию.

— Это они, — кивнул колдун. — В белом — восьмой круг. Из девятого будут все в черном, и все с длинными белыми бородами. Не раскрывай карты сразу, о король, — предупредил Озимандия. — Они не считают зазорным лгать, так бей их тем же оружием. Не говори им ни о драконе, ни о Хорсе, ни правды о том, кто вы на самом деле. Это я знаю тебя, а они понятия о тебе не имеют. Тяни время, заговаривай им зубы. Нам дорого каждое мгновение. Помни, этот идиот Аббас наложил на дверь заклятие замка, и теперь никто, даже они, не сумеет ее открыть. Ни стрела, ни копьё не страшны нам...

— Равно как и им, — прервал словоохотливого мага Конан. — Не надо наставлять меня, Озимандия. Говорить буду я, а все остальные — когда я разрешу, и ты тоже. Ты помог нам, и я помню об этом. А теперь будь любезен слушаться меня.

Воины в черных латах выстроились вдоль стен. Служители в белом образовали еще два ряда, гораздо более длинных, чем ряды воинов. И вот появились девять человек в черном. Они шли по трое, медленно и чинно, и сразу было видно, что власть здесь безраздельно принадлежит им. Как и говорил Озимандия, длинные белые бороды их свешивались до пояса.

Все девять были высоки и стройны и выглядели весьма благообразно. Несомненно, когда-то они были полны энергии, взглянув же на них сейчас, невозможно было поверить, что они не родились стариками. Длинные высохшие пальцы, седые волосы, обострившиеся черты лица, бескровные губы и запавшие глаза свидетельствовали об одном: смерть приближалась к ним, и они готовы были на все, даже на сговор с владыками тьмы, лишь бы ее избежать.

Но как могло произойти такое? Как девять полуживых старцев, почти мумий, оказались полновластными хозяевами десяти тысяч жизней и высоких магических тайн? Ответ был прост: подземный храм давно умер. Умер как храм, как живая идея. Смерть поселилась здесь вместо жизни, и лишь она одна правила тут, обретя наконец зримое воплощение своей власти. Эти девять развалин по сути не жили уже, но не были они и мертвецами: они стали в этом мире посланцами всеуничтожающей пустоты, и черный цвет их одежды был черным знаменем черных богов.

Девять магов остановились перед решеткой. Лица их были неподвижны, словно посмертные маски, глаза безразличны ко всему. Зеленые камни ярко переливались на их обручах. Казалось, могильным хладом веет от них, а за их спинами огромной тенью стоит ужас всемирного зла, и он придает им силы.

Конан шагнул к решетке и встал против девятерых. За ним стояла жизнь.

— Кто ты, обманом проникший в священный храм Илу Всеединого? Зачем убивал ты посвященных служителей его? Что тебе нужно здесь? — медленно заговорил первый старец.

— Я король Аквилонии, Конан Киммериец, — ответил Конан. — Я не знаю никакого Илу и не вижу никакого храма. Здесь земля моего королевства, и я хожу по ней, когда и где захочу. Кто вы такие, хотел бы я знать? И что вы делаете на моей земле?

— Ты впустую тратишь слова, Конан, если тебя действительно так зовут. Если даже ты и есть король Аквилонии, то, что ты находишься здесь, — лишь свидетельство бессилия королевств земных и могущества Илу Всеединого. Ты силен и довок, но ты бессилен и ничтожен. Илу раскрыл твоё коварство, и ты не можешь противостоять чуду, явленному им, — важно изрек второй.

— Это заклятие замка, против которого ты можешь не больше, чем я, а никакого не чудо! — рассмеялся Конан. — Только ты будешь топтаться около этой решетки всю свою недолгую оставшуюся жизнь, а я вышибу ее очень скоро. Не так ли, Озимандия?

— Озимандия, ты осужден на смерть, — вступил третий служитель. — Ты добился многого, но ты теряешь все во мгновение. Илу не прощает измены. Приобретенное тобой не спасет тебя. Черный дракон будет здесь так скоро, как ты рассчитывал. Но когти его разорвут твоё тело.

— Озимандия знает больше, чем все вы вместе взятые, старые вы ослы! — заявил служителям Конан. — То, что скрыто от ваших глаз во тьме, видно ему как при ярком свете.

— Тьма не страшна нам, она свет для нас, — заговорил четвертый, — а свет — тьма. Во тьме — сила, а свет лишь обнажает слабости, но бессилен сам. Не вам найти победу во тьме.

— Озимандия, ответь им, если хочешь, — усмехнулся король.

Стравить двух магов в словесном, а не магическом поединке было забавно.

— Во тьме нет знания, — выступил вперед волшебник. — Все, что вы помните еще, затворившись здесь, в пещерах, взято у света. Погруженные во тьму, растеряли вы все, даже свои имена. Вы восхваляете тьму, но не можете обойтись без света. Что будете вы делать, когда погаснет солнце? Нечему будет освещать ваши поля, не вырастет трава для овец! И что будете делать вы, когда догорят ваши факелы? Вам неизвестно даже, как вернуть свет в эти пещеры!

— Свет — только ступень перед тронном могущества тьмы, — молвил пятый служитель. — Свет тает во тьме, уступая ей и отдавая свои знания. Ужели думаешь ты, что, разогнав с помощью жалкого фокуса ничтожных букашек, победил нас? Эти твари сами не могут жить без света, они слабы и не нужны нам более. Мы создали могучих помощников, которым не нужны ни пища, ни свет, ни воздух. Они сильны и безжалостны и сокрушат любого. Они не боятся смерти. Мы осветим пещеры чапами жидкого света, а букашек перестанем кормить, и они сдохнут.

— Жизнь превозможет тех, кто не живет, — ответил Озимандия. — Не я просил скрилей не светить, а этот юноша, помнящий Юхиббола Сага. Ему ничего не стоит собрать их вновь. А они запросто могут сплотиться так, что вы погибнете от жары, и без вас ваши големы останутся бесполезными глыбами. Что могут сильнейшие ваши создания, грифоны, против черного дракона?

— Вся мощь дракона и все жизни Юхиббола — ничто перед великой тьмой, — провозгласил шестой. — Свет породил дракона, свет же и покарал его, свет сбросил его во тьму, и тьма дала заклинание, победившее дракона и свет, таящийся в нем. Вы погибнете!

— Знание сильнее невежества, слово сильнее молчания, бытующий с именем сильнее безликого. Зришь ли

ты этот камень? — Озимандия показал служителям серебряный перстень. — Это камень Бреннана Мабида-на, презревшего тьму и возвратившегося через восемь веков сюда, как он и обещал. Различаешь ли ты цвет сего камня?

Конан тоже обратил внимание, что вместо зеленого тот светится голубым.

— Помнишь ли ты мозаику на перекрестке? — Озимандия в благородном порыве и сам запаматовал, как недавно учил Конана держать язык за зубами. — Стоит тебе начать творить заклинание, и дух, заточенный в телах грифонов, обретет свободу и покой, испепелив прежде вашу гору и мерзкие создания ваши, способные лишь к убийству. Вы мнили, что с меньшим камнем я стану беспомощен и слаб? Я стал сильнее, ибо мне ведома сила, таящаяся в малом. Вспомнили мозаику, безымянные?

Старцы замолкли, но Конан будто бы слышал некий шелест, напоминающий связную речь, и шелест приходил из-за решетки, от девятерых.

— Что это? — спросил король у Озимандии.

— Они обмениваются мыслями, — откликнулся тот. — Тебе слышны отголоски их беседы на языке атлантов. Не ведаю, о чем именно идет разговор, но они встревожены! Отдать распоряжение изловить Хорсу так, чтобы мы не услышали сего, они не могут, ибо даже мысленный приказ я пойму по причине его звучности. Ныне самый благоприятный момент чтобы сковать их, задержать здесь!

— Эй вы, дряхлые мумии! — загремел голос Конана. — Если хоть один из вас двинется с места, наш человек около вашей дурацкой мозаики вложит в нее камень, и гора похоронит и нас, и вас со всеми вашими мерзостями. Посему советую вам выбрать прямо сейчас: либо будете убиты вы девятером, но спасены остальные десять тысяч — или сколько вас сейчас под горой? — либо погибнут все. Это сказал я, король Аквилонии Конан Киммериец, а я держу данное слово. Что ответите на это, мудрецы?

— Ты сам не ведаешь, на что идешь, — сказал седьмой. — Ты убьешь нас или обрушишь гору, но тьма непобедима! То, что живет ныне в подземных глубинах, нельзя уничтожить. Тьма близка к выходу наружу, и ты всего лишь отсрочишь его, если сумеешь. Тьма найдет выход и возобладает в назначенный час!

— Она, может, и возобладает, — спокойно ответил король, — но уж точно не при мне. Она-то не погибнет, а ты сам хочешь жить? Ты и вся твоя тысячелетняя гора. Ты подумал о тех, кто остался внизу?

— Никакая жизнь не стоит ничего перед целью, коей мы служим, — важно изрек восьмой. — Мы не страшимся смерти, ибо не умрем. Властелин тьмы помнит обо всех. Мы уйдем в пустоту до времени, но после восстанем вместе с ним. И все, кто будет убит вами здесь, восстанут. Вы же — никогда! Мы упредим дракона, он не придет!

С этими словами служитель коснулся перстнем своего камня, и еще семь теней в черном послушно сделали то же. И лишь девятый, молчавший покуда, остался неподвижен. Конан понял, что этот последний и есть тот главный, кто допущен до центра девяти сужающихся кругов, до великого Ничто.

Взгляды короля и старца встретились и скрестились подобно рапирам. Взор киммерийца был открыт и прям, остер и тверд, как его меч. Взгляд старца был щелкой в дверях, ведущих в иной мир — мир лжи, черного колдовства, обмана и пустоты. Мир, в привратников которого превратились здесь эти люди, переставшие быть людьми.

— Они начали творить свое заклятие! — с негодованием выкрикнул Озимандия. — Наш могучий друг близко, но он не успеет. Они довершат свое черное дело прежде!

— Командуй Хорсе, пусть начинает и он, — твердым голосом сказал Конан, не отводя взгляда.

Его дуэль со старцем продолжалась. Это было не просто глупое противостояние тщеславий. Взгляд стар-

ца засасывал, как водоворот, вобравший в себя толику мощи черных подземелий, вполне достаточную, впрочем, чтобы ощутить всю необъятность целого и утешиться. Как будто тяжкий груз лег на плечи короля, груз давящий, непомерный, но Конан выдерживал этот груз. Его душа была закрыта для тьмы, и тьма, беснуясь, отступала.

Озимандия извлек из складок одежды четки и принялся, перебирая их, шептать непонятные слова, звучащие сурово и грозно. И снова, как и в те минуты, когда маг призывал дракона, всем начало казаться, будто из воздуха, из ниоткуда собирается и возникает нечто древнее и злобное, дышащее ненавистью к вековечному своему заточению и наконец почувствовавшее дух долгожданной свободы, готовое разрушить любые преграды ради нее и смести на своем пути всякого. Озимандия словно размыкал замки на гигантской цепи один за другим, и замков этих становилось все меньше...

— Остановись, Озимандия! — прозвучал властный высокий голос девятого, в котором слышался металл. — Ты великий маг, мы поняли это. И пусть ты не достоин того, чтобы быть среди нас, ибо преступил наши законы и клятвы, но мы уважаем тебя как мастера. Конан, король Аквилонии! Монархи земные — пыль у трона повелителей тьмы, и лишь ты один сумел восстать из пыли и бросить вызов. Вы оба заслужили жестокую кару, и она настигнет вас неизбежно. Но сейчас мы даруем вам жизнь. Пока... — зловеще закончил служитель. — Освободите черного дракона! — приказал он своей черной братии.

Но Конан не верил старцу.

— Озимандия, они делают то, что им велели? Если нет — продолжай!

— Они делают то, что говорят, Конан, — ответил волшебник. — Я прервал свое заклинание, но всегда могу начать его заново. Я не верю им, король. Они могут обмануть нас, но надеюсь, что мы успеем до того, как...

Он не успел договорить. Поднялся ужасный вихрь, который пролетел по пещерам с пронзительным свистом, заглушая последние слова Озимандии. Мнилось, незыблемые каменные своды рухнут, не выдержав этой оглушительной, неведомо откуда взявшейся лавины звука.

Люди прижались к стенам, будучи не в силах противиться напору ветра. Один только король Конан остался стоять там, где стоял. А рядом с ним, торжествуя долгожданную победу, стоял, хохоча, в развевающейся белой одежде великий маг Озимандия. Он один сегодня сумел повергнуть всех своих врагов и отомстить за тех, кто пал здесь в неравной схватке с тьмой восемь веков назад.

Ветер стих так же внезапно, как и поднялся. Из туннеля надвинулась темная грозная тень. Воины, служители восьмого и девятого кругов рванулись к решетке. Черные латники обнажили мечи, но как это было смешно!

Огромная треугольная голова рептилии высунулась из темноты. Она была около двух локтей в длину и чуть больше одного в ширину. Клыки длиной почти в локоть, кривые, как сабли зуагиров, торчали из верхней челюсти. И недобрым огнем пылали темные очи с неподвижными змеиными зрачками. Очи, преисполненные ненависти, мудрости и скорби!

Сверкнули клинки, полетели копыта, зашипели что-то служители — тщетно! Дракон развернулся и ударил хвостом. Служители были сметены, как мелкие щепки, стальная решетка рассыпалась, будто была сплетена из соломы. Заклятие рухнуло, как тонкая ширма, уступив более древней силе!

И только одно смутило Конана: в последний миг — он был уверен, что ему не померещилось, — девятый, старший служитель, юркнул куда-то и пропал. Гнев дракона не покарал его.

— Вы зывали ко мне, и я здесь, — прозвучал глубокий и спокойный голос, исходивший, казалось, отовсюду.

Конан понял, что он воспринимает голос не слухом, но непосредственно сознанием. Это говорил черный дракон.

— Благородны помыслы ваши, и ныне вместе суждено нам пройти путь от врат бездны к горнему свету. Если угодно будет богам, чтобы мы прошли его, ибо коварны слугители тьмы. Время не ждет, ибо Зерван и без того сделал больше, чем дозволено, и теперь не может помочь нам ни в чем. Следуйте за мной,— велел дракон.— Беседа ждет нас после как великая награда, если мы возвратимся.

Зрелище было впечатляющим. Огромное и совершенное тело без единого изъяна, покрытое черной матовой чешуей, мощная и гибкая длинная шея, мускулистые лапы с длинными когтями, изящные, тихо шуршащие кожистые крылья и темные, горящие багровым огнем глаза — таков был черный дракон Диармайда О-Дуйна!

— Тогда води нас туда, где находится Хорса! — сказал Конан, глядя в очи змея.

Каких только чудес не было в его жизни, но чтобы вот так запросто говорить с драконом, не опасаясь быть сожраным,— такое довелось впервые! Это было захватывающе и жутко! Черная голова ящера на длинной шее с разинутой пастью, полной острейших зубов разных размеров, слегка покачивалась из стороны в сторону в паре локтей перед королем. Пожелай змей уничтожить их, он сделал бы это в единый миг, и даже сила и воинское искусство Конана и Тэн И оказались бы ни к чему.

Но эта гора гранитных безжалостных мускулов заключала в себе мятежный, но скорбный и просветленный многовековым страданием дух.

Дракон прикрыл ненадолго глаза в знак согласия, развернулся, и его голос, доносившийся из необозримых глубин прошлого, прозвучал вновь.

— Следуйте за мной, король,— молвил он с горькой усмешкой.— Я поселился здесь раньше, чем явился в

Аквилонию блаженный Эпимитриус. Впрочем, пускай ты, Озимандия, и юноша, жрец Юхиббола, воссядут на мою спину. Остальные пока пойдут пешком.

Конан не стал рассуждать. Каждое мгновение действительно было на вес золота. Уцепившись за жесткий драконий гребень, король легко вскочил на спину ящера.

— Озимандия, давай руку! — велел он магу.

Король и два колдуна уселись верхом на чудовище. Впереди лежал пустынный пещерный мрак.

— Трогай! — усмехнулся Конан.

Тело рептилии дрогнуло, и киммериец почувствовал, как змей поднимается и плавно начинает движение.

— За мной! — скомандовал король, и маленький отряд устремился вперед, за драконом, бесшумно скользящим в одном локте над полом.

Голубой камень почти не освещал туннель, но дракону не надобен был этот тусклый свет. Величавая и ужасная голова пресмыкающегося на извивающейся шее плыла впереди, разрезая неподвижный сумрак.

Медленно тянулись стены коридоров. Казалось, им не будет конца. Озимандия, пожалуй, преувеличил, сказав, что до перекрестка с мозаикой путь недалек. Но вот в очередной раз стены разошлись в стороны, и они влетели в огромный зал. Сразу повеяло сквозняком и прохладой, но тут же появилось и ощущение чего-то зловещего, ожидающего впереди.

— Озимандия,— шепнул магу Конан.— Тебе не показалось, что вашего главного не было среди убитых?

— Это истина,— вместо Озимандии ответил дракон.— Он перехитрил нас. Он вызвал Демона Глубин, Черный Огонь Смерти. И теперь демон преградил нам путь вместе со своим воинством. Верховный слугитель страшился разрушения горы, и потому повелел отпустить меня. Он думал упредить нас и убить вашего человека прежде, чем мы придем к нему на выручку. Но он просчитался. Мы не успели

уйти отсюда, они же не успели схватить Хорсу. Из этого зала выходит одна из галерей, ведущих к перекрестку с мозаикой, и мы встретились здесь. Предстоит битва...

Едва отзвучала речь дракона, как уже знакомый багровый огонь появился в непроглядной тьме. Он был далек, но быстро разгорался, освещая поле предстоящего сражения.

Они находились в обширном зале не менее четырехсот локтей в длину и не менее ста пятидесяти в ширину. Мощные круглые колонны в четыре ряда, выстроенные по длине зала, поддерживали свод, возносившийся на шестьдесят локтей. Пол был выложен гладкими мраморными плитами, составлявшими огромный изысканный узор. Колонны, стены и свод сплошь были покрыты мозаикой, картинами духовной летописи Аквилонии и подгорного храма. Ниши зала украшали дивной работы скульптуры и рельефы, но сейчас на эту красоту никто не обращал внимания.

В самом центре зала возвышался черный гигант ростом в двадцать локтей, демон в человеческом облике, закутанный в плащ из непроницаемого мрака. За спиной у него трепетали черные крылья. Лицо его скрывала маска, изображавшая мерзкую оскаленную пасть некоего создания — полуптицы, полужверя. В огромной руке он держал меч, одно лезвие которого было из черной твердой стали, другое — из седого струящегося тумана. В левой руке он сжимал плетъ-девятихвостку, и каждое вервие светилось багровым.

За предводителем шла его рать, создания тьмы, выведенные при помощи черной магии и чудовищных извращений естества. Велика была сила этих химер, и думалось, поредевшей армии короля Конана не победить это воинство. Был здесь и волк с телом змеи и лапами тигра, и акула на паучьих ногах, и гусеница со щупальцами кракена, и орел с зубастым клювом, и медведь с рогами буйвола, и целый сонм крылатых человекоподобных демонов.

А позади, скрывшись за рядами монстров, выстроились люди — пятьдесят меченосцев в черных доспехах и гладких, как яйцо, масках, никак не повторяющих черты человеческого лица. Лишь узкая прорезь для глаз пересекала эти личины. Командовал воинами храма высокий старик в черном — верховный служитель.

— Озимандия, ты превзошел многих волшебников и чернокнижников, — вновь раздался голос дракона. — Подумай, что можешь ты противопоставить войску тьмы, на что годна твоя мудрость.

И ты, юный жрец Юхиббола, подумай: дикие звери западной пущи ластились к тебе, как щенки, но не все дети Юхиббола имеют зримый облик. Что может жизнь в схватке с небытием?

Король Конан, твой меч разил создания из плоти и крови, но и демонам редко удавалось избежать его. И это было не случайно, ибо ты, не ведая и не сознавая того, был не просто воином и полководцем. Благословение Эпимитриуса пребывало с тобой с некоторых пор и пребывает ныне за дела твои. Знай и помни об этом теперь и всегда.

— Ладно, буду помнить, — просто ответил король. — Тэн И, Евсевий, Септимий, Майлдаф! Нам придется подраться, и не исключено, что нас сильно побьют, но мне до сих пор везло в драках. Запомните: вы должны биться только с людьми. Демоны — противники не для вас! А потому ждите, как ждут нас те пятьдесят в черном. На каждого придется по десять, но это не беда. А сейчас глядите в оба, такую потеху вы вряд ли когда увидите! Битва демонов — это...

Договорить он не успел. Черный великан поднял меч и призрачным его лезвием ударил оземь. Пол рассклала извилистая трещина, разрезавшая зал вдоль. Это был сигнал. Воинство тьмы пошло в атаку.

Сам великан при этом остался на месте, но его приспешники дружно устремились вперед.

— Держитесь крепче! — прозвучал еще раз голос дракона, и черный змей рванулся вверх.

Навстречу ему уже неслись крылатые демоны, вооруженные кто мечом, кто копьем, а кто попросту когтями, клыками или клювом. Конан, сидевший у самого основания драконьей шеи, поудобнее ухватился левой рукой за гребень и приготовился к бою.

Первым напал на него птичечеловек с твердым железным носом-клювом, узкими желтыми глазками и перепончатыми крыльями, на которых росли железные когти. Он попытался сбросить короля ударами крыльев, а потом добить. Но не тут-то было! Киммериец легко увернулся от клюва, а затем одним ударом клинка отсек крыло чудища у самого плеча. Демон, прочертив носом по отвердевшей за долгие века чешуе драконьего бока и не причинив ящеру ни малейшего вреда, рухнул вниз.

Сам дракон тоже не терял времени. Пастью он перехватил поперек туловища грозного летающего рыцаря, который пусть и уступал Конану в росте, но в плечах был ничуть не уже. Он размахивал длинным кривым мечом, пытаясь достать дракону до глаза или полоснуть по шее. Когда на миг демон обернулся к королю, оказалось, что у него свиное рыло и клыки в три раза крупнее кабаньих. Дракон перекусил оборотня пополам, а попутно сбил крылом уродливую гарпию, нацелившуюся нырнуть ему под брюхо.

После этого следить за подвигами ящера королю стало некогда. Конан только успевал рубить, колоть, отводить и отбивать удары мечей, палиц и молотов, уклоняться от брошенных в него копий и свистящих стрел.

Некоторые летающие создания были вооружены луками. Особенно досаждала противная крылатая обезьяна, которая после каждого выстрела корчила мерзкие гримасы и издевательски хохотала. Дракону тоже не нравилось, что стрелы попадают в него, а некоторые даже застревают в чешуе, гребне и ороговевшей коже. И змей устроил за обезьяной-стрелком настоящую охоту.

Конан, когда ему удавалось на мгновение перевести дух, чувствовал, что левая рука у него одеревенела и он вряд ли сумеет сразу разжать пальцы, намертво ухватившие драконий гребень. Правда, это было к лучшему: ящер выписывал в воздухе такие немыслимые фигуры, что сорваться с его спины было проще простого.

В конце концов дракон настиг обезьяну под самым потолком, прижав ее к колонне. Уходя от страшных зубов, она юркнула в сторону и вниз. Но Конан, отклонившись как мог далеко вправо, выбросил навстречу воздушному лучнику руку с мечом и достал-таки обезьяний загривок. Отсеченная упавшая лохматая голова, кувыркаясь, полетела на пол. На морде так и застыла непотребная гримаса.

Некоторое время спустя воздушный бой поутих. Дракон вместе с Конаном разметали крылатых демонов и оборотней, и теперь менее десятка их кружили еще по залу, хоронясь от непобедимого противника за колоннами. У Конана появилась возможность обозреть всю панораму боя.

Удивлению короля не было границ. Озимандия и Кулан — и как их не задело в жуткой мясорубке сражения?! — превзошли самих себя. Чудовищам не удалось беспрепятственно напасть на маленький отряд. У людей нашлись могучие защитники. Кого из этих диких созданий оживил гений Озимандии, кого вызвал из пещерных глубин жрец Юхиббола, понять было трудно, но разве это имело значение?

Тяжелый и неповоротливый, но массивный и невероятно сильный зверь, похожий на покрытого броней гиппопотама с крокодилей пастью и колючими костными наростами на голове и шее, теснил извивающуюся у его столбообразных ног гусеницу, превосходившую длиной самого крупного питона.

Тот, кого так не хотел встретить под землей Конан, — саблезубый тигр — жестоко схватился со змееголовым волком. Гигантская летучая мышь рвала ког-

тами спину рогатого медведя, а слепой червь с пастью, полной мелких острых зубов,— тварь очень напоминала песчаного раваха — перегрыз уже несколько пар конечностей у сороконожки, вооруженной длинными иглами и хоботками, и та теперь едва удерживалась, чтобы не завалиться набок.

Нелетающего орла с зубастым клювом и вовсе облепило какое-то темное облако, похожее на пчелиный рой, только гораздо более плотное и вязкое. Орел пытался разодрать субстанцию когтями или ударить клювом, но все его попытки были безнадежны. Облако душило его и, видимо, нещадно жалило.

Был здесь и настоящий орел, только весь из огня, и едва видимый в пещерной темноте светящийся темно-синим ореолом человек-призрак с длинным копьём в руке, и трехглавый пес с утыканным шипами шаром на кончике хвоста.

Но и люди приняли участие в сражении, нарушив запрет. Тэн И, Септимий и Майлдаф отбивались от наседавшего на них шестилапого, покрытого чешуйчатой броней льва, и небезуспешно.

Евсевий же, не теряя даром времени, взялся за лук. Как ни велик был зал, а для хорошего стрелка расстояние в четыреста локтей не было помехой. Черные рыцари храма не могли пересечь пещеру из-за кипящей повсюду битвы чудовищ, а Евсевий отлично видел их и бил наверняка. Четверых или пятерых стражников поверг он меткими выстрелами, прежде чем старец догадался увести своих людей в боковой проход. Но лук Евсевия и тогда не остался без дела. Те твари, что вились еще на крыльях под потолком, тоже боялись острых стальных наконечников.

Баталия еще продолжалась, но становилось ясно, что силы мрака уступают и поражение их не за горами. Освободившийся от воздушного боя дракон упал на спину змееголовому волку и сломал тому хребет. Саблезубый тигр, покрытый кровоточащими ранами, которые, впрочем, не были глубокими и опас-

ными, огласил зал победным рыком. Тут же он принялся хлестать себя хвостом по бедрам, выбирая нового врага.

Но вот в битву вступил сам черный великан, и Конан воочию увидел предназначение двух столь разных лезвий его меча. Одно из них, стальное, предназначалось для созданий из плоти и крови, другое, призрачное,— для духов.

Первым пал от меча гиганта червь, добивший-таки сороконожку. Стальной клинок разрубил червя пополам. Тот успел схватить зубами ногу врага, но лишь разорвал сапог. В образовавшейся дыре не было ничего, кроме непроглядной тьмы.

Следующей жертвой Демона Глубин стал призрачный синий воин. Он сопротивлялся и бился с демоном упорно и умело, даже достал его бедро своим копьём, и демон дернулся от пробежавшей по телу судороги, но в ответ струившийся туман колдовского меча рассек плечо синего воина, и рука, державшая щит, бесильно повисла. Отведя последний отчаянный удар копья, демон следующим выпадом пронзил сопернику грудь. Тот стал падать, пораженный в самое сердце... И исчез.

Тигр, увидев, что черный рыцарь надвигается на него, попросту предпочел удалиться с поля боя, и это было его правом. Он славно сделал свое дело, вняв зову брата, и теперь Кулан отпускал его. Клыки и когти зверя ничего не могли противопоставить воплощению мрака.

Конан понял, что бой закончен. Монстры были побеждены, магия людей оказалась сильнее. Тэн И рассек шестилапому глотку и поверг его наземь, но и Черный Демон убил или разогнал всех, кто бился на стороне людей.

В зале воцарилась тишина.

— Сойдите с моей спины,— повелел дракон.— Вы видите, мы одолели тьму, но не до конца. Теперь мне предстоит схватка с Черным Огнем Смерти, вас же ждут стражники. Их сорок пять, вас семеро. Выход к

перекрестку, где ждет Хорса, находится справа точно посредине зала. Там особая дверь, создающая иллюзию бесконечного коридора. Не позволяйте стражникам проникнуть туда.

А демон уже приближался, сотрясая зал тяжелой своей поступью, и дракон, расправив крылья, взмыл ему навстречу.

Они сошлись. Дракон, применив свой излюбленный маневр, сначала запутал противника волнообразными движениями головы и шеи, все время изменяя предполагаемое направление поворота, а затем по крутой дуге попытался обойти демона слева, чтобы тот не смог пустить в ход свой меч.

И змей едва не осуществил свой замысел. Демон не успел развернуться, и зубы ящера оказались в опасной близости от его шеи. Но взметнулась огненная плеть, просвистев в нескольких пальцах от драконьей головы, и змей успел лишь ударить противника крылом по левой руке. Тот чуть не выронил плеть, но все же удержал ее.

В это мгновение Конан увидел, что стражники опять вышли из своего убежища и под предводительством верховного служителя устремились вдоль стены к центру зала, где находилась заветная дверь. Наблюдать за боем гигантов было захватывающе интересно, но позволить врагу добраться до Хорсы значило не только отдать победу, но и бесславно погибнуть.

— Ну уж нет! — прорычал Конан и ринулся наперез воинам храма.

Тэн И и Септимий последовали за ним, Евсевий уже прилаживал стрелу. У Кулана тоже был меч, но Конан, обернувшись на ходу, крикнул:

— Кулан, оставайся на месте! Охранять Озимандию! Кулану пришлось остаться.

Между тем и демон предпринял попытку пробиться к вожаемой цели — двери, ведущей к перекрестку. Но дракон был бдителен. Рискуя подставиться под удар меча по шее или крылу, он спикировал вниз, и, быстро

пролетев у самых ног великана, со всей возможной силой хлестнул по ним хвостом.

Гигант, потеряв равновесие, неловко взмахнул руками и попятился назад, чтобы не повалиться навзничь. Дракон не замедлил воспользоваться этим и упал на черного рыцаря сверху. Рука с мечом была отброшена крылом, а когтистые лапы ударили демону в грудь. В последнем взмахе плеть жестоко ожгла спину дракона, но это уже не могло спасти положения. Демон был повержен.

И немедленно, как и в случае с Тэн И, он начал менять облик. Дракон, не обращая внимания на пять вздувшихся на спине полос обожженной кожи — столько хвостов огненной плетки прошло по его спине, — снова атаковал.

А у дверей уже закипел бой. В коридор, уходящий вглубь пещеры, вел довольно узкий проем. Два человека не слишком могучего телосложения едва прошли бы сквозь него плечом к плечу. Дверь была оформлена в виде портала, и действительно возникала иллюзия уводящего в иной мир бесконечного пути.

Конан разделил отряд. Он сам, Тэн И и Септимий встали в дверях, закрыв проход, и теперь сдерживали яростный натиск стражников. Евсевий и Майлдаф остались в зале. Аквилонец с поразительной быстротой пускал одну за другой разящие стрелы, а горец с мечом в руках прикрывал его от нападающих латников.

— Убей старика! — крикнул Конан, хотя Евсевий, должно быть, и без того знал, в кого нужно целить прежде всего. Но тщетно искал он высокого и худого седовласого служителя: тот пропал, скрылся, будто его и не было.

— Проклятие! Чтоб его Имир заграбастал! — выругался Конан, отбивая очередной выпад противника.

Стражники штурмовали дверь как одержимые, и драться с ними было совсем не просто. Это были прекрасно обученные и тренированные воины, но им не-

доставало одного: опыта настоящей войны. Тот же недостаток был присущ и Септимию, а вот у Конана и Тэн И такого опыта хватало с лихвой. Что касается Майлдафа, то бытовавший среди его соплеменников обычай кровной мести заставлял каждого мужчину, если он не был отродясь калекой, с юных лет брать в руки тяжелый и длинный изогнутый горский меч. И пользоваться этим оружием совсем не для игры приходилось, увы, нередко. Конан не знал, да и не очень хотел знать, сколько голов на счету Бриана Майлдафа. Должно быть, не одна, поскольку голова самого Бриана покуда крепко сидела на плечах.

Евсевий не стоял на одном месте, а постоянно менял рубежи обстрела. Стражники гонялись за ним по всему залу, и Майлдафу приходилось биться, прикрывая стрелка, то с одним, а то сразу с пятью мечниками. Но аквилонец маневрировал между колоннами так ловко, будто в шахматы играл, и стражники неизбежно проигрывали ему позицию. Им постоянно приходилось рассыпаться, разделяться, преследуя хитроумного тарантийца, а горцу только того и надо было. Сколь возможно быстро отбившись от нескольких нападавших, он затем обрушивал всю мощь своих ударов на одного-единственного невезучего воина, и тому приходилось несладко.

У дверей главную тяжесть боя приняли на себя Конан и Тэн И, но у схватки в строю есть свои правила. Здесь нет места для поединков один на один, здесь нужно ликвидировать ближайшую угрозу, неважно, на тебя ли она направлена или на товарища. И разить требуется не «своего», а первого попавшегося. Как раз Септимий и взял на себя неожиданные опасности, тратя времени и сил на ликвидацию которых очень помешала бы Конану и Тэн И вести атаку, а не только обороняться.

Конечно, и у Майлдафа, и у Конана, и у Тэн И с Септимием уже появились небольшие раны на руках, плечах и ногах, но они не были помехой для сражаю-

щихся, а вот у стражников потери оказались велики, да еще Евсевий вел меткую стрельбу.

Иногда Конан все же успевал краем глаза видеть, как идут дела у дракона. Кажется, змеем одолевал. Черный Огонь менял уже четвертое или пятое обличье. Сейчас он сумел наконец обрести устойчивую форму, явившись гигантским кракеном со множеством щупальцев. В такой личине ему было трудно нападать на летающего высоко ящера, но и дракон никак не мог достать мягкую плоть головоногой твари когтями или зубами и вынужден был ограничиваться лишь ударами хвоста, бросающими черный копошащийся студень, как набивной мяч. Но и только. Приближаться к щупальцам было опасно. Их сила была такова, что неизвестно, сумел бы дракон взлететь, если б хотя бы три таких отростка схватили его.

Между тем стражников осталось не более двадцати пяти, но они не торопились сложить оружие. Где скрывался слугитель, Конан не представлял. Оставалось уповать на то, что дракон справится с Демоном Глубин и у отряда появится возможность отыскать старца в пещерах. С помощью дракона решить такую задачу не представлялось невозможным.

Но вот дракон прижал спрута к колонне, и тот, задумав, вероятно, стать с крылатым змеем вровень, влез по каменному стволу на двадцать локтей вверх. Уцепившись за камень двумя щупальцами с тысячами присосок, он выбрасывал в разные стороны остальные, пытаясь зацепить летавшего вокруг ящера.

И тут змей, заложив крутой вираж, стремительно облетел круглый столп и, прочертив когтями по мозаике, содрал-таки кракена с опоры. Тот попытался обвить змея и если не придушить его, то не дать ему лететь, связав крылья, но не успел. А дракон, вцепившись в тело моллюска когтями, с силой развел лапы в разные стороны и разорвал черное тело пополам.

Раздался ужасный вой, полетели черные клочья, повалил дым, запахло паленым, но из темного облака

вылетел невредимый дракон, гордый и прекрасный, а после быстро рассеившегося дыма не осталось ничего, кроме горстки пепла.

Вот тогда стражникам пришлось по-настоящему плохо. Конан, Тэн И и Майлдаф пошли в решительную атаку, а сзади на несчастных напал сам великий дракон. Латники построились в каре и пытались уйти к тому коридору, куда спрятались от стрел Евсевия в начале битвы. Но спасительный выход был недостижим.

Наоборот, люди и дракон вытеснили воинов в черном в центр зала и не давали сдвинуться ни на шаг, а Евсевий получил прекрасную возможность вести прицельную стрельбу по кучной группе людей. Силы стражников быстро таяли.

— Не добивайте хотя бы троих! — распорядился Конан. — Может быть, они знают, куда отправился наш приткий старичок! Без него нам не уйти отсюда, а Хорсе не отойти от мозаики! — продолжал говорить киммериец, расправляясь с очередным противником. Конан всадил ему меч в открывшуюся на миг узкую щель между племом и нагрудником.

— Смотрите! Вот он! — вскричал вдруг Кулан, указывая на портал, что вел к перекрестку.

Конану некогда было рассматривать фигуру в черном, будто из воздуха сгустившуюся рядом с дверью, но сомнений быть не могло — это явился верховный.

— Евсевий, держи его под прицелом, но не стреляй! — закричал Конан и, понимая, что и без него стражникам не уйти от мечей и драконьих лап, бросился за служителем.

Но тот и не думал убегать. Он был странно и подозрительно неподвижен, и злобная улыбка удовлетворения не сходила с его лица.

Не успел король пробежать и сорока локтей, как старец, воздев руки и повернув их ладонями в сторону Конана, что-то забормотал. Конан не слышал слов, поскольку расстояние было значительным, да и вряд

ли бы он понял их, но колдун произносил заклинание, и, чтобы видеть это, не нужно было учить древний язык.

— Что еще за мерзость, Кром его порази! — возмутился король и хотел уж было перемахнуть широкую в этом месте трещину, возникшую в полу от удара колдовского меча, как услышал за спиной тревожный крик Озимандии:

— Король, остановись! Не прыгай через провал, молю тебя!

Озимандия не страдал излишней скромностью, но и болезненной мнительностью тоже не отличался, и Конан в нерешительности замер перед извивающимся разломом. И вовремя. Из провала повалил черный дым, и, сгущаясь под потолком, начал принимать очертания гигантской человеческой фигуры.

Раздался характерный звук — это пропела в воздухе стрела Евсевия. Торжествующий старец замер, опустил руки, прижал их к груди и рухнул на мраморные плиты. Пока он падал, еще одна стрела зло впиалась ему в глаз. Евсевий сделал свое дело.

Но черный мрак, изливаясь из трещины, вставал стеной, и новый лик Черного Огня, тысячекратно превосходящий того, что сейчас был повержен во прах драконом, выходил из глубин.

Даже бесстрашный Конан отступил на два шага назад — столь невыносимо тяжек и ужасен был этот мрак.

— Он успел, — вновь заговорил дракон. — Евсевий убил старца, и ныне я свободен. Стража храма уничтожена. Но прежде чем погибнуть, он успел вызвать из заточения всю тьму, на какую только был способен. Мне не справиться с этим противником, а вам он и подавно не по силам. Надо уходить, или мы погибнем.

— Там остался Хорса! — выкрикнул король, пытаясь пронзить взглядом плотную завесу мрака, скрывающую все, что осталось по ту сторону трещины.

— Ты ничем не можешь ему помочь, — печально сказал дракон. — А Хорса нам — может. Будем надеяться на чудо. Этот юноша любим богами, раз сам Зерван проявил к нему свою милость. Надежда всегда живет в наших сердцах. А теперь выбирай: или вы погибнете здесь бесцельно или спасетесь все ценой одной жизни.

Конан стиснул зубы и стоял так несколько мгновений, не оглядываясь на людей, смотревших на него. Наконец король обернулся.

— Мы уходим, — твердо произнес он, не опуская глаз.

Никто не решился спрашивать его о чем-либо.

— Озимандия, можешь начинать творить свое заклинание. Теперь ты единственный великий волшебник этих пещер, — сказал дракон.

— Заклинание необратимо! — Колдун разразился сухим и мелким ухающим смехом. — Мне осталось отомкнуть всего лишь три замка.

— Прибереги последний до пещеры грифонов, — предупредил дракон. — Влезайте все ко мне на спину, и поскорее, иначе будет поздно!

Конан первым привычно оседлал дракона у основания шеи, за ним последовали остальные. Спина ящера была расплоскована огненной плетью, и всякий раз, когда кто-то неосторожно касался рубца, по телу змея пробегала дрожь.

— Осторожнее! — пристыдил своих спутников Конан. — Наш друг ранен!

А встающий из трещины мрак уже сокрыл дальнюю часть зала за непроницаемой черной пеленой, и злоеца фигура приобретала все более ясные очертания многорукого и крылатого чудовища с лицом грозным, прекрасным и страшным.

— Через некоторое время он обретет силу, и мы не в силах будем противостоять ему. Лишь гнев освобожденного из тел грифонов духа сметет и его на пути к покою. Не скорбите о тех, кто остался внизу, — их нет более. Там, где прошел Черный Огонь, остается пустыня. Держитесь крепче!

И черный дракон снова отправился в неслышимый полет по подземным галереям.

— Прощай, Хорса! — тихо проговорил Конан, когда они покидали этот прекрасный и злой чертог.

Дракон спешил. Анфилады прекрасных залов с мозаикой, резным камнем и статуями и облицованные дорогим мрамором коридоры стремительно проносились мимо. Все молчали и, затаив дыхание, смотрели на невиданную красоту, сотворенную трудом многих поколений, красоту, которой сегодня суждено было исчезнуть навсегда. И лишь Озимандия, стиснув длинными белыми пальцами волшебный камень, шептал последние слова длинного заклинания.

Дракон поднимался все выше, и вот они оказались в длинной наклонной шахте. Тут же все заметили, как стало вдруг холодно. Далеко вверху, там, куда уходил высокий свод, начиналась галерея грифонов. И дракон, взмахнув крыльями, устремился туда.

В этот миг свод задрожал и дикий грохот и свист, исходящие из недр горы, настигли беглецов.

— Это воспрянул Демон Глубин! — пророкотал дракон. — Мы успели вовремя!

Что-то ужасное возникло внизу, в покинутых ими кавернах, и теперь стремительно поднималось вслед за ними. Но дракон уже влетел в галерею.

Совсем близко, всего в четырехстах локтях, увидели они долгожданное небо. Оно было серым. То ли наверху едва догорел закат, или рассвет только вставал над землей, но разве это было важно?!

В начале галереи стояла огромная плетенная из прочных кожаных ремней корзина с легким, но крепким деревянным каркасом. В ней были сложены теплые одеяла и стояли несколько запечатанных кувшинов.

— Это та самая воздушная повозка, о которой я говорил, — указал на корзину Озимандия. — Если ты, о дракон, в силах нести такой груз вместе с нами, мы с радостью сядем в эту корзину и сойдем с твоей спины, дабы не тревожить твои раны.

— Садитесь, и поскорее, — ответил змей. — Черный Огонь движется стремительно. Последнее слово твоего заклинания, Озимандия, должно прозвучать, едва мы минуем грифонов!

Все поспешно попрыгали со спины ящера и залезли в корзину.

— Вот и сподобился я полетать на драконе не хуже святого Диармайда О-Дуйна, — сказал Бриан Майлдаф. — Но, что и говорить, в этой корзине куда уютнее, а если я свалюсь с высоты в две тысячи локтей, святости это мне все равно не прибавит.

Дракон подхватил лапами толстые канаты, привязанные к углам и серединам бортов корзины, и снова рванулся вперед.

Только теперь обратили они внимание на грифонов. Чудища и впрямь были огромны и ужасны. Теперь их каменные и медные тела напряглись, и казалось, вот-вот оживут.

Лапы чудищ слегка шевелились, как у кошки, готовой к мгновенному, без разбега, прыжку, и длинные изогнутые на концах когти судорожно впились в камень гранитных пьедесталов. В изумрудных и бирюзовых глазах горел свет древнего и злобного разума, и миг его торжества был близок.

У ног четвертой от начала пары грифонов белели кости человеческого скелета.

Конан обернулся назад. Из наклонной шахты поднимался мрак, пронзаемый кое-где вспышками багровых молний, кровавадный и безжалостный дух разрушения, и не было в мире силы, способной преградить ему дорогу.

Но Озимандия, не обращая внимания ни на что, уже не шептал, а выкрикивал странные, загадочные слова на языке, звучавшем подобно печальному клекоту огромной одинокой птицы, которая парит над пустынными волнами.

Дракон пересек последний рубеж, охраняемый двумя огромными чудовищами, и нырнул под острые ле-

дяные наросты над входом, протащив днище корзины по твердому насту.

И в тот же миг Озимандия торжественно и пронзительно провозгласил последнее слово, разнесшееся уже не под каменными сводами, а в чистом горном воздухе снежных высот.

Сзади раздался страшный грохот. Камень в руках волшебника вспыхнул ярко-синим, затем голубым, зеленым, желтым, оранжевым, наконец, красным и, становясь все темнее, потух, как последний уголек в догоревшем костре. Зато в недрах горы творилось что-то невообразимое, будто сшиблись в смертельной схватке две невиданной силы грозы. Одна, что шла снизу, надвигалась грандиозной массой черно-багровых туч, стремясь подавить и подчинить все. Другая вырвалась из надоевшей за тысячелетия мертвой оболочки необузданной злобной яростью, и голубые с золотом молнии ее били в прочные стены и своды.

И твердыня не выдержала. Скалы, стоявшие здесь неприступно едва ли не с первых дней творения, содрогнулись где-то внутри, по камню их зазмеились глубокие черные трещины, и гора, разорванная изнутри противостоянием непримиримых сил, осела и рухнула миллионами гигантских глыб, поднимая фонтаны серой крошки, камня, пыли и снега.

Гора Дол Улад, злой великан киммерийских сказаний, перестала существовать. И вместе с ней провалился в небытие подземный храм, восемь веков служивший преддверием бездны, и сам Черный Демон Глубин, поверженный древним духом, который обрел теперь долгожданный покой. Выход в светлый солнечный мир, чуть было не найденный тьмой, закрылся навсегда.

Черный дракон уже унес их далеко, когда воздух потряс чудовищный грохот, слившийся с бессильным злобным воем и торжествующим ревом. Так уходил в подземный мрак Черный Огонь Смерти, так прощался с надоевшим миром слишком надолго задержавшийся в нем бесплотный его обитатель.

Над землей вставала утренняя заря. Чистое небо на востоке окрасилось в нежно-розовый цвет, и безмолвные пики горной страны первыми должны были встретить золотой луч Подателя Жизни, вечного и непобедимого солнца.

А дракон уносил их к западу, где последние звезды еще сверкали алмазами в морозном воздухе, окруженные загадочным льдистым ореолом, и никакие самоцветы не могли сравниться с ними красотой.

Конан посмотрел направо. Там, далеко внизу, под покровом клубящихся туч и вечных туманов лежала его суровая родина — Киммерия.

Глава одиннадцатая ПРОЩАНИЯ И ВСТРЕЧИ

Солнце уже наполовину поднялось над горизонтом, когда дракон опустил корзину на ровную площадку на вершине неприступного утеса. До Фрогхамока было еще далеко.

— Здесь скажу я вам свои напутственные слова, — обратился черный змей к людям, стоя на четырех лапах перед ними, сложив крылья, по обыкновению слегка покачивая головой. — Я донесу вас до замка, но немедленно поверну назад, ибо я не в праве без нужды являться людям. Вы освободили меня от тяжелого рабства, за годы коего я совершил, хотя и по принуждению, немало злодеяний, и ныне только одно может служить мне оправданием — низвержение Черного Демона Глубин. Но я в долгу перед тобой, король Конан, и вот слушай, чем намерен я отплатить.

Народ гандеров, к коему принадлежит твой храбрый спутник, погибший под горой, сохранил предания о великом черном змее и его завещании. Что ж, древние предания редко лгут. Нетрудно догадаться, что речь идет обо мне.

Некогда мне довелось жить среди гандеров, и я научил их многому. Завещание также существует. На дне реки Хохвег, текущей с гор через лес Мюрквалд, покоится богатый клад, оставленный некогда Виттигсом, великим вождем гандеров. Место это легко отыс-

кать — река там огибает одинокую скалу из красного гранита. По другую сторону скалы еще сохранилась просека — она идет по бывшему отводному руслу. Отведи реку, и клад будет твоим. Он лежит в пещере под скалой, а пещера замурована глыбой из черного камня.

И еще одно я обещаю тебе, — продолжал дракон. — Доставив вас в замок, я удалюсь на полуночный восход. Там, в краю каменных пустошей и вечного холода, обитают подобные мне мятежные и гордые духи, искупившие свою вину, но уставшие от тягот мира. Они заслужили прощение, но не могут воспользоваться им. Если настанет время, когда ты почувствуешь усталость от жизненных тревог, приходи в этот край, и ты найдешь там покой. Дорогу туда найти нетрудно: держи на полуночный восход от Поля Вождей. Но если тебе понадобится моя помощь, ты можешь трижды воспользоваться зеленым камнем Бреннана Мабида. Просто коснись камня и призови меня мысленно. Я приду на твой зов. Если твое желание видеть меня будет настоящею сильно, я услышу его из любой дали.

— Вряд ли я устану от жизни, — усмехнулся король. — Но клад мне пригодится. И благодарю тебя за готовность помочь мне, хотя я привык помогать себе сам. Может быть, мы еще увидимся.

— Озимандия, я уже сказал, что ныне ты один из величайших магов мира, — обратился дракон к колдуну. — Мне ведомо, как сожалеешь ты о бесценных знаниях, пропавших ныне безвозвратно. Но не все утрачено. На вересковых болотах, что лежат к западу от Фрогхамока, есть остров, где в древности добывали олово. Там ты без труда отыщешь тайник, хранящий тысячи древних свитков. Тебе достаточно будет назвать мое имя на трех языках: атлантов, гандеров и кхарийцев, и тайник откроется сам.

— Благодарю тебя, великий дракон, — поклонился маг, и огонь вновь вспыхнул в его бесцветных глазах. — Взамен я лишь могу обещать, что посвящу оставшуюся

жизнь обучению этого юноши. — Озимандия указал на Кулана. — Я открою ему все, что знаю сам, кроме одного: он никогда не услышит и нигде не прочтет заклинание, которое принуждает тебя исполнять чужую волю. Я унесу его тайну с собой.

— Большого мне и не надо, — склонил в ответ голову дракон. — Остальным же скажу, что вы великие воины и достойные люди. Ваш король по заслугам вознаградит вас, я знаю это. А теперь нам пора в путь.

* * *

Минувшая ночь в замке Фрогхамок выдалась очень тревожной.

Точнее, даже не ночью, а в самый глухой предрассветный час все строение, всю каменную громаду, все окрестные холмы, леса и деревни, как выяснилось поутру от недоумевающих по этому поводу горцев, потрясла сильная дрожь, будто кто-то далеко-далеко в горах уронил на землю камень с такую же гору величиной, а потом грозный отзвук грандиозного обвала — низкий гул и эхо страшного грохота — пронесся над замком и ушел в сторону болот.

От ушедшего в горы отряда уже неделю как не было известий, и все в замке истолковали этот невиданный доселе горный обвал как недобрый знак.

Коннахт Мабидан приступил к утренней трапезе, когда графиня Этайн, сидевшая лицом к распахнутому на восток окну, внезапно вскрикнула и указала на что-то рукой, не в силах вымолвить ни слова. Всегдашняя бледность последних дней сменилась на ее лице здоровой розовой краской, а меланхолии пропал и след. Взгляд ее светился тревогой и надеждой!

Выбив из рук стоявшего позади него слуги серебряный поднос с овсянкой, почтенный хозяин Фрогхамока вскочил со скамьи и бросился к окну. Открывшаяся взору его картина пришла, должно быть, из самых фантастических историй, какие только придумывали люди.

Коннахт даже протер глаза, чтобы удостовериться, не наваждение ли предстало ему в это утро.

Но наваждение не спешило исчезать. Над лесистыми холмами, огибая замок по широкой дуге, иногда красиво и мощно взмахивая широкими кожистыми крыльями, летел в направлении луга, расположенного у подножия холма, где стоял замок, огромный черный дракон. Самый настоящий живой дракон! И в когтях он нес вместительную корзину, в которой помещалось... Один, два, три... Семь человек!

Расстояние было довольно велико, но глаза у Коннахта покуда были здоровы, и ему показалось, что в одном из стоящих в корзине — широкоплечем черно-волосом мужчине высокого роста — он узнал аквилонского короля, Конана Киммерийца.

— Вниз, скорее! — воскликнул Коннахт, и, проявив невиданную для его возраста прыть, помчался вон из покоя по крутым и узким лестницам.

Графиня, не сказав ни слова, поспешила за ним.

Вскоре со двора раздался донельзя взволнованный голос старого Мабидана:

— Коня! Да побыстрее же, во имя Митры!

* * *

На лугу уже собралась изрядная толпа, и люди продолжали сбегаться отовсюду.

— Смотрите! Смотрите! Дракон! — кричали все.

— А там, в корзине-то, не наш ли Бриан? — вопили славные представители клана Майлдафов.

— Конечно, он, — злорадно пыхтел случившийся здесь Бангор Лириган. — Только такому бездельнику есть время летать на всякой нечисти, когда другие трудятся в поте лица...

Увесистый кулак Дункана Монграта, оказавшийся внезапно в опасной близости от подбородка Лиригана, заставил того замолчать.

А дракон опускался прямо на луг. Он был велик и черен, с четырьмя когтистыми лапами, с длинной

шеей и большой треугольной головой. В приоткрытой пасти его желавшие могли разглядеть изрядное количество клыков и острых зубов. Дракон плавно шел на снижение, распластав широкие черные крылья, а сзади подобно гигантскому рулю направлял полет длинный и сильный хвост. Глаза у дракона были черно-красные, как горячие уголья, очень умные и удивительно печальные.

В когтях крылатый змей тащил корзину, сплетенную из кожаных ремней и подвешенную на восьми крепких канатах.

В корзине стояли и махали приветственно руками семеро. Шестерых узнали все и сразу.

Седьмым же был чудаковатый старик с длинными светлыми волосами, огромными и безумными водянистыми глазами и крючковатым, как у филина, носом. Старик тоже кривил свои тонкие бледные губы — улыбался, должно быть — и счастливо, как-то по-детски, плакал.

Дракон резко замедлил полет, завис в десяти локтях над землей и аккуратно опустил корзину на траву. Затем он сделал над лугом круг, качнул на прощанье крыльями и, быстро набирая скорость и высоту, полетел на полуночный восход, туда, где за горным хребтом лежала Киммерия.

— Прощай, друг! — кричали ему вслед семеро в корзине, и больше всех старался король Аквилонии, Конан Киммериец.

А дракон удалялся все дальше, превращаясь сначала в гигантскую черную птицу, а потом и вовсе в едва заметную точку.

Со стороны замкового парка слышался стук копыт. Из ворот парковой ограды стремительно вылетели и помчались по лугу два всадника. Это были Коннахт Мабидан и графиня Этайн.

Толпа расступилась. Хозяин Фрогхамока, резко осадив лошадь в сорока локтях от корзины, легко, как в молодости, соскочил с седла и побежал навстречу уже

спешившим к нему Септимию и Кулану. Они обнялись.

По лицу седого графа текли слезы. Он смотрел на своих сыновей, родного и приемного, хмельными от счастья глазами и взволнованно говорил какие-то ничего не значащие слова. Септимий и Кулан, забыв о взаимной холодности, поддерживали внезапно ослабевшего от многодневной постоянной тревоги и бессонницы отца под руки и всячески его успокаивали.

Майлдаф мигом попал в окружение своих многочисленных родственников, и Конан уже слышал его обстоятельный и красочный рассказ о том, как Бриан летал на драконе, уподобясь святому Диармайду О-Дуйну.

Конан с Евсеем, Тэн И и Озимандией стояли возле корзины. Король кратко отвечал на приветствия горцев. Он ждал, пока Мабидан-старший наговорится с детьми, и в то же время безотчетно искал в толпе ее — Мойя Махатан. Но она не пришла.

Вместо этого взгляд его встретился со взглядом другой женщины. Графиня Этэйн, подъехав вместе с Коннахтом, не стала спешить навстречу возвратившимся и стояла теперь, придерживая лошадь, глядя в отчаянии на короля, рядом с которым не было ни Аврелия, ни Хорсы. Во взгляде ее Конан прочел один безмолвный вопрос: «Где?»

Но Конан не в первый раз встречал такой женский взгляд. Выдержал и этот. К чести графини, ни слезинки не появилось в ее очах, они остались сухими.

Коннахт наконец заметил, что король молча дожидается, пока наместник закончит излияние своих отцовских чувств и уделит внимание монарху. Лицо Коннахта стало серьезным, он расправил плечи, вытер слезы и, приблизившись к королю, низко ему поклонился.

— Приветствую тебя, о король, и склоняюсь пред величием твоих подвигов и славы твоей. Прошу снисхождения и прощения за то, что явил здесь слабование

и несдержанность и не приветствовал тебя как подобает. Благодарю тебя, о король, за то, что вернул мне старшего сына и возвратил здоровым и невредимым младшего. Отныне все, чем владею я, принадлежит тебе безраздельно. Повелевай мною, как будет угодно тебе.

Конан выслушал Коннахта и спокойно ответил:

— Не стоит благодарности, Коннахт. Я лишь выполнил свое обещание, а это я делаю всегда. Сейчас нам всем, пожалуй, не помешает помыться и отдохнуть, а потом мы побеседуем. Я вижу, что у тебя есть множество вопросов, а у нас есть что рассказать. Но сейчас я скажу лишь, что этот почтенный муж, — он указал на Озимандию, — великий маг и ученый, пусть с ним обходятся подобающе. И еще: я предвижу, о чем спросишь ты прежде всего, потому и отвечу немедленно. Твой племянник Аврелий, брат Этэйн, погиб в пещере, и обломки рухнувшей поутру горы Дол Улад стали его усыпальницей. Он достоин того, ибо пал как герой. Я скорблю о нем и разделяю ваше горе... Да, отпусти сегодня Бриана на все четыре стороны, он более чем заслуживает этого, — добавил Конан.

— Будет исполнено, о король, — чинно поклонился опечаленный Коннахт. — Но позволь еще один вопрос.

— Говори, Коннахт.

— О король, скажи мне здесь и сейчас, и пусть слышат все.

Последние слова он произнес нарочно громко. И вся толпа горцев, услышав голос наместника, смолкла.

— Скажи мне правду, Конан Киммериец, — отчетливо прозвучал в наступившей тишине голос Коннахта, — мои сыновья вели себя как мужчины или же как трусливые зайцы? Скажи мне правду, король!

Конан посмотрел на Септимию и Кулана, а те с надеждой смотрели на киммерийца. И король ответил:

— Да, Коннахт. Ты вырастил достойных сыновей. Они явили себя мужчинами и останутся таковыми до конца. Это правда.

— Благодарю тебя, о король,— опять поклонился Коннахт.— Взойди же на моего коня и позволь мне сопроводить тебя в замок.

— Не стоит,— ответил Конан,— я дойду и так.

И тут кто-то в притихшей толпе выкрикнул:

— Да здравствует король!

И многоголосый, пусть не очень стройный, хор с воодушевлением подхватил клич:

— Да здравствует король!

Горцы вслед за Конаном отправились к воротам замка. Король шел рядом с Мабиданом и думал о том, что в Киммерии, пожалуй, его так не встретят.

* * *

Поздно вечером, когда весь замок уже заснул, Конан вышел во двор. Было темно и тихо, только ветер шевелил ветви кленов и шелестел в листве ясеней. Как и шесть дней назад, Конан глядел в ночное небо. Рваные облака, подсвеченные серебристой луной, которая через три дня станет полной, медленно плыли на восток.

Двор был пуст, только часовые, как всегда, безмолвно стояли у крепко закрытых ворот. Пусто было и на сердце. Напряжение последних дней схлынуло, как волна, не оставив за собой ничего, кроме безразличного спокойствия.

Вечером Конан, Озимандия и их спутники долго рассказывали обо всем случившемся Коннахту и Этайн. Старый Мабидан только изумлялся и с гордостью смотрел на сыновей. Наверное, в этот вечер граф впервые понял, что они повзрослели, а он состарился.

Озимандия произвел на Коннахта самое благоприятное впечатление, а когда хозяин узнал, что маг намерен задержаться в замке на неопределенное время, чтобы воспитывать и учить Кулана, он расчувствовался и немедленно подарил волшебнику роскошный плащ и целую дюжину рубах из тонкого полотна.

Этайн стойчески выслушала историю о гибели Хорсы, а когда рассказ закончился, посидела некоторое время

со всеми, а потом, сославшись на мигрень, покинула Каминный покой.

Евсевий, проводив ее понимающим взглядом, сказал:

— Иногда я жалею, что стал ученым, и думаю, что знаю чересчур много. Трудно было бы желать лучшей супруги, но я смотрю на любовь, как анатом, вооруженный ланцетом, смотрит на экспонат.

Среди собравшихся не случилось лишь Майлдафа. Горец был занят осмотром своих новых овец. В том, что земля Гвинид наутро будет осведомлена о всех их похождениях, Конан не испытывал ни малейшего сомнения. Единственное, что его смущало, так это необходимость завтра при всякой встрече отвечать на одинаково начинающийся вопрос: «Король, а правду ли сказал Бриан из клана Майлдафов, что...»

В углу звякнул цепью пес. Ему не спалось. Это был огромный и лохматый горский волкодав — собака чрезвычайно сильная и выносливая, не страшившаяся ни холода, ни ветра, ни волчьих клыков, но очень прожорливая и своенравная. Держать такую мог позволить себе далеко не всякий.

Конан подошел к черно-серому сторожу и почесал его за острыми ушами. Пес сначала поглядел на короля недоверчиво, даже глухо заворчал, но вскоре уселся поудобнее и прикрыл глаза, наслаждаясь редкой лаской. Конан не боялся собаки. Во-первых, при его силе и ловкости справиться с псом, посаженным на цепь, не составило бы труда, а, во-вторых, с некоторых пор ни одна собака и ни один волк не смели ощериться на него.

Внезапно король уловил новый, очень тихий, но различимый все же звук, добавившийся к шороху листвы. Пес насторожил уши, вскочил, потянул носом воздух и уставился куда-то вверх, на зубцы замковой стены.

Конан посмотрел туда же и увидел, как на стене, которая здесь была высотой в тридцать локтей, появился некто закутанный с головы до ног в серый плащ.

Появился, и тут же бросился ниц, прячась. Стена была толстая, и по ней ходили туда-сюда двое часовых. Но острый наметанный глаз короля успел заметить, что неизвестный не отличался высоким ростом и могучим телосложением. Он походил, скорее, на мальчишку-подростка. Положив ладонь на голову пса, Конан приказал ему молчать, и тот подчинился, только нос зверя так и ходил ходуном, шумно сопя, а все тело подрагивало от нетерпения.

Незнакомец между тем, дождавшись, пока часовые на стене останутся перекинуться словцом, вытащил веревку с кошкой, закрепил якорь и осторожно опустил веревку во двор. Видимо, он хорошо знал замок. Эту часть стены скрывала от зорких стражей у ворот густая тень. Заметить лежавшего на стене человека в темном плаще было сложно даже при ясном небе. Понятно, что караул надеялся на собаку, но пес, очевидно, узнал друга и теперь тихонько и радостно скулил, переминаясь с ноги на ногу в ожидании подачки.

«Кто же это такой?» — подумал Конан. Он незаметно прокрался вдоль стены и остановился в тени деревьев, в восьми локтях от места, где веревка коснулась земли. Человек наверху осмотрелся и стал спускаться, мелко и быстро перебирая тонкими руками. Когда до земли оставалось не более трех локтей, он оттолкнулся от стены и мягко спрыгнул во двор. И сейчас же очутился в крепких объятиях Конана.

Лазутчик не закричал, но сопротивлялся яростно и молча. Пес сзади был крайне озадачен действиями короля и натянул цепь сколь мог, но лаять не решался, повинаясь приказу. Силы борющихся, однако, были неравны. Конан легко завел руки противника за спину, обхватил его узкие кисти одной левой рукой, а правой нажал на лоб, запрокидывая голову.

Капюшон свалился с неизвестного, и роскошные длинные желтые волосы рассыпались по его плечам. От удивления Конан опустил правую руку, хотя левой продолжал удерживать пойманного. Тот обернулся.

Раскрасневшееся лицо красивой молодой женщины предстало королю. На Конана смотрели горящие возбуждением глубокие синие глаза.

— Мойя? — Конан мгновенно отпустил руки девушки и, обхватив ее за плечи, развернул к себе лицом. — Почему ты пришла только сейчас и таким путем?!

Мойя, наконец понявшая, кто же пленил ее, рассмеялась чистым звенящим смехом и припала лицом к широкой груди короля.

— Я была в дальнем селении, у тетки. Днем прискакал двоюродный брат и сказал, что вы вернулись верхом на драконе. Я вскочила на лошадь и помчалась сюда. Ворота были уже закрыты, но в сарае у отца нашлось все, что нужно. А Макмерд, — она указала на пса, — не тронет меня, потому что это щенок нашей Дану. Как я рада, что ты вернулся!

— Я и сам рад этому, — признался Конан. — А еще я рад видеть тебя. Как ты думаешь, та дверь на сеновал еще открыта?

— Думаю, ты откроешь ее, даже если это не так!

* * *

Минуло еще три дня. Назавтра король собирался в обратный путь, готовить новый поход — за гандерским золотом на дне реки Хохвег. Кроме того, он хотел выяснить, что случилось с паками: королевские обещания надо было выполнять.

Все речи были сказаны, почести возданы, обо всем переговорено. С королем уезжали Евсей и Тэн И. Озимандия пока оставался в замке — привыкнуть к обычной земной жизни и солнцу, — но вскоре должен был посетить столицу, чтобы участвовать в церемонии пожалования ему титула и нанести визит тарантийским ученым.

Ужин кончился, и все сидели, внимая историям Озимандии о подземном храме. На этот раз Бриан Майлдаф был с ними.

В зал тихо вошел слуга, приблизился к Коннахту и что-то прошептал ему на ухо. Благодушие на лице графа мгновенно сменилось несказанным удивлением.

— О король! Мне только что доложили, что к воротам замка прибыл какой-то незнакомец, по виду гандер, который говорит, что он твой человек.

— Гандер?! — вскричал Конан. — Пусть немедленно ведут сюда!

— Неужели Хорса? Быть того не может! — воскликнул Евсей.

— Дракон же сказал, что надо надеяться на чудо? Почему бы чуду не произойти? — прокрипел Озимандия.

Этайн не сказала ничего. Она лишь вскочила и замерла, неотрывно глядя на дверь.

Но вот в коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась. На пороге стоял Хорса в новой чистой рубашке с вышивкой: черный змей со святым Диармайдом О-Дуйном на спине. На шее гандера был повязан клетчатый шарф графини.

Графиня еле слышно вскрикнула, прикрыла рот рукой, ноги ее подкосились, и она, лишившись чувств, мягко осела на шкуру белого медведя, что лежала возле камина.

* * *

— Между моим падением на камни из лап черного паука и появлением в совсем другой пещере перед решеткой не прошло и мгновения, — рассказывал потом Хорса, — так что о чудесах Зервана мне известно еще меньше, чем вам. Как бы то ни было, стоит воздать хвалу этому великому богу.

Когда меня отправили по пещере вслед за камнем, мне так никто и не встретился, кроме стражников в зале с колоннами, но я спрятался от них и через ту самую дверь с порталом прошел к перекрестку. Действительно, мозаику я увидел сразу. Это был круг. Его образовывали стрелы, направленные по солнцу. Камни,

из которых он был выложен, тихо светились приятным зеленым светом. В вершине наконечника одной из стрел камня не хватало. И я стал ждать.

Долгое время ничего не происходило. Я уже думал, что с вами случилось что-то нехорошее, как вдруг пол пещеры вздрогнул, и я услышал донесшиеся из зала топот, грохот и лязг. Мне было ужасно интересно поглядеть, что ж там происходит, но камень стал мерцать, оставаясь зеленым. Я испугался, как бы не пропустить срок, хотя был уверен, что вы придете за мной.

Шум в зале становился все громче, слышались хрипы, рычание, звон мечей, тяжелый топот, я угадывал свист стрел и что-то похожее на хлопанье крыльев, но камень непрерывно мерцал и приковывал меня к месту.

А потом все стихло, но в то же время я почувствовал в воздухе нечто недоброе, мерзкое и тяжкое, какую-то безнадежность, страх, приближение чего-то ужасного, непоправимого. Это действовало угнетающе, и я уже не знал, куда бы скрыться от надвигающегося на меня безумия, когда вдруг раздался треск, и тот коридор, которым я прошел из зала, рухнул. Я оказался отрезанным от вас. Правда, два черных туннеля уходили внутрь горы, но идти туда мне вовсе не хотелось.

Безумие отпустило, но пришел настоящий, а не навеянный кем-то, страх, что обвал сейчас доберется до меня. Однако этого не произошло. Несколько успокоившись, я продолжал ожидать, уповая на то, что не все еще потеряно.

И в это мгновение камень, перестав подмигивать, стал менять свой цвет на голубой. Вот тут-то мне стало страшно по-настоящему, и все прошлые страхи показались детскими. Я очень не хотел умирать под обвалом, но разум мой шептал мне иное: разве могут тысячетонные каменные своды обрушиться от одного маленького камешка, вложенного в мозаику? Нет, никогда, это сказки безумного колдуна!

И рука моя сама собой вложила камень в углубление. Тотчас же я дернул его обратно, но он не шелохнулся. Одновременно все камни засияли ярко-голубым, а пол пещеры опять вздрогнул, и грохот отдаленного камнепада долетел до меня.

Пол не перестал дрожать, как в первый раз, он трясся все сильнее, а обвал медленно, но неуклонно приближался. Как зверь, метнулся я в средний коридор и тут увидел ее...

— Ее? — переспросил Евсей. — Кого?

— Белую Деву Горы, — мечтательно улыбнулся Хорса. — Это была она, точь-в-точь такая, как на портрете, том самом, что на стекле. Она была такая же белая и прекрасная. Она подняла руку и жестом остановила меня. Я пал перед ней на колени, моля о спасении, и тут руки моей что-то коснулось. Я поднял голову. Это была ее рука, вполне осязаемая человеческая рука, только прохладная.

Пол уже не трясся, он просто ходил ходуном. Она потянула меня за руку, и мы побежали. Вернее, бежал я, а она неслышно касалась мха босыми ногами, будто и не бежала, а летела.

Так быстро я не бегал никогда. Пещера содрогалась, сзади рушились своды, подламывались колонны, обваливались стены. Тот зал, что весь в мозаике, наверняка уже перестал существовать, когда мы вбежали в уходящую вниз шахту с винтовой лестницей и устремились по ней.

Примерно через час этой гонки я уже совсем задышался и упал наконец в каком-то нижнем коридоре на мох. В глазах у меня было темно, в ушах звенело, сердце прыгало от пяток до горла, но я понял: каким-то чудом мне посчастливилось выжить.

В недрах горы еще что-то содрогалось и гудело, но я знал, что я в безопасности. Белая дева коснулась моего лба, и я заснул, как убитый.

Когда я проснулся, возле меня стоял глиняный кувшин с родниковой водой, а рядом лежали лепешки,

испеченные вовсе не из муки, но они показались мне вкусными. Белая Дева стояла рядом. Я принялся горячо благодарить ее, но она только улыбнулась, и, не ответив ни слова, указала на воду и пищу. Утолив голод и жажду, я опять последовал за ней.

Так мы и шли подземными коридорами сутки напролет, ненадолго останавливаясь для передышки. Я пил из подземных ручьев, а кувшин я взял с собой и мог утолить жажду на ходу. Лепешки оказались столь сытными, что одной миски с утра оказывалось достаточно для дневного перехода. Откуда появляются лепешки, я не знал, а она молчала об этом, как, впрочем, и обо всем остальном, словно немая. Мне хотелось поскорее выбраться из этих пещер на белый свет, и это желание гнало меня вперед, так что я шел и шел, не чувствуя усталости. Когда же я наконец ложился отдохнуть, она приближалась и касалась рукой моего лба, и я опять засыпал.

Надо сказать, что прежняя моя одежда сильно испачкалась и порвалась, и вот однажды, проснувшись, кроме миски с лепешками я нашел возле себя эту рубашку.

В тот же день, когда мы прошли уже значительное расстояние, я заметил, что камень кончился, пропал куда-то и мох. Я был уже не в пещере, а в норе, где пахло свежей землей, а с потолка и из стен торчали деревянные корни. Проход стал сужаться, потолок опустился, но все это было неважно, ибо впереди я увидел солнечный свет. Я бросился к нему, как бабочка, и через трещину в земле выбрался в самую обыкновенную яму под огромным валуном, где-то среди леса.

Белая Дева снова взяла меня за руку и повела через лес. Вскоре я увидел тропу, что спускалась с гор. Дева безмолвно указала мне направление и, только хотел я поблагодарить ее, исчезла без следа.

Было уже далеко за полдень, и я поспешил вниз по этой тропе. К закату я вышел на опушку, и с высокого холма увидел к югу замок. Радости моей не было гра-

ниц, и пусть за спиной был уже немалый путь, но я побежал, не чуя под собой ног.

Теперь я здесь, среди вас,— закончил Хорса.

— И это очень славно,— тепло улыбнулся старый Мабидан.— Но скажи мне, храбрый Хорса, правда ли Белая Дева столь хороша, как на портрете?

— Она краше во много раз и вовсе не так холодна и призрачна,— с грустью в голосе ответил Хорса.— Но,— добавил он, глядя на графиню,— даже ее прелести и добродетели блекнут, когда я вижу прекрасную Этайн.

Эпилог

О путешествии этом, совершенном королем Аквилонии Конаном I Киммерийцем, так и не было бы известно никому и никогда, если бы триста лет спустя в библиотеке замка Фрогхамок не обнаружили свиток, содержащий приведенное выше повествование. Манускрипт был написан старательным, четким и твердым почерком человека взрослого, научившегося грамоте в зрелом уже возрасте. Язык повествования ныне устарел, а потому и дается оно в пересказе. Финал же его краток и приводится здесь почти дословно.

«И поелику о славных деяниях короля нашего Конана I сказано и писано многообразными мужами учеными, дворянами и служителями Митры Лучезарного премного, как в Аквилонии, так и в Немедии и иных государствах и странах, то ныне остается поведать лишь немного о тех, кто в те дни собрался по волеизъявлению или же по стечению обстоятельств в замке Фрогхамок и по мере сил своих и способностей принял участие в событиях сих, и о том, какова их судьба.

Коннахт Мабидан, наместник Темры, правил своим народом еще двадцать лет, по прошествии коих отошел от дел, передав оные и титул свой сыну Септимию. Сам же через пять лет почил по причине многих прожитых лет в благообразии и почете.

Септимий неоднократно ездил в Тарантию и принимал участие во многих походах и деяниях нашего ко-

роля. Сменив же отца на его посту, обзавелся семьей и продолжает ныне свое наместничество, храня славные традиции рода Мабиданов.

Кулан продолжил обучение волшебству и магии под наставничеством Озимандии и превзошел многие искусства и умения на сем поприще. Он ездил с педагогом своим в Пустошь, откуда и привез жену, а также в иные страны, собирая там по крупицам древние знания. Впоследствии возвратился в замок и проживает доселе здесь.

Сам Озимандия, невзирая на многие свои лета, провел несколько времени в поездках вместе с Куланом, часто бывал в столице, где снискал почет и уважение среди мудрецов и получил все ученые звания и степени, какие только могут сыскаться. Возвратившись в замок, он открыл клад рукописей в указанном драконном месте и ныне посвящает себя магической деятельности на благо Аквилонского королевства и изучению рукописей сих, в чем Кулан немало ему помогает. Здоровье у мага отменное, и десять лет назад Озимандия женился на благонаправной девице Финндабайр, урожденной Матбрет, коей было тогда семнадцать лет от роду, и по случаю сему случился в замке великий пир и празднества.

Евсевий Цимисхий продолжил свои странствия по миру, в перерывах меж коими отдыхал и развлекался, участвуя в походах короля Конана. Ныне же Евсевий отбыл на Восток, вероятно в Кхитай.

К слову, о Кхитае. Почтенный господин Тэн И продолжил весьма успешно службу свою на должности шпиона, чем и заслужил великое доверие и премногие милости от царя Западного Кхитая Шу Сицяна. По указу короля нашего Конана господин Тэн И по смерти главного повара дворца занял сию ответственную должность, а также получил звание сотника гвардии его монаршего величества.

Бангор Лириган с женой прожили долгую и нудную жизнь и умерли в один день.

Паки не пострадали во время великого падения горы Дол Улад, или Седой, и заключили с королем и наместником провинции договор о границах. Теперь их иной раз можно встретить в наших деревнях на ярмарках, но более они предпочитают свои пещеры и горные пастбища, куда, впрочем, пускают всех и встречают с большим гостеприимством, но желающих посетить их покуда немного.

Девица Мойа Махатан через полгода уехала в столицу, где и стала одной из первых придворных дам и по сей день блистает в свете и слывет главной фавориткой короля. Впрочем, это уже сплетни, а их я, как и наш король, не люблю, засим умолкаю.

Бриан Майлдаф получил пятьдесят овец. Озимандия обучил его грамоте, и он быстро разбогател на торговле шерстью и пледами. Кроме того, был он призван на военную службу и участвовал в военных кампаниях на западе и востоке, в ликвидации мятежа принца Арпелло и битве при Шамаре. Женился он на прекрасной девице, встреченной однажды ночью в лесу. Откуда родом сия дева, никто не знал, а многие, в том числе и маги Кулан и Озимандия, утверждали, что она не кто иная, как лесная ведьма, чему к сему моменту обнаружилось немало доказательств и свидетельств. Впрочем, брак сей признан всеми весьма счастливым со всевозможных точек зрения.

Хорса, как и ожидалось, женился на Этайн Мабидан и ныне является графом одного из маркграфств на востоке страны, что не заставило его покинуть королевскую службу, кою он исправно несет и по сей день.

Графиня Этайн, как и прежде, молода и прекрасна и нередко услаждает слух наш игрой на арфе, когда приезжает во Фрогхамок.

Во время одной из бесед я спросил у Хорсы, правду ли он рек нам в тот вечер о Белой Деве, на что сей достойнейший сын земель гандерландских смутился и открыл мне всю историю, как была она на самом деле...»

Далее повествование прерывается, так как манускрипт сильно пострадал от времени и часть текста безвозвратно утрачена.

«...а рубашку она ткала, шила и вышивала ему сама.

На мой вопрос, отчего же не остался он навеки в сем прекрасном сиде, Хорса Гандерландский ответил мне таковыми словами:

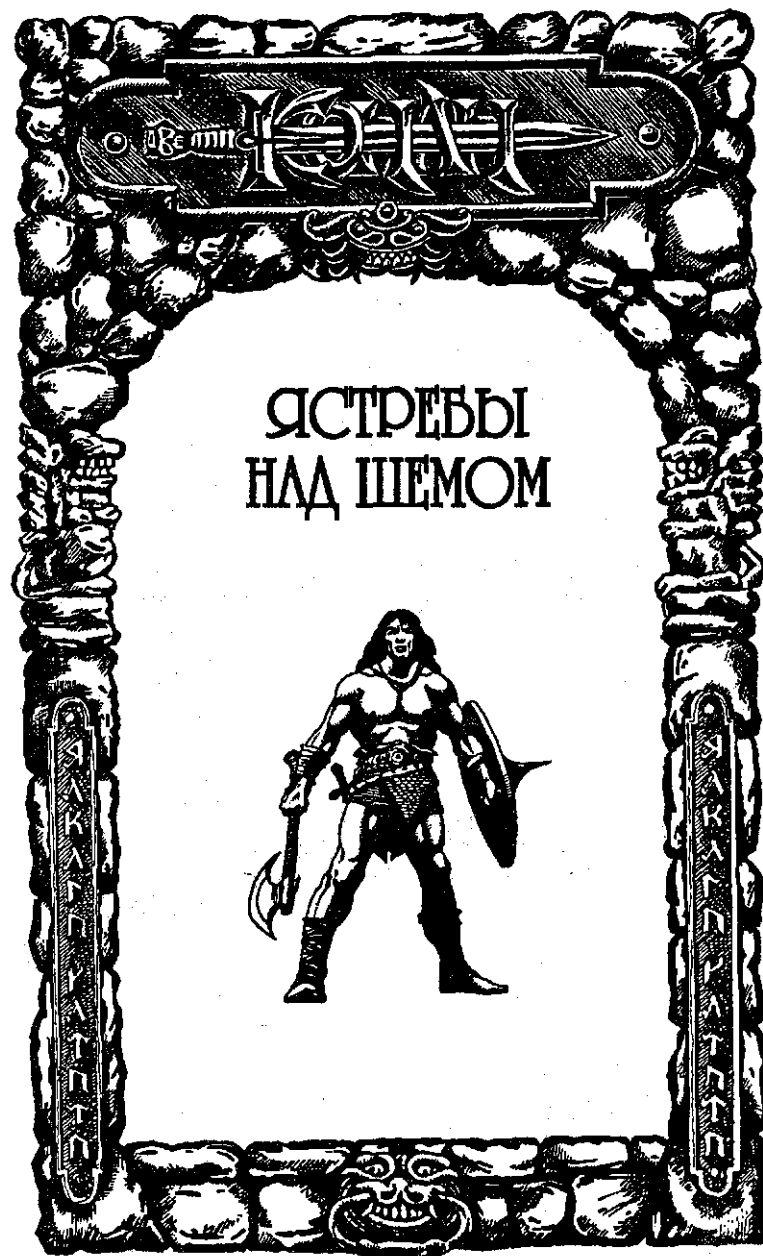
— Знаешь ли ты, на сколько лет она старше меня? Ровно на три тысячи семьсот сорок два года!

После этого он до самого восхода луны простоял, грустно и светло любуясь в окно на природу.

— Впрочем, у меня прекрасная жена,— добавил он, с чем я полностью согласен.

Черный дракон более не появлялся в виду земель аквилонских, но о нем лучше узнать у самого короля Конана.

На сем заканчивается повесть о неизвестном путешествии короля, о паках, подгорном храме, привратниках бездны, великих волшебниках и черном драконе святого Диармайда О-Дуйна, в коей принимал участие составивший манускрипт сей по простому разумению своему мирянин Бриан, из клана Майлдафов происходящий».

СВАДЬБА МЕРТВЕЦОВ

Полуденное солнце заливало слепящим светом бескрайние равнины, по которым наспешным шагом двигался караван верблюдов, груженных тюками с овечьей шерстью, бычьими шкурами и прочими товарами, предназначавшимися для продажи на богатых многолюдных рынках Аренджуна. Привыкшие к палящей жаре верблюды шли мерной поступью, равнодушно глядя перед собой. Караванчики, которым тоже были привычны длинные переходы и ночевки под открытым небом, дремали, поудобнее устроившись на спинах животных.

То и дело прикладываясь к фляге с теплым кислым вином, Конан зорко вглядывался в приближающиеся холмы, за которыми вскоре должны были показаться городские стены Аренджуна. Выйдя несколько дней назад из Шема, караван проделал утомительный поход и, миновав Хорайю и Коф, вступил на землю Заморы. Особых приключений в пути не было, если не считать неудачную попытку покушения на тюки овечьей шерсти во время ночной стоянки в небольшой деревушке, лежавшей у подножия скалистых гор на юге Кофа.

Предвкушая легкую добычу, разбойники, гогоча и улюлюкая, вынырнули из темноты, и трое из них тут же отправились напрямик на Серые Равнины, а остальные в панике разбежались. Караван был небольшим, всего сорок верблюдов, но охраняли его десять опытных и хорошо вооруженных воинов. Этому разбойники, конечно, знать не могли, и, уж конечно, не дога-

дывались, что среди охранников был сам Конан-киммериец.

Именно он в считанные мгновения снес головы трем любителям легкой наживы, обратив шайку в бегство. Остальные охранники успели лишь выпустить несколько стрел вслед убежавшим разбойникам. К этой стычке Конан не мог отнестись серьезно — по всему было видно, что на караван напали новички, которые, получив отпор, тотчас побросали свое оружие и бросились прочь, пуская от страха ветры и проклиная Нергала, подбившего их на эту ночную вылазку. Конан был доволен — его добычей стали пара хороших кинжалов да горсть монет, найденных в поясах обезглавленных разбойников.

Однако, когда караван пересек границу Заморы, киммериец проверил колчан со стрелами и, вынув из мешка три метательных ножа, сунул их себе за пояс, приготовившись к более серьезным сражениям. Остальные караванчики тоже были начеку — они хорошо знали, что эти места наводнены бандами головорезов.

Впрочем, пока все было на удивление спокойно. Когда караван вступил в Замору, солнце лишь едва показалось над горизонтом, а теперь оно стояло в зените, обрушивая на путников беспощадную жару, но никаких грабителей не было видно. К вечеру караван должен был добраться до Аренджуна. Конан невольно усмехнулся, вспомнив о своих приключениях в этом гостеприимном городе. Когда-то он здесь славно повеселился, пропивая за ночь в кабаке целое состояние, отобранное у какого-нибудь ротозея из числа нобилей, торговцев или ювелиров, так и не научившихся как следует охранять свои богатства. Но однажды, чуть не попавшись в лапы стражникам в Шадизаре и чудом избежав тюрьмы, Конан покинул Замору. Изрядно побродив по Коринфии, Офиру и Кофу, киммериец подался в Шем, где дочь знатного вельможи из Эрука подарила ему немало восхитительных ночей. Не на шутку

увлекшись красавицей, Конан осыпал ее дорогими подарками, для чего ему постоянно приходилось совершать налеты на местных богачей. Вот тут-то случай и свел его с торговцем, который нанял киммерийца сопровождать караван в Замору.

Конан ни за что бы не согласился на подобное предложение — он терпеть не мог длинные переходы, да еще медленным верблюжьим шагом, и зверел от скуки, глядя на колышющиеся горбы животных. К тому же сама роль охранника была северянину совсем не по нутру — сколько раз он сам грабил такие караваны, и теперь он запросто мог столкнуться с кем-нибудь из бывших товарищей.

Но отказаться Конан не мог, потому что торговец этот поступил великодушно — он спас киммерийца от тюрьмы, когда ночная стража застала его на месте преступления. Перелезая через стену, чтобы пожить в богатом доме, Конан запутался в хитроумно расставленной сети, точно в паутине гигантского паука, и беспомощно барахтался, не в силах дотянуться до висевшего у него за поясом кинжала.

Подросла стража, и киммерийцу, извергавшему проклятия Нергалу, пришлось бы худо, если б не хозяин дома. Он появился у ограды с факелом в руках и отослал стражу. Ничего не понимающие охранники топтались на месте, соображая, что все это значит, но купец заверил их, что Конан — слуга, выполняющий его поручение. Потом он помог киммерийцу выбраться из сети и повел к себе в дом. Усадив гостя на мягкие подушки, купец наполнил кубки ароматным аргосским вином, и с улыбкой протянул один из них Конану.

Испытывая поначалу новое и непривычное чувство смущения, киммериец залпом осушил кубок, но, видя, что ему ничего не грозит, обрел прежнюю уверенность. А хозяин, не скупясь наливая вино, завел разговор. Оказалось, что Бешмет — так его звали — и сам в прошлом частенько промышлял воровством, грабежами и мошенничеством, сколотил состояние, взял в жены дочь

богатого торговца и зажил, как примерный и всеми уважаемый гражданин славного города Эрука.

— Когда я увидел тебя в сетке, — говорил он, потягивая вино из своего кубка, — сразу вспомнил молодость. Знаешь, я до сих пор терпеть не могу стражников, вот и решил вызволить тебя из беды.

Темнокожая рабыня принесла еще два кувшина и блюдо с жареной бараниной. Последнее время у Конана было туго с деньгами, соскучившись по сытной еде и выпивке, он уже безо всякого стеснения впился зубами в мясо, не забывая обильно запивать его превосходным янтарным напитком.

Бешмет поглядывал на киммерийца одобрительно — синеглазый гигант ему явно нравился. Разгоряченные вином, оба до зари вспоминали свои похождения и приключения, не упуская возможности для большего впечатления приврать самую малость.

Когда же поздний ужин подошел к концу и Конан чувствовал себя вполне насытившимся и довольным, хозяин наконец приступил к делу.

— Мне нужен надежный человек, который мог бы отправиться с моим караваном в Арэнджун и взять на себя его охрану, — сказал он, не сводя пытливых глаз с киммерийца.

«Только-то! — подумал Конан. Он давно сообразил, что гостеприимный Бешмет не зря потчует незваного гостя отборными яствами и дорогим вином. Киммериец был готов к любым неожиданностям, но это предложение разочаровало его. — Тех нескольких монет, что я получу за это ползание по пустыне, мне не хватит даже на одну ночь в приличном трактире! Неужели у этого пройдохи не найдется для меня дела поинтереснее?»

— Не буду скрывать, друг мой, что это не простой караван, и мне очень нужно, чтобы он благополучно добрался до Арэнджуна, — неспешно продолжал Бешмет. — В тюках будет овечья шерсть и бычьи шкуры, но главная ценность не в этом. В один из тюков я

спрячу шкатулку, в которой находится очень дорогая для меня вещь. Для грабителей она не представляет никакого интереса, но если они нападут на караван, то наверняка прихватят ее с собой, а мне бы этого очень не хотелось. Это семейная реликвия, знак нашего рода, и она не должна попасть в чужие руки. Боги наказали меня за прежние грехи, не дав мне детей, но в Арэнджуне живет мой любимый племянник Корхас. Отныне он должен хранить эту реликвию. Дела не позволяют мне отправиться туда самому, а он собирается жениться, вот я и решил сделать ему подарок к свадьбе.

«Врешь ты все, старый плут, — подумал Конан, осушая очередной кубок. — Сказал бы прямо, что хочешь переправить контрабанду! Ты кому заливаешь про любимых племянников и семейные реликвии? Ну да ладно, поеду, — решил киммериец. — Докапаюсь я до твоей шкатулки и с удовольствием посмотрю, что там внутри!»

— Далековато забрался твой племянник, — пробурчал Конан, вытирая рот ладонью. — Кром знает, когда я доберусь до Арэнджуна, да и появляться мне в тех краях пока рановато — кое-кто там давно точит зубы, поджидая меня. У тебя что, нет своей охраны?

— Охрана есть, — нетерпеливо мотнул головой Бешмет. — Но я же тебе говорю, в грузе будет спрятана ценная вещь, и ни в коем случае нельзя допустить, чтоб она пропала. Мои охранники — люди надежные, но я все равно им не доверяю. А сегодня, увидев тебя, я сразу понял, что, если караван будешь охранять ты, мне нечего бояться.

— С чего вдруг такое доверие? — прищурился Конан. — Ты же хорошо знаешь, что я не упущу того, что само идет мне в руки. Не боюсь, что мне понравится твоя шкатулка?

— Уверю тебя, она совсем не ценная, — поспешно замахал руками Бешмет. — Тебе от нее не будет никакого проку. А вот заплачу я тебе за работу хорошо.

— И сколько же?

— Пять золотых за каждый день пути, — с гордостью проговорил Бешмет. — Кроме того, тебя вознаградит и мой племянник. Караван вернется назад, а ты можешь оставаться в его доме сколько захочешь — будешь вволю есть и пить, а он найдет тебе какое-нибудь прибыльное дело. Не пожалеешь!

— Десять монет за каждый день пути, тогда я согласен, — отрезал Конан, решив поторговаться. — Не забудь, что в Заморе полно грабителей, за каждой горкой ждут путников, так что я из-за твоей реликвии своей головой рискую.

— Ладно, — вздохнув, согласился Бешмет. — Пусть будет десять. Тебе повезло, парень, я еще никогда не платил охранникам столько. Но ты мне нравишься, и я хочу, чтоб ты работал на меня с удовольствием. Думаю, мы и впредь пригодимся друг другу.

«Этот ослиный хвост врет. Что у него на уме — непонятно, но я все равно докапываюсь до правды, — думал Конан, вновь наполняя кубок. — В конце концов, Нергал с ней, с этой реликвией! Я получу свои деньги, а заодно повеселюсь в Арэнджуне. Там, наверное, уже по мне соскучились... И все же что это за штука, ради которой я буду рисковать жизнью?»

— А где эта реликвия? Можно хоть посмотреть на нее? — как можно более равнодушно осведомился киммериец.

— Не обижайся, друг мой, но ее никто не должен видеть, — покачал головой Бешмет. — Она будет надежно спрятана, и прошу тебя, не ищи ее. Я понимаю, ты молод и любопытен, но послушай старика: тебе выпала большая удача, что ты встретился со мной, а в доме моего племянника ты найдешь все, что тебе нужно, так что не руби сук, на котором сидишь.

Его слова только подогрели любопытство Конана.

— Хорошо, — сказал он. — Договорились. Когда ехать?

— Все уже готово, — обрадовался Бешмет. — Можно хоть завтра на рассвете.

Выспавшись на роскошной мягкой кровати, Конан поднялся с первыми лучами солнца и, плотно позавтракав, вышел во двор, где шли последние приготовления к отправке каравана. К нему сразу же подскочил охранник — свирепого вида парень, вооруженный до зубов.

— Ну, готов? — мрачно спросил он, неприязненно рассматривая киммерийца. — Если ты и в дороге будешь таким неторопливым, то мы недалеко уедем.

Конан промолчал, решив не наживать себе врагов раньше времени, да и настроение у него было такое, что разговаривать ни с кем не хотелось. Он грустил о красавице Дамире, с которой не успел даже проститься, и вот теперь расстается, Нергал знает насколько — может быть, навсегда...

В пути Конан тоже старался ни с кем не ссориться и вообще не привлекать к себе внимания. На первой же стоянке, надумав прощупать тюки, киммериец понял, что затея это пустая, — охранники и караванщики не спускали друг с друга глаз. Наверняка, с каждым из них Бешмет поговорил отдельно, а может быть, велел им следить именно за киммерийцем.

Конан решил даже не пытаться найти шкатулку в дороге. «В доме племянника будет намного легче ее найти, — думал он. — Если это действительно реликвия, то ее поставят на видное место. А если что-нибудь другое... Ладно, все равно найду!»

И вот караван уже приближался к Арэнджуну. Верблюды неторопливо выпагивали по узкой извилистой тропинке, вьющейся между зелеными холмами. Благословенный глаз Митры освещал каждый кустик, за которым могли притаиться разбойники. Все вокруг по-прежнему казалось спокойным, но Конан знал, что эта тишина обманчива.

Сколько раз он сам прятался на этих холмах, подстерегая очередной караван, — место для засады было самым подходящим. Вот и теперь он несколько не удивился, увидев, как ближайшие кусты едва заметно

зашевелились. Киммериец оставался спокойным — в этих местах его знала каждая собака, к тому же те, кто собирался напасть на караван, и представить себе не могли, что самый известный разбойник охраняет их долгожданную добычу.

Как только верблюды приблизились к кустам, откуда вылетело несколько стрел, одна из них просвистела у самого уха Конана, две других ранили охранников. Выругавшись, киммериец вскинул лук и выстрелил. В зарослях кто-то жалобно хрюкнул.

Конан один за другим метнул в кусты два ножа и приготовился кинуть третий, но его остановил громкий крик:

— Стой! — И в следующее мгновение из кустов показалась плешивая макушка Кушара, давнишнего приятеля Конана по воровским набегам и лихим попойкам. — Век мне пить прокисшую мочу Нергала, если это не Конан-киммериец! Эй, не стреляй, давай уладим дело миром!

— Нет у меня с тобой никаких дел, старая задница! — рявкнул Конан, продолжая держать в руке нож, готовый для броска. — Ты что, раньше не мог разглядеть, в кого стреляешь? Твои шакалы ранили моих людей!

— Баш на баш, — отозвался Кушар и поднял руки, показывая, что он безоружен. — Твои люди ранили моих, а ты лично ухлопал моего дружка. Впрочем, я прощаю тебе их — этого дерьма в любом кабаке Аренджуна навалом.

Охранники продолжали держать луки наготове, вопросительно поглядывая на Конана. Сунув нож за пояс, киммериец сделал им знак опустить оружие. Они молча повиновались — после ночного сражения с грабителями Конан стал их негласным вожаком.

Кушар выволок из кустов старого облезлого осла и, взгрозившись на него, подъехал к северянину.

— Где тебя демоны носили все это время? — беззаботно спросил он. — Давненько я тебя не видел в Замо-

ре, киммериец. Никак ты решил поменять вольные хлеба на хозяйские харчи?

— Не твоего ума дела, плешивая обезьяна, — огрызнулся Конан. — Лучше расскажи, что нового в Аренджуне.

Кушар хитро прищурился.

— Да разное болтают, — глубокомысленно протянул он. — По правде говоря, я и сам хотел бы разузнать все получше, но пока я не могу туда въехать ни на белом коне, ни на этом поганом ишаке. Вот, если бы ты взял меня с собой, я бы проскочил через ворота под видом караванщика и тогда... Не волнуйся я в долгу не останусь, — поспешно добавил он, видя, что Конан не торопится с ответом. — Ты же знаешь, Кушар добро не забывает.

— А как же твоя шайка? — спросил Конан. — Как ты собираешься протащить ее в город?

— Да нет, что ты! — усмехнулся Кушар. — Я им скажу, чтобы ждали меня в нашем логове. Да и потом, я же говорил, что такого дерьма...

— Ладно, — остановил его Конан, которому хотелось поскорее добраться до города. — Нергал с тобой. Дого-няй нас.

* * *

В огромном, поражающем своей роскошью доме племянника Бешмета Корхаса вовсю шла подготовка к торжествам. Гости уже съехались, и хотя до свадьбы оставалось еще три дня, пировать начали заранее. В доме нашлось место и для балагана лицедеев, прибывших для увеселения гостей. Но, якобы устав с дороги, шуты и фокусники тут же предались безудержному пьянству, и гости развлекали себя сами.

Узнав о прибытии каравана, хозяин дома вышел на крыльцо, и к нему тотчас подскочил тот самый свирепый охранник, что пытался затеять ссору с Конаном в доме Бешмета, звали его Ульсар. За все время пути они не перекинулись ни словом, но киммериец нередко ловил

на себе его пристальный настороженный взгляд. Шепнув что-то племяннику Бешмета, Ульсар вытащил из-за пазухи свиток и отдал ему. Тот развернул пергамент и принялся читать, а затем взглянул на Конана, стоявшего неподалеку и, расплывшись в улыбке, приветственно помахал ему рукой.

Киммериец подошел ближе и остановился, выжидая.

— Приветствую тебя, храбрый воин! — Хозяин дружелюбно похлопал Конана по плечу. — Я уже кое-что слышал о твоих подвигах, потом ты мне расскажешь подробнее. А сейчас умойся и проходи в дом. Я буду рад принять у себя такого гостя.

Он вновь повернулся к Ульсару, а Конан устало побрел в дальний угол, где, гогоча и отфыркиваясь, уже обливались холодной водой охранники. Вылив на себя несколько ведер, киммериец присел на скамью в тени деревьев и, с интересом разглядывая огромный, со множеством построек, двор, прикидывал, что же ему делать дальше.

Верблюдов разгрузили, тюки сложили в сарай и заперли на крепкий замок. Конан уже давно догадался, что шкатулки там и в помине не было. Но тогда где же она? Ульсар передал хозяйну письмо — ясно, что в нем говорилось и о киммерийце, — но никакой шкатулки Конан у него в руках не видел.

— Эй, киммериец! — прервал его размышления голос хозяина. — Рано спать! Отдохнешь за столом!

Конан поднял голову, племянник Бешмета стоял посреди двора и махал ему рукой. Почувствовав, что умирает с голода, киммериец вскочил на ноги и быстрым шагом направился к дому.

В большой, увешанной коврами зале, куда хозяин привел Конана, стоял большой овальный стол и мягкие диваны, на которых возлежали полупьяные гости, проворно запуская свои ненасытные пальцы в блюда с разнообразными яствами. Появление могучего варвара было встречено с интересом, который, впрочем, угас, как

только красивые смуглянки-рабыни внесли в залу серебряные подносы с новыми кушаньями и напитками.

Хозяин усадил Конана за стол, сел рядом и, взяв в руки бокал, провозгласил тост за нового гостя — доблестного и храброго воина, спасшего караван от грабителей. Гости опасливо покосились на киммерийца, но тем не менее выпили охотно. Осушив два кубка подряд, Конан набросился на еду, поглощая все, до чего можно было дотянуться. Насытившись, он откинулся на мягкую спинку дивана и принялся с интересом разглядывать сидевших за столом.

По всему было видно, что племянник дяде под стать — его хитрой физиономии с трудом удавалось выражение благочестия. Да и гости, несомненно, были из числа его дружков по разбоям и грабегам. Похоже, остепенились они совсем недавно и еще не успели утратить прежних привычек — над столом густым облаком витали скабрзные шуточки и крепкая брань. Было тут и несколько девиц, они то и дело повизгивали, когда чья-нибудь грубая мужская рука слишком нескромно проникала в складки их одеяний. Которая из них была невестой, Конан определить не смог, — скорее всего, ее тут и не было.

— Почему никто не пьет? — раздался вдруг мощный рык Корхаса. Вопрос был совершенно напрасным — гости налегали на вино, как запаленные кони, дорвавшиеся до водопоя, — но Корхасу, видимо, просто нравилось так шутить. — Вино живет дольше, чем жалкие людишки, может быть, оно даже вечно. Стало быть, в нем заключена вечная жизнь, и его надо пить как можно больше!

Гости весело рассмеялись, спорить с хозяином им не хотелось, и они дружно наполнили кубки.

— Вино вину рознь, — неожиданно подал голос тощий юнец в каком-то странном наряде со свисающей там и сям бахромой. — В хорошем вине, может, и жизнь. А вот я однажды выпил такого, что меня чуть наизнанку не вывернуло!

Гости вновь рассмеялись.

— Ты, молокосос, просто пить не умеешь, — усмехнулся плечистый верзила, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой. — Так что, если соберешься снова показывать нам свои кишки, то лучше заранее выйди во двор.

— Сам иди, Нергалово отродье! — обидевшись, крикнул юнец и покраснел. — Это ты, вонючий боров, пить не умеешь, а я, если хочешь, на спор перепью любого!

— Нет уж, не надо! — давась от смеха, воскликнул хозяин. — Что я потом с тобой, вывороченным наизнанку, буду делать? Я ведь не лекарь, чтобы собирать твою трубуху и в нужном порядке запихивать тебе в пасть!

Юнец побагровел, но сдержался, не решаясь затевать перебранку с хозяином дома. Метнув злобный взгляд на обладателя серебряной зубочистки, он залпом осушил свой кубок и, гордо выпятив подбородок, уставился в замысловатый рисунок ковра, висевшего на стене.

Корхас же, вновь призвав всех налечь на вино, неожиданно выскочил из-за стола и стремительно бросился к двери. Конан удивленно посмотрел ему вслед и решил, на всякий случай, проверить на месте ли его кинжал. Бросив взгляд на гостей, киммериец увидел, что они тоже ничего не понимают. Он собрался было встать из-за стола и посмотреть, что там произошло, но тут Корхас вернулся и с блаженной улыбкой влил себе в глотку очередную порцию вина.

— Живот прихватило, — охотно пояснил он притихшим гостям. — Да так, что думал — не добегу! Если у кого тоже в брюхе волнение намечается, так не стесняйтесь — эка невидаль! Во дворе места всем хватит. Удерживаться от этого дела не стоит — видит Митра, нет муки хуже!

— Это точно! — радостно подхватил тему розовощекий крепыш. — Вот мне однажды пришлось терпеть на приеме у самого немедийского короля — выйти-то нельзя, а прием все никак не кончался. Так я весь

пятнами пошел. А уж какие ветры при этом пускал — придворные дамы в обморок падали!

— Что ты врешь, воронья падаль! — неожиданно рывкнул дюжий детина с окладистой всклокоченной бородой, сидевший рядом с Конаном. — С каких это пор тебя, бородавку на заднице Нергала, стали пускать в королевский дворец? Небось пережрал в каком-нибудь кабаке и пускал свои ветры в нос местным шлюхам! То-то они, должно быть, потешались!

— Ах ты, волосатая репа! — задохнувшись от возмущения, заорал розовощекий. — Если тебя никогда дальше отхожего места не пускали, то не меряй по себе других! Да я с тобой и там рядом бы сидеть не стал, тем более тут, за одним столом! — С этими словами он вскочил, выхватив из-за пояса кинжал.

Рывком поднявшись на ноги, «волосатая репа» тоже вытащил кинжал, и неизвестно, чем бы все закончилось, если б хозяин миролюбиво не произнес:

— Ладно-ладно, успокойтесь! Для того, что ли, мы тут собрались, чтобы посмотреть, как вы пускаете друг другу кровь? Мы веселиться хотим! И пить вино! Что это опять никто не пьет? — повернулся Корхас к остальным гостям. — Обидеть меня хотите?

Гости загалдели и вновь потянулись к своим кубкам. Смотреть на кровопускание и в самом деле никому не хотелось. Забывая, тяжело дыша и не отводя друг от друга многообещающих взглядов, неохотно сели на свои места и тоже принялись за вино.

Откинувшись на подушку, Конан с ухмылкой наблюдал за буйными гостями. Он был изрядно пьян, но все же мысль, которая появилась у него сразу, как только он попал в этот дом, — воспользовавшись пьяной кутерьмой, выбраться из-за стола, хорошенько обследовать дом, выяснить, что здесь плохо лежит, а если повезет, узнать, что это за шкатулка, — не покидала его.

Но время шло, киммериец поглощал кубок за кубком, блюдо за блюдом, и желание подниматься из-за стола и куда-то тащиться постепенно угасло.

«А, Нергал с этой вашей семейной реликвией,— лениво думал Конан.— Лучше постараться свести дружбу с этим племянником... как бишь его... Корхасом. Он пройдоха, каких мало, сразу видно. Может, он действительно подыщет мне какое-нибудь стоящее дельце. А прихватить хозяйское добро я всегда успею!»

* * *

Проснувшись утром на широкой мягкой кровати, Конан с удивлением обнаружил рядом с собой одну из девиц, принимавших накануне вечером участие в пирушке. Он не помнил, как добрался ночью до кровати, и тем более, как затащил туда эту красотку.

— Эй,— Конан потряс мирно посапывающую девушку за плечо.— Ты как здесь оказалась?

Она открыла глаза и блаженно потянулась.

— Ты так пожирал меня за столом глазами, что я решила прийти к тебе ночью.

— И?

— Увы,— вздохнула девица, приподнимаясь на локтях.— Храпеть ты умеешь мощно, а вот нижняя часть твоего тела, как я ни старалась, будто семь раз умерла.

Конан побагровел.

— Я тебе сейчас покажу, маленькая врунья,— начал было он, но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел уже изрядно подвыпивший хозяин.

— Все валяется? — хрипло спросил он, кинув плотоядный взгляд на обнаженную девицу.— Пора уже и за дело приниматься, а то вино скиснет! — И довольный своей шуткой Корхас захохотал.

Конан, у которого голова гудела, а во рту пересохло, не заставил себя долго упрашивать и мгновенно спрыгнул с кровати, тут же забыв про соблазнительницу.

Когда он вошел в залу, половина гостей уже восседала на своих местах, торопливо вливая вино в горящие глотки. Позевывая, почесываясь и бормоча себе что-то под нос, подтягивались и остальные. Рассевшись вокруг стола, они некоторое время сосредоточенно же-

вали и глотали, стараясь поскорее вернуть себе бодрость духа.

— А чего это Ахтуб и Мехад? Оторвать свои задницы от кроватей не могут? — раздался вдруг среди чавканья чей-то голос.— Видать, вчера так нализались, что теперь будут дрыхнуть до вечера!

— И этот, как его там... Керд! — добавил хозяин, оглядев стол.— Наверное, до сих пор продолжает разбрасывать свои внутренности.

Тут Конан заметил, что за столом не хватает троих — тощего юнца, которого вчера подняли на смех, и двух самых беспокойных гостей, едва не изрезавших друг друга кинжалами. «Да Нергал с ними,— подумал киммериец,— очухаются — приползут».

Постепенно за столом становилось все веселее и оживленнее. Раскрасневшийся толстяк, размахивая жирными руками с нанизанными на пальцы дорогими перстнями и не переставая жевать, рассказывал о каком-то своем очень богатом приятеле.

— Глаза у него, конечно, бесстыжие,— давился он, чавкая и икая.— Но зато денег! Столько успел наворовать, что хоть три века живи — все равно не успеешь растратить!

Конан наострил уши, стараясь уловить все, что было связано с неведомым ему денежным мешком, но из-за гула, царившего в зале, сделать это было довольно трудно.

— Он такие пиры закатывает,— продолжал толстяк, влив в себя очередной кубок.— Не поверите, пока сами не увидите! Вина, к примеру, мимо глоток льют столько, что вам и не снилось,— у любого из вас в погребке меньше хранится. А потом еще и одаривает каждого гостя, да так, что насилу все домой приволочешь!

— Брехня все это,— насмешливо перебил толстяка долговязый смуглолицый гость.— Ты по своему наглому обыкновению вечно несешь всякие небылицы, Нергал знает, откуда ты их берешь. Про себя-то небось нечего рассказать, вот и хвастаешь какими-то выдуман-

ными приятелями. Я вот, например, могу сказать про себя: у меня денег — что у табуна коней волос в хвостах.

Выпучив осоловевшие глаза, толстяк недоверчиво посмотрел на смуглолицего.

— Ну что уставился, как коза на горох? — презрительно ухмыльнулся тот. — Будто не знал? Да все это знают! Мне скрывать нечего! Я нажил свои богатства честным трудом...

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялись сразу трое или четверо гостей, один из которых чуть не подавился петушиной ногой. Его сосед по столу начал так яростно колотить товарища по спине, что тот с размаху ткнулся лицом в блюдо с горячим красным соусом. Когда бедолага поднял голову, гости загоготали так, что на столе запрыгала посуда. Зрелище было действительно смешное, и Конан тоже оглушительно, до слез, расхохотался.

Когда гости, в изнеможении постанывая, затихли, вновь раздался голос Корхаса:

— Просто в балаган ходить не надо! А кстати, где эти поганые шуты, которых наняли развлекать нас? Мерзкие шпагоглотатели, — пьют небось, не просыхая! Пропивают мое добро, спускают мои денежки. Напрасно я заплатил им вперед! Эй, ты! — крикнул он слуге, подпиравшему стену у двери. — Пойди-ка приведи их сюда, пусть покажут, что умеют!

Слуга вскоре вернулся, пинками гоня перед собой упиравшегося карлика.

— Только один оказался на месте, мой господин. — Он с презрением оглядел карлика с головы до ног и ни с того ни с сего закатил ему звонкую оплеуху. — Остальные, должно быть, уже с утра в кабаке.

Завопив, словно его убивают, карлик неожиданно бросился на слугу и вцепился зубами ему в ногу. Теперь слуге пришла очередь орать. Гости вновь заржали, но тут хозяин, нахмурившись, стукнул кулаком по столу.

— А ну-ка хватит! Не дадут посидеть спокойно! То один затеет драку, то другой! Что я — нанялся вас раз-

нимать? Пусть тот, кто не умеет вести себя в приличном доме, катится в задницу к Нергалу! Я никого не держу! И ты катись отсюда! — повернулся он к карлику, который наконец разжал зубы, оставив в покое ногу всхлипывающего слуги.

Гости притихли, удивленно глядя на внезапно разъярившегося хозяина.

— Я есть хочу, — в наступившей тишине вдруг отчетливо произнес карлик.

— Что? — изумился Корхас.

— Я хочу есть, — повторил карлик, спокойно глядя ему в глаза. — Они пошли в кабак, а меня не взяли. Меня никогда с собой не берут.

— Это почему же? — спросил вмиг остывший хозяин.

— Потому что они дураки и болваны. Ослиные головы! Потому что знают, что я умнее их всех, вот и злятся.

— Ишь ты! — покачал головой Корхас, разглядывая маленького человечка. — Ну что ж, раз так, садись к столу, пользуйся моей добротой. А если ты такой умный, может, расскажешь что-нибудь этакое?

— Сначала поем, — спокойно ответил карлик, обходя стол в поисках свободного места.

Конан встретился с ним глазами и поманил к себе. Место рядом с киммерийцем было свободно — бородастый детина, сидевший тут вчера, видно, все еще отсыпался.

Карлик неторопливо подошел к Конану и залез на диван, деловито подложив себе под тощий зад насколько подушек, чтобы возвышаться над столом не хуже остальных. Уверенно придвинув к себе огромное блюдо с жареным мясом, он начал с невероятной скоростью поглощать кусок за куском.

«Интересно, сколько же в него влезет?» — подумал Конан, не в силах оторвать изумленного взгляда от своего маленького соседа.

Все гости замерли и, перестав жевать, чавкать и булькать, уставились на карлика, которого, казалось,

нисколько не смущало всеобщее внимание. Когда блюдо опустело, он аккуратно вытер салфеткой рот, залпом осушил кубок и сразу налил себе еще, а затем еще и еще раз. Выпив последнюю порцию, карлик приподнялся и подвинул к себе блюдо, на котором громоздилась гора жареной дичи, и вновь заработал челюстями.

Выйдя из оцепенения, гости зашептались, затем загалдели, обсуждая невероятный аппетит внезапно попавшего в их компанию сотрапезника.

— Ну что, теперь расскажешь нам что-нибудь? — подал голос Корхас, словно очнувшись от наваждения.

— Я еще не поел, — отозвался карлик, отодвигая пустое блюдо и шаря глазами по столу в поисках следующего.

Конан достал с середины стола блюдо с фаршированными утками и поставил его перед соседом. Тот критически скользнул по нему взглядом и задумчиво процепдил:

— Я бы предпочел сначала свиные отбивные, а уж потом утки. После говяжьих почек в молочном соусе.

Кто-то из гостей торопливо придвинул ему требуемые блюда, и вновь с неослабевающим вниманием все стали наблюдать, как ловко карлик с ними расправляется.

Ждать пришлось недолго. Доев последний кусок, малыш вновь наполнил свой кубок и осушил его одним глотком. Взяв в руки кувшин, он заметил, что тот пуст, и потянулся к другому, в котором тоже не было ни капли. Нахмурившись, карлик покачал головой, выразительно пощелкал по кувшину пальцами и укоризненно взглянул на хозяина, который, отчего-то покраснев, вдруг засуетился и замахал слугам, чтоб поскорее несли еще вина.

Но карлик теперь даже не взглянул на мигот несенные кувшины. Непредусмотрительность хозяина, похоже, сильно обидела малыша, и он, скользнув презрительным взглядом по несъеденным еще кушаньям,

вынул из-за пояса длинный узкий нож и принялсяковырять им в зубах.

— Ну ладно, хоть немного заморил червячка, — задумчиво пробормотал он. — Теперь, пожалуй, стоит слегка вздремнуть.

С этими словами он откинулся на спинку дивана и мгновенно уснул. Гости вновь возбужденно зашумели — на этот раз в их возгласах слышалось откровенное восхищение.

— Вот это фокус! — радостно потирая руки, воскликнул Корхас. — Не то что какие-то дрянные шпагоглотатели! Этот может целого слона проглотить, да ему еще и мало покажется! Подумать только — этакая козявка, а вмиг сожрал столько, сколько десять голодных рабов жевали бы до вечера! Клянусь Митрой, я оставлю этого парня у себя и буду показывать за деньги! Он принесет мне целое состояние!

— Да он сожрет у тебя целое состояние! — выкрикнул смуглолицый, задумчиво глядя на карлика. — Отдай его лучше мне, а не то быстро разоришься. Я-то не буду его баловать, а вот применение ему найду подходящее.

— Ну уж дудки! — замотал головой хозяин. — Такое чудо я никому не отдам. Он мой!

«Как бы не так! — подумал Конан, взглянув на невозмутимо храпевшего карлика. — Дурак ты, Корхас, если думаешь, что он согласится зарабатывать тебе деньги. У этого малыша не такой характер, он никому не будет подчиняться. А вот мы с ним явно поладим».

Конан взял в руки кубок и, медленно попивая вино, принялся размышлять о том, что надо бы выбрать момент и поговорить с карликом, рассказать ему о таинственной шкатулке и постараться убедить его принять участие в этом деле. Маленький, ловкий, способный пролезть в любую щель, к тому же явно смелый и хладнокровный, карлик мог бы стать незаменимым напарником Конану.

Еще раз взглянув на спящего малыша, киммериец увидел, что тот совсем молод, — должно быть, его ровесник. У него было тонкое красивое лицо, совершенно не похожее на те, которыми обычно одаривает карликов природа. Лишь неестественно короткое тело — будто его долго вдавливали в землю, не давая расти, — говорило о том, что малыш, видно, перенес тяжелую болезнь или травму.

«Главное, что у него с головой все в порядке, — подумал Конан. — А то, что он не стар, как раз очень хорошо. Значит, так же любознателен, как и я».

Между тем вечерний мрак опустился на землю, а гости так и сидели за столом, лишь ненадолго выползая во двор по нужде. На карлика уже никто не обращал внимания, текли прежние разговоры, к которым Конан лениво прислушивался, не принимая участия, — он не хотел привлекать к себе внимания. Киммериец даже успел немного вздремнуть, и вот теперь, проснувшись и с хрустом разминая затекшие члены, решил, что пора действовать.

Посмотрев на карлика и обнаружив, что тот по-прежнему спит без задних ног, Конан выбрался из-за стола — там уже начиналась очередная перебранка — и нетерпеливо направился во двор. Обойдя его со всех сторон и не найдя ничего интересного, он вернулся в дом, но направился не в залу, а свернул в коридор, который заканчивался лестницей, ведущей на второй этаж, к комнатам гостей.

Наверху было тихо. Конан, затаив дыхание, крался мимо спален и вдруг наткнулся на приоткрытую дверь. Он остановился и, оглянувшись, потянул массивную бронзовую ручку.

Полоса света от горевшего в коридоре факела упала в темную комнату и осветила лежащего на ковре человека. Конан проскользнул в комнату и склонился над телом. Оно лежало в какой-то зловонной луже. Стараясь не вдыхать мерзкий запах, киммериец перевернул беднягу на спину и невольно отшатнулся, увидев поси-

невшее, распухшее лицо, вылезшие из орбит глаза и вывалившийся изо рта багровый язык.

«Кром, это же тот юнец, который рассказывал, как однажды чуть не вывернулся наизнанку, перебрав за ужином, — подумал Конан. — Как же его... Керд! Похоже, на сей раз ему действительно удалось это сделать».

Наклонившись ниже, киммериец понял, что Керд лежал в том, что выпростал из своего желудка.

Бесшумно выйдя в коридор, Конан подошел к следующей двери. Открыв ее и убедившись, что в комнате пусто, он направился дальше. На очереди была спальня, в которой Конан провел предыдущую ночь, — там тоже никого не было. Девушка, которую киммериец обнаружил утром в своей постели, бесследно исчезла.

Распахнув следующую дверь, Конан увидел посреди комнаты два полураздетых трупа. Их переворачивать не пришлось — Ахтуб и Мехад лежали на спине, у каждого из груди торчал кинжал.

«Вот и доспорились, болваны», — подумал Конан и поспешил дальше.

Внезапно снизу раздался шум, кто-то громко топал по лестнице. Спрятавшись за углом коридора, Конан затаил дыхание и прислушался.

— Сейчас мы сдернем их с кроватей! — грохотал хозяин. — Ишь, хитрые какие! Мы тут мучаемся, давимся вином, чтобы утром встать с больной головой, а они спокойно дрыхнут! А ведь завтра, подлецы, будут задирать нос, святош из себя строить! Не выйдет! Сейчас мы их притащим вниз и заставим навестить все, от чего они так позорно уклонились!

Сопровождавшая Корхаса толпа гостей одобрительно зашумела. Судя по всему, все они дружно встали из-за стола, исполненные справедливого негодования к предателям, покинувшим ряды мучеников и отлеживающимся на мягких кроватях.

Конан услышал, как хозяин вошел в спальню. Гости, толкаясь и шумя, ввалились за ним. Самое время присоединиться к ним! В два прыжка киммериец оказался

у двери — и тут гудение пьяной толпы стихло, гости замерли, с недоумением и ужасом уставившись на труп Керда.

Растерянно озираясь по сторонам, Корхас медленно подошел к юноше и наклонился.

— Керд... — позвал было он, но, поняв, что тот уже больше никогда не откликнется, резко выпрямился и обернулся к гостям: — Как же это он так? Неужели так сильно перебрал вчера? Говорили же ему, не пей, раз не умеешь, а он, дурак, не послушался старших... нализался... и вот...

Корхас горестно вздохнул, пожал плечами и шагнул к двери. Вмиг протрезвевшие гости последовали за ним, уже не толкаясь и не произнося ни звука. Выйдя в коридор, они уставились на Корхаса, словно предчувствуя, что их ждет дальше.

— Идемте к Ахтубу, — ни на кого не глядя, глухо проговорил хозяин. — Не нравится мне все это. Ох, не нравится.

Процессия молча двинулась по коридору. На Конана, который шел позади всех, никто не обратил внимания.

Распахнув дверь комнаты Ахтуба, Корхас решительно шагнул внутрь, но тотчас вернулся.

— Там никого нет, — пояснил он напуганным гостям. — Ничего не понимаю. Ладно, пошли к Мехаду.

Приоткрыв следующую дверь, Корхас просунул в щель голову и, вздрогнув всем телом, попятился.

— Они там, — прошептал он, дико озираясь.

— И... что они там делают? — с трудом шевеля жирными губами, спросил толстяк, стоявший ближе всех к двери.

— Пойди и посмотри! — злобно огрызнулся Корхас. Вместо прежнего добродушного весельчака перед гостями стоял грозный хозяин, глаза его метали громы и молнии. — Что вытворяют в моем доме, собачьи головы! Можете резать кого хотите на куски, можете жрать друг у друга печень, но только не здесь! У меня прилич-

ный дом, меня все уважают! Ко мне на свадьбу придет вся верхушка городских властей! А вы своими безобразиями хотите опозорить меня на всю Замору? Видит Митра, таких ублюдков я больше никогда не позову в свой дом!

— Да что там такое, Корхас? — с дрожью в голосе спросил толстяк и, не дожидаясь ответа, просунул голову в дверь. — О, Митра...

Смутлолицый распахнул дверь и вошел в комнату, за ним потянулись и остальные. Постояв молча у распростертых на залитом кровью ковре тел, гости почесали макушки и гуськом вышли в коридор, где продолжал бушевать Корхас. Конан задержался в комнате чуть дольше всех. Приглядевшись повнимательнее к мертвым, он заметил нечто странное — оба были заколоты совершенно одинаково, ударом в сердце — никаких других царапин или порезов на них не было, следов драки тоже не наблюдалось. Создавалось впечатление, будто противники, подойдя друг к другу вплотную, спокойно закололи друг друга.

Или за них это сделал кто-то другой.

В мрачном молчании гости во главе с хозяином спустились вниз и уселись за стол. Есть уже никому не хотелось, а вот к вину тотчас со всех сторон потянулись нетерпеливые руки.

— Так вот, шелудивые псы, — сказал Корхас, опрокинув в себя кубок и вытерев рот ладонью. — Это дело я уж как-нибудь замну — не буду перед свадьбой шум поднимать. Но если кто-нибудь из вас опять затеет какую-нибудь пакость, всех вытолкаю в шею из моего дома и не посмотрю, что люди будут судачить — мол, Корхас гостей разогнал! Поняли, бесстыжие рожи?

Гости согласно закивали, не поднимая глаз от своих кубков. Некоторое время пили молча, но вот наконец кто-то потянулся к блюду с жареной дичью и аппетитно захрустел крылышком куропатки. За ним и другие зачавкали и захрюкали. Вскоре пиршество уже шло своим чередом, будто ничего и не случилось.

Конан огляделся — где же карлик? Он совсем забыл о малыше, который еще совсем недавно мирно похрапывал рядом с ним на диване.

«Надо пойти поискать его у балаганщиков, — подумал Конан. — Лучше не откладывать наш разговор. В этом доме происходят странные вещи, и мне совсем не хочется задерживаться здесь надолго. А может, он воспользовался тем, что все ушли, и потихоньку прокрался в покои, где прячут ценности, да роется сейчас в них. Он большой хитрец, этот малыш!»

— А где шмакодявка? — спросил хозяин, заметив отсутствие карлика. — Не хватало еще, чтобы и этот клоп что-нибудь выкинул! Допустим, упал в отхожую яму да и утоп!

— Это, скорее, Турф свалится! — хмыкнул гость, лицо которого украшал кривой багровый шрам. — Он туда бегаёт после каждого глотка, а остановиться никак не может — пихает и пихает в свое жирное брюхо все подряд, от жадности!

Все рассмеялись, а толстяк Турф побагровел, поперхнувшись куском бараньей ноги, выплюнул его на стол и заорал:

— Ты, кривая рожа! Лучше на себя посмотри! Пусть я часто хожу на двор — что в этом плохого? А вот ты этого не делаешь. Лень, видно, задницу от дивана оторвать — сидишь тут и воняешь, как десять отхожих ям!

Обладатель шрама перестал смеяться и, схватив со стола пустую тарелку, метнул ею в толстяка, попав тому прямо в лоб. Турф истошно завопил и, схватив в руки кувшин, собрался было запустить им в обидчика, но тут хозяин изо всей силы грохнул кулаком по столу.

— Опять? — зарычал он, поднимаясь с дивана. — Я же предупреждал вас, негодяи, что выгоню вон, если снова затеете свару! Но вижу, вы со мной не считаетесь! А раз так, убирайтесь к Нергалу в задницу, и немедленно!

— Прости, Корхас, — плаксиво залепетал Турф, виновато глядя на хозяина. — Он первый начал! Я сидел

тихо, никого не трогал... — Вдруг толстяк покрылся красными пятнами, на лбу выступила испарина, лицо исказила страдальческая гримаса.

Но причиной тому было вовсе не чувство вины или страха перед разгневанным хозяином. С проворством, которого трудно было ожидать, толстяк Турф вскочил и рванулся к двери.

— Ну вот, что я говорил! — злорадно прошипел обидчик. — Жирный боров опять побежал икру метать!

Он с опаской покосился на Корхаса, но тот уже остыл и, с усмешкой глянув вслед толстяку, взял в руки кубок.

— Ладно, прощаю в последний раз. — Корхас выпил и печально вздохнул. — Ешьте, пейте, да помните мою доброту. Хотя зачем я это говорю? Такие ублюдки, как вы, добра не помнят. Бьешься тут, стараешься, а они потом ответят тебе ножом в спину!

Что-то в тоне Корхаса заставило Конана насторожиться. Может быть, хозяин догадался, что эти смерти не случайны. Если судить по тому, как безмятежно спокойны были лица Ахтуба и Мехада, их закололи, скорее всего, спящими. А Керд... Киммериец вспомнил его вылезшие из орбит глаза. Сомнений не было — Керда отравили.

Но до чего же ловко неведомый убийца все подгадал — все видели, как Ахтуб и Мехада хватались за кинжалы и, наверняка, никто не усомнился в том, что забияки вновь сцепились и прикончили друг друга. А Керд, которого выставили на посмешище, как желторотого юнца, не умеющего пить, — разве не убедительной выглядела его смерть от перепоя?

Но кто и зачем это сделал? Конан терялся в догадках, пристально вглядываясь в лица гостей.

— Я ведь вас всех прекрасно знаю, псы смердящие, — продолжал горестно изливать душу Корхас, для пущей убедительности всхлипывая и вытирая ладонью сухие глаза. — Сколько раз все вы подкладывали мне

свинью, а я по доброте душевной прощал. Шакалы все вы поганые, все до единого шакалы!

Вдруг взгляд Корхаса упал на Конана. Перестав всхлипывать, он уставился на киммерийца, будто увидел его впервые. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, затем хозяин, тыча пальцем в сторону Конана, радостно воскликнул:

— Вот единственный из присутствующих здесь, кто, я уверен, не держит камня за пазухой! Мой дядя доверил Конану свой караван с ценным грузом, и он привел его сюда в целости и сохранности. А доверил бы он кому-нибудь из вас, так ни груза, ни верблюдов никогда бы не увидел! Вы, шакалы, только и ждете случая, чтобы запустить руки в чужое добро! А вот этот храбрец мало того что уберег дядино добро от разбойников, так еще и сам к нему не притронулся. А ведь мог!

«Еще как мог,— подумал Конан.— Да не захотел! На кой мне ваша овечья шерсть? Даже если в тюках была не только шерсть, но и драгоценности, здесь мне будет проще их найти, не то что посреди голой равнины, где разбойники только и ждут, как бы чем поживиться».

Гости перестали жевать и посмотрели на киммерийца. В их взглядах читалась откровенная неприязнь, но Конану было на это наплевать. Он испытывал лишь досаду оттого, что привлек всеобщее внимание. Теперь, по-видимому, будет намного сложнее осуществить свой план. Разве что удастся уговорить карлика...

— Корхас, ты же совсем не знаешь этого парня,— неожиданно сказал смуглолицый, с вызовом глядя на Конана.— Почему ты так уверен, что он не замышляет против тебя что-нибудь похлеще, чем спереть тюки с овечьей шерстью? Ты только посмотри на эту разбойничью рожу! Я заметил, он все время молчит, а глазами так и зыркает. На твоём месте я бы был поосторожнее!

«Вот ублюдок,— усмехнулся про себя Конан.— Это тебе надо быть поосторожнее, как бы я не вырвал твой длинный язык!»

— Не волнуйся, Беркад,— сказал хозяин, продолжая с любовью смотреть на Конана.— Ты же знаешь, излишней доверчивостью я никогда не страдал. И глупостью тоже. Дядя прислал мне письмо, в котором сказано, что этот северянин — человек надежный, и я могу доверять ему, как самому себе.

«Врет ведь, ослиный хвост,— думал Конан.— Бешмет не мог такого написать — он ведь застукал меня в своём доме, и, скорее всего, Корхасу это известно. Видимо, дядя с племянничком что-то задумали, и я им зачем-то нужен. Надо быть начеку».

— Ладно, Корхас, я тебя предупредил,— сквозь зубы процедил смуглолицый,— пеняй потом на себя.

— Тебе-то что за забота, Беркад? — вскинулся хозяин.— Пекись лучше о своём добре! Сам якшаешься с разным ворьем, а меня учить вздумал!

Смуглый опустил глаза, не желая больше спорить, но тут в разговор вмешался обладатель багрового шрама:

— Пусть он сам о себе расскажет, а то и правда — молчит и молчит все время. Даже как-то не по себе. От такого громилы всего можно ожидать — стукнет где-нибудь в темном месте по башке, да и заберет все, что у меня есть.

— Неужели у тебя есть что-то ценнее, чем твой шрам? — усмехнулся Конан.— А по башке и я могу тебя стукнуть. Хоть сейчас, если будешь очень напращиваться.

— То-то, Максуд,— назидательно произнес хозяин.— Как видишь, северянин — парень не промах, за себя постоять может. Так что не нарывайся!

Максуд побагравел от гнева так, что его шрам стал почти незаметен, но ничего не ответил. Отодвинув тарелку с недоеденной дичью, он молча встал и вышел из залы.

Между тем беседа за столом вернулась в нормальное русло. Гости решили не связываться с могучим киммерийцем, а заодно и не ссориться из-за него с

хозяином. Потекли прежние хвастливые речи; то тут, то там стали раздваться язвительные шуточки, все чаще хлопали двери — переевшие и перепившие гости непрерывно бегали во двор. О киммерийце как будто забыли, и он решил, воспользовавшись всеобщей неразберихой, незаметно исчезнуть.

Первым делом Конан надумал наведаться к балаганщикам и поискать там карлика. Он еще раньше заметил, где стоит пестрый фургон лицедеев, и теперь направился напрямик к нему. Из фургона несло нестройное пение — артисты пьяными голосами выводили какую-то разухабистую песню, отбивая ритм глиняными плошками. Конан подошел к двери сарая и осторожно приоткрыл ее. В мерцающем свете свечей, криво торчавших из глиняной посуды, он увидел шесть или семь красных рож, одна другой чище. Но карлика среди них не было.

Конан собрался было уйти, как вдруг один из певунов, под глазом у которого было украшение в виде огромного синяка, заметил незнакомца и, замахав рукой, заорал:

— Эй, кто бы ты ни был, заходи! Вино у тебя есть?

Поколебавшись, Конан шагнул внутрь, но остановился у порога. Лицедей оборвали пение и выжидательно уставились на гостя.

— Ты что, змею проглотил? Тебя же спрашивают — вино есть? — гаркнул плечистый здоровяк с широкими кожаными браслетами на запястьях, по всей видимости — силач, показывающий публике, как надо рвать цепи или поднимать одной рукой коня вместе с седоком.

— Вина у меня нет, — ответил Конан, подойдя к столу. Придвинув стоявший у стены колченогий табурет, он сел, скрестив руки на груди.

— Так чего ты тогда сюда приперся? — писклявым голосом спросил размазанный шут с огненно-рыжими лохматыми волосами. — Какого Нергала тебе тут надо, верблюжье вымя?

Смерив его взглядом, Конан неторопливо извлек из пояса две золотые монеты.

— Я вижу, ты шустрый малый, — сказал киммериец и кинул монеты на стол. — Ну-ка давай, покажи свою прыть!

Рыжий проворно сгреб монеты и стремглав бросился к двери. Остальные лицедей заулыбались, одобритивно поглядывая на Конана.

— Вот это другой разговор! — воскликнул силач, протягивая киммерийцу огромную руку. — Сразу видно — хороший человек! А то скупердьяй Корхас, рога Нергала ему в бок, приказал не давать нам больше вина, а на кабак денег уже не осталось. А разве можно жить без вина?

— Нельзя, — согласился Конан, озираясь по сторонам — где, в каком углу притаился карлик?

— Вот и я говорю! Ты, я вижу, человек неглупый, — продолжал силач. — А главное — порядочный. Непонятно только, что ты делаешь в этом воровском притоне?

— С чего ты взял, что это воровской притон? — спросил Конан.

— Нам пришлось немало поездить по свету, мы видели разных людей, — пожал плечами силач. — С первого взгляда понятно, что Корхас — прожженный мошенник, а может, и того хуже. В городе, знаешь ли, о нем разное поговаривают. Вот вчера в кабаке я узнал, что полгода назад здесь ограбили и убили государственного казначея. Сколько было похищено, не знаю, но догадываюсь, что денег взяли много.

— Ну и при чем тут Корхас? — спросил Конан, ощущая волнение, подобное тому, которое бывает у охотников на тигров.

— Да самое прямое, — усмехнулся силач. — Во всяком случае, так говорят. Корхас провожал казначея на постоянный двор и на них, якобы, напали грабители. Казначея убили, а Корхас, весь израненный приполз к правителю и доложил, что дрался, как лев, пролил свою кровь, но силы были неравные, и казну похитили. Не

знаю почему, но ему поверили. Более того, ходят слухи, что именно он вскоре и займет место главного казначея. Он ведь метит в верхи, и ради этого ни перед чем не остановится. Кстати, ты знаешь, кто его невеста?

— Нет,— покачал головой Конан.— Я ее даже не видел.

— Вот именно,— кивнул силач.— Он держит ее под замком, а сам забавляется со шлюхами. Ему эта свадьба нужна только для того, чтобы породниться со знатным родом и...

— Так кто же его невеста? — перебил его Конан.— Ей-то какая радость от этой свадьбы?

— Она дочь того самого главного казначея. Осталась сиротой, жить не на что, а Корхас стал вроде как ее покровителем, да к тому же убедил бедняжку, что бился за жизнь ее отца, пока не упал без сил, истекая кровью.

— Понятно,— задумчиво произнес Конан.— Я смотрю, ты хорошо осведомлен.

— В Арэнджуне много любителей почесать языком. Болтливый город,— усмехнулся силач.— Я и сам тут таким стал. Раньше из меня, бывало, и слова не вытянешь. А теперь, видишь, сколько тебе всего нарасказывал! А может, ты дружок Корхаса и все ему сейчас доложишь? Да ладно, не волнуйся, я шучу — я же вижу, что ты не предатель. А в людях я хорошо разбираюсь.

— Может, ты и не приятель Корхаса,— вступил в разговор лицедей с фонарем под глазом.— Но все же не ответил, что ты делаешь в этом доме? Мы-то понятно — приехали сюда заработать денег, но, как видишь, с этим жадиной Корхасом не только не заработаешь, так еще и без штанов останешься. Так как же ты попал к этим разбойникам?

— Я тоже приехал сюда заработать,— ответил Конан.— Но надеюсь уйти отсюда в штанах. И с деньгами.

— Вот как! — недоверчиво покачал головой силач.— А не боишься, что они тебя надуют? Тут ведь целая

шайка собралась. Эти хитрые шакалы не постесняются обвести вокруг пальца самого Митру!

— Посмотрим,— усмехнулся Конан.

В этот момент дверь распахнулась, и в сарай ввалился запыхавшийся шут, с трудом удерживая в руках два огромных бурдюка с вином.

— Ну ладно, мне пора,— сказал Конан, поднимаясь.— Кстати, с вами ведь был еще один, такой маленький. Что-то его не видно.

— А Нергал знает, где он шатается. В кабаке он с нами не ходит — говорит, там невкусно. Мы ему приносим что-нибудь пожрать и выпить, а он привередничает,— усаживаясь за стол, охотно присоединился к разговору рыжий.

— Это точно! — добавил силач и, вспомнив недавнюю обиду, захлопал глазами.— Вот, например, однажды я принес ему свежую лепешку, он ее обнюхал да как бросит мне прямо в морду! Жри, говорит, сам такое дерьмо! Представляешь? Ведет себя, будто принц какой-то!

Конан едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Молодец карлик! Оказывается, он еще врун, каких мало. Ну, что ж, это тоже неплохо!

— И давно он с вами? — спросил он.

— Да нет, совсем недавно,— ответил силач, разливая вино по глиняным плошкам.— Мы приехали в Арэнджун, сам понимаешь, с дороги устали, так что первым делом пошли в кабак. Там познакомились с одним типом, его, вроде, Тамур звали. Он и рассказал нам, что в одном богатом доме намечается свадьба и можно неплохо подзаработать. В общем, сидим, болтаем, и вдруг подходит к нам этот карлик...

— Не подходит, а вылезает из-под стола,— уточнил рыжий.— Прямо как из-под земли.

— Ну, вылезает — какая разница! Подходит и говорит: возьмите меня с собой,— продолжал силач.— Я спрашиваю: а что ты умеешь? Он говорит — все! Ну, нам некогда было разбираться, кто он такой, мы и взяли его с собой.

— И что, он правда все умеет? — спросил Конан.

— Пока не знаем, — Силач опрокинул в себя плошку вина и крикнул от удовольствия. — Пришли к Корхасу, договорились о цене, теперь сидим, ждем, когда нас позовут.

— Он вас звал, — сказал Конан. — Но нашел только карлика.

— И что он показал?

— Да так, ничего особенного... Но всем понравилось. — Конан глотнул кислого вина, от которого уже успел отвыкнуть — пользуясь гостеприимством Корхаса, он пил только отборные выдержанные вина.

— Да нам он тоже нравится, — подал голос лицедей в костюме акробата. — Он хоть и задирает нос, но парень, кажется, неплохой.

— Понятно, — сказал Конан и, достав еще две монеты, положил на стол. — Это вам на утро, Поправить здоровье. А мне пора. Еще увидимся!

Под восхищенные возгласы новых знакомых киммериец вышел из сарая и, оглядевшись по сторонам, направился к фургону. Откинув полог, он сунул голову в темное нутро повозки и в тот же миг почувствовал, как чья-то рука схватила его за нос с такой силой, что из глаз искры посыпались.

— Кром! — грозно рявкнул Конан, пытаясь высвободить зажатый словно железной клешней нос. — Сейчас я...

Внезапно рука ослабила хватку. Отпрянув, Конан выхватил меч и перерубил веревку, на которой висел полог. Факел, укрепленный на ограждавшей дом стене, осветил внутренность фургона: устланный соломой пол, висевшие на перекладинах наряды лицедеев и сваленный в кучу реквизит.

Но ни одной живой души внутри не было. Конан залез в фургон и принялся перерывать мечом солому, потирая рукой пылающий нос.

— Ты что ищешь, приятель? — раздался вдруг голос откуда-то сверху. — Может, помочь?

Конан поднял голову и увидел знакомую физиономию карлика, выглядывавшего из тряпья. Когда он успел туда запрыгнуть, оставалось только гадать.

— Ты что, летать умеешь? — спросил Конан, засовывая меч в ножны. — Забрался туда от страха, что я оторву ручонки, которые хватают чужие носы?

— Только те, которые суются, куда не надо, — спокойно ответил карлик, спрыгивая на солому. — А как бы ты поступил на моем месте, Конан-киммериец, если б увидел, что чья-то, Нергал знает откуда взявшаяся, рожа лезет к тебе в дом?

— Полоснул бы мечом, — признался Конан.

— Ну вот видишь — тебе еще повезло! И я мог бы! — Карлик постучал ногтем по лезвию длинного узкого ножа, висевшего у него за поясом, как меч. — Но природное любопытство, как всегда, взяло верх, и я решил не торопиться.

— Я не спрашиваю, откуда ты знаешь мое имя. Благодаря природному любопытству, тебе наверняка известно и многое другое, — сказал Конан, усаживаясь на солому рядом с карликом. — Не поделишься своими знаниями?

— Чего ради? — равнодушно зевнул карлик.

— А вот я поделюсь с тобой своими.

Карлик окинул киммерийца оценивающим взглядом и, отвернувшись, принялся задумчиво жевать соломинку.

— Я понял тебя, Конан-варвар, — наконец сказал он. — Но мы поговорим завтра. Сейчас тебе пора возвращаться.

Не говоря ни слова, Конан поднялся и спрыгнул с повозки. Пересекая двор, он заметил мелькавшую неподалеку тень и замер, крепко сжав рукоятку меча. Тень исчезла за ближайшим деревом.

— Эй, ты! — шепотом позвал киммериец. — Выходи по-хорошему, не то я не буду разбирать, кто ты таков, — просто снесу тебе голову, и все.

Ответа не последовало. Конан вытащил из ножен меч и шагнул к дереву, от которого тотчас отделилась

какая-то высокая фигура и метнулась прочь. Лишь мгновение киммериец видел лицо убежавшего, и оно показалось ему знакомым. Но догнать Конан не стал — плюнул, вложил меч в ножны и пошел к освещенному факелами крыльцу.

Когда он вошел в залу, то первым делом увидел, что его место занято, и не кем иным, как девицей, которая недавно побывала в его постели. Никто не повернулся в его сторону — все как всегда галдели и переругивались, а Корхас, похоже, дремал, откинувшись на спинку дивана.

Конан подошел к своему месту и, приподняв девуцу, сел на диван, усадив красотку к себе на колени.

— Ну что, продолжим разговор? — шепнул он ей на ухо и тотчас заметил злобный взгляд смуглолицего Беркада.

— Продолжим, но только не сейчас, — проворковала девица. — Немного выпьем и пойдем к тебе.

— Идет, — кивнул Конан, наливая себе вина. — Но только запомни — со мной шутки плохи!

— Знаю, Конан, — нежно проговорила она и потерлась щекой о его плечо. — Этим ты мне и нравишься.

— Вот и отлично, — рассеянно пробормотал киммериец, не сводя глаз с Беркада, который внезапно встал и пошел к двери. — Иди сейчас во-он туда. И никуда не уходи. А мне нужно кое с кем поговорить.

Красотка тотчас упорхнула, а Конан, вздохнув с облегчением, допил свой кубок. Он не сомневался, что Беркад ушел, чтоб увидаться с типом, который прятался за деревом. Не зря так злобно сверкали его глаза, когда киммериец, живой и невредимый, вернулся за стол.

«Все-таки они хотят меня убить, — размышлял Конан. — Или просто следят за мной? С этими шакалами будет нелегко справиться. Самое главное — я не могу понять, что они против меня замышляют и кто из них мне враг».

* * *

— Эй, киммериец, вставай! — донесся до Конана встревоженный голос хозяина. — Опять беда! Нужна твоя помощь!

Северянин открыл глаза и увидел перед собой бледное помятое лицо Корхаса. Ни о чем не спрашивая, Конан встал с кровати и начал одеваться.

— Да поживее ты! — поторапливал Корхас, нервно расхаживая по комнате. — Там небось уже все собрались. Болтать теперь будут на весь город. Чует мое сердце, неприятностей не оберешься!

Конан взглянул на кровать, но вчерашней красоти там почему-то не оказалось. «Странно, — подумал он, — на этот раз я прекрасно помню, как мы вместе пришли в эту комнату и завалились на кровать. Она даже назвала свое имя — Замиля, кажется. Она была очень нежна...»

— Ну, давай же скорее! — Хозяин схватил Конана за руку и потащил к двери. — Клянусь Митрой, происходит что-то дьявольское! А у меня завтра свадьба!

Конан широкими шагами двинулся по коридору; Корхас семенил следом, едва поспевая за длинноногим киммерийцем. Выйдя на крыльцо, Конан огляделся: в дальнем углу двора собралась толпа. Подойдя к возбужденно переговаривавшимся людям и бесцеремонно растолкав собравшихся, он увидел на дне отхожей ямы странно скрючившегося и наполовину погруженного в зловонную жижу толстяка Турфа. Киммериец стиснул зубы, отвернулся и встретился глазами с Корхасом.

— И ведь действительно свалился в яму, — мрачно произнес хозяин, сплюнув с досады. — Это все Максуд накаркал! Что, ты забыл, кривая рожа, как весь вечер талдычил, что Турф непременно свалится в яму? — набросился он на обладателя багрового шрама. — А может, это ты сам его толкнул, Нергалово отродье?

— Да что ты, Корхас! — испугался Максуд, растерянно оглядывая столпившихся вокруг, будто ища у них поддержки. — Мы же с ним приятели были, это

все могут подтвердить. Я просто немного подшутил над ним тогда...

— И тарелкой ты в него заехал тоже в шутку! — продолжал наседать Корхас. — Если б я вас тогда не разнял, ты бы убил его прямо у меня на глазах!

— Нет! — в ужасе прошептал Максуд. — Это не я! Все могут подтвердить, что за весь вечер я только один... нет, два раза выходил из-за стола. И оба раза вместе с Беркадом!

Корхас взглянул на смуглолицего, тот молча кивнул.

— Ладно, пошли отсюда. Турфом займутся слуги, а мы пока поговорим. — И хозяин решительно направился в сторону дома.

Когда все уселись за стол, Корхас окинул присутствующих грозным, не предвещавшим ничего хорошего взглядом. Не обращая на него внимания, Конан потянулся к единственному стоявшему на столе кувшину с вином и сделал несколько мощных глотков прямо из горлышка. Заметив устремленные на него злобные и завистливые взгляды, киммериец невозмутимо вытер рот ладонью и откинулся на мягкую спинку дивана.

— Вот кто виновник всех бед в этом доме! — внезапно крикнул Максуд, указывая пальцем на Конана. — Как только он здесь появился, так все и началось! Кого ты пригнал, Корхас?

— Заткни пасть! — рявкнул хозяин. — Киммериец — свой человек, тут и говорить не о чем! Вспомните-ка лучше, зачем вы сюда приехали! Или забыли, что завтра у меня свадьба?

— Мы-то помним, а вот он что тут делает? — не унимался разъярившийся Максуд. — Я уверен, он неспроста сюда заявился! А может, он не тот, за кого себя выдает?

— А кто же он тогда? — спросил Корхас, пристально глядя на киммерийца.

— Нергал его знает! — не унимался Максуд. — Запер бы ты его лучше на крепкий замок, пока все не

расскажет! А мы поможем — душу из него вытрясем! Будь уверен!

— Точно, Корхас! — подал голос еще один гость, щуплый и плешивый, но богато одетый. — Того и гляди он тут такого натворит! Может, он решил нас всех отправить на Серые Равнины?

— Не буду врать, у меня действительно руки чешутся постучать по вашим поганым мордам, — процедил сквозь зубы Конан, допив вино. — Но только я сделаю это открыто и не буду таиться в темноте, как трусливый шакал. Вы хоть знаете, что такое честный бой, или всю жизнь прятались по углам, норовя ткнуть ножом в спину своего же дружка? Если знаете — я готов хоть сейчас сразиться со всеми вами, вместе взятыми! Но предупреждаю — никто из вас в живых не останется! Ну, как?

За столом воцарилось молчание. Гости растерянно переглядывались, стараясь не смотреть на киммерийца, внушавшего им ужас, и лишь один Корхас, казалось, был доволен.

— Что, съели? — язвительно спросил он и хитро прищурился. — Я же говорил, что северянина лучше не трогать. К тому же не забывайте, что он мой гость и я обязан оказать ему в моем доме такой же почет, как и всем остальным гостям. Так что выкиньте из своих ослиных голов надежду на то, что на него можно свалить ваши пьяные безобразия. Да и на кой вы ему сдались? У него, я думаю, есть планы посерьезнее, чем возиться с такими шакалами, как вы!

Конан внимательно посмотрел на хозяина. Ох, не прост этот Корхас, совсем не прост! Но что же ему все-таки надо? Корхас хлопнул в ладоши, и через несколько мгновений в залу вбежали проворные слуги и рабыни-смуглянки, неся серебряные подносы с яствами и напитками. Гости заметно оживились и заерзали на диванах, раздувая ноздри и вдыхая соблазнительные ароматы.

— Вот что я думаю, — произнес хозяин, взяв в руки кубок. — Завтра у меня свадьба, и, как я уже говорил,

в числе приглашенных будут очень важные особы. Так что все должно пройти пристойно и тихо. Никаких распрей и дразг! Никаких угроз и потасовок! А если кому-то это не нравится, то он может прямо сейчас встать и покинуть мой дом. Всем понятно?

— Не беспокойся, Корхас,— ответил за всех Беркад, изучая резной узор на своем кубке.— Все будет в порядке.

— Вот и хорошо,— кивнул хозяин, залпом осушил кубок и, взяв огромный кусок баранины, впился в него зубами.

Гости поспешили последовать его примеру, и вскоре над столом поплыла привычная музыка: бряканье, звяканье, чавканье, бульканье и прочие ласкающие слух звуки.

Конан ел мало. Медленно попивая вино, он размышлял о вчерашнем разговоре с балаганщиками и о загадочных убийствах, происшедших в этом доме. «Пора убираться отсюда,— решил Конан.— Но только не с пустыми руками».

Его размышления прервал громкий голос изрядно повеселевшего хозяина:

— Так где же все-таки эти вонючие балаганщики? Они собираются развлекать моих гостей или нет? Эй, Грул, сбегай, скажи им, чтоб надевали свои дурацкие балахоны и готовились к выступлению! — приказал он слуге.— Я хочу лично убедиться, что они повеселят моих высокопоставленных гостей, как надо. Мы сейчас пойдем и посмотрим, что они умеют. И видит Митра, если они ни на что другое, кроме как жрать мое вино, не способны, мы их тут же взгреем! Да так, что они навек запомнят, как меня обманывать!

Гости оживились, предвкушая возможность размяться и помахать кулаками. Конан нахмурился, ему вовсе не хотелось сейчас встречаться с лицедеями — они могли невольно выдать, что уже знакомы с киммерийцем. А вот с карликом надо бы встретиться как можно скорее.

В дверях появился запыхавшийся Грул. Подобострастно ухмыляясь, он доложил хозяину:

— Эти шакалы уже успели нализаться. Теперь горланят похабные песни и всех посылают к Нергалу.

— Что? — побагровел Корхас.— И меня тоже?

— Несомненно,— с довольным видом подтвердил Грул.

— Но я же приказал не давать им вина! А денег у них нет. Где они раздобыли себе пойло, свиные рыла? Неужели залезли в мой погреб? — Пылая от гнева, Корхас поднялся из-за стола и махнул рукой гостям.— А ну-ка, пошли, разберемся с этими негодьями! Проучим их как следует, чтобы впредь неповадно было!

Гости не заставили себя упрашивать и тотчас гурьбой повалили к дверям. Конан пошел с ними, но у самого порога посторонился и, дав всем пройти, остался в зале, размышляя, стоит ли идти со всеми или все-таки воспользоваться случаем и попробовать хорошенько осмотреть дом. После недолгих раздумий он решил, что за судьбу балаганщиков беспокоиться нечего — у них есть силач, который расшвыряет и хозяина и его дружков, как щенят

К тому же лицедеи, если дело действительно дойдет до серьезного побоища, наверняка ожидают, что киммериец примет их сторону. А Конану вовсе не хотелось ввязываться в драку — слуги обязательно вызовут стражников, и дело неминуемо кончится тюрьмой, а не мешком денег, который он собирается прихватить из дома Корхаса.

Конечно, он бы с удовольствием посмотрел, как повалятся на землю спесивые хозяйские дружки, которых будет молотить своими огромными кулачищами силач, но с этим развлечением можно повременить. Есть дела и поважнее.

Тихонько приоткрыв дверь в противоположном конце залы, Конан осторожно выглянул в проем и увидел длинную анфиладу комнат.

«Отлично,— подумал он.— Это гораздо лучше, чем коридор, в котором даже спрятаться негде. Ну что ж, вперед, и да поможет мне Кром!»

Конан бесшумно прошел первую комнату, держась поближе к стенам, и, убедившись, что во второй тоже никого нет, проскользнул дальше. Повсюду висели роскошные ковры, стояла дорогая мебель — несомненно, Корхас был очень богат. Но киммериец не стал задерживаться, он не сомневался, что настоящие богатства хранятся где-нибудь в глубине дома.

Когда он проходил четвертую комнату, до его чуткого слуха донесся отдаленный звук неторопливых шагов. Конан замер, огляделся и бросился под стол, покрытый длинной тяжелой скатертью. Сквозь нее невозможно было ничего разглядеть и пришлось довольствоваться лишь узкой щелью между краем скатерти и полом. Шаги были уже совсем близко, и вот наконец некто медленной, но уверенной походкой прошел совсем рядом, направляясь в сторону залы. Конан видел только грубые кожаные башмаки, какие обычно носят охранники. Когда шаги удалились, киммериец осторожно приподнял край скатерти и увидел широкую спину охранника, который все тем же неспешным шагом двигался через анфиладу комнат.

Даже не видя лица, Конан сразу узнал его — это был охранник Ульсар из дома Бешмета, который вместе с Конаном сопровождал караван. Именно он передал Корхасу письмо от дяди и о чем-то шептался с ним. Только теперь Конан вдруг понял, что именно этот человек прятался вчера во дворе за деревом. Значит, он — доверенное лицо и Бешмета, и Корхаса. Странно только, что все это время его не было видно, хозяин не приглашал Ульсара к столу. Похоже, он выполняет какие-то секретные поручения Корхаса. Хорошо бы узнать, какие...

Тем временем охранник открыл дверь в залу и застыл на пороге. Потоптавшись немного, он оглянулся и неуверенно вошел внутрь.

— Ага, дорвался наконец до хозяйского стола! — усмехнулся Конан. — Ну давай, пока Корхас дерется с балаганщиками, поешь да попей вволю. А если удастся, еще и поспи там!

Конан вылез из-под стола и быстро двинулся дальше. В самой последней комнате он увидел три двери — по одной на каждой стене. Поколебавшись, киммериец выбрал ту, что справа, и попытался осторожно ее отворить.

Дверь была заперта. Нагнувшись, Конан разглядел язычок замка и, вытащив из-за пояса кинжал, попробовал отодвинуть его. Это оказалось нелегкой задачей, но кинжал с ней справился. Киммериец приложил ухо к замочной скважине, но не услышал ни малейшего звука. Конан медленно открыл дверь и ужом проскользнул в образовавшуюся щель. Внутри царил полумрак; свет сочился лишь сквозь неплотно задернутую штору, что закрывала узкое окно под самым потолком.

Киммериец замер на пороге, озираясь по сторонам. В просторной, роскошно обставленной комнате никого не было, и Конан, подождав еще немного, сделал несколько осторожных шагов.

Оглядевшись еще раз, Конан подошел к шкафчику с резными дверцами. Распахнув их, он увидел полки, уставленные золотой и серебряной посудой. «Для начала неплохо,— подумал северянин.— Но это явно не самое интересное». Изящная тумбочка с витыми ножками, стоявшая у полукруглой, заваленной множеством бархатных подушек кровати, привлекла его внимание гораздо больше. Дверца была, конечно, заперта, но открыть ее не составило для Конана труда. Он сунул руку внутрь и вытащил небольшой ларец, инкрустированный драгоценными камнями.

«Вот она — шкатулка! — подумал киммериец.— Сейчас посмотрим, что там внутри».

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Повернув голову, Конан увидел занесенный над ним кинжал. Времени на раздумья не было, и он, не разгибаясь, рез-

ко ударил противника локтем. Незвестный рухнул на пол, выронив оружие, а Конан навалился на него всем телом и, чтобы рассмотреть лицо нападавшего, сдернул с его головы капюшон.

Киммериец увидел лицо красивой молодой девушки, от жестокого удара она потеряла сознание. Бережно взяв незнакомку на руки, Конан перенес ее на кровать и в нерешительности застыл рядом. Когда он уже собирался уходить, девушка открыла глаза и, увидев чужака, вздрогнула и попыталась сесть.

— Кто ты? — простонала она.

— Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого, — шепотом ответил Конан. — Если ты, конечно, не будешь орать.

— Кто ты? — повторила девушка, вставая с кровати.

— Я здесь по делам, — ответил киммериец, оглянувшись, не подкрадывается ли к нему еще кто-нибудь.

— Понятно, — спокойно проговорила девушка. — А я уж подумала, что в дом забрался грабитель.

Удивившись ее хладнокровию, Конан с интересом взглянул на хозяйку комнаты. Нежный овал лица, миндалевидные темные глаза, изящно очерченный рот — все в ней вызывало восхищение. Молодому варвару вдруг захотелось обнять девушку и крепко прижать к себе ее упругое стройное, неудержимо манящее тело.

Но сейчас было не до этого. Может быть, Корхас уже хватился его, и теперь слуги рыщут по дому в надежде схватить проклятого киммерийца и разорвать его на куски. Все может быть.

«А ведь наверняка это невеста Корхаса! — вдруг понял Конан, не сводя глаз с прекрасной незнакомки. — Но как такая красавица могла согласиться выйти замуж за отъявленного мошенника и пьяницу? Что может их связывать?»

— Ты невеста Корхаса? — спросил он. — Как тебя зовут?

— Джайла, — вздохнув, ответила девушка. — Завтра я стану женой Корхаса.

— Похоже, ты не очень-то этому рада. — Конан взял Джайлу за руку, усадил на кровать и обнял за плечи.

Она лишь горько усмехнулась и ничего не сказала.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил он, еще ближе придвигаясь к девушке. — Хочешь, я расстрою свадьбу?

— Нет, что ты! — испуганно воскликнула она, отодвинувшись от Конана. — Ни в коем случае!

— Ты ему должна? Или он тебе чем-то угрожает? Расскажи мне.

— Не могу, — грустно сказала девушка. — Ты лучше иди, а то тебя могут здесь обнаружить, и тогда дело будет совсем плохо.

— Ну, за меня-то не беспокойся, — усмехнулся Конан. — Лучше скажи, что тебя тревожит. Я знаю, что Корхас — пройдоха, каких мало, он и сейчас что-то замышляет. Если ты попала в беду, положишься на меня. Я смогу тебе помочь.

Джайла некоторое время задумчиво молчала, глядя в сторону, затем неожиданно крепко сжала руку Конана и посмотрела ему в глаза.

— Берегись Корхаса, чужестранец, — загадочно произнесла она. — Завтра ты многое поймешь. А теперь уходи.

— Я уйду, — сказал Конан, поднимаясь. — Но все-таки мне бы хотелось знать, почему я должен бояться Корхаса.

— Завтра узнаешь, — сказала девушка, опустив глаза. — Я только одно могу сказать — он очень плохой человек. И очень хитрый.

— Понятно, — Конан осторожно отворил дверь и, убедившись, что там никого нет, обернулся и еще раз взглянул на Джайлу.

— Меня зовут Конан, — улыбнувшись ей на прощание, сказал он. — Конан-киммериец. До завтра!

* * *

Когда Конан вернулся в залу, там было по-прежнему пусто. Схватив со стола кувшин, он на ходу сделал

несколько больших глотков и, отшвырнув пустую посудину, направился к выходу. К счастью, Конану никто не встретился на пути, и он благополучно вышел во двор, ожидая увидеть кровавое побоище.

Но перед ним предстала совсем другая картина. Вокруг пестрого фургона, у которого теперь была откинута боковая стенка, собралась масса народа: гости во главе с хозяином, толпившиеся позади них слуги, охранники, конюхи, повара и прочий люд, обслуживающий огромный дом и хозяйство Корхаса.

А на сцене выступали два акробата, вытворявшие своими гибкими телами невиданные выкрутасы. Толпа одобрительно гудела и громко охала, когда акробаты проделывали уж совсем рискованные трюки.

Конан незаметно присоединился к зрителям, собираясь протиснуться вперед поближе к Корхасу и его гостям, но в этот момент кто-то дернул его за рукав. Обернувшись, киммериец увидел карлика, тот подмигивал ему с самым таинственным видом.

— Пойдем, Конан,— прошептал малыш.— Поговорим.

Осмотревшись по сторонам, Конан заметил высокую фигуру Ульсара, который, прячась за сараем, глазел на представление из-за угла.

— Иди вперед,— тихо проговорил Конан.— Жди меня за теми кустами.

Акробатов сменил фокусник. Он начал показывать удивительные чудеса, и толпа заворуженно следила за тем, как его тонкие ловкие руки, извлекая из черного ящика какой-нибудь предмет, тотчас превращали его во что-то другое. Охранник вытянул шею и разинул рот, не видя ничего, кроме фокусов, и Конан смог уйти незамеченным.

Ни карлик, ни киммериец не любили лишних слов, и вскоре план действий был готов. Карлик, который, как оказалось, носил длинное имя Бали Маракуда огга Гопал и что-то там еще, чего Конан уже не смог запомнить, действительно оказался очень толковым

малым. Он заинтересовался шкатулкой, и Конан понял, что Бали о ней что-то известно,— похоже, малыш не случайно прибил к балаганщикам, чтобы попасть в дом Корхаса.

Как бы то ни было, но у Конана появился отличный напарник, действовать с которым будет гораздо легче, чем в одиночку. Между тем представление должно было скоро закончиться, и киммериец поспешил присоединиться к зрителям.

На сцену выбежал рыжий шут и скорчил ужасно смешную рожу. Зрители дружно захохотали, а шут, раскланявшись, запищал:

— Представление окончено, драгоценная публика! Приходите к нам еще, мы всегда рады видеть ваши невозможно прекрасные лица! — Он сделал драгоценной публике нос, кубарем скатился с фургона и исчез.

Толпа немного пошумела, ей хотелось поглазеть еще, но лицедеи больше не появлялись, и зрители неохотно начали расходиться. Конан увидел раскрасневшееся, возбужденное лицо Корхаса. Похоже, представление ему понравилось. Его приятели оживленно переговаривались и жестикулировали, словно пытались воспроизвести трюки и фокусы балаганщиков.

— Ну что, киммериец, нравятся тебе мои шуты? — спросил веселый хозяин, поравнявшись с Конаном.— Видишь, как я забочусь о том, чтобы мои гости не скучали? Нет, до чего ж они ловкие, эти придурки! Никогда бы не поверил, что человек может вытворять такое! Что скажешь, киммериец?

— Я видел много таких представлений,— отозвался Конан, нацепив на себя беспечную улыбку.— Но эти, пожалуй, действительно лучше других.

— Лучше всех! — завопил Корхас. Его прямо-таки распирало от гордости, будто это он сам только что показывал чудеса ловкости и сноровки.— Теперь я спокоен — мои благородные гости останутся довольны. Они надолго запомнят мою свадьбу! Весь город будет о ней говорить!

— А кто твоя невеста, Корхас? — как бы невзначай поинтересовался киммериец. — Почему ее до сих пор не видно?

Хозяин перестал улыбаться и с подозрением взглянул на Конана.

— А на что она тебе? — буркнул он. — Ей не положено до свадьбы сидеть за одним столом с мужчинами. Пусть занимается своими женскими делами: шьет, к примеру, вышивает... ну, что они еще там делают?

— Подушки пухом набивают, — усмехнулся Конан. — Перины стелют.

— Вот-вот! — подхватил Корхас. — Дел-то по горло! Я, например, целыми днями кручусь, проверяю — все ли готово, все ли в порядке? Гостей-то тьма будет, все надо упомянуть. Хоть в лепешку разбейся!

«Болтун! — подумал Конан. — Крутится он, видите ли, целыми днями! С утра до вечера вино хлещет да с дружками языком чешет. И все-таки не такой уж он дурак, каким хочет казаться. Затеял со мной игру, приятель? Как бы не пожалеть потом?»

— Может, я чем-нибудь помогу, а то ты и впрямь еще разобьешься... в лепешку? — с сочувствием спросил северянин. — К тому же утром ты сам сказал, что тебе нужна моя помощь.

Они уже подошли к крыльцу. Хозяин остановился, о чем-то задумавшись.

— Да, нужна, — наконец кивнул он. — Но об этом после переговоров. Я скажу, когда ты мне понадобишься.

Они вошли в дом и вновь уселись за ставший уже привычным стол, ломившийся от блюд и напитков.

— Грул! — крикнул Корхас, залпом осушив кубок. — Пойди-ка скажи, чтобы шутам дали вина, только немного. Сегодня они заслужили. Да, и приведи сюда карлика. Скажи, я угощу его хорошим обедом.

Конан нахмурился. Может, Корхас решил теперь все время держать карлика при себе? А может, он узнал, что киммериец с малышом о чем-то разговаривали, и

теперь будет за ними следить? Наверняка, охранник доложил ему, что Конан ходил вчера вечером к балаганщикам...

Дверь распахнулась, и в залу вошел Грул, таща за собой упиравшегося карлика. Однако на этот раз бить малыша он побоялся.

Подойдя к Корхасу, Бали неожиданно громко рявкнул:

— Что за безобразие, хозяин? Почему всякий раз, когда я собираюсь вздремнуть после тяжелой работы, твои вонючие слуги хватают меня за шиворот и куда-то тащат? Неужели я не имею права на небольшой отдых? Если так будет и дальше продолжаться, я немедленно уйду отсюда. Я человек свободный и волен делать то, что пожелаю!

Опешив от неожиданности, Корхас растерянно захолопал глазами:

— Да ты что... как тебя там? Я просто хотел... — начал было он.

— Меня зовут Бали Маракуда ог-га Гопал Привирама Тити Бесаме Актам, — оборвал его карлик. — Я перечислил еще далеко не все свои родовые имена, но и не собираюсь этого делать, потому что ни ты, ни твои вислоухие болваны их все равно не запомнят. Так чего ты хотел?

Услышав имя карлика, Корхас нахмурился и потер лоб рукой, будто что-то припоминая.

— Я хотел, чтобы ты поел немного, — сказал он, продолжая думать о чем-то своем. — Подкрепился после тяжелой работы.

— А меня ты спросил? Поинтересовался, чего хочу я? — уперев руки в бока, сурово спросил Бали. — Я тебе что? Наложница какая-нибудь, чтобы мною распоряжаться! И твоим прихотям я подчиняться не собираюсь!

— И ты его терпишь, Корхас? — возмутился Максуд. — Гнать его надо в шею!

— Это точно! — загалдели гости. — Изображает из себя принца какого-то!

— Я и есть принц,— невозмутимо проговорил карлик.— Наследный принц.

— Наследный принц? — переспросил Корхас, пристально вглядываясь в малыша.

Гости дружно загоготали. Не смеялся, пожалуй, один Корхас. Не обращая внимания на всеобщее веселье, он озадаченно почесал макушку и смущенно произнес:

— Ну, прости, э ...— Он запнулся, пытаясь вспомнить имя карлика.

— Бали Маракуда,— подсказал Беркад, видно, память у него была хорошая.

— Прости, Бали Маракуда, я не хотел тебя тревожить. Не суди меня строго, у меня было тяжелое детство, и хорошего воспитания я не получил,— покаянно бормотал Корхас.— Но обещаю, что впредь в этом доме к тебе будут относиться с должным почетом и уважением.— В подкрепление своих слов хозяин приложил руку к сердцу и отвесил карлику низкий поклон.— А сейчас, господин наследный принц, не желаете ли отведать отменных кушаний и испить вин благородных, ароматных и выдержанных?

— Я вижу, ты ничего не понял,— печально покачал головой Бали Маракуда.— Неужели ты думаешь, что я сяду за один стол с этими негодяями, которые ржут как жеребцы, узнав, что перед ними стоит потомок благороднейшего рода? И неужели ты думаешь, что у меня не пропал аппетит от того, что к столу меня не пригласили вежливо, а приволокли за волосы?

— А ну, ослиная башка, извинись перед принцем! — рявкнул хозяин, обращаясь к Грулу.— Быстро!

Грул уставился на хозяина, разинув рот от изумления. Гости переглядывались, удивленно пожимая плечами. Не решаясь послушаться хозяина, Грул пробормотал сквозь зубы слова извинения. Карлик кивнул, показывая, что принимает их.

— Теперь эти,— указав на гостей, потребовал карлик.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Максуд.— Что бы я извинялся перед каким-то шутом? Корхас, в чем дело?

— Делай, что тебе говорят! — отрезал хозяин.— А не то вылетит отсюда!

— Да я сам уйду! — прошипел Максуд, поднимаясь.— Вы что, тут все с ума посходили?

— Да брось, Максуд, разве ты не понял, что это шутка? — усмехнулся Беркад.

— Точно! — подхватил щуплый плешистый гость.— Так сказать, представление продолжается! Только теперь мы сами в нем немножко поучаствуем.

— Нет уж, только без меня! — Максуд в сердцах плюнул и вышел из залы.

Не удостоив его и взглядом, Бали продолжал ждать извинений. Гости переглянулись и, подталкивая друг друга локтями и изобразив на лицах притворное раскаяние, виновато забормотали:

— Прости нас, наследный принц! Не гневайся на нас, ослиных голов, тупорылых болванов, свиных задниц! Не лишай нас своей милости — откушай с нами, осчастливь нас своим присутствием!

Бали слегка поморщился, но останавливать этот поток не стал. Когда же фонтан остроумия гостей иссяк, карлик надменно кивнул, показывая, что вполне удовлетворен.

— Вот это другое дело, Корхас,— сухо проговорил он.— Надеюсь, ты сделаешь соответствующие выводы. А сейчас я пойду отдыхать.

— А поесть? — удивился Корхас.

— Я ем только тогда, когда хочу. А сейчас я хочу спать! — веско ответил карлик и с гордым видом вышел из залы.

Как только за ним закрылась дверь, гости вновь оживились.

— Ну и повеселил ты нас, Корхас! — наперебой загалдели они.— Как ловко ты ему подыграл — мы даже сначала не поняли. А Максуд вообще разобиделся на смерти!

— А вот интересно, почетных гостей, которые придут к тебе завтра, ты тоже заставишь кланяться перед этим чокнутым? — насмешливо спросил Беркад. — То-то будет потеха!

Корхас натянуто улыбнулся и отхлебнул из кубка.

— Вряд ли, — задумчиво произнес он. — Думаю, они не такие сообразительные, как вы, и вряд ли оценят эту шутку. В общем, там видно будет.

Конан видел, что хозяин явно чем-то встревожен.

Корхас долго молча пил и ел, а затем встал и пошел во двор. Конан поймал на себе пристальный взгляд Беркада, но решил не обращать на него внимания и выйти вслед за Корхасом.

Схватившись за живот и изобразив на лице нечеловеческие страдания, киммериец торопливо покинул залу. Выйдя за дверь, он оглянулся и увидел хозяина, сворачивавшего за угол дома. Конан пошел следом, старательно пошатываясь и держась за стену, чтобы не вызвать подозрений у сновавших по двору слуг Корхаса.

Киммериец осторожно заглянул за угол, но хозяина не увидел. Зато, пройдя вдоль задней стены дома, Конан наткнулся на маленькую чуть приоткрытую дверь. Оглянувшись и не заметив ничего подозрительного, он медленно открыл дверь и проскользнул внутрь. Там было темно и тихо, но Конан увидел полоску света, пробивавшегося из-под какой-то двери, и осторожно направился туда.

Услышав голос Корхаса, киммериец приложил ухо к двери и замер. Хозяин расхаживал взад-вперед по комнате, поэтому часть слов Конан никак не мог разобрать.

— Он может меня погубить, — возбужденно говорил Корхас неведомому собеседнику. — Я так долго шел к этому, а теперь все может рухнуть в один миг. Его надо остановить! Ты понимаешь меня, Ульсар?

— Да, хозяин, — отозвался другой голос. — Будь моя воля, я бы придушил их обоих.

— Нет-нет, что ты! Варвар пока мне нужен! — воскликнул Корхас. — Как раз он-то, сам того не зная, сослужит мне хорошую службу. А вот карлика ты уберешь сегодня ночью.

— А труп куда? — деловито осведомился охранник.

— Да никуда. Отдашь Булдару, пусть полакомится еще тепленьким, — отмахнулся хозяин. — И все будут думать, что он просто ушел. Обиделся, что с ним плохо обращаются, и ушел.

— Понял, хозяин, — пробасил охранник. — Все будет сделано.

— И продолжай следить за варваром, — добавил Корхас. — Он себе на уме, так что с ним осторожнее. Знать бы, что ему успел рассказать этот гадкий карлик!

Конан понял, что разговор подходит к концу, и, бесшумно пройдя по темному коридору, выглянул наружу. На заднем дворе по-прежнему никого не было, и киммериец вышел из дома, оставив дверь слегка приоткрытой. Благополучно обойдя дом, Конан, пошатываясь, начал приближаться к парадному крыльцу, как вдруг увидел вышедшего из дома Беркада.

Тот стоял на крыльце, пристально оглядывая двор. Заметив Конана, Беркад презрительно усмехнулся и направился в дальний угол двора.

«Он вышел посмотреть, что я делаю во дворе, — решил Конан, проводив смуглолицего взглядом. — Интересно, есть кто-нибудь в этом доме, кому до меня нет никакого дела? Или все собрались только для того, чтобы следить за мной?»

Киммериец вошел в залу в самый разгар очередной перебранки, так что никто не обратил на него внимания. На этот раз сцепились лысый человечек в дорогом наряде и дородный верзила, постоянно ковырявший в зубах серебряной зубочисткой. Франт оказался довольно задиристым и бойким на язык, и страсти уже начали накаляться, как вдруг дверь открылась, и в залу вошел Корхас.

Уперев руки в бока, он застыл на пороге и грозно нахмурился. Верзила тотчас умолк и усердно заработал своей зубочисткой, но плешивый, сидевший спиной к дверям, ничего не видел и продолжал распалаться все больше и больше.

— А ну тихо! — рявкнул Корхас. — Стоит мне вернуться, как за моей спиной сразу же начинаются безобразия! Я предупреждал, Манил-заки, что выгоню в шею всякого, кто не умеет себя вести в приличном доме?

— Предупреждал, — пролепетал плешивый. — Но он первый...

— Я слышал только твой козлиный голос, — прервал его Корхас и, подойдя к столу, схватил Манил-заки за шиворот. — Иди собирай свои вещи, и чтоб ноги твоей больше не было в моем доме!

— Корхас, прости... Я больше не буду! — заныл Манил-заки, но Корхас пинками гнал его к двери и вытолкал вон.

— Так будет с каждым, кто думает, что ему позволено вести себя здесь, как в дешевом кабаке! — прорычал Корхас, обводя гостей суровым взглядом, на мгновение задержавшимся на киммерийце, который с самым беспечным видом дремал, откинувшись на спинку дивана.

Хозяин сел за стол и в воцарившемся молчании осушил кубок. Гости сидели тихо, не решаясь даже шелохнуться.

— Послушай, киммериец, — вдруг сказал Корхас. — У меня к тебе просьба — выведи придурка, которого я только что выгнал, за ворота. А то еще вздумает спрятаться где-нибудь в доме! Он ведь так рвался на мою свадьбу — видимо, мечтал завести дружбу с благородными людьми. Ну уж нет! Не хочу, чтоб он меня позорил, так что пусть убирается!

Конан кивнул и вышел из залы. Ему было совершенно безразлично — спрячется плешивый Манил-заки в доме или нет. Киммериец был рад возможности выйти

во двор, нужно было найти Бали и рассказать малышу о том, что с ним собираются сделать.

Уже не опасаясь, что за ним следят, Конан широко шагами пересек двор и заглянул в фургон. Окликнув Бали и не услышав ответа, киммериец подошел к сараю и открыл дверь.

Карлик был там. Сидя на высоком табурете, он с аппетитом жевал черствые лепешки. Остальные балаганщики сидели вокруг колченогого стола и молча пили вино. Увидев Конана, все оживились, а силач подошел к киммерийцу и дружески похлопал его по плечу.

— Хорошо, что ты пришел, Конан, — сказал он. — Надо поговорить.

— Мне тоже надо поговорить, и очень срочно, — сказал северянин, подходя к карлику. — С Бали Маракудой.

— Корхас решил меня убить? — равнодушно осведомился карлик, отправляя в рот очередную лепешку.

— Да... — растерянно кивнул Конан. — Откуда ты знаешь?

— Ты же видел — я сам напрашивался, — пожал плечами Бали.

— Но зачем? — недоуменно спросил киммериец.

Карлик доел последнюю лепешку, поставил миску на стол, а затем соскочил с табурета и подошел к Конану.

— Хотя я и напрашивался, это вовсе не значит, что я позволю себя убить, — сказал он и подергал киммерийца за рукав. — И ты не позволишь, чтобы меня убили, правда?

— Конечно, — кивнул Конан. — Я тебя спрячу.

— Конан, мы бы и сами не дали его в обиду, — сказал рыжий шут, подходя к киммерийцу. — Но твоя помощь нам тоже не помешает.

— Ладно, не беспокойтесь. Бали будет в безопасности. А если кто-нибудь спросит, где он, говорите, что разобиделся и ушел неизвестно куда. — Конан открыл дверь и, убедившись, что путь свободен, взял малыша за

руку.— Скоро стемнеет, и я спрячу его в надежном месте, а пока Бали посидит в фургоне.

Подсадив карлика, киммериец тоже залез в фургон и, плотно задвинув полог, повернулся к малышу.

— Так все-таки что это значит? — спросил он очень серьезно.— Ты понимаешь, что теперь наш план под угрозой?

— Да нисколько,— спокойно ответил Бали Маракуда.— Скорее наоборот, у меня теперь развязаны руки, и я начну действовать уже сегодня ночью.

— И каким же это образом? — поинтересовался Конан.

— Как только я найду шкатулку — Корхасу конец,— загадочно произнес Бали.

— Слушай, Бали Маракуда,— нахмурившись, сказал киммериец.— Мы с тобой договорились действовать сообща, но я вижу, что ты от меня что-то скрываешь. Рассказал бы! За что ты хочешь ему отомстить?

Бали долго молчал, постукивая пальцами по рукоятке своего кинжала, затем вздохнул и посмотрел на Конана.

— Эта длинная история,— неохотно проговорил он.— И я ее никогда никому не рассказывал. Но тебе, так и быть, поведаю. Мой отец — правитель одного из вендийских княжеств...

— Так ты действительно наследный принц? — удивился Конан.

— Конечно. А ты еще не понял? — усмехнулся Бали Маракуда.— Как ты думаешь, почему Корхас заставил своих гостей извиняться передо мной?

— Я думал — в шутку. Правда, мне показалось, что он чем-то встревожен.

— Да, он понял, кто я, но не стал показывать это при всех, а просто решил меня убрать. Корхас ведь собирается стать важной персоной, и ему совсем ни к чему, чтобы завтра я рассказывал его благородным гостям об их бандитской семейке,— презрительно сказал карлик.— Отец-то его уже давно успокоился — он

был пиратом, и ему выпустили кишки, когда он хотел ограбить корабль одного богатого купца. А Корхаса взял к себе дядя — разбойник и убийца почище своего брата — и воспитал под стать себе.

— Я имел счастье познакомиться с этим дядей в Эруке,— усмехнулся Конан.— Он и отправил меня сюда. А откуда ты все это про них знаешь?

— Я искал Бешмета и Корхаса много лет,— ответил Бали Маракуда.— Мне было девять, когда они во главе сотен наемников-головорезов напали на мою страну и разграбили ее, а мою семью уничтожили. Мне удалось бежать, но вскоре меня поймали и продали кхитайскому рабовладельцу. Он несколько лет держал меня в бочке, поэтому я и не вырос. Но не только поэтому. В нашем роду от поколения к поколению передавался волшебный амулет, который охранял нас от всех злых сил. Убив моего отца, Бешмет сорвал с его шеи амулет и присвоил себе. Но ему амулет не поможет — для него это лишь бесполезная безделушка. Только в моих руках он может ожить и вернуть свою необыкновенную силу. Лишившись этой защиты, я стал беспомощным и превратился в жалкого карлика.

— Скажи мне, Бали, почему же амулет не помог вам тогда?

Малыш горестно вздохнул:

— Он помогает лишь живущим в мире. На горе, мой отец поссорился со своим братом из-за рабыни... И теперь я один... и мне не с кем ссориться.

— Значит, если ты вернешь амулет, то сможешь вырасти? — обрадовавшись, спросил Конан.

— Я не только вырасту. С его помощью я смогу уничтожить Бешмета и Корхаса, даже не подходя к ним близко,— ответил Бали, и его глаза холодно сверкнули.— Когда мне удалось убежать из Кхитая, я много лет странствовал по свету, разыскивая свой амулет, и лишь совсем недавно нашел в Эруке Бешмета. Прокравшись к нему в дом, я обшарил там каждый уголок,

но, видимо, старый разбойник прятал амулет умело. А вскоре я узнал, что Бешмет собирается подарить амулет Корхасу на свадьбу, и тогда я спешно отправился в Аренджун. Остальное ты знаешь.

— Ну и ну,— покачал головой Конан.— И все же я не понимаю, зачем ты раньше времени сказал Корхасу, кто ты?

— Честно говоря, я просто не удержался,— грустно усмехнулся карлик.— Мне так хотелось плюнуть в его поганую рожу... Но не волнуйся, Конан, я все равно не отступлюсь, и амулет будет в моих руках. А Корхасу придет конец. Так что ты можешь не торопиться искать его золотишко — оно все равно будет нашим.

— Для этого нужно найти амулет,— задумчиво произнес Конан.— Но пока я даже не знаю, где тебя спрятать.

— Как где? В доме, конечно! — улыбнулся Бали.— И желательно в кладовой со съестными припасами! Не забывай, что я маленький и могу поместиться в любой корзине. Или, например, в этом сундуке! — И он указал на небольшой сундук, стоявший в углу фургона.— Тут даже замок есть, так что никто не сможет сунуть в него свой любопытный нос.

Карлик выбросил из сундука какое-то тряпье и залез внутрь, свернувшись калачиком.

— А ты не задохнешься? — спросил Конан.

— Я ведь несколько лет прожил в бочке и научился дышать, где угодно. А кроме того, это очень хитрый сундук — у него открывается боковая стенка. Это я придумал, чтобы на всякий случай у меня было надежное убежище.— гордо объяснил Бали Маракуда.— Ты закрой меня на замок, а ключ где-нибудь спрячь, чтобы никто не смог открыть.

— Ладно, попробуем,— кивнул Конан и, закрыв сундук, выглянул из фургона.

По двору неторопливо шел слуга, направляясь в сторону дома, и у Конана тотчас созрел план. Схватив сундук, он быстро догнал слугу:

— Отнеси-ка это в дом и поставь в кладовой, да только не говори хозяину,— как можно более внушительно произнес киммериец.— Тут для него свадебный подарок, Корхас не должен узнать о нем раньше времени.

Слуга почесал затылок, безразлично посмотрев на варвара, но золотая монета, которую Конан вложил ему в руку, сделала свое дело. Слуга подхватил сундук и торопливо понес его в дом.

Конан пошел следом и, убедившись, что слуга направился в сторону кладовой, решил вернуться к гостям. Он уже взялся за ручку двери, ведущей в залу, как вдруг до его слуха донесся звук осторожных шагов. Конан вжался в нишу и замер.

Он слышал, как кто-то спускается с лестницы. Подождав немного, киммериец выглянул и увидел знакомую фигуру охранника, свернувшего в боковой коридор. Дождавшись, пока шаги стихнут, Конан пошел в другую сторону и поднялся на второй этаж. Он не помнил, где была комната Манил-заки, и стал открывать все двери подряд. Наконец, открыв очередную дверь, киммериец увидел лежащего на кровати человека. Издали можно было подумать, что Манил-заки спит, но безжизненно свисавшая рука не оставляла сомнений, что он мертв.

Конан вернулся вниз. Боковой коридор, в который свернул охранник, по всей видимости, вел на кухню — об этом свидетельствовали доносившиеся оттуда соблазнительные запахи. Конан добрался до поворота, заглянул за угол и увидел широкий арочный вход, за которым сквозь дым и чад мерцали языки плясавшего в жаровнях пламени.

«Вот где он кормится,— подумал Конан. Киммериец уже не сомневался, что все убийства совершены охранником по приказу Корхаса, не понятной пока оставалась лишь причина.— Наверное, каждый раз, убив кого-нибудь, этот шакал идет на кухню и с аппетитом жрет. Сегодня, после расправы над карликом, он рас-

считывает еще на один ужин, но на этот раз у него ничего не выйдет. Посидишь голодным, Нергалово отродье!»

Конан вернулся в залу и сел на свое место, заметив, что за столом опять появились девицы, в том числе и Замиля, — она сидела на коленях у верзилы с серебряной зубочисткой. Увидев киммерийца, она кокетливо помахала ему рукой и, шепнув что-то верзиле на ухо, соскочила с его колен и подошла к Конану.

— Интересно, где ты пропадаешь днем? — спросил киммериец, когда Замиля уселась рядом, положив голову ему на плечо. — Я вижу тебя только вечером и ночью.

— О, днем у женщин всегда найдутся дела, — нежно проворковала она. — Но после заката солнца я твоя.

«Нет уж, сегодня ночью мне лучше побыть одному, — подумал Конан. — У нас с Бали другие планы».

Он вдруг вспомнил о Джайле, невесте Корхаса, и ему очень захотелось увидеть девушку еще раз.

— Ну что, киммериец, Манил-заки убрался со двора? — как бы между прочим спросил Корхас, наполняя свой кубок вином.

— Все в порядке, — коротко ответил Конан, пристально посмотрев на хозяина. — Просил передать тебе привет.

Корхас глянул на киммерийца, но тут же отвел глаза.

— Хорошо, — пробормотал он и, допив вино, швырнул кубок в сторону. — У меня еще сегодня много дел. Кто хочет, может оставаться здесь, а я пойду проверю, все ли готово к свадьбе. Беркад, пойдем, поможешь мне, — кивнул он смуглолицему и направился к выходу.

Проводив Корхаса и Беркада взглядом, Конан повернулся к Замиле и обнял ее за талию.

— Пойдем ко мне, — шепнул он девице на ухо. — До ночи еще далеко, а я уже по тебе соскучился.

Замиля кивнула и нежно провела пальцами по щеке Конана.

— Пойдем, — прошептала она. — Только возьмем с собой вина.

Прихватив со стола два кувшина, киммериец поднялся и направился к двери. Замиля, покачивая бедрами, двинулась за ним, на ходу погладив по голове верзилу с серебряной зубочисткой. Тот лишь презрительно хмыкнул.

Наверху Конан налил вина в единственный кубок, имевшийся в его комнате, протянул его Замиле, а сам глотнул прямо из кувшина.

— Подожди-ка, — вдруг сказала она, прислушиваясь к чему-то. — Кажется, сюда кто-то идет.

Конан ничего не слышал, но все же подошел к двери. Как он и думал, в коридоре никого не было. Бросив быстрый взгляд через плечо, киммериец успел заметить, как Замиля склонилась над его кувшином.

«Понятно, — подумал он. — И ты тоже на службе у Корхаса. Тебя он приставил ко мне, чтобы ночью было кому следить; чем я занимаюсь. А днем ты, скорее всего, отсыпaeшься. Корхас, конечно, хитрец, но он еще не понял, с кем имеет дело».

— Там никого нет, — сказал Конан и, вернувшись к кровати, сел рядом с Замилей. — А если бы и был, нам-то что? Ты лучше потанцуй мне. Ведь ты, наверное, умеешь хорошо танцевать?

— Да, неплохо, — улыбнулась она, прижимаясь к киммерийцу. — Но здесь нет музыки.

— Сейчас будет. — Конан взял в руки кубок и, допив остатки вина, тихонько коснулся им кувшина, в который было всыпано зелье. По комнате поплыл мелодичный звон. — Вот видишь, музыка есть!

— Ну, ладно, — согласилась Замиля и, встав с кровати, закружилась по комнате.

Конан усердно аккомпанировал девушке и, выбрав момент, когда танцовщица повернулась к нему спиной, быстро поменял кувшины местами — они были совершенно одинаковы с виду. Затем он взял в руки кувшин без зелья и подошел к Замиле.

— Превосходно! Ты так мне нравишься, что я хочу за тебя выпить.— С этими словами он приложил кувшин к губам и, сделав несколько мощных глотков, осушил его.— А теперь ты выпей за меня — я ведь тоже умею нравиться женщинам.

Конан наполнил кубок из второго кувшина и протянул его Замиле. Ни о чем не подозревая, девица выпила кубок до дна и впилась в киммерийца страстным поцелуем. Конан подхватил ее на руки и положил на кровать.

— Подожди,— сказал он.— Выпей еще.— Конан наполнил кубок.— У тебя после вина щечки наливаются таким румянцем, а глазки так блестят, что я начинаю сходить с ума.

Девица залилась звонким смехом и, приподнявшись, выпила вино. Ее глаза действительно заблестели, и Конан уже потянулся, чтобы заключить Замилю в объятия, но она, игриво оттолкнув его руку, заявила:

— Хочу еще!

Конан налил девушке вина, радуясь, что его новая подруга оказалась такой любительницей выпить. Если она подсыпала в вино снотворное зелье, значит, вскоре заснет крепким сном, и он сможет спокойно уйти по своим делам.

Так и произошло. Поцелуи и объятия Замилы постепенно становились все слабее и слабее, и вот наконец она уже перестала отвечать на ласки Конана. Приподнявшись, киммериец взгляделся в лицо девушки, оно было спокойным и безмятежным — Замиля сладко спала. Встав с кровати, Конан подошел к двери и прислушался, на этот раз он действительно различил шаги. Похоже, по лестнице поднимались несколько человек. Положив руку на рукоятку меча, киммериец замер, но, услышав пьяные голоса гостей, видимо решивших лечь спать пораньше, успокоился. Побубнив немного в коридоре, гости разошлись по своим комнатам и затихли.

«Прекрасно,— подумал Конан.— Чем меньше их будет болтаться по дому, тем лучше».

Киммериец спустился в залу и увидел, что там нет никого, кроме двух слуг, убирающих со стола и торопливо совавших в рот недоеденное гостями. Заметив Конана, оба тотчас подхватили подносы с посудой и быстро ушли.

Подождав немного, киммериец решил навестить невесту Корхаса. К счастью, никто не попался ему на пути, и вскоре Конан уже стоял у двери покоев Джайлы. Из ее комнаты доносилась тихая музыка. Джайла пела! Сердце взволнованно забилося в груди Конана и, открыв кинжалом замок, он вошел в комнату.

Пение оборвалось. Джайла, сидевшая в низком кресле рядом со столиком, на котором горела свеча, подняла голову и молча взглянула на киммерийца.

— Прости, что я опять потревожил тебя,— сказал Конан, подойдя ближе.— Нам надо поговорить.

— Зачем ты подвергаешь свою жизнь опасности? — грустно спросила Джайла, отложив в сторону золотое шитье.— Ко мне нельзя входить. Меня держат под замком, и приходить сюда могут только рабыни.

— А Корхас?

— С тех пор, как я живу в этом доме, он был тут всего два раза,— ответила она.— Но он входит через другую дверь.— Она показала на закрытую шторой дверь в противоположном конце комнаты.— Там его покой.

— Вот как! — присвистнул Конан.— Они-то мне и нужны!

Джайла печально покачала головой.

— Я не знаю, зачем ты появился в этом доме, Конан-киммериец, но если ты задумал что-то против Корхаса, тебе надо быть осторожнее,— со вздохом произнесла она.— В его покоях сидит охранник, который часто заглядывает ко мне и проверяет, что я делаю. Если ты хочешь там что-то найти, помни — он вооружен.

— Как видишь, я тоже,— усмехнулся Конан, похлопав по рукоятке меча.— А с охранником этим я хо-

рошо знаком, так что, может быть, мы сумеем договориться.

— А зачем тебе надо в покои Корхаса? — спросила Джайла, пристально глядя на киммерийца. — Ты не похож на обыкновенного ворешку, хотя я и застала тебя у моего ларца.

— Я ищу одну шкатулку, — признался Конан, испытывая необъяснимое доверие к этой девушке. — В ней находится амулет, принадлежащий моему другу. Ты что-нибудь слышала о нем?

Джайла отрицательно покачала головой.

— Корхас ничего мне не рассказывает, — горько усмехнулась она. — Похоже, он собирает всю жизнь держать меня взаперти. Но выбора у меня нет.

— Выбор у тебя будет, — пообещал Конан. — Но ты должна нам помочь. Скажи, в какую дверь входят рабыни?

— В ту же, что и ты. Только открывают они ее не кинжалом, а ключом, который хранится у старшей рабыни. Она предана Корхасу и постоянно следит за мной, — ответила Джайла. — В любой момент может появиться. Лучше б ты поторопился.

— Так ты даже на улицу не выходишь? — удивился Конан.

— Выхожу. Тут есть еще одна дверь. — Она указала на темный, закрытый шторой альков. — Ко мне присылают Грула, старшего слугу и верного прихвостня Корхаса, и он ведет меня по каким-то узким, темным коридорам мимо кладовых во внутренний двор.

— Мимо кладовых, — задумчиво повторил Конан. — Это хорошо. Послушай, Джайла, ты не будешь против, если в твоей комнате совсем недолго постоит один симпатичный сундук? Его доставят сюда завтра утром.

— Утром мы с Корхасом едем в храм Митры на свадебную церемонию, — печально проговорила Джайла. — А сундук, я думаю, мне мешать не будет.

— Ты умница, — Конан обнял девушку и поцеловал в губы. — А теперь мне пора. Увидимся завтра. — Он

направился к алькову. — Я выйду через эту дверь. Мне надо заглянуть в одну кладовую. — И киммериец принялся ковырять замок потайной двери в алькове.

— Сколько раз приходит Грул? — спросил он.

— Один, — коротко ответила Джайла. — В полдень.

— Очень хорошо. — Конан наконец открыл дверь и, посмотрев на Джайлу, улыбнулся. — Значит, сегодня он уже не придет, а завтра... А завтра все изменится. В общем, я оставляю эту дверь незапертой. Ничего не бойся. Все будет хорошо.

Джайла молча кивнула, и Конан, махнув ей на прощание рукой, вышел в узкий полутемный коридор и двинулся вперед. Завернув за угол, киммериец увидел вход на кухню, на этот раз там было темно и тихо.

«Прямо не дом, а лабиринт какой-то! — подумал Конан, сворачивая в следующий коридор. — Наверняка, тут и подземный ход есть, а может, и не один!»

Внезапно где-то совсем близко раздались голоса. Киммериец сделал еще несколько шагов вперед и, заглянув за очередной угол, увидел в конце узенького коридорчика распахнутую дверь комнаты для слуг. Ее обитатели, расположившись за длинным широким столом, весело болтали. Во главе стола лицом к двери сидел Грул.

Конан присел на корточки и стал ждать подходящего момента, чтобы проскочить освещенный отрезок коридора. Время от времени он осторожно выглядывал из-за угла, но картина не менялась — Грул все так же сидел лицом к двери, с кривой усмешкой слушая пустую болтовню слуг.

Конан огляделся, но, не найдя ничего подходящего, извлек из пояса золотую монету и, когда Грул скосил глаза в сторону одного из болтунов, ухитрился бросить монету так, что она, описав в воздухе дугу, шлепнулась на середину стола.

Слуги разом затихли, изумленно уставившись на золото, — этого мгновения Конану хватило, чтобы невидимой тенью скользнуть вперед, туда, где коридор был

совсем темным. Бесшумно ступая, киммериец зорко вглядывался в темноту, пытаясь отыскать дорогу к кладовым, но пока не видел ни дверей, ни поворотов.

— Она что, с неба упала? — донеслось вдруг из комнаты слуг.

— С какого неба, дурак? Ее кто-то кинул из коридора!

Конан узнал голос Грула и, ускорив шаг, нашел наконец какую-то незапертую дверь. Киммериец быстро шагнул внутрь и оказался в полутемной, освещенной лишь догорающим факелом проходной комнате. Здесь ничего интересного не было, и Конан, не задерживаясь, стремительно пересек ее и очутился в следующем коридоре. Он уже начал терять терпение, проклиная этот бесконечный и запутанный дом, как вдруг увидел три одинаковые двери, закрытые на массивные засовы. Кладовые!

Знакомый зеленый сундук Конан нашел лишь в третьей по счету кладовой. Постучав по крышке, северянин тихо позвал Бали, но ответа не последовало. Киммериец вытащил из пояса ключ и уже вставил его в замок, но в этот миг из дальнего угла раздался негромкий свист. Конан вскинул голову и увидел сидевшего на груде тряпья карлика. В неясном свете, проникавшем в кладовую через узкие прорези в стенах коридора, киммериец заметил, что Бали мрачнее тучи.

— Я же просил отнести меня в кладовую со съестным! — прошипел он. — А здесь что? Я все перерыл, но, кроме старого борахла, ничего не нашел.

— Прости, Бали, так уж получилось, — виновато сказал Конан, сев на корточки рядом с малышом. — Сейчас посмотрим в других кладовых.

— Там тоже ничего нет, — грустно махнул рукой карлик. — Я это понял из разговоров слуг. А съестные припасы хранятся совсем в другом месте.

— Должно быть, рядом с кухней, — сказал Конан. — Но сейчас туда лучше не соваться. Ты уж потерпи до утра. А я тебе расскажу, что мне удалось узнать.

И киммериец подробно рассказал Бали об охраннике-убийце Ульсаре, о разговоре с невестой Корхаса Джайлой и о своих планах на завтра. Переговорив обо всем, Конан простился с малышом и, выйдя из кладовой, закрыл ее дверь на тяжелый засов.

Благополучно добравшись до своей комнаты, киммериец распахнул дверь и облегченно вздохнул.

Замиля мирно спала в его кровати.

* * *

С раннего утра дом уже гудел, как потревоженный улей. Повсюду носились слуги: перетаскивали мебель, выколачивали ковры, натирали до блеска дверные ручки. Празднично одетый Корхас, со свежевыбритым лицом и умашенными волосами, расхаживал по дому, заглядывая в каждый уголок и покрикивая на нерасторопную челядь.

Довольно невежливо выпроводив из своей комнаты Замилю, которая совершенно не помнила, что было ночью, Конан оделся и вышел во двор — там тоже царил предпраздничная суeta. Он увидел длинную вереницу столов, расставленных между раскидистыми платанами. Густые кроны деревьев образовывали шатер, надежно защищавший от палящего солнца.

— А, киммериец, ты-то мне и нужен, — раздалось позади Конана. Обернувшись, киммериец увидел спешащего к нему Корхаса. — Сегодня для тебя найдется работенка. Не беспокойся, я заплачу как следует.

— Что я должен делать? — спросил Конан, бесстрастно глядя на хозяина.

— В первую очередь — обеспечить порядок. Ты сам видел, сколько неприятностей стряслось за эти дни! А сегодня гостей будет чуть ли не в десять раз больше — скучать тебе не придется. Мои охранники, конечно, тоже будут начеку, но я не очень-то на них полагаюсь. Эти ленивые верблюды слишком привыкли бездельничать, ведь до сих пор в моем доме все было тихо и спокойно. Так что я надеюсь только на тебя, Конан. — Корхас

Корхас впервые назвал киммерийца по имени, видимо, желая подчеркнуть, какое высокое доверие оказано варвару.

— Понятно, — коротко ответил Конан. Ему не хотелось расспрашивать хозяина — все и так было ясно. Оставалось только ждать развязки.

— Скоро мы с невестой поедem в храм Митры. Там соберутся высокие гости, которые оказали мне честь присутствовать на свадьбе, — с важным видом сказал Корхас, заложив руки за шитый золотом кушак. — За старшего в доме я оставляю тебя.

— Не думаю, что это понравится твоим слугам. Они же меня совсем не знают, — пожал плечами Конан. — А тем более твоим друзьям — те меня просто ненавидят.

— Мои друзья поедут со мной в храм. А слугам я скажу, чтобы слушались тебя беспрекословно, — поспешно сказал Корхас и повернулся к фургону. — Теперь о балаганщиках. Проследи, чтобы они не напились перед представлением и вообще вели себя смирно. Уж больно беспокойный народ! Давай-ка сходим к ним.

«И чего он прикидывается? — думал Конан, идя вслед за хозяином. — Ведь знает, что я уже обо всем догадался, и все равно пытается меня перехитрить. Зря стараешься, Корхас! Тебе конец».

Хозяин подошел к сараю и распахнул дверь.

— Ну что, лицедеи-фокусники, шуты недорезанные, проснулись? — громогласно спросил он, остановившись на пороге. — Готовы?

Ответом ему был нестройный хор сонных голосов. Лицедеи, потягиваясь и потирая заспанные глаза, один за другим поднимались с соломенных тюфяков.

— Опять всю ночь веселились? Смотрите, чтоб к началу праздника все было в порядке! И не забудьте замазать свои синяки — ни к чему портить гостям настроение! А где карлик?

Силач бросил взгляд на Конана, и тот кивнул, давая понять, что все в порядке.

— Да этот придурок еще вчера ушел, — пробасил великан, едва скрывая радостную улыбку. — Сказал, что обиделся на тебя, хозяин, за то, что его позвали обедать, а ты прогнал его из-за стола.

— Вот как? — растерявшись, пробормотал Корхас.

— Так он и сказал, — вступил в разговор рыжий шут. — Пусть, говорит, Корхас катится в задницу к Нергалу! Ноги моей не будет в этом доме! Мы стали его утешать, так он и нас всех послал туда же. Собрал вещички и ушел.

— А карлик говорил, что он наследный принц? — осторожно спросил Корхас.

— А как же! — Рыжий шут залился звонким смехом. — Он это всем говорит. Но мы-то знаем, что Бали просто немного тронутый, поэтому и не спорим. Так он совсем заважничал!

— Ну, ладно, — махнул рукой слегка успокоенный Корхас. — Мне пора идти. Если что понадобится — обращайтесь вот к нему. — И он указал на стоявшего у дверей Конана.

Балаганщики дружно повернулись к киммерийцу.

— Хорошо, хозяин, — кивнул силач. — Только скажи ему, чтобы нам дали вина — взбодриться перед представлением. А больше нам ничего не надо.

— Так и быть, — благодушно кивнул Корхас. — Только немного.

Он не спеша вышел из сарая, кивнув Конану, чтобы тот следовал за ним, но киммериец чуть-чуть задержался на пороге.

— Вам привет от Бали Маракуды! — шепнул он и увидел, как лица балаганщиков расплылись в улыбке.

Конан догнал хозяина, и они вместе пошли по двору, заглядывая во все сараи и конюшни подряд. Потом Корхас кликнул слуг и объявил им, что на время его отсутствия киммериец остается в доме за старшего. Напоследок он показал Конану винный погреб, размеры которого вызвали неподдельное восхищение киммерийца.

Затем Корхас заторопился и, сказав, что его ждет невеста, исчез, а Конан вышел во двор, чтобы посмотреть на торжественный отъезд хозяина. Он присел на широкую скамью в тени дома и стал размышлять о странном поведении Корхаса.

Несомненно, хозяин готовил ему ловушку. «Варвар пока мне нужен,— вспомнил Конан подслушанный разговор.— Он, сам того не желая, сослужит мне хорошую службу...»

Размышления киммерийца прервал шум голосов — на крыльцо высыпали гости. Вскоре появился и хозяин с невестой, лицо которой было почти полностью скрыто белым шелковым платком. Они сели в украшенную цветами и лентами повозку, гости вскочили на коней, и процессия тронулась.

Когда ворота за свадебным кортежем закрылись, Конан вошел в дом, решив, что для начала стоит немного перекусить и выпить. Он заглянул в залу, но стол был пуст, и киммериец отправился на кухню, откуда по всему дому разносились умопомрачительные ароматы готовящихся к пиршеству блюд.

Из широкой двери кухни валили густые клубы дыма, и, переступив порог, Конан двинулся дальше на ощупь, так как из-за чадающих и кипящих чанов, котлов, горшков и сковород было почти ничего не видно.

— Эй, кто тут старший? — крикнул он, но ответа не дождался — его вопрос потонул в гуле голосов, грохоте посуды, шипении раскаленного масла и бульканьи котлов.

Набрав в грудь побольше воздуха, Конан рывкнул во всю глотку:

— Кром! Где старший повар?

В тот же миг чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Обернувшись, киммериец увидел невероятных размеров тушу с красным, лоснящимся от пота лицом.

— Ну, чего орешь? — грозно спросила туша, помахивая увесистым медным черпаком перед носом Конана. — Ну, я старший повар. И что?

— А я сейчас старший во всем доме. Хозяин должен был сказать... — начал Конан.

— Знаю! — сурово оборвала его туша. — Чего тебе надо?

— Проверяю, все ли в порядке, — сквозь зубы процедил Конан, разозлившись на повара за столь неласковый прием.

— Проверил?

— Нет еще. Я должен попробовать всё, чтобы узнать, как приготовлены кушанья, — как можно более внушительно произнес Конан. — И все вина тоже.

— Что?! — вскипел старший повар. — Когда это мои блюда были приготовлены плохо? Я — Булдар, старший повар. Я много лет готовлю хозяину, и он всегда был мной доволен! А тут приходит какой-то болван и начинает меня оскорблять!

— Я не говорил, что ты плохо готовишь, — пожал плечами Конан. — Но хозяин велел проверить все. Ведь ты слышал, какие у него будут гости! Так что я выполняю его приказ, а если тебе это не нравится, разбирайся с ним сам.

Повар пожевал губами, что, скорее всего, означало напряженную работу мысли.

— Ладно, — наконец кивнул он. — Иди в столовую, сейчас принесут.

Конан двинулся сквозь кухонный чад в направлении, указанном старшим поваром. Обходя огромную раскаленную жаровню, он едва не столкнулся со слугой, еле тащившим большой медный котел, из-под крышки которого вырывались клубы пара. Отскочив в сторону, чтобы не ошпариться, Конан успел лишь мельком взглянуть на работника, тотчас исчезнувшего в пелене дыма и пара, но киммерийцу показалось, что он уже видел его раньше, и хотя лица разглядеть не удалось, во всем облике слуги было что-то неуловимо знакомое.

Конан пошел дальше и вскоре увидел распахнутую дверь, ведущую в столовую. Войдя в полутемное помещение, он тут же узнал комнату, в которой вчера вече-

ром сидели слуги, так и не догадавшиеся, откуда к ним на стол свалилась золотая монета.

Конан уселся на грубо сколоченную скамью и стал ждать. Вскоре один за другим вошли четверо слуг, каждый из которых нес по огромному подносу, уставленному яствами и напитками. Старший повар Булдар явно переусердствовал, выполняя приказ хозяина, — еды Конану принесли столько, что один он бы и до вечера не управился.

— Кром! Жаль, что малыша Бали здесь нет! — сказал Конан, приступая к трапезе.

— Почему это нет? — раздался из-под стола знакомый голос. — Я всегда там, где надо!

Малыш вылез из-под стола, забрался Конану на колени и окинул стол придирчивым взглядом.

— Ты как здесь оказался? — шепотом спросил киммериец. — Тебя же могут застукать!

— Не успеют, — с набитым ртом пробурчал Бали, приступивший к поглощению блюд. — Тут и так еды на один зуб, а еще с тобой придется делиться!

— Да уж сделай одолжение, поделись, приятель, — усмехнулся киммериец. — У меня сегодня будет тяжелый день.

Быстро разделавшись с большей частью кушаний, карлик великодушно уступил Конану остатки и, выпив кувшин вина, спрыгнул на пол.

— А попал я сюда вот как, — повеселев, сказал малыш. — В стене кладовой, где я сидел, есть дыра, заставленная ящиками. Наверное, слуги, вытащив несколько кирпичей, сделали себе лазейку, чтобы воровать съестное. Я пролез через эту нору и оказался в комнате для слуг. Там никого не было — должно быть, они сегодня с утра носятся по всему дому как угорелые. Потом я пробрался сюда, надеясь, что стяну что-нибудь на кухню, и вдруг слышу — кто-то идет. Я спрятался под стол и стал ждать, что будет дальше. Остальное ты знаешь.

— Да уж, — вздохнул Конан, глядя на оставленные ему крохи. — Ну ладно, Бали, дуй назад. Вокруг полно

народа, сам знаешь, если тебя кто-нибудь заметит, дело будет плохо. Залезай в сундук и жди, пока я не выясню, какую ловушку приготовил нам Корхас.

Бали Маракуда кивнул и скрылся за одной из дверей, а Конан закончил завтрак и поднялся из-за стола. Но не успел он дойти до кухни, как навстречу ему выплыл старший повар Булдар, на лоснящейся физиономии которого застыла презрительная усмешка.

— Ну что, справился с приказом хозяина? — ехидно спросил он. — Все попробовал?

— Конечно, — ответил Конан. — Если только ты что-нибудь не утаил от меня.

Продолжая ухмыляться, Булдар посмотрел на стол и, увидев, что там не осталось ни крошки, разинул рот и захолопал глазами.

— Все в порядке, — усмехнулся Конан, снисходительно похлопав повара по плечу. — Так и доложу хозяину!

Теперь Булдар глядел на киммерийца с уважением.

— Если хочешь, я велю принести еще, — предложил он.

— Нет, спасибо, — ответил Конан. — У меня еще много дел.

Он вышел из столовой в коридор, который по случаю торжества был ярко освещен, и увидел Грула, неторопливо шедшего ему навстречу.

— А почему ты не работаешь? — сурово спросил Конан.

— Я работаю, — возразил старший слуга. — Слежу, чтобы здесь не шатались посторонние.

— Понятно, — усмехнулся киммериец. — Ну хорошо, следи, не то хозяин тебе башку оторвет.

Оставив злобно шипящего ему вслед Грула, Конан миновал кладовые, свернул к лестнице, прошел по коридору и очутился в просторном зале, где велись последние приготовления к приему гостей. Слуги, одетые в парадную форму — в ярких жилетах и с круглыми шапочками на головах, — бестолково суетились, выискивая, что бы еще передвинуть или переложить.

Приметив рябого парня с глуповатым лицом, который, сидя на большом глиняном горшке, задумчиво ковырял в носу, Конан навис над лентяем грозной тучей.

— Ты что это бездельничаешь, ослиная башка? — спросил он сурово.

Парень нехотя прервал любимое занятие.

— Так уже больше нечего делать, — зевнув, пояснил он.

— Как это нечего? — нахмурился Конан. — Дел еще по горло! Ты на чем сидел?

— На горшке, — равнодушно ответил парень.

— А разве здесь горшку место? — возмутился киммериец. — Вдруг кто-нибудь из гостей о него споткнется?

— И чего? — тупо спросил парень.

— А то, что этот горшок должен стоять в кладовой, а не здесь на видном месте. Ну-ка живо тащи его туда! — приказал Конан.

Рябой взял злосчастную посудину и поплелся по коридору, а киммериец двинулся за ним. Дойдя до кладовых, слуга остановился и, поставив горшок на пол, вновь принялся задумчиво ковырять в носу.

— Я что тебе велел? Поставить его в кладовую! — рявкнул Конан, подойдя к парню. — В эту!

Киммериец открыл тяжелый засов. Парень покорно поднял горшок и поставил его в угол каморки. Он уже повернулся, чтобы выйти из кладовой, но Конан остановил его.

— А почему здесь этот ящик? — недовольно спросил он и, подойдя к зеленому сундуку, хлопнул рукой по обитой железом крышке. — Какой тупорылый болван притаил его сюда? Ты хоть знаешь, что в нем?

— Нет, — зевнув, ответил парень.

— В нем благовония для покоев молодых в первую брачную ночь. И мази, которыми они будут натирать свои тела, прежде чем устремиться друг к другу в объятия.

— А-а... — с глупой улыбкой протянул слуга.

— Закрой рот и бери сундук! — приказал Конан. — Хозяин голову тебе оторвет, если узнает, что благовониями решили пропитать кладовую с хламом, а не брачное ложе.

— Куда нести? — спросил парень, выйдя с сундуком из кладовой.

— Я покажу. — Конан закрыл дверь и направился в сторону кухни. — Иди за мной!

Он вышел в знакомый коридор, миновал столовую для слуг и кухню и остановился, указывая рябому парню путь вперед.

— Иди прямо, потом повернешь направо, — негромко произнес Конан. — А там уже иди до конца. Пока не упрешься в стену.

— И чего? — хлопал глазами слуга.

— Да ничего. Поставь его там и бегом назад.

Шмыгнув носом, парень пошел, куда послали, а Конан притаился за выступом и стал наблюдать.

— Эй, Дундар! — раздался вдруг голос Грула. — Чего это ты тащишь?

— Не видишь — сундук! — не останавливаясь, ответил Дундар.

— А куда? — Грул выскочил из столовой и рванул за ним.

— Куда велено.

— А что в нем?

— Что надо.

— Ну-ка, стой! — Грул догнал рябого и преградил ему дорогу. — Дай я посмотрю, что там!

— Нельзя, — ответил Дундар и, поставив сундук на пол, неожиданно толкнул Грула в грудь с такой силой, что тот упал как подкошенный, ударившись головой о каменный пол.

Подняв сундук, Дундар невозмутимо двинулся дальше, даже не глянув на неподвижно лежавшего Грула.

«Молодец, парень! — решил Конан. — И от дураков иногда бывает польза».

Он нетерпеливо ждал возвращения Дундара и облегченно вздохнул, увидев, как из-за поворота показалась его рябая физиономия. Дундар подошел к распостертому на полу Грулу и вновь принялся ковырять в носу. Затем он внезапно нагнулся и, подхватив старшего слугу за ноги, поволок его по коридору.

Конан спрятался в нише и стал ждать, что будет дальше. Дундар подтащил Грулу к кладовой, в которую только что доставил горшок, и открыл засов. Подкравшись поближе, Конан увидел, как Дундар запихнул старшего слугу внутрь, а затем взял тот самый горшок и нахлобучил ему на голову.

— Что это ты делаешь? — не удержавшись, поинтересовался киммериец.

— Он плохой, — невозмутимо ответил парень. — Он взял себе золотую монету, которая вчера упала с неба. Может быть, Митра послал ее именно мне?

— А ты посмотри у него в поясе, — посоветовал Конан. — Конечно, она предназначалась тебе.

Дундар нагнулся и, пошарив в поясе, извлек оттуда несколько золотых монет.

— Тут их много! — удивился он.

— Митра щедр, — улыбнулся Конан. — Он вознаграждает тебя за труды.

* * *

Выйдя в главный коридор, киммериец увидел двух, вооруженных кривыми саблями и кинжалами охранников. Они, развалясь, сидели в креслах напротив лестницы и прихлебывали из кувшинов вино. Конан молча прошел мимо, спиной ощущая их колючие взгляды. Во дворе он столкнулся еще с двумя, которые, заметив киммерийца, тотчас умолкли.

«Кром! Похоже, мне теперь и шагу не сделать без того, чтоб не наткнуться на хозяйских псов, — с досадой подумал Конан. — И откуда они только взялись? Конечно, у Корхаса есть охрана, но до сих пор никто из этих шакалов не показывался, разве что Ульсар. Знать

бы, где он сейчас!» Киммериец неторопливо побрел по двору, заметив краем глаза, что стоявшие на крыльце охранники двинулись за ним. Делая вид, что следит за порядком, Конан дошел до задней стороны дома, и тут навстречу ему из-за угла вынырнули еще два вооруженных головореза.

«Значит, хозяин велел не пускать меня на ту половину дома, — подумал киммериец. — Выходит, туда-то мне и надо».

Конан решил повернуть обратно, но тут взгляд его упал на фургон лицедеев, и в голову ему пришла неплохая мысль.

— Эй, Нергаловы дети, вы опять пьяные, что ли? — громко крикнул он, подходя ближе к фургону.

Лицедее, украшавшие помост гирляндами из бумажных цветов, недоуменно поглядели на Конана.

— А вот я сейчас проверю, готовы ли вы к представлению! — суровым голосом продолжал киммериец, заметив, что охранники внимательно наблюдают за этой сценой. — А ну-ка, давайте показывайте ваши номера! И предупреждаю, если что-то не так, я лично поотрываю ваши ослиные головы!

Первым догадался рыжий шут. Толкнув в бок замершего с разинутым ртом силача, он соорудил нелепо смешную рожу и колесом покатился по двору. За ним ринулся фокусник, размахивая длинной, сверкающей на солнце шпагой, которую он тут же с размаху вонзил в задницу шута.

— Ой-ой-ой! — заверещал шут, бегая с торчавшей из него хвостом железкой вокруг охранников. — Убили! Зарезали!

Охранники растерялись от неожиданности. Сновавшие неподалеку с подносами в руках слуги и рабыни сначала замерли, а потом самые любопытные с опаской начали подходить ближе, образовав вокруг лицедеев плотное кольцо.

Между тем на арене разгорались страсти. В воздухе замелькали горящие факелы. Лицедеев ловко жон-

глировал ими перед самым носом рослого охранника, а тот даже шелохнуться не смел от страха. Силач вынес скамью и, поставив на нее двух акробатов, усадил рядом с ними четверых охранников, поднял скамью высоко над головой и закружился по арене. Один из охранников свалился и завыл от боли, а остальные, закрыв от ужаса глаза, судорожно вцепились в скамью.

Воспользовавшись суматохой, Конан незаметно отходил к дому. Убедившись, что поблизости никого нет, киммериец в несколько прыжков добежал до двери и бесшумно проскользнул внутрь.

Как и в прошлый раз, там было темно — лишь узкая полоска света падала на пол. Осторожно приблизившись к небольшой двери, Конан прислушался — оттуда не доносилось ни звука. Он нагнулся, чтобы посмотреть в замочную скважину, но ничего не увидел — должно быть, изнутри вставили ключ.

«Если Ульсар там — я с ним разделаюсь», — подумал Конан. — И тогда уже никто не помешает Бали...»

Но он так и не успел открыть дверь. Удар, обрушившийся на его голову, вызвал сначала вспышку пламени, а затем погрузил в тягучую, вязкую пустоту.

* * *

— Эй, Конан, очнись!

Сознание возвращалось медленно. Сначала киммериец не видел ничего, кроме мрака, но затем смутно различил склонившееся над ним лицо.

— Кто ты? — с трудом разлепив губы, спросил он.

— Кушар, — отозвался голос. — Вставай, простудишься — пол-то холодный.

Конан с трудом приподнялся, недоумевая, откуда здесь мог взяться Кушар, которого он несколько дней назад провел в Арэнджун под видом погонщика верблюдов. Правда, любитель потрошить караваны намекал, что в городе будто бы наклеывается заманчивое дельце. Значит, он тоже хотел попасть в дом Корхаса.

Видно, он уже давно притягивает мошенников всех мастей!

— Это ты меня стукнул? — хмуро спросил Конан, оглядываясь по сторонам. Дверь комнаты, в которую он так стремился, была чуть приоткрыта; оттуда сочился неровный свет.

— Да ты что, приятель? — обиделся Кушар. — Я стукнул не тебя, а вот этого. — Он распахнул дверь пошире, и Конан увидел неподвижно лежавшего на полу Ульсара. — Уж не знаю, кто он такой, но мне очень не понравилось, как он с тобой обращался.

— Ты правильно сделал, — кивнул Конан. — Теперь его надо оттащить куда-нибудь подальше.

Связав Ульсара и сунув ему в рот кляп, Кушар и Конан отнесли верного слугу Корхаса в самый конец коридора, заканчивавшегося тупиком.

Только тут Конан заметил, что на его старом приятеле засаленная одежда кухонного работника, а его голову украшает криво нахлобученный поварской колпак.

— Так это с тобой я столкнулся сегодня на кухне? — спросил киммериец. — То-то мне показалось, фигура знакомая...

— Со мной, — усмехнулся Кушар. — Я со вчерашнего дня тут работаю. Веселенькое местечко!

Они вошли в комнату и заперли дверь.

— Ну и как же ты сюда попал? — спросил Конан, внимательно оглядывая каждый уголок длинной узкой комнаты с несколькими нишами и альковом.

— Один мой приятель в Арэнджуне познакомил меня со своим племянником, который работает в этом доме, — отозвался Кушар, обшаривая комнату глазами. — От него-то я и узнал, что на время свадьбы требуются дополнительные работники. Он привел меня сюда и сказал, что я его брат. Теперь я таскаю котлы и выношу отходы свиньям.

— Так ты Ульсара котлом стукнул или мешком с отходами? — поинтересовался Конан.

— Ну, нет, — усмехнулся Кушар. — Я хорошо подготовился, прежде чем устроиться на эту работу. — И он извлек из-за пазухи увесистую гирьку, узкий нож и какой-то мешочек. — Я собирался пошарить по дому. Корхас ведь сказочно богат — думаю, тебе это известно не хуже меня. Мне удалось узнать, куда ведут некоторые двери и коридоры. Но сегодня дом полон охранников, просто никуда не сунуться. Вот я и решил, что им пора отдохнуть. Принес этим дурням вина, сказав, что меня послал старший повар. Болваны, ничего не подозревая, набросились на пойло, а теперь, должно быть, сладко спят — ведь я подсыпал им снотворного.

— Сколько всего охранников? — спросил Конан.

— Я насчитал шестерых: двое в главном коридоре у лестницы, двое у дверей покоев Корхаса и двое на той стороне дома, где комната невесты, — охотно ответил Кушар, тихонько простукивая рукояткой ножа стены комнаты. — Каждому из них я принес кувшин вина, а сам, пока они пили, решил проверить, куда ведет этот темный коридор. Я вышел с отходами через заднюю дверь кухни и пробрался сюда. Вдруг выходит твой знакомый с мечом в руках — наверное, услышал, что кто-то крадется по коридору, — а тут как раз скрипнула дверь, ведущая на улицу. Этот тип затаился в темноте, как хищник, а я стоял совсем рядом и боялся дышать. Вижу, с улицы кто-то проскочил в коридор, но так быстро, что я тебя не узнал. Слышу, этот громила треснул тебя по голове, ну и я решил поступить с ним так же. Он склонился над тобой и так сопел, что я с первого раза в полной темноте попал ему по черепу. Потом я открыл дверь комнаты и вижу, что тот, кого он угостил рукояткой меча, — мой приятель Конан-киммериец.

— Мне на удивление везет в этом доме, — заметил Конан, ковыряя ножом замок двери в алькове. — Почти ничего не приходится делать самому.

— У тебя еще все впереди, — усмехнулся Кушар. — Если, конечно, ты удержишься в этом осином гнезде.

Лично я хочу смыться сегодня же, правда, надо успеть здесь все хорошенько обшарить. Кое-что мне уже удалось раздобыть, вот смотри! — И он вытащил из-за пояса два небольших, но туго набитых мешочка. — Я еще не смотрел, что там внутри, но надеюсь...

— Ключи там есть? — отрывисто спросил Конан.

— Есть! — радостно воскликнул Кушар, сунув руку в один из мешочков.

— Давай сюда! — Схватив связку, Конан начал поочередно пробовать ключи, пока один из них не отпер замок.

Открыв дверь, киммериец попал в узенький темный коридорчик, в конце которого виднелась еще одна дверь. Подойдя к ней, он вновь стал искать нужный ключ.

— Прямо паутина какая-то, а не дом, — ворчал Кушар, дыша Конану в затылок. — Убьют, так кричи — не кричи, никто не услышит. Кстати, я слышал, тут уже кого-то убили!

— Пятерых гостей, — сказал Конан, поворачивая ключ в замке. — А шестым покойником, скорее всего, собираются сделать меня. Правда, не пойму, за что, но постараюсь выяснить и объяснить Корхасу, что он ошибся в выборе.

Киммериец открыл дверь и замер на пороге. Комната, представшая перед его взором, поражала роскошью и великолепием — богатые пушистые ковры, инкрустированная мебель и золото, везде золото. От подсвечников до массивных, украшенных драгоценными камнями, рам, окаймлявших огромные серебряные зеркала. Изящные стрельчатые окна выходили во внутренний дворик, в центре которого бил фонтан в виде маленького золотого дельфина. Под затейливо подстриженными декоративными деревьями стояли плетеные кресла; на небольшом возвышении устроилась крошечная бамбуковая беседка с овальным входом и круглым столиком внутри.

Конан лишь на мгновение задержал взгляд на этой красоте, с легкой грустью вспомнив рассказ Джайлы о

том, что ее водят сюда гулять только один раз в день. Но сейчас было не до воспоминаний. Внимательно оглядев комнату, киммериец понял, что это покои Корхаса.

— Ничего себе! — присвистнул Кушар, рассматривая золотой подсвечник. — Ну и добра тут! — И сунул его за пазуху.

— Бали! — негромко позвал Конан. — Ты здесь?

Расшитая золотом штора зашевелилась, и из ниши высунулась всклокоченная голова карлика. Малыш недоверчиво взглянул на Кушара и тут же скрылся.

— Не бойся, Бали, — сказал Конан, подходя к нише. — Это свой человек. Он только что вырвал меня из лап одного ублюдка.

— Ничего я не боюсь, — буркнул карлик, брякая чем-то за шторой. — Лучше помоги мне.

Конан откинул штору и увидел огромный, необыкновенной красоты ларец, украшенный большими, мерцающими загадочным светом, рубинами.

— Молодец! — похвалил карлика киммериец, взял в руки ларец и чуть не согнулся под его тяжестью. — Ого! Да этого нам на всю жизнь хватит!

— И не надейся, — отрезал карлик. — Отнеси это в мой сундук. Это драгоценности моей семьи! А тебе, пожалуй, гораздо интереснее будет вот это. — И он протянул Конану маленькую шкатулку.

Замок в ней был уже взломан, и киммериец, откинув крышку, увидел на обитом пурпурным бархатом дне желтоватый свиток. Взяв его в руки, Конан удивленно взглянул на карлика.

— Что это? — Развернув свиток, киммериец увидел, что это письмо, адресованное Корхасу. — Бали Маракуда, объясни, что происходит! Ты нашел амулет?

— Я нашел здесь очень много интересного, — сухо ответил карлик, не глядя на Конана. — Например, тайник Корхаса. Бьюсь об заклад, ты бы никогда его не отыскал, — уж больно хитро этот прохвост все устроил! В тайнике были драгоценности нашего рода, даже брил-

лиантовая брошь, которую я носил в детстве. Но амулета здесь нет.

— Не переживай, Бали, поищем в других местах... — начал было Конан.

— Заткнись! — грубо оборвал его карлик. — Лучше закрой за мной дверь. Я возвращаюсь в сундук.

Взяв ларец, Конан прошел за малышом в комнату Джайлы. Сундук стоял в темной зашторенной нише, поверх него лежали вышитые коврики, а рядом стояло несколько корзин с рукоделием.

— И долго ты собрался здесь сидеть? — спросил киммериец. — Окопался так, что ни одна собака не найдет!

Карлик молча протолкнул ларец через боковую стенку сундука, затем залез сам.

— Прочти письмо! Если понадобится моя помощь — ты знаешь, где меня искать. — С этими словами он захлопнул стенку и затих.

Пожав плечами, Конан вышел из комнаты и, закрыв дверь на засов, подошел к кровати Корхаса, на которой валялась деревянная шкатулка. Вытащив свиток, Конан развернул его и принялся читать:

Дорогой Корхас!

Ты знаешь, я всегда относился к тебе, как к сыну. Я очень радуюсь твоим успехам и горжусь тобой. Помнишь, когда ты был совсем юным и вечно голодным, мы носились на лихих конях по чужим землям, рубя головы всем, кто становился на нашем пути? Теперь все позади, ты стал богатым и уважаемым человеком, тем обиднее, что на твоём пути опять возникают досадные помехи. Я знаю, какие надежды ты возлагаешь на эту свадьбу, и постараюсь тебе помочь. Я посылаю к тебе с караваном одного человека. Его зовут Конан, он киммериец — известный вор и разбойник, поймать которого давно мечтает аренджунская стража. Пригрей его в своем доме, не жалей для него еды и вина и сделай вид, что доверяешь ему.

А потом свали на него убийство главного казначея, ограбление государственной казны, да и все остальное, что только захочешь. Лучше всего сделать это в день свадьбы, когда в твоём доме соберутся все главные шишки Аренджуна. Ты выдашь им преступника, а уж они этого не забудут, поверь мне! Так что порога навверх тебе открыта.

Можешь считать, что это и есть мой свадебный подарок. Но не думай, что твой дядя так скуп, — посылаю в придачу ещё и волшебный амулет, который я в своё время позаимствовал у одного вендийского царька, сняв его голову с плеч. Ты ведь помнишь тот поход? Много лет я пытался понять, как им пользоваться, но так и не смог. Однако, как я слышал, сила у этого амулета необыкновенная. Может, ты найдёшь какого-нибудь колдуна или чернокожника, который тебе поможет?

А от жены своей постарайся поскорее избавиться. Она хоть и красивая, да счастья тебе с ней не будет — Джайла тебя погубит. Слишком умная для женщины, наверняка догадывается, кто прикончил её папашу. Подсыпь ей какого-нибудь яду — и дело с концом. Главное — породниться с её благородным семейством.

В помощь посылаю тебе Ульсара, ты его прекрасно знаешь. И ещё один совет: сейчас дружки твои стали для тебя опасны, так что избавься от них, не то спьяну сболтнут про наши прежние подвиги. Дружить ты теперь будешь с другими людьми, за них и держись.

Твой старый мудрый дядя Бешмет

Конан скомкал письмо в руках.

— Так я и знал, — усмехнулся он. — Ведь я догадывался, что меня хотят подставить, но все же не думал, что так подло... Кушар! — крикнул он приятелю, продолжавшему сгребать за пазуху золотые побрякушки. — Тебе не пора возвращаться на кухню?

— Давно пора, — пробормотал Кушар, пытаясь утрамбовать свой разбухший до невероятных размеров живот. — Да только жаль бросать столько добра!

— Не жадничай, этого хватит на десять жизней! — Конан взглянул на приятеля и с трудом удержался от смеха. — Нет уж, в таком виде не стоит возвращаться на кухню. Отсидись-ка ты лучше в одном укромном месте, я покажу, где. Там как раз скучает один парень с горшком на голове, так что заодно и за ним присмотришься, а то он по глупости может поднять шум. Годится?

— Конечно, Конан, — кивнул Кушар. — Я и сам боюсь идти на кухню — этот людоед Булдар сожрет меня вместе с этим золотом и не подавится.

Конан, направившийся было к двери, резко обернулся.

— Так Булдар действительно людоед?

— Не знаю, так говорят. Не хочу я, Конан, разбираться, кто тут людоед, а кто просто убийца. Я своё получил, и теперь мне тут нечего делать.

— Рад за тебя, — рассеянно пробормотал Конан, приблизившись к главному выходу из покоев. — Нам надо выйти через эту дверь. Будем надеяться, что твоё снотворное на охранников подействовало.

Конан вставил ключ в замок и тихонько повернул его. Осторожно открыв дверь, киммериец увидел свисавшую с кресла руку, рядом с которой валялся кувшин из-под вина. Киммериец махнул Кушару, и они вошли в коридор, где мирно спали охранники.

Конан не сразу сообразил, в какую сторону идти, но Кушар, дернув его за рукав, решительно пошел направо, а затем свернул за угол. Увидев знакомый коридор и двух крепко спящих у лестницы охранников, Конан внезапно понял, как надо действовать.

— Кушар, — шепотом сказал он. — Иди в кладовую, первую отсюда по счету. Я думаю, ты сможешь закрыть за собой засов изнутри, а потом точно так же открыть?

— Ты забыл, что я мастер по этой части? — усмехнулся Кушар, ласково поглаживая раздувшийся от злота засаленный кухонный халат. — Удачи тебе, Конан!

Преодолев лестницу в несколько прыжков, киммериец ворвался в свою комнату. Оглядевшись, он бросился к кровати, сунул руку под перину и тут же обнаружил то, что ожидал, — кожаный кошель, туго набитый чем-то тяжелым. Торопливо развязав его, Конан высыпал содержимое на кровать. Тут были и золотые монеты, и драгоценные камни, и браслеты, и серьги... Внимание киммерийца привлекло массивное кольцо, показавшееся ему знакомым. Ну, конечно же! Это кольцо он видел на руке толстяка Турфа...

Тут же был золотой талисман на изящной цепочке, еще совсем недавно висевший на шее Манил-заки, и странной формы массивный перстень с печатью. Вглядевшись повнимательнее, киммериец догадался, что это перстень государственного казначея.

Рассматривать остальное не было времени. Конану подкинули все это, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что киммериец — вор и убийца, по которому давно тоскует веревка, а Корхас, который его разоблачил и поймал, — достойный уважения и награды гражданин славного города Аренджуна.

«Вот ловкач, — думал северянин, старательно обшаривая комнату в поисках других улик. — Хитро задумано, вот только не учли вы, безмозглые ослы, что имеете дело с Конаном-киммерийцем!»

Сунув руку за мраморную тумбу, он наткнулся на шкатулку и, вытащив ее оттуда, взломал замок кинжалом. На бархатном дне лежал свиток, Конан развернул его и принялся читать:

Дорогой Корхас!

Я рад, что ты женишься на достойной девушке, дочери нашего друга, за жизнь которого ты бился до последнего. Я горжусь тем, что ты вырос честным человеком, готовым не пожалеть жизни ради блага своего

государства. Я уже стар и не смогу приехать на твою свадьбу, но посылаю тебе, дорогой племянник, семейную реликвию — перстень, который носил еще твой прапрадед, благороднейший и честнейший человек. Будь и ты всегда таким, уважай закон, почитай правителей, помогай бедным и отстаивай правду.

Это письмо и перстень доставит тебе один человек, который вызвался сопровождать мой караван в Аренджун. Я его почти не знаю, но он произвел на меня впечатление человека порядочного и надежного. Зовут его Конан, он беден и согласен на любую работу. Приюти его у себя, ни в чем ему не оказывай и подыщи ему хорошую работу. Надеюсь, что он станет тебе верным помощником и другом.

Твой старый любящий дядя Бешмет

На бархатном дне шкатулки лежал какой-то незатейливый перстень, но на него Конан не обратил внимания — такая же фальшивка, как и письмо, которое Корхас приготовил для своих высокопоставленных гостей. Наверняка он собирался привести сюда толпу свидетелей, и в первую очередь начальника аренджунской стражи Меджеда, чтобы, обыскав в их присутствии комнату, обнаружить и драгоценности и шкатулку.

— Кром! — заскрежетал зубами разъяренный киммериец. — Дураком меня считаете? Ну, теперь не жалуйтесь на судьбу!

Затолкав золото и драгоценности обратно в кошель, он сунул его за пазуху вместе со шкатулкой и письмом и стремительно вылетел из комнаты.

А тем временем во дворе уже начался праздник. Выбежав на крыльцо, Конан увидел, как в широко распахнутые ворота величественно въезжала свадебная процессия. Впереди на белом коне ехал всадник в серебристом, ярко сверкающем на солнце костюме и громко трубил в затейливо изогнутый медный, начищенный до блеска рожок. За ним двигалась повозка новобрачных, украшенная цветами и развевающимися

на ветру лентами. Раскрасневшийся самодовольный Корхас важно кивал челяди, выражавшей свой восторг и почтение громкими возгласами и рукоплесканиями, а вот сидевшая рядом Джайла, казалось, ничего вокруг себя не видела. Печальная, но необыкновенно прекрасная, она смотрела прямо перед собой, и на лице ее застыло выражение обреченности.

За повозкой ехали почетные гости, а за ними шла весело галдевшая празднично разодетая толпа. За толпой, состоявшей из достойных, по мнению Корхаса, горожан, во двор попытались проникнуть и горожане победнее, среди которых было немало оборванцев и нищих, но привратники решительно преградили им дорогу, бесцеремонно захлопнув перед недостойными ворота.

Процессия остановилась в центре двора, и Корхас, встав во весь рост, начал произносить торжественную речь. Почетные гости, уже изрядно утомленные долгим свадебным шествием из храма, нетерпеливо ерзали в седлах и на сиденьях колясок, а те, что шли пешком, переминались с ноги на ногу, и все, возжеленно поглядывая на свадебный стол, глотали слюну.

Конан подошел к балаганщикам, что-то оживленно обсуждавшим позади своего фургона.

— Спасибо, что выручили, — негромко сказал он. — Мне нужно было избавиться от слежки, чтобы встретиться с Бали. Мне еще раз понадобится ваша помощь, правда, я пока не придумал, как это можно сделать.

— Ты только скажи нам, в чем дело, а мы уж сообразим, — отозвался силач. — Только давай отойдем подальше, а то сюда, кажется, уже идут.

Конан оглянулся и увидел шестерых охранников, направлявшихся к нему стремительным шагом. Видимо, спохватившись, что упустили киммерийца из виду во время представления, они бросились искать его, а сейчас, решив, что Конан у них в руках, они выхватили сабли и, злорадно ухмыляясь, окружали фургон. Похоже, хозяин приказал захлопнуть ловушку.

«Вот какое представление Корхас собирался показать своим гостям! — разозлился Конан. — Понравятся фокусы балаганщиков начальнику аренджунской стражи или нет, этого сына Нергала совершенно не волнует. Он ждет, что сейчас в присутствии важных персон будет разоблачен преступник, за голову которого ему отвалят немалую сумму, да еще и откроют доступ в свое общество. Бешмет прислал меня в качестве свадебного подарка — что ж, подарок Корхас получит, но только от меня лично! Это представление в Аренджуне запомнят надолго!»

— Мы уже все поняли Конан, — сказал фокусник, доставая из черного ящика волшебную палочку. — Сейчас я тебя прикрою.

Он взмахнул палочкой, и вдруг невеста откуда возникло множество сверкающих серебристых огней, образовавших плотную завесу, отделившую лицедеев от охранников.

Конан вынул из-за пазухи кошель с драгоценностями и шкатулкой и показал их силачу.

— Вот что они мне подсунули! Эти драгоценности сняты с гостей, которых убили в этом доме, а еще тут есть перстень государственного казначея — значит, Корхас действительно его убил. В этой шкатулке лежит письмо, написанное специально для того, чтобы все важные особы прочли его и убедились, что Корхас — необыкновенно честный и благородный человек, а я втерся к нему в доверие, чтобы продолжать грабить и убивать всех подряд! Сейчас, по замыслу Корхаса, должно разыгаться главное представление. — Конан замолчал и посмотрел на балаганщиков. — Ну, что скажете?

— Он хочет представление, и он его увидит, — с загадочным видом проговорил силач. — Мы с удовольствием покажем ему, на что способны. Проучим как следует этого негодяя!

— Мне надо идти, — сказал Конан. — В доме скрывается Бали, и мне надо помочь ему. Ну! Начинаем!

— Я провожу тебя.— И фокусник еще быстрее завертел волшебной палочкой, окружив сверкающим водоворотом себя и Конана.

Охранники, подбравшиеся уже совсем близко, растерянно топтались на месте, не видя ничего, кроме искрящегося вихря серебристых огней, который медленно плыл в сторону. Возле фургона осталось лишь несколько балаганщиков, старательно разминавшихся перед представлением.

Тяжело дыша, охранники злобно уставились на лицедеев, затем один из них, сообразив, что Конана здесь нет, повернул в сторону летящего по двору сверкающего смерча. Несколько мгновений он раздумывал, куда же все-таки бежать, и этого времени вполне хватило жонглеру, чтобы схватить с подставки горящие факелы и завертеть ими с бешеной скоростью. Теперь по двору плыли уже два искрящихся шара — один золотой, пылающий жаром, другой — серебряный, мерцающий холодным, как Млечный Путь, светом. Оба шара встретились, чтобы тотчас разойтись в разные стороны.

Почетные гости, сидевшие высоко в седлах своих коней, восторженно хлопали в ладоши, полагая, что это конец занудной речи Корхаса и теперь начнется праздник. Сам хозяин, заметив непонятное сверкание, подбоченился и с довольным видом глянул на приглашенных. «Молодцы балаганщики,— думал он.— Из кожи вон лезут, чтобы угодить мне. Стало быть, уважают. Скоро вся Замора будет меня уважать!»

Между тем шары продолжали уплывать в дальний угол двора, а к повозке новобрачных стало приближаться нечто другое, но не менее диковинное,— огромная живая пирамида: силач нес на высоко поднятых руках деревянную площадку, на которой стояли акробаты, а на их плечах жонглеры крутили руками и ногами блестящие обручи, разноцветные ленты и булавы. Толпа восторженно заухала, а пирамида, подойдя вплотную к коляске, внезапно рассыпалась. В воздухе замелькали упругие тела акробатов. Совершая невооб-

разимо головокружительные прыжки с переворотами, они один за другим очутились в повозке жениха. Осыпав новобрачных блестящей мишурой, акробаты нацепили на Корхаса пестрые гирлянды, отчего он стал похож на аляповатую цветочную клумбу, и вернулись на деревянную площадку, вновь образовав живую пирамиду.

Слегка смущенный, но очень гордый Корхас с важным видом поклонился гостям и вновь простер над толпой руку, намереваясь продолжить торжественную речь, но никто не хотел его слушать. Гости и слуги оживленно переговаривались: одни обсуждали предстоящие развлечения, другие — долгожданные угощения, третьи — только что увиденное, а остальные просто потеряли терпение.

А между тем в дальнем углу двора разворачивались совсем другие события. Охранники, упорно преследовавшие серебристый шар, окружили его со всех сторон и, грозно замахав саблями, приказали ему остановиться. Шар подчинился, сверкающий водоворот замедлил движение, стал тускнеть, таять и вдруг исчез окончательно, а на его месте остался фокусник с синяком под глазом и черной палочкой в руках.

— В чем дело, уважаемые? — вежливо спросил он.— Хозяин просил нас развлекать гостей, вот мы и стараемся. Что-нибудь не так?

Прошипев проклятия, охранники бросили пожимавшего плечами фокусника и кинулись догонять золотой шар, который, покругив немного у задней стены дома, неторопливо двинулся им навстречу.

— Прочь с дороги! — приказал шар, поравнявшись с охранниками.— Хозяин задницы вам оторвет, если увидит, что вы хотите испортить праздничное представление.

Охранники отпрянули и, переглянувшись, медленно побрели вслед за шаром.

А Конан уже шел по темному коридору, ища дверь, через которую можно было пробраться в хозяйские

покои. Найдя ее наконец, киммериец собрался было открыть замок, как вдруг до его чуткого слуха донесся слабый шорох. Конан затаил дыхание, но не смог уловить больше ни единого звука. Постояв немного, он бесшумно двинулся в конец коридора, где должен был лежать Ульсар с кляпом во рту.

Но там никого не было.

Вытащив меч, Конан пошел обратно. До хозяйских покоев оставалось лишь несколько шагов, когда киммериец остановился, всей кожей ощущая чье-то присутствие. Темнота была такой глубокой, что Конану стало казаться, будто он ослеп, а тишина такой мертвой, что у него звенело в ушах.

И все же он знал, что в этом крошечном коридорчике кто-то есть. Сделав резкий выпад, Конан надеялся попасть в противника, но его меч лишь разрубил воздух.

— Ульсар! — негромко позвал киммериец. — Если ты здесь, не прячься. Выходи один на один. Принимай бой!

— Дался тебе этот Ульсар! — вдруг раздался из темноты сварливый голос малыша Бали. — Крадешься, как вор на ярмарке, только людей пугаешь! Лучше помоги мне, кажется, я что-то нашел.

Голос шел откуда-то снизу, и Конан наклонился, нащупав в темноте жесткие волосы карлика. Малыш стоял на коленях и сосредоточенно ковырял ножом каменную стену.

— Что ты нашел, Бали? — шепотом спросил Конан. — Амулет?

— Не знаю, — отозвался карлик. — Но у меня предчувствие, что он где-то здесь. Давай-ка поднажми!

Киммериец с силой уперся руками в стену и вдруг почувствовал, что она куда-то поехала. Едва не потеряв равновесие, Конан отшатнулся к противоположной стене.

— Подземный ход! — тяжело дыша, пробормотал он. — Жаль, что я не догадался взять факел у жонглера. Мы же ничего не увидим!

— Мы почувствуем, — спокойно сказал карлик, пробираясь в образовавшийся проход. — К тому же там не так уж темно.

Сев на корточки, Конан просунул голову в лаз и увидел, что где-то в глубине подземелья действительно мерцает тусклый свет. Нащупав под ногами ступеньки, он начал осторожно спускаться, по-прежнему держа наготове меч.

— Бали, где ты? — позвал он, не слыша и не видя карлика.

— Там же, где и ты, — отозвался Бали Маракуда. — А что?

— Я подумал, что ты куда-то пропал. — Конан протянул руку и тут же наткнулся на спину карлика.

— Ты забыл, киммериец, о чем я тебе рассказывал? — продолжая спускаться, с укоризной спросил Бали. — Я несколько лет жил в бочке и научился подолгу не дышать. Меня кормили один раз в три дня, и я научился так переваривать пищу, что у меня стали образовываться подкожные запасы. Теперь я могу один раз поесть и месяц ни о чем не волноваться. Но поесть, правда, надо как следует.

— Прямо как верблюд! — не удержался Конан.

— Сам ты конский навоз, — отозвался карлик. — И не перебивай, когда с тобой разговаривают. Так вот, в бочке я многому научился... Стоп, приехали!

Они оказались в узком туннеле, в глубине которого виднелась низкая арка. Стараясь не шуметь, они заглянули внутрь.

— Амулет! — прошептал Бали. — Оум мани падмехум!

Посреди круглой комнаты на небольшом возвышении, вытесанном из камня, лежал странной формы предмет, слабо поблескивавший в свете двух факелов, укрепленных в настенных держателях. Факелы, видимо, были пропитаны каким-то особенным маслом, которое позволяло им гореть хоть и тускло, но долго.

Карлик как замороженный подошел к пьедесталу и опустился на колени, низко склонив голову.

Киммериец осторожно тронул его за плечо.

— Пойдем, Бали, нам пора. Бери амулет.

Очнувшись, будто от сна, карлик поднял голову, бережно взял амулет и, не говоря ни слова, пошел к норе, крепко прижимая к груди знак своего рода.

Подойдя к каменным ступенькам, Конан решительно оттеснил Бали Маракуду.

— Я пойду первым. Ульсар, должно быть, где-то поблизости. А у меня с ним свои счеты.

Они выбрались из подземелья и вновь оказались в темном коридоре. Конан вытянул перед собой меч, который так и не убирал в ножны, и медленно двинулся вперед, проверяя, свободен ли путь.

— Конан! — вдруг радостно воскликнул Бали. — Амулет признал меня и начал помогать. Я вижу в темноте!

— Отлично. — Опустив меч, Конан повернулся к малышу. — Здесь есть кто-нибудь?

— Нет, путь свободен, — ответил Бали и, сделав несколько шагов, открыл дверь в комнату Ульсара. — И здесь никого.

Ни одной живой души не оказалось и в последнем коридоре, миновав который они вышли на улицу. Пройдя вдоль стены дома, Конан заглянул за угол и... нос к носу столкнулся с Ульсаром.

Они одновременно выхватили мечи, и началась яростная схватка.

Слуга Бешмета оказался искусным бойцом.

— Кром! — зарычал киммериец, когда меч Ульсара задел его плечо. — Зря стараешься, хозяйский шакал! Корхасу конец, а тебе тем более!

— Это мы еще посмотрим! — злобно прошипел Ульсар, получив в свою очередь удар в бок. Его спасло лишь то, что удар был скользящим, да еще, вероятно, кольчуга, надетая под халат. Скривившись от боли, Ульсар отскочил в сторону, но тут же попытался ударить Конана по ногам.

Киммериец подпрыгнул, и меч Ульсара со свистом рассек воздух. Разъярившись, охранник вновь сделал резкий выпад, и грудь Конана обожгла резкая боль. Стиснув зубы, он сделал ложное движение влево и, стремительно выбросив руку вперед, кольнул Ульсара под ребра. Взвыв от боли, охранник согнулся пополам, но ярость придала ему новые силы, и он опять бешено заработал мечом. Противники кружили по двору, шаг за шагом приближаясь к месту пиршества.

Праздничный гул разом стих, когда на аллее из-за кустов жасмина выскочили окровавленные бойцы, отчаянно рубившиеся мечами и осыпавшие друг друга проклятиями.

— Господин Меджед! — крикнул Корхас, подбежав к начальнику аренджунской стражи. — Один из них — известный вор, разбойник и убийца, которого вы давно ищете! Он втерся ко мне в доверие, я приютил его в своем доме, дал ему хорошую работу, а он ответил мне подлостью — убил и ограбил пятерых моих гостей. Мой человек следил за киммерийцем, потому что я начал его подозревать. Его надо немедленно схватить! Вы видите, он уже ранил моего охранника!

— Вижу, — отозвался Меджед, встав из-за стола. — Я хорошо его знаю, это Конан-киммериец!

— Вот-вот! — обрадовано подхватил Корхас. — И самое главное, это он убил государственного казначея! Он был тогда в маске, и я не узнал негодяя.

Услышав эти слова, Джайла побледнела и закрыла лицо руками. Начальник аренджунской стражи вытащил меч и широкими шагами направился в сторону дерущихся, за ним устремился начальник городской тюрьмы, тоже с мечом в руках. К ним присоединились еще два воинских начальника, а вдогонку за ними пустились те самые растяпы-охранники, от которых Конан постоянно ускользал.

— Брось оружие, киммериец! — грозно приказал начальник стражи. — Тебе все равно никуда не деться — ты окружен!

— Брошу,— отозвался Конан, не переставая наносить удары противнику.— Но не раньше, чем снесу башку этому шакалу!

Он не заставил Меджеда долго ждать и нанес Ульсара последний удар, снес его голову с плеч. Затем северянин вытер оружие об одежду поверженного врага и, вложив в ножны, подошел к начальнику стражи.

— Схватить его! — приказал Меджед охранникам.

— Назад! — зарычал Конан, положив руку на меч.— С тем, кто посмеет сделать хоть один шаг, будет то же самое, что с этим негодяем!

Опасливо покосившись на обезглавленный труп Ульсара, рванувшиеся было вперед охранники попятись, но тут вперед решительно шагнул Меджед.

— Я бы сам отрубил тебе голову, киммериец,— грозно сказал он.— Но ты нужен мне живым. Я хочу знать, куда ты дел государственную казну!

— А вот об этом лучше спросить у Корхаса,— тяжело дыша, ответил Конан.— Да поторопитесь, пока он не сбежал!

— Что ты плетешь? — нахмурился Меджед.— Нам некогда слушать твои басни. Бросай оружие и сдавайся!

В этот момент ветви ближайшего дерева зашевелились, и оттуда высунулась рука, держащая небольшую деревянную шкатулку, а вслед за ней показалась и раскрашенная физиономия рыжего шута.

— Возьмите шкатулку, господин начальник стражи,— почтительно произнес он.— Вам будет чрезвычайно интересно ознакомиться с письмом, которое в ней находится. Вы знаете, меня просто мороз по коже пробирал, когда я читал его! Надо же, совершенно случайно нашел эту шкатулку, а то бы век не знал, что Корхас — кровожадный убийца. Он всегда казался таким добряком! Но теперь я так его боюсь, что вынужден прятаться на дереве.

Недоуменно пожав плечами, Меджед вытащил из шкатулки письмо и принялся читать, как вдруг у его уха раздался истошный вопль Корхаса.

— Нет! — Обезумевший от страха хозяин попытался вырвать свиток у начальника стражи, но тот толкнул Корхаса так, что тот упал на землю.

Меджед собрался было продолжить чтение, как вдруг заметил выкатившийся из кармана Корхаса небольшой блестящий предмет. Подняв его, начальник стражи растерянно посмотрел на трясущегося новобрачного.

— Перстень государственного казначея! — воскликнул он и приставил меч к горлу Корхаса.— Ну-ка, объясни, голубчик, как он к тебе попал?

— Мне его киммериец подсунул,— прохрипел хозяин, озираясь по сторонам.— И письмо он сам написал! Там все вранье, он хочет меня оклеветать!

— А откуда ты знаешь, что в этом письме? — спросил Меджед.— Ты что, глядел киммерийцу через плечо, когда он его сочинял?

— Нет.. я... — пробормотал Корхас.— А вы обыщите его комнату! — внезапно крикнул он.— Наверняка найдете там все, что он награл!

— Может, лучше начнем с тебя, Корхас? — сурово спросил начальник стражи.— Покажи-ка нам, что еще есть у тебя в карманах!

— Ничего! — Хозяин сунул руки в карманы и вдруг побледнел, метнув в киммерийца взгляд полный ненависти.

— Не стесняйся, Корхас,— подбодрил его Меджед.— Выкладывай, что там у тебя!

— Пожалуй, я вам помогу,— сказал появившийся откуда-то силач и, схватив хозяина за ноги, перевернул его вниз головой.

Из отчаянно извивающегося Корхаса тотчас посыпались драгоценности и золотые монеты, которые он подбросил в комнату киммерийца. Это акробаты, надевая на новобрачного гирлянды, рассовали ему по карманам награбленное. Хорошенько потрянув хозяина еще раз, силач отшвырнул его прочь. Окруженный плотным кольцом зрителей, изумленно глазевших на рассыпанные по земле драгоценности, Корхас заскрежетал зубами.

— Проклятый киммериец! — злобно прошипел он. — Ты заплатишься за это!

— Нет, Корхас, заплатишься ты, — тихо произнесла подошедшая к нему Джайла. — Теперь я знаю все, хотя и раньше догадывалась. Это ты убил моего отца!

Она вытащила спрятанный на груди длинный узкий нож, занесла его над своим мужем, но в этот миг ее руку перехватил какой-то высокий парень в смешных, коротких не по размеру, штанах.

— Не надо, — спокойно проговорил он, и Конан вдруг с изумлением узнал в молодом человеке своего приятеля карлика. — Его накажет мой амулет, а тебе не стоит пачкать руки.

На груди наследного принца ярко светился знак вендийского рода, в виде звезды со множеством тонких, почти прозрачных лучей, сияние которых все усиливалось, становясь нестерпимо слепящим. Корхас катался по земле и выл от боли — казалось, амулет жег его, превращая сначала в сморщенного старика, затем в карлика и наконец в жалкую кучку истлевших лохмотьев, которую тут же развеял легкий порыв ветра.

Толпа оцепенела. От Корхаса не осталось ничего.

Первым пришел в себя начальник стражи.

— Где этот человек? — крикнул он, ища глазами Бали Маракуду. — Кто он такой? Найти его!

— Зачем он тебе? — спросил Конан, успевший заметить, что Бали вместе с Джайлой вошли в дом. — Он — наследный принц, родом из Вендии. Их княжество когда-то разграбил Корхас вместе со своим дядей Бешметом, а всю его семью вырезал. Ты видел амулет у него на груди? Это знак их рода, он карает всех, кто причинит ему зло. Так что не трогай принца.

— Ладно, — согласился Меджед. — Если так, он действительно мне не нужен. Чего не могу сказать о тебе. Давненько я ждал встречи с тобой, Конан-киммериец! Забыл, как расквасил мне нос, когда я еще служил в Шадизаре?

— Разве можно такое забыть? — усмехнулся Конан. — Но неужели это до сих пор тебя так волнует?

— Конечно, не только это, — сказал начальник стражи, подходя ближе к киммерийцу и делая знак охранникам окружить его. — Но за тобой ведь немало других подвигов, и тюрьма давно уже по тебе скучает. Какая удача, что сам начальник тюрьмы сейчас здесь!

Начальник тюрьмы хищно оскалился.

— Ну что ж, попробуй взять меня живым, Меджед! — Отскочив назад, киммериец выхватил меч. — Или, может быть, пожалеем этих бедняг и оставим их ослиные головы на плечах? — Конан указал мечом на окружавших его охранников. — А тебе лично, боюсь, в суматохе могу ненароком не только нос расквасить. Так что лучше договоримся по-хорошему!

— Я не намерен договариваться с преступниками! — побагровев, рявкнул Меджед.

— А если я скажу, куда Корхас дел государственную казну? — предложил киммериец.

— А ты разве знаешь? — недоверчиво спросил начальник стражи.

— Значит, договорились! — Конан сунул меч в ножны и подошел к Меджеду. — Только предупреждаю — без шуток! Иначе ты никогда не узнаешь, где она.

— Ладно, — неохотно согласился начальник стражи. — На этот раз я тебя отпущу. Но если еще раз попадешься, тогда уж не жди пощады! Говори, где казна?

— Ну уж нет, сначала я попрощаюсь с друзьями и уйду отсюда, — рассмеялся киммериец. — А когда буду уверен, что ты меня не надуешь, тогда и сообщу!

— А ты меня не обманешь? — насупился Меджед.

— Все от тебя зависит, — ответил Конан и, повернувшись, направился к стоявшим неподалеку балаганщикам.

— Мы еще увидимся, — говорил он, пожимая друзьям руки. — Спасибо за все. Пожалуй, я впервые понял, как важно знать, что ты не один.

— Мы всегда с тобой, Конан! — Силач похлопал киммерийца по плечу. — Увидимся! И не раз!

— Передай привет Бали, — добавил фокусник. — Он ведь, наверное, уже не вернется.

— Да уж, такую красотку отхватил, что теперь ему не до нас! — хитро прищурившись, усмехнулся рыжий шут. — Куда ты смотрел, Конан?

— Какую красотку? — растерялся киммериец и тут же яростно заорал: — Ну, я ему покажу!

Конан стремглав бросился к дому, но в дверях столкнулся с каким-то неведомым существом. Северянин потянулся было к мечу, но быстро сообразил, кто был перед ним. Старший слуга Грул с горшком на голове неуверенной походкой вышел на крыльцо и, шаря перед собой руками, завыл утробным голосом:

— Помогите!

Все, кто был во дворе, обернулись в его сторону и начали давиться от смеха. Разглядев в толпе Меджеда, дававшего какие-то указания охранникам, Конан помаhal ему рукой и крикнул:

— Меджед! Вот этот парень тоже знает, где государственная казна! И еще многое другое! Посмотри в котлы старшего повара!

Вбежав в дом, киммериец помчался по коридору и за поворотом увидел спину Кушара, бегущего куда-то во весь дух.

— Кушар, это я! — крикнул Конан. — Кто тебя так напугал?

— Ты, конечно, — остановившись, ответил запыхавшийся разбойник. — Я иду себе по коридору, вдруг слышу — кто-то врывается в дом и несется прямо на меня как угорелый. Ну, думаю, конец пришел моей несчастной жизни.

— Сейчас сюда действительно придут стражники и будут обыскивать весь дом, — сказал Конан. — Так что надо сматываться. Где Бали? И Джайла?

— Карлика я не видел, а вот какой-то красавчик повел невесту Корхаса в ее покои, — доложил Кушар. —

Не знаю, что все это значит, да мне и все равно, лишь бы уйти отсюда поскорее с моим золотишком.

— Я тебя познакомлю с этим... красавчиком, — пообещал Конан, сворачивая в сторону кухни. — А зачем ты выпустил Грула?

— Это который с горшком на голове? — Кушар прыснул от смеха. — Да надоел он мне — никак не хотел лежать спокойно! Я уж его укладывал, укладывал, а он все равно куда-то рвался. Ну, я и отпустил его погулять, все равно, думаю, с горшком на голове далеко не уйдет. А заодно я и сам решил немного размяться и выяснить, что да как, а тут как раз ты и появился...

— А почему он не снял горшок? — спросил Конан, когда они миновали пустую кухню. — Ты что его гвоздем прибил?

— Да нет, — Кушар снова заржал. — В горшке-то оказывается, на дне смола была, вот он и прилип намертво. Теперь до конца дней своих будет ходить в этой шапочке!

Конан тоже не удержался и громко расхохотался.

Они подошли к потайной двери покоев Джайлы. Распахнув ее, киммериец ворвался внутрь, ожидая увидеть Джайлу в объятиях коварного Бали Маракуды.

Но в комнате никого не было. Поразмыслив, Конан метнулся к тумбочке с витыми ножками, где когда-то стоял ларец.

Ларца там не оказалось.

«Все ясно», — подумал Конан и, пнув ногой тумбочку, решительно направился к двери, ведущей в покои Корхаса. Кушар, уже успевший сунуть себе за пазуху какие-то безделушки, удивленно взглянул на киммерийца.

— Ты чего разозлился? — спросил он. — И что собираешься сейчас делать?

— Пошли, — коротко ответил Конан, дернул дверь, но, убедившись, что она заперта, выхватил из-за пояса кинжал, чтобы отодвинуть им засов. — Кром! Ну, я покажу этому предателю!

Они ворвались в покои Корхаса, но там тоже никого не было. Конан, не задерживаясь, рванулся к двери в коридор, а его приятель, не удержавшись, схватил массивный золотой подсвечник и, пыхтя, начал совать его себе за пазуху.

Обернувшись, киммериец насмешливо посмотрел на Кушара.

— Да не влезет он, не влезет. К тому же у тебя уже есть один,— сказал он и, услышав топот, доносившийся со стороны главного входа, бросил: — Все, уходим!

Они прошли через потайную дверь в окутанный мраком коридорчик, где находился ход в подземелье. Встав на колени, Конан принялся ощупывать стену, ища лаз, но на этот раз холодные каменные плиты не поддавались его толчкам. «Ведь тогда я просто нажал на какой-то камень, и плита сразу отъехала! — лихорадочно думал Конан. — Я даже чуть не упал! Приснилось мне, что ли?» Киммериец изо всех сил толкал руками стену, пот стекал по его лицу, заливая глаза, но, не обращая на это внимания, он с отчаянным упорством продолжая давить на каменные плиты. Наконец Конан почувствовал, как один камень с трудом начал поддаваться. Он нажал еще сильнее и услышал, как что-то хрустнуло, и плита отодвинулась в сторону.

— Ты чего там возишься, Конан? — подал голос Кушар. — Клад ищешь, что ли?

— Уже нашел,— буркнул киммериец, протискиваясь в отверстие. — Давай быстрее сюда, если, конечно, сможешь пролезть!

Конан уже спустился на несколько ступенек и, подняв голову, увидел, что изрядно раздавшийся от наворованного золота Кушар и впрямь застрял в узком лазе. Киммериец протянул приятелю руку, чтобы помочь, но в тот же миг почувствовал, как кто-то с силой дернул его за ноги.

— Бали, брось свои шуточки! — крикнул Конан, скатившись вниз по ступеням, но ответом ему была лишь зловещая тишина.

На этот раз в подземелье царила непроглядная тьма — видимо, факелы догорели, а новые зажечь было уже некому. Киммериец вскочил на ноги, выхватил меч, помахал им перед собой, несколько раз наугад ткнул пустое пространство, но ни одной живой души не обнаружил.

— Кто здесь? — тяжело дыша, спросил он. — Отзовись, и если ты мой враг, начнем честный бой!

— Я твой враг, варвар,— раздался из темноты голос Беркада. — Но честного боя у нас не получится — ты слишком хитрый, правда, я тоже не дурак.

— Что тебе надо? — спросил Конан, пытаясь понять, где Беркад затаился.

— Ничего особенного,— ответил голос. — Только твоя жизнь. Ты не уйдешь отсюда живым.

— Чего вы все ко мне привязались? — раздраженно спросил киммериец. — А если бы меня вообще не было?

— Мы бы тебя выдумали.— Казалось, Беркад наслаждался этой ситуацией. — Но ты сам пришел к нам в руки. Конан-киммериец, ты привык побеждать. Противно тебе, наверное, согласиться с тем, что на этот раз ты проиграл?

— Надеюсь, что мне никогда не придется с этим согласиться,— ответил Конан и резко взмахнул мечом — клинок задел что-то твердое. Подавшись вперед, киммериец нанес еще один удар, но в тот же миг почувствовал холод чужого оружия, скользнувшего по ребрам.

— Я еще два века проживу! — выкрикнул Конан. — Кто ты такой, я не знаю, и мне не нужна твоя жизнь, но я убью тебя и никогда не пожалею об этом!

Меч Беркада взвизгнул совсем близко, киммериец, отскочив в сторону, ответил резким выпадом и понял, что его клинок рассек грудь противника.

— Проклятый... киммериец,— услышал Конан сдавленный голос врага, рухнувшего у его ног, и в то же мгновение ощутил сильный удар по руке, заставивший его выронить оружие. Всем телом навалившись на Беркада, Конан попытался добраться до горла противника, но удар кинжалом в плечо вынудил его ослабить хватку.

В ярости киммериец несколько раз со всего маху опустил кулак туда, где, на его взгляд, должна была находиться голова Беркада. И не ошибся. Беркад дернулся и затих. Вытерев об его одежду окровавленные руки, Конан с трудом поднялся и сделал несколько неуверенных шагов.

— Кушар, где ты? — спросил он, не надеясь услышать ответ.

— Здесь! — раздался совсем рядом голос приятеля. — Не знаю, кто это был, но мне опять не понравилось, как он с тобой обращался. Поэтому я на всякий случай огрел его тем самым подсвечником, от которого ты так старался меня отговорить...

— Ну, огрел-то ты меня, — сказал Конан, потирая ушибленный локоть. — Твое счастье, что я был слишком занят. Ну, а теперь пора выбираться из этого дома.

— Конан, иди сюда! — услышал он вдруг знакомый голос. — Здесь, у земли, дыра, надеюсь, ты пролезешь!

Конан уперся руками в пол, передвинулся немного вперед и вдруг провалился в бездну. Летел он недолго. Вскочив на ноги, киммериец резко выбросил перед собой руку и успел ухватить клочок чьих-то волос.

— Ой, больно! — раздался в темноте голос Бали Маракуды. — Какая муха тебя укусила?

— Ты меня предал! — зарычал Конан, пытаясь нащупать горло соперника. — И сейчас за это ответишь!

— Конан, успокойся, я знаю, что ты со мной справишься. — Бали похлопал Конана по плечу. — Я тебя не предавал, мне пришлось срочно убраться — надо же было забрать ларец, — но я ждал тебя здесь. И, пока ты там возился, я успел найти выход из этого подземелья.

— Ладно, — тяжело дыша, отозвался Конан. — С тобой я еще разберусь. Показывай, где тут выход.

— Давай руку!

Киммериец в темноте нащупал руку Бали Маракуды и покорно сделал несколько шагов.

— Кушар! — негромко позвал Конан. — Ты где?

— Здесь, — раздался шепот из угла. — Помоги мне!

Конан повернулся в сторону говорившего, и в тот же миг тяжелая металлическая решетка с грохотом выскочила из потолка и, пролетев перед самым носом киммерийца, выбила сноп искр из каменного пола.

— Вот теперь ты ответишь мне за все, Конан-киммериец! — продолжал шептать голос из темного угла. — Ты сгниешь здесь, и я буду наслаждаться твоими смертными муками!

Голос слегка дрожал; несмотря на угрозы, в нем чувствовалась растерянность.

— Замила! — крикнул Конан, изо всех сил пытаясь поднять решетку. — Ну тебе-то чего надо?

— Мне надо твоей любви, — вдруг нежно ответила Замила. — Если ты пообещаешь, что будешь со мной, я спасу тебя.

— Я буду с тобой, пока ты не испустишь дух! — пообещал Конан. — Годится?

— Она врёт, — раздался из темноты голос Бали Маракуды. — Я ведь вижу в темноте, ее кинжал у твоего горла!

Конан прыгнул в сторону, а затем, ухватив косы Замины, ткнул ее лицом о каменный пол.

— Я не знаю, кто ты, может быть, любимая жена Корхаса, — произнес он, поднимаясь и отряхиваясь. — Жизни я тебя лишать не буду, но и с собой не возьму!

Нащупав нижний поперечный брус решетки, Конан изо всех сил рванул ее вверх, но железо уступать не торопилось. Подоспели Кушар и с другой стороны принц, но толку от них было мало.

— Отойдите... малыши, — сказал киммериец, вспомнив низкорослого Кушара и Бали, который, несмотря на свое преобразование, едва ли дорос до плеча Конана.

Передохнув, он уперся ногой в вертикальный прут и, ухватив руками соседний, потянул так, что захрустели все суставы.

— Пролезешь? — повернулся он к Кушару. — Если пройдет твое брюхо, то и я смогу, наверное...

Они долго шли по подземному коридору, пугая жирных крыс и летучих мышей. Лишь через полчаса впереди наконец показался свет и, выйдя на поверхность, они увидели, что оказались далеко от крепостных стен Аренджуна.

Конан посмотрел на перепачканный землей свадебный наряд Джайлы и, вздохнув, сказал:

— Я был готов любить тебя и, наверное, мы были бы счастливы... Недолго... Я — бродяга, вечный скиталец, а тебе нужна семья, дети... А вот малыш — прости-те, принц! — он хоть прожорлив и сварлив, но, видит Кром, славный парень! Пойдем, Кушар, у нас дела.

* * *

Раннее утро. Солнце только что осветило холмы и поля близ города Аренджуна.

Под густым зеленым кустом близ дороги сидели Конан, Кушар и пять человек, лица которых громко говорили о роде их занятий. Их завтрак состоял из половины копченого барана и семи больших кувшинов вина. Конан молча жевал, с обидой думая о том, что Джайла чересчур быстро согласилась с его предложением. А Кушар, вспомнив решетку, которую не смог бы разломить даже слон, решил, что с киммерийцем не стоит спешить расставаться.

За крепостной стеной Аренджуна готовился выступить в поход караван из восьми верблюдов, груженных так счастливо найденной государственной казной. Золото должны были сопровождать два десятка до зубов вооруженных охранников.

Конан отбросил обглоданную баранью ногу, вытер пальцы о штаны и сказал:

— Кушар! Поднимись-ка вон на тот холм и посмотри, не открылись ли городские ворота.

ЯСТРЕБЫ НАД ШЕМОМ

Ночными улицами шемитской столицы Пелишти шел высокий человек в белом плаще и остроко-
нечном гирканском шлеме. В руке он держал меч и время от времени тихо ругался: извилистые переулки невзрачного квартала у реки совсем не годились для ночных прогулок.

— Эй, пес, ты почему за мной идешь? — раздался вдруг его грубый картавый голос с гирканским акцентом.

Другой великан, тоже в белом шелковом плаще, но в стигийском шлеме, вынырнул из темноты.

— Ты сказал «пес»? — Акцент отличался от гирканского.

— Да, пес. Я тебя отучу следить за...

Прежде чем гирканец успел договорить, человек в стигийском кинулся на него с быстротой тигра. Не успел гирканец обнажить саблю, как на его голову обрушился удар огромного кулака. Если бы не мощное телосложение и не кольчуга, свисавшая со шлема, шея была бы сломана. Гирканец как подкошенный рухнул на мостовую. Меч загремел о камни.

Очнувшись, гирканец увидел над собой незнакомца с обнаженным мечом. Громовым голосом человек в стигийском шлеме сказал:

— Я никого не преследую и не позволю называть себя псом! Ты понял, пес?!

Глаза гирканца искали меч, саблю, отброшенную ногой его противника на безопасное расстояние. Он попытался выиграть время.

— Прошу прощения, если оскорбил тебя, но кто-то следит за мной весь вечер. Я услышал шаги в переулке, а потом увидел тебя. Конечно, я решил, что ты хочешь меня убить.

— Иштар тебя заберет! На что ты мне нужен? Я заблудился. Никогда тебя не видел и надеюсь больше...

В этот момент человек в стигийском племе услышал крадущиеся шаги и отскочил назад, чтобы оказаться лицом и к гирканцу, и к злоумышленникам.

Во мраке появились четыре огромных силуэта. Сабли поблескивали в тусклом свете звезд, на черных лицах виднелись лишь зубы и белки глаз.

На мгновение все застыли. Затем один из новоприбывших сказал с певучим акцентом жителя Куша:

— Который из них наш? Оба одеты одинаково, а в темноте вообще как близнецы.

Другой, выше остальных на полголовы, сказал:

— Зарежем обоих. Не ошибемся, и свидетелей не останется.

И четверо негров молча двинулись вперед. Человек в стигийском племе в два прыжка достиг места, где лежала сабля, и с криком «Держи!» швырнул ее гирканцу. Тот поймал. С проклятиями в стигийском племе ринулся на приближавшихся негров.

Громадный кушит и его приятель схватились с ним, два побежали за гирканцем. Не дожидаясь атаки, человек в стигийском племе прыгнул вперед, как дикая кошка. Быстрое обманное движение, звон стали, — и голова молодого негра летит в сторону. Но другой чернокожий не терял времени — он изо всех сил замахнулся на противника.

Несмотря на исполинский рост, тот двигался быстрее, чем клинок негра. Он прыгнул к земле, и сабля просвистела сверху. Не разгибаясь, он ударил противника по ногам. Сталь разрубила мышцы и кости. Негр пошатнулся и снова занес руку для удара, но ятаган вошел ему в грудь по самую рукоятку. Фонтаном

хлынула кровь. Сабля выпала на мостовую, а вслед за нею медленно повалился гигант.

Его убийца высвободил клинок и бросился на помощь гирканцу. Тот, пятясь, хладнокровно отражал выпады двоих негров. Неожиданно он поразил одного в грудь, негр уронил меч и со стоном упал на колени. Но в следующий миг он схватил гирканца за ноги, повис на нем, как пиявка. Тщетно пытался гирканец сбросить его, могучие черные руки сжимали его колени, точно железные тиски, а тем временем другой негр наседали с удвоенной яростью. Кушит как раз собирался нанести решающий удар, когда услышал топот за спиной. Но оглянуться не успел — меч вонзился в него с такой силой, что наполовину вышел из груди, а эфес уперся в спину. Негр вскрикнул, и душа его отлетела.

Гирканец проломил эфесом сабли голову второму негру и оттолкнул труп. Затем повернулся к человеку в стигийском племе:

— Сначала ты чуть не убил меня, а потом спас. Почему?

Тот пожал плечами:

— Когда напали вору, судьба сделала нас союзниками. Теперь, если хочешь, возобновим ссору. Ты сказал, что я за тобой шпионил?

Гирканец поспешил возразить:

— Я вижу, что ошибся, и прошу прощения. Теперь я знаю, кто за мной следил.

Он вытер саблю, вложил в ножны, а затем начал рассматривать убитых. Наклоняясь над каждым по очереди, он дошел до великана и проворчал:

— Сохо! Меченосец Келука, его правая рука для грязных дел!

Он стащил с безжизненного пальца тяжелое резное кольцо и спрятал в кушак, а потом взялся за одежду мертвеца.

— Друг, помоги убрать эту пададь.

Тот, к кому он обращался, взял двух негров за полы окровавленных плащей и потащил вслед за гирканцем

вниз по темному переулку к заброшенному колодцу. Трупы полетели во тьму, далеко внизу раздался глухой всплеск. Гирканец облегченно вздохнул:

— Боги сделали нас союзниками. Я перед тобой в долгу.

— Ты мне ничего не должен, — ответил незнакомец.

— Оставь... Я Фарук, лучник гирканской конницы Маздака. Пойдем-ка посидим где-нибудь, потолкуем. Я не держу зла за тот удар, хотя, честно говоря, голова еще гудит.

Незнакомец неохотно спрятал меч в ножны и последовал за гирканцем во мрак зловонных извилистых улочек. Асгалун поражал контрастами: роскошные дворцы соседствовали здесь с грязными развалинами, а сразу за дворцом короля Акхиромы ютились жалкие хижинки.

Путники подошли к богатому кварталу, где решетки балконов, нависающих над улицей, почти смыкались над головами прохожих.

— Во всех лавках темно, — проворчал человек в стигийском племе. — А несколько дней назад горели все фонари, от заката до восхода было светло, как днем.

— Прихоть Акхиромы. А теперь он приказал, чтобы в Асгалуне вообще не зажигали огней. Что будет завтра — одному Птеору известно.

Они остановились перед кованой дверью под тяжелой каменной аркой, и гирканец осторожно постучал. Из-за двери послышался голос, в ответ гирканец назвал пароль. Дверь отворилась, и он протиснулся в крошечную темноту, увлекая за собой нового приятеля. Дверь хлопнула. Гирканец отодвинул тяжелую кожаную занавеску, и взорам явился освещенный лампой коридор, в котором стоял перепуганный дряхлый шемит.

— Старый солдат промышляет тайной торговлей вином, — пояснил гирканец. — Ну-ка, Кханон, отведи нас в комнату, где мы сможем побыть одни.

— Почти все комнаты свободны, — бормотал Кханон, кивая перед ними. — Пропаций я человек. Люди боятся дотронуться до кубка, потому что король запретил вино. Да покарает его Птеор!

По пути человек в стигийском племе с любопытством заглядывал в большие комнаты. Там ели и пили мужчины. Большинство гостей Кханона были типичными пелиштийцами: коренастые и смуглые, с носами, как орлиный клюв, и кучерявыми иссиня-черными бородами. Изредка попадались стройные восточные шемиты, гирканцы и чернокожие кушиты из наемной армии Пелиштии.

Кханон отвел вновь прибывших в маленькую комнату, расстелил циновки, поставил огромное блюдо с фруктами и орехами, наполнил кубки вином из бурдюка и удалился, бормоча что-то под нос.

— Пелиштия переживает тяжелые времена, друг. — Гирканец отдал должное вину. Он был высок, строен и крепок. Проницательные черные глаза немного косили, придавая желтоватому лицу обеспокоенное выражение. Под горбатым носом чернели тонкие усы. На гирканце был дорожный плащ из дорогой ткани, заостренный шлем украшен серебром, а рукоятка сабли усеяна драгоценными камнями.

Собеседник был ростом не ниже гирканца, но на этом сходство заканчивалось. Он обладал телосложением горца — широкие плечи, крепкие мускулы. Широкое гладко выбритое лицо под белой чалмой было молодо, но уже покрыто шрамами. Кожа смуглая, скорее всего, от загара. Холодные голубые глаза хранили печать пережитых бурь. Великан залпом выпил вино и облизал губы.

Фарук усмехнулся и вновь наполнил кубок:

— Здорово дерешься, друг. Если бы гирканцы жаловали чужаков, в конной гвардии из тебя бы вышел отличный воин.

Собеседник лишь заворчал в ответ.

— Так кто ты такой? — спросил Фарук. — Я ведь назвал свое имя.

— Я Ишбак, зуагирец из восточных пустынь.

Гирканец запрокинул голову и расхохотался. Великан нахмурился:

— Что тут смешного?

— Думаешь, я поверил?

— Ты хочешь сказать, что я лгу? — зарычал незнакомец.

Фарук усмехнулся:

— Ни у одного зуагирца нет такого акцента, как у тебя, потому что их диалект близок к шемитскому. А во время схватки с кушитами ты поминал Крома и Мананана. Я слышал, это боги северных варваров. Не бойся, я перед тобой в долгу и умею держать язык за зубами.

Незнакомец привстал, взявшись за рукоять меча, а Фарук лишь спокойно отхлебнул вина. Вскоре великан снова сел на место и смущенно сказал:

— Я Конан из Киммерии, служил в войске короля Акхарии Сумуаби.

Гирканец усмехнулся и набил рот виноградом. Жуя, он сказал:

— Дорогой Конан, шпион из тебя не получится, ты слишком вспыльчив и прямолинеен. Что привело тебя в Асгалун?

— Месть.

— Кто твой враг?

— Анакиец по имени Отбаал, да сгнут его кости! Фарук присвистнул:

— Клянусь Птеором, ты замахнулся на большую шишку! А известно ли тебе, что этот человек — начальник анакийского войска короля Акхиром?

— О Кром! Мне все равно, будь он хоть мусорщиком.

— Что он тебе сделал?

Конан рассказал без утайки:

— Народ Анакии восстал против своего короля, который был еще глупее, чем ваш Акхиром. Мятежники попросили помощи у соседней Акхарии. Сумуаби, король Акхарии, надеялся, что они победят и выберут нового короля, более дружественного к его стране.

Поэтому он набрал пятьсот добровольцев и отправил на помощь анакийцам. Но проклятый Отбаал вел двойную игру. Он поднял мятеж, призвав врагов короля к открытой борьбе, а затем предал их. Почти всех мятежников перебили.

Отбаал знал о нашем отряде и устроил ловушку. Ничего не подозревая, мы попали в нее. Я один спасся, притворившись мертвым. Остальные... кто погиб на поле битвы, кто подвергся самым страшным пыткам, на которые способны королевские палачи. — Мрачные синие глаза сузились. — Мне и раньше случалось проигрывать. Но на этот раз я поклялся отомстить Отбаалу за моих друзей. Когда я вернулся в Акхарию, то узнал, что он, испугавшись мести, бежал из Анакии сюда. Как ему удалось так быстро возвыситься?

— Он кузен короля Акхиром, хотя тот пелиштиец, — сказал Фарук. — Он также родственник короля Анакии. Властители шемитских городов-государств связаны кровными узами, а войны между ними напоминают семейные раздоры, только с более тяжелыми последствиями. Долго ты пробыл в Асгалуне?

— Всего несколько дней. Этого, правда, хватило, чтобы понять: здешнему народу не повезло с королем. Запретить вино! До такого мог додуматься только сумасшедший. — Конан сплюнул.

— Ты еще не все знаешь. Акхиром действительно сумасшедший, и народ стонет под его пятой. Он держится у власти благодаря трем отрядам наемников, их руками он сверг и убил своего брата-короля. Первый, анакийский отряд, Акхиром создал, когда находился в ссылке при дворе Анакии. Второй состоит из черных кушитов под командованием Имбалayo и ежегодно пополняется новобранцами. Третий отряд — гирканская конница, в которой я служу. Ею командует Маздак. Маздак, Имбалayo и Отбаал так соперничают между собой, что их ненависти хватило бы на дюжину войн. Ты испытал это на себе в сегодняшней схватке.

— Год назад Отбаал пришел сюда нищим.

— Он возвысился отчасти благодаря родству с Акхиромом, а отчасти -интригам офирской рабыни по имени Руфия. Отбаал выиграл ее у Маздака, а когда протрезвел, отказался вернуть. Это одна из причин вражды между ними. За Акхиромом тоже стоит женщина -Зерити Стигийская, ведьма. Говорят, она пичкала его каким-то зельем, чтобы приворотить, вот он и свихнулся.

Конан поставил кубок и в упор посмотрел на Фарука:

— И что дальше? Предашь ты меня или нет?

Вертя в руках кольцо, снятое с пальца Келуки, Фарук задумчиво сказал:

— Буду нем как могила, поскольку у нас с Отбаалом свои счеты. Если тебе не удастся отомстить, я сам с ним поквитаюсь.

Конан наклонился вперед, вонзил железные пальцы в плечо гирканца:

— Ты говоришь правду?

— Пусть большебрюхие шемитские боги опорожнят на меня свои ночные горшки, если я лгу!

— Тогда я помогу тебе отомстить.

— Ты? Чужак, никого не знающий в Асгалуне?

— Конечно! Это облегчает задачу. У меня здесь нет родственников, и мне можно доверять. Давай составим план. Где эта свинья и как до нее добраться?

Фарук был не из робкого десятка, но поначалу растерялся. Прошло какое-то время, прежде чем в его глазах загорелся недобрый огонек.

— Мне надо подумать,— сказал он.— Есть один способ. Конечно, если хватит сноровки и дерзости...

Через некоторое время двое высоких мужчин в белых плащах с поднятыми капюшонами остановились под пальмами среди руин ночного Асгалуна. Впереди лежал ров, наполненный водой, а за ним возвышалась крепостная стена из необожженного кирпича. Под защитой крепости жили король со свитой и наемные войска. Кого попало туда не пускали.

— Можно перелезть через стену,— прошептал Конан.

— Это ничуть не приблизит нас к цели,— ответил Фарук.

Конан увидел, как гирканец опустился на корточки и зашарил руками по мраморным плитам.

— Это развалины древней гробницы,— пробормотал Фарук.

Он отодвинул широкую плиту, под которой оказалась лестница, ведущая во мрак. Конан нахмурился, его одолевали сомнения.

— Этот тоннель проходит под каналом и ведет в дом Отбаала,— пояснил Фарук.

— Под каналом?

— Да. Когда-то в доме Отбаала жил король Уриаэ. Он спал под охраной дрессированных львов на диване, который плавал в бассейне со ртутью. Во дворце полно тайных ходов, но все-таки королю не удалось уйти от мстителя. До Отбаала дом принадлежал его сопернику Маздаку. Анакиец и не подозревает об этом подземном ходе. Пойдем!

В полной темноте они спустились по каменной лестнице, а затем двинулись вперед по туннелю. Конан осторожно ощупывал стены из огромных каменных глыб. Чем дальше они шли, тем влажнее становился воздух, ноги начали скользить. Путники находились как раз под каналом — Конан вздрогнул и поморщился, ощутив струйки воды на спине. Через некоторое время кругом стало суше. Фарук предостерегающе шикнул, и они полезли вверх по лестнице.

Наверху гирканец нащупал засов, приподнял плиту, и в туннель проник слабый свет. Фарук выбрался наружу и, пропустив Конана, вернул плиту на место. Перед ними открылся просторный сводчатый коридор. Фарук закрыл лицо вуалью и жестом предложил Конану сделать то же самое. Затем Фарук решительно шагал по коридору. Киммериец, сжимая меч и оглядываясь по сторонам, следовал за ним.

Наконец они отодвинули темную бархатную занавеску и очутились на сводчатой веранде. Стены были отделаны панелями из черного дерева с золотыми узорами.

Их шаги разбудили огромного негра в шелковой набедренной повязке, он вскочил на ноги и выхватил огромный меч. Конану и Фаруку показалось странным, что негр не кричит, но они все поняли, когда не увидели языка в разинутом рту.

— Тихо! — предупредил Конана Фарук, уклоняясь от меча. Киммериец подставил ногу стражу, тот растянулся на полу, и Фарук вонзил клинок в черную спину.

— Неплохая работа! — Гирканец перевел дыхание и улыбнулся: — А теперь — за настоящей добычей!

Пока Фарук осторожно отворял дверь, великан-киммериец изготовился к прыжку. Глаза его горели, как у тигра на охоте. Дверь поддалась, и они ворвались в комнату. Фарук расхохотался при виде Отбаала, который с проклятиями подскочил на кушетке. Лежавшая рядом женщина вскрикнула и приподнялась на подушках.

— Друг, он в наших руках!

Какое-то мгновение Конан разглядывал Отбаала — высокого, статного, с густыми черными волосами, собранными в пучок на затылке, и черной ухоженной бородой. Несмотря на поздний час, Отбаал был в шелковых пальварах и бархатном жилете, под которым поблескивала кольчуга. Отбаал потянулся к мечу, лежащему возле кушетки.

Женщина обладала броской внешностью, но назвать ее красавицей было нельзя. Рыжеволосая, с широким веснушчатым лицом и пронизательным взглядом карих глаз, она была крепко сбита, широкие плечи, большой бюст и полные бедра создавали впечатление огромной физической силы.

— На помощь! — заорал Отбаал. — Караул!

Фарук бросился было к нему, но тотчас отпрянул назад и быстро запер дверь на засов. В коридоре по-

слышался шум, в дверь замолотили. Конан и Отбаал скрестили мечи, комната наполнилась звоном стали, дождем посыпались искры.

Противники сражались не на жизнь, а на смерть, за каждым ударом стояла огромная воля к победе. Когда они молча кружили по комнате, Конан через плечо Отбаала увидел, что Фарук удерживает спиной дверь. Она ходила ходуном и грозила сорваться с петель. Женщина куда-то скрылась.

— Справишься? — крикнул Фарук.

— А как же. — Конан отразил смертельный удар.

— Тогда поспеши. Я не смогу долго удерживать дверь.

Конан возобновил свирепый натиск. Теперь внимание анакийца всецело поглощал меч варвара, который бил, точно молот по наковальне. Непомерная сила и ярость Конана постепенно брали свое. Смуглое лицо Отбаала побледнело, он задыхался. Кровь, струившаяся из ран, заливала руки, бедра и шею. Конан тоже получил несколько царапин, но его бешеный напор не ослабевал.

Потеснив Отбаала к занавешенной гобеленом стене, Конан сделал выпад. Противник увернулся, Конан потерял равновесие, меч вонзился в щель между каменными блоками и застрял. В тот же миг Отбаал размахнулся из последних сил, чтобы снести Конану голову.

Но стигийская сталь прочнее обычной — изогнувшись, клинок не сломался, а выскочил из ловушки. Удар Отбаала пришелся по шлему Конана, железо вмялось, лопнула кожа на темени. Но, прежде, чем Отбаал восстановил равновесие, тяжелый клинок Конана разорвал его кольчугу, пронзил живот и рассек позвоночник.

Анакиец скорчился от боли на полу, вывалились внутренности. Несколько мгновений пальцы в конвульсиях рвали ворс из толстого ковра, потом застыли.

Конан, мокрый от крови и пота, в бешенстве вонзал клинок в кровавое месиво. Ярость так опьянила варвара, что он не сразу заметил, что противник мертв. Наконец Фарук крикнул:

— Хватит, Конан! Бежим скорее, пока стражники не вернулись с тараном!

— Куда? — Конан смахнул кровь со лба. У него кружилась голова; он сорвал изуродованный шлем и швырнул в сторону. На лоб и глаза потекла алая струйка. Он нагнулся и оторвал полоску ткани с пальвар Отбаала, чтобы перевязать рану.

— В ту дверь! — Фарук указал взмахом руки. — Проклятье! Туда убежала Руфия!

Конан увидел за кушеткой потайную дверь. Она пряталась под гобеленом, но Руфия в спешке сорвала его.

Гирканец достал из-за пояса перстень чернокожего убийцы Келуки, бросил его на пол возле трупa Отбаала и рванулся к потайной двери; Конан — за ним. Чтобы протиснуться в дверь, киммерийцу пришлось согнуться в три погибели.

Они очутились в узком коридоре. Фарук повел Конана обходным путем по дворцу, оказавшемуся настоящим лабиринтом. Они так долго петляли, что в конце концов Конан совершенно запутался. Но это спасло их от телохранителей Отбаала, которые дежурили возле спальни. По пути в одной из комнат раздались женские крики, но Фарук не остановился. Вскоре они подошли к потайному люку, спустились в подземный ход и ощупью пробирались в крошечной мгле, пока снова не очутились в заброшенном склепе.

Конан остановился перевести дыхание и сменить повязку. Фарук спросил:

— Как рана, друг?

— Ерунда, царапина. Зачем ты бросил кольцо?

— Чтобы обмануть стражу. Тарим! Жаль, что этой шлюхе удалось скрыться.

Конан криво улыбнулся. Очевидно, Руфия вовсе не считала Фарука своим спасителем. Картина, представшая перед глазами Конана за секунду до схватки, волновала его воображение. «Я бы не отказался от такой милашки», — подумал он.

* * *

А тем временем узкими улочкам Асгалуна под балконами пробиралась женщина — впервые за три года. Она была укутана плащом, лицо скрывалось под капюшоном.

Женщина шарахалась от каждой тени. Камни впились в подметки ее бархатных комнатных тапочек. Прошло уже три года с тех пор, как сапожникам Асгалуна запретили тачать женские туфли. Король Акхиром издал закон, обязывающий женщин Пелиштии сидеть дома, подобно рептилиям в клетке.

Руфия, рыжеволосая офирка, бывшая фаворитка Отбаала, прибрала к рукам больше власти, чем любая другая женщина Пелиштии. Конечно, не считая Зерити, любовницы короля. Теперь же, с опаской шагая по ночному городу, она страдала, как никогда. Ее сердце разрывалось от отчаяния — в один миг под мечом врага Отбаала погибли все плоды ее трудов.

Руфия принадлежала к тем женщинам, которые завоевывают троны красотой и умом. Она почти не помнила родного Офира, откуда ее выкрали в детстве кофийские работоторговцы. Аргосский магнат, принявший ее в свой дом и воспитавший, погиб в битве с шемитами. Четырнадцатилетней девочкой Руфия попала в руки стигийского принца, слабого женоподобного юноши, которого она легко обвела вокруг маленького пальчика.

Через несколько лет из далекой страны, что лежит где-то за морем Вилайет, нагрянули захватчики. Остров принца, расположенный в устье Стикса, потопили в крови. Крепость рухнула, а рыжеволосая невольница оказалась в объятиях предводителя чужеземцев.

Руфия не погибла и не удовольствовалась ролью жалкой игрушки, ведь она с молодых ногтей привыкла управлять мужчинами. Маздак со своей бандой поступил на службу к Акхируму и решил во что бы то ни стало отнять Пелиштию у ненавистного брата. Тогда Руфия начала действовать.

Она не любила Маздака. Грубый и бездушный, он содержал большой гарем, но при этом презирал женщин. Убедить его в чем-то было почти невозможно. Руфия терпеть не могла соперниц и не слишком расстроилась, узнав, что Маздак проиграл ее своему недругу Отбаалу. Анакиец пришлось ей по вкусу. Несмотря на жестокость и лживость, этот человек обладал силой, жизнелюбием и умом. А главное, им можно было управлять, стоило лишь задеть самолюбие. Руфия умело пользовалась этим.

Она подталкивала его вверх, к сияющим вершинам власти... И вот неизвестно откуда появляются двое убийц и расправляются с ним.

Охваченная горькими думами, женщина не заметила, как из-под нависающего балкона вышел человек в надвинутом на глаза капюшоне и направился к ней. Одни лишь глаза светились в темноте. Она съежилась и вскрикнула от страха.

— Женщина на улицах Асгалуна! — В голосе звенела сталь. — Ты нарушила указ короля!

— Видит бог, я вышла на улицу не по своей воле, — ответила она. — Моего хозяина убили, а мне удалось убежать.

Великан слушал ее молча, слегка наклонив голову и не шевелясь, отчего напоминал статую. Руфия с замешательством смотрела на него, было что-то зловещее в облике незнакомца. Он походил на демона, решающего судьбы грешников. Наконец великан поднял голову.

— Пойдем! — сказал он. — Я найду тебе пристанище.

Не оглядываясь, великан зашагал по улице, Руфия засеменила позади. Бродить всю ночь по городу очень опасно — первый встречный патруль вправе убить ее за нарушение королевского указа. Куда бы ни вел незнакомец, ей оставалось только одно — подчиниться.

Она пыталась заговорить, но всякий раз наталкивалась на непроницаемую стену молчания. Отчужденность великана пугала. Внезапно Руфия заметила тени, крадущиеся следом.

— Нас преследуют!

— Не обращай внимания, — ответил человек жутким голосом.

Они не проронили ни слова, пока не подошли к калитке в высокой стене. Незнакомец остановился и что-то крикнул, ему ответили изнутри. Потом калитка отворилась, выглянул немой раб с факелом. Огромная тень незнакомца упала на стену.

— Но это... это же королевский дворец! — Руфия заикалась.

Вместо ответа великан сбросил капюшон, обнажив бледное узкое лицо. Глаза сверкали от ярости.

Руфия вскрикнула и рухнула на колени.

— Король Акхиром!

— Да, это я! Несчастливая грешница! — Его голос звенел, как колокол. — Глупая падшая женщина, ты нарушила указ всемогущего короля! Ты погрязла в грехе и презрела волю любимца богов! Взять ее!

Из темноты выступил отряд немых негров. Сильные руки схватили Руфию, и в этот момент она потеряла сознание.

* * *

Офирка пришла в себя в комнате без окон, с золотыми засовами на дверях. Она в ужасе завертела головой и, увидев своего мучителя, едва не вернулась в беспамятство. Король стоял совсем рядом и поглаживал острую седеющую бородку, полные ненависти глаза пронизывали Руфию насквозь.

— О Шемитский Лев, пощади! — Она бросилась перед ним на колени.

Но какой смысл просить прощения у человека, чье имя стало проклятием Пелишти?! Ссылаясь на волю богов, он приказал убить всех собак, вырубить виноградники и сломать ульи, а виноград и мед бросить в реку. Король запретил вино, пиво, азартные игры и отнес малейшее неповиновение к разряду смертных грехов. Он бродил в одежде простолюдина по ночному

городу и проверял, как исполняются указы. Пока Руфия ползала на коленях, король буравил ее взглядом.

— Богохульница, дочь зла... — прошептал он наконец. — О, Птеор! Поделись своей великой мудростью! Какой пытки заслуживает эта демоница?! — Король воздел руки над головой.

Руфия бросилась в ноги королю Акхирому.

— Зачем ты призываешь на помощь Птеора? — завопила она. — Обратись лучше к Акхирому. Ты же сам — бог!

Король пошатнулся и вскрикнул, затем внимательно посмотрел на женщину. Лицо Руфии было белым как мел, глаза чуть не вылезали из орбит; она устремила на короля безумный взгляд. Великолепная актриса от природы, Руфия могла провести кого угодно.

— Женщина, почему ты так на меня смотришь? — спросил король.

— Бог снизошел ко мне в твоём облике! Он сияет, как солнце, мне жарко, я сгораю в лучах его славы!

Она спрятала лицо в ладонях и задрожала всем телом. Акхиром провел дрожащей рукой по лысине.

— О да! — прошептал он. — Я божество! Я догадывался об этом. Я мечтал. Мне одному доступна мудрость вселенной, теперь и смертная поняла это. Свершилось! Я неподвластен богам, потому что сам — бог! Акхиром — бог Пелиштии, сошедший на землю! Забудь-те про Птеора, мы переплавим его статуи...

Он опустил взгляд на Руфию и приказал:

— Встань, женщина, и посмотри на своего бога!

Съежившись под грозным взглядом, она повиновалась. Глаза Акхиroma заволокла пелена. Казалось, он впервые видит Руфию.

— Твой грех прощен, — смилостивился Акхиром, — потому что ты первая признала во мне бога. Теперь ты будешь служить мне и жить в роскоши.

Она распростерлась на полу, целуя ковер у его ног. Король хлопнул в ладоши, и с поклоном вошел евнух.

— Беги в дом Абдаштарт, верховного жреца Птеора. — Взгляд короля блуждал над головой слуги. — Передай, что Акхиром теперь истинный бог Пелиштии, а в скором времени будет единственным истинным богом всех народов на земле. Завтра — начало всех начал. Мы низвергнем идолов Птеора и воздвигнем на их месте статуи Акхиroma. Мы провозгласим истинную веру, и сто самых благородных детей Пелиштии будут принесены в жертву в этот торжественный день...

* * *

Маттенбаал, первый помощник Абдаштарт, ожидал начала церемонии у входа в храм Птеора. Рядом стоял со связанными руками сам Абдаштарт под охраной двух темнокожих анакийских солдат. Он тихо молился, длинная белая борода покачивалась в такт словам.

В изножье огромного идола Птеора — чудовища с головой быка и явно преувеличенным мужским достоинством — наемники разводили костер. Неподалеку возвышалось семизэтажная асгалунская пагода, с ее высокого балкона обычно жрецы изъявляли волю живущих на звездах богов. Когда поверхность медной статуи накалилась докрасна, Маттенбаал шагнул вперед и развернул папирус.

— Наш великий король Акхиром — плоть от плоти Якин-Я, сына божьего, родившегося еще в ту пору, когда боги ходили по земле. А сегодня нам явился новый бог — Акхиром! Я повелеваю всем законопослушным гражданам Пелиштии признать нового бога и преклониться перед ним, Величайшим Творцом, Создателем Вселенной, Воплощением Божественной Мудрости, Королем Всех Богов. Слава Акхирому, сыну Азумелека, королю Пелиштии! Те же, кто отвергает это откровение, будут, подобно жалкому упрямцу Абдаштарту, брошены в огонь вместе с идолом лжебога Птеора!

Солдат отворил медную дверь в чреве статуи. И тут Абдаштарт закричал:

— Он лжет! Король не бог, а сумасшедший смертный! Убейте богохульников, пока всемогущий Птеор не отвернулся от своего народа...

В этот момент четверо анакийцев подняли Абдаштарта, как бревно, и швырнули в открытую топку ногами вперед. Вопли заглушил лязг засова. Туда же по мановению руки самого Абдаштарта воины бросили сотни пелиштинских детей в трудные для страны времена. Из отверстий в ушах статуи повалил дым, а лицо Маттенбаала расплылось в самодовольной улыбке.

Толпа всколыхнулась, неожиданно раздался дикий вопль. Вперед выбежал полуголый пастух. С криком «Богохульник!» он швырнул камень, который угодил его преосвященству прямо в челюсть и выбил несколько зубов. Маттенбаал пошатнулся, по бороде потекла кровь. Толпа с ревом хлынула вперед. Непомерные налоги, голод, тиранию, грабеж и резню — все терпели пелиштийцы от своего полоумного короля. Но надругательство над любимым богом стало последней каплей, переполнившей чашу народной снисходительности. Степенные купцы и раболепные нищие восстали плечом к плечу.

Камни посыпались градом, толпа рассвирепела. Маттенбаала схватили за одежду. Анакийцы в доспехах окружили его и, отбиваясь от толпы колчанами и древками копий, увели.

Послышались бряцанье оружия и скрип сбруи — к площади Птеора приближалась кушитская конница. Всадники были в блестящих латах, со страусиными перьями и львиными гривами на головах; на темных лицах сверкали белые зубы. Из толпы в солдат летели камни, но отскакивали от щитов из шкуры носорога. Рассекая толпу, всадники кололи людей длинными копьями и рубили саблями. Толпа вопила, многие угодили под копыта. Наконец все бросились врассыпную — кто нырнул в ближайший переулок, а кто спрятался в лавке. Площадь, усеянная мертвыми телами, опустела.

Черные всадники спрыгивали с коней, выбивали двери лавок и домов, грабили и убивали. Отовсюду доносились женские крики. Вот из окна выбросился человек в белом. Всадник, посмеиваясь, проткнул умирающего пикой.

Среди воинов гарцевал великан Имбалайо в пламенно-алом шелковом плаще, с блестящей саблей. Он прикрикнул на чернокожих, щелкнул тяжелым кнутом, и те вскочили на коней. Всадники галопом понеслись по улице. На пиках, в назидание мятежникам, торчали окровавленные головы асгалунцев. Задыхаясь от страха и ненависти, бунтовщики наблюдали из своих укрытий.

Королю рассказал о восстании евнух, которого тут же пронзили мечом. Другой евнух пал перед его величеством ниц и закричал:

— О божественный король, полководец Отбаал убит! Слуги нашли его тело во дворце, а рядом — кольцо его меченосца Келуки. Анакийцы считают, что Отбаала убили по приказу Имбалайо. Теперь они разыскивают Келуку в кушитском квартале, хотят отомстить!

Руфия, которая подслушивала за занавеской, чуть не вскрикнула. Отрешенно глядя в пустоту, Акхиром проговорил:

— Я бог, и меня не волнуют людские дразги. Отбаал мертв, зато Акхиром будет жить вечно. И пусть кушиты научат толпу смирению, поскольку богохульство — большой грех. Я покорю все народы земли, а непокорных потоплю в крови! Можешь идти.

* * *

На мятежный город опускалась ночь. Конан шагал по кварталу кушитов. Эта часть города, где жили преимущественно солдаты, была ярко освещена, двери конюшен — распахнуты. Беспорядки продолжались целый день; толпа напоминала мифического многоглавого змея: отсечешь одну голову — он поднимет, другую. Из-под копыт кушитских всадников брызгала кровь, когда они скакали по городу из одного квартала в другой.

Мирные жители попрятались по домам. Под аркой больших Симурских ворот то и дело проезжали отряды черных всадников. Свет факелов озарял их обнаженные мечи; шелковые плащи развевались на ветру, а руки блестели, как полированное черное дерево.

Конан зашел в харчевню. За столами сидели воины, они жадно насыщались и тайком глотали вино. Вытянув голову, Конан повел вокруг взором. Наконец взгляд его уперся в дальний угол комнаты, где в укромной нише, скрестив ноги, сидел человек в одежде простолюдина. Добрую половину лица скрывала вуаль. Низкий столик перед незнакомцем ломился от яств.

Лавируя между столами, Конан направился туда. Он бросил на пол возле столика подушку и уселся напротив человека в вуали.

— Привет, Фарук! — прогремел он. — Или, правильнее сказать, «полководец Маздак»?

Гирканец вздрогнул:

— В чем дело?

Конан хищно оскалился:

— Еще в доме Отбаала я понял, кто ты. Никто не может так хорошо знать дом, кроме его хозяина. А тот дворец когда-то принадлежал гирканцу Маздаку.

— Друг, не так громко! Как ты узнал меня в зуагирском наряде? Даже моим воинам это не удастся...

— На глаза пока не жалуюсь. Итак, все прошло отлично. Что будем делать дальше?

— Понятия не имею. Силы тебе не занимать, так что можешь попытаться счастья. Сам знаешь, какие нравы в волчьей стае.

— Да уж... — проворчал Конан. — Хотел записаться в наемники, но три ваших армии так ненавидят друг друга и так жестоко дерутся за власть, что я передумал. Все считают меня шпионом.

Он прервался, чтобы заказать себе мяса.

— Какой неугомонный! — посетовал Маздак. — А в Акхарию вернуться не хочешь?

Конан сплкнул.

— Нет. Нищая страна. К тому же слишком мала, даже для карликового государства. Шемиты так дорожат чистотой нации, что у меня нет никаких шансов сделать там карьеру. Может, поступлю на службу к какому-нибудь хайборийскому правителю, если кому нужны сильные воины вроде меня. Послушай, Маздак, а почему бы тебе не стать королем? Теперь, когда Отбаала нет в живых, нужно лишь выпустить кишки Имбалайо и...

— Тарим! Я тоже думал об этом, но надежды на успех очень мало. Нужно все тщательно взвесить. Да будет тебе известно, Имбалайо заручился доверием нашего сумасшедшего монарха и живет в Большом Дворце под охраной чернокожих. Если я убью Имбалайо, меня тут же разорвут на части его телохранители. А тогда, считай, все пропало...

— Можем что-нибудь придумать, — сказал Конан. Глаза Маздака сузились:

— Можем?! Рассчитываешь на награду?

— Конечно. По-твоему, я глупец?

— Не глупее остальных. Ну что ж, если подвернется случай, я тебя найду. И не сомневайся, твои услуги будут оценены по достоинству. А теперь прощай, меня ждут дела.

Еду принесли уже после ухода Маздака. Конан жадно вонзился зубами в мясо. Возмездие удалось, и настроение у варвара было приподнятым. Жадно глотая большие куски, он прислушивался к разговорам вокруг.

— Где анакийцы? — спросил уса́тый гирканец, набивая рот миндальными пирожными.

— Затаились в своем квартале, — ответил другой гирканец. — Они считают, что Отбаала убили кушиты, и в подтверждение показывают кольцо Келуки. Сам Келука исчез, а Имбалайо клянется, что ему ничего не известно. Но откуда же тогда взялось кольцо? В потасовках погибли уже десятки людей, и, клянусь Ашурой, это лишь начало!

— Виной тому помраченный рассудок Акхиroma, — тихо произнес третий собеседник. — Когда-нибудь за очередную выходку этого безумца мы все поплатимся выпущенными кишками.

— Молчи, — осадил его приятель. — Пока что мы исполняем приказы Маздака и служим королю. Если во дворце случится переворот, анакийцы, скорей всего, сцепятся с кушитами. Говорят, Акхиром взял в свой гарем Руфию, рабыню Отбаала. Анакийцев это еще больше разозлило — они считают, что Отбаала убили по приказу короля или, по крайней мере, с его согласия. Но их злость — пустяк по сравнению со злостью Зерити, которой король дал отставку. Ходят слухи, что, когда ведьма злится, легкий ветерок превращается в ураган.

От таких новостей глаза Конана загорелись. Уже несколько дней его преследовал образ рыжеволосой гурии. Идея увести ее из-под носа сумасшедшего короля без ведома бывшего хозяина — Маздака — не давала Конану покоя. Если ему суждено покинуть Асгалун, Руфия составила бы ему приятную компанию по пути в Коф.

Сейчас лишь один человек в Асгалуне мог помочь варвару — стигийка Зерити. И по определенным причинам ведьма сделала бы это с радостью. Конан вышел из харчевни и направился к крепостной стене, за которой стояли королевский дворец и виллы аристократов. Дом Зерити находился в центре Асгалуна, но, чтобы попасть туда, нужно было преодолеть ров и высокую стену. Конан вспомнил о подземном ходе, который ему показал Маздак.

Он двинулся в сторону пальмовой рощи на берегу канала. Пошарил в темноте среди мраморных развалин, нашел плиту и отодвинул. Затем — долгий путь по мрачной скользкой трубе и наконец заветные ступеньки. Конан поднялся по лестнице, нащупал засов, отодвинул плиту и очутился в темном, тихом коридоре. В других помещениях дома горел свет — веро-

ятно, здесь еще жили слуги и наложницы убитого полководца.

Как пробраться к выходу, Конан не знал, поэтому пошел наугад. Отодвинул занавеску... и встретился лицом к лицу с шестью черными рабами, которые, как по команде, вскочили на ноги. За спиной послышались крики и топот. Проклиная судьбу, Конан побежал прямо на негров. Взмах клинка — и один из чернокожих упал. Конан выскочил из комнаты. В воздухе засвистели сабли, но варвар захлопнул дверь под самым носом у преследователей, и клинок одного из них застрял в древесине. Задвинув засов, Конан обвел комнату взглядом и увидел окно с опущенной золотой решеткой.

Варвар прыгнул на решетку ногами вперед; под натиском огромного тела мягкий металл подался, прутья лопнули, и Конан полетел вниз. В этот момент дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвались стражники.

* * *

Обитателям Большого Восточного Дворца ничто не напоминало о кошмаре, что творился на городских улицах. Молодые рабыни и евнухи ступали по коврам босиком, дабы не нарушать тишины. В небольшой комнате со сводчатым потолком сидел король Акхиром. Скрестив ноги, он расположился на кушетке с инкрустациями из драгоценных камней и слоновой кости. Белый плащ на плечах короля придавал оттенок нереальности происходящему. Монарх смотрел на Руфию, которая стояла перед ним на коленях.

Хитон из кремового шелка был перехвачен на талии офирки сатиновым кушаком, расшитым жемчугом. Руфия потупила взор. Именно она вдохновила Акхиroma на последнюю выходку, но покорить его сердце так и не удалось. От одного монаршего взгляда мурашки бежали по коже. Неожиданно король сказал:

— Не пристало богу якшаться со смертными.

Руфия вздрогнула и от страха потеряла дар речи.

— Любовь делает человека уязвимым,— продолжал он.— Я отрекись от нее, потому что боги выше любви. В твоих объятиях я чувствую себя слабым.

— Что ты имеешь в виду, господь? — отважилась подать голос Руфия.

— Даже богам приходится порой чем-то жертвовать. Я решил отказаться от тебя во имя могущества.

Он хлопнул в ладоши, и в комнату влетел евнух.

— Позови Имбалайо,— приказал Акхиром. Евнух ударился лбом об пол и, в соответствии с новым этикетом, на коленях пополз назад.

— Нет! — закричала Руфия.— Не отдавай меня этому зверю!

Она бросилась к Акхирому, но тот с презрением отодвинулся.

— Женщина! — прогремел он.— Ты сошла с ума? Да как ты смеешь нападать на бога?

В комнату с опаской вошел Имбалайо. Этот чернокожий дикарь и возвысился при дворе благодаря искусству военачальника и умению плести интриги. Но даже этот пронизательный и бесстрашный негр не всегда понимал безумного Акхиром.

Король указал на женщину, которая съежилась у его ног:

— Она твоя!

Имбалайо усмехнулся и заключил Руфию в железные объятия. Когда негр уносил офирку из комнаты, она вырывалась, кричала и простирала руки к Акхирому. Ни один мускул не дрогнул на лице короля, взгляд его оставался отрешенным.

Но кое-кто слышал ее мольбы. Стройная темнокожая девушка проследила, куда довольный негр утащил свою добычу, и, стоило ему скрыться из виду, побежала в противоположном направлении.

Полководец Имбалайо жил во дворце на правах королевского любимца. В этом огромном здании, вернее, в целой веренице зданий, соединенных многочисленными переходами, хватало места трем тысячам слуг

Акхиром. Имбалайо отлично знал дорогу. Он прошел по извилистым коридорам, миновал мозаичный дворик и направился в южное крыло, к своим апартаментам. Вот уже показалась знакомая дверь, украшенная медными арабесками... И тут дорогу ему преградила смуглая гибкая красавица.

— Зерити! — Имбалайо отпрянул от неожиданности.

— Служанка сказала мне, что Акхиром вышвырнул эту рыжую бестию. У меня с ней свои счеты.

— Я-то здесь при чем? — нетерпеливо возразил кушит.— Король мне ее подарил. Уйди с дороги.

— Слышал, что кричат анакийцы на улицах?

— Какое мне дело?

— Они требуют голову убийцы. Я расскажу им, что ты убил Отбаала!

— Я не убивал! — закричал он.

— Я найду свидетелей, и они подтвердят, что вы с Келукой вместе его зарезали.

— Пришибу тебя, ведьма!

Она засмеялась:

— Не посмеешь. А теперь продай мне эту рыжую клячу, если не хочешь воевать с анакийцами.

Имбалайо бросил Руфию на пол.

— Бери и проваливай! — зарычал он.

— Держи свои деньги.— Ведьма бросила пригоршню монет прямо в лицо негру. Глаза Имбалайо налились кровью, а руки судорожно сжались в кулаки.

Потеряв к нему всякий интерес, Зерити посмотрела на Руфию. Прекрасная офирка встала на колени перед новой хозяйкой. Уж теперь-то ее точно не спасут женские уловки! Зерити схватила рыжие локоны офирки, запрокинула ей голову и с ненавистью заглянула в глаза. Потом хлопнула в ладоши. На зов вошли четыре евнуха.

— Ведите ее в мой дом,— приказала Зерити.

Руфия сопротивлялась, и тогда евнухи схватили ее и понесли, а Зерити, зловеще ухмыляясь, пошла следом.

Прыгая в окно, Конан даже не представлял себе, куда оно выходит. Но варвару повезло — кусты смягчили падение с изрядной высоты. Он вскочил на ноги, поднял голову и увидел в окне своих преследователей. Кругом раскинулся огромный тенистый сад, благоухание цветов щекотало ноздри. Охрана снова погналась за Конаном, но тот оказался проворнее. Пока негры метались среди деревьев, варвар беспрепятственно добрался до стены. Высоко подпрыгнул, ухватился за выступ, подтянулся и перемахнул на другую сторону.

Тут Конан остановился, чтобы сориентироваться. Он никогда еще не был во внутреннем городе, но уже имел о нем кое-какое представление с чужих слов. Киммериец стоял рядом с королевскими палатами — перед ним над плоскими крышами возвышался Малый Западный Дворец в знаменитом саду Абибаала. Конан уверенно побежал вперед и вскоре оказался на широкой центральной улице, которая пересекала город с севера на юг.

Для такого позднего часа на улицах было людно, тут и там встречались вооруженные гирканцы. На дворцовой площади Конан услышал звяканье упряжи, оглянулся и увидел эскадрон кушитов с факелами в руках. Похоже, все войска города по какой-то непонятной причине были приведены в полную боеготовность. Вдалеке мерно гремели там-тамы, ветер доносил обрывки разгульных песен и крики.

Беспечная походка позволила Конану миновать воинов в кольчугах. Затем он дернул за рукав встречного гирканца и спросил, как пройти к дому Зерити. Тот с готовностью ответил. Всем в Асгалуне было известно, что Зерити отнюдь не считала Акхиром своим хозяином. Командиры наемников так же хорошо знали дорогу в ее спальню, как и король Пелишти.

Дом Зерити стоял рядом с Восточным Дворцом в окружении королевского сада. Пока Зерити была в

фаворе, она проходила из дома прямо во дворец, не нарушая закона о правах женщин. Дочь свободного военачальника, она была любовницей Акхиром, а не рабыней.

Конан знал, что увидеться с Зерити — задача не из самых трудновыполнимых. Ведьма играла важную роль в тайных интригах, в ее дом были вхожи мужчины всех рас и рангов. К услугам гостей были танцовщицы и дурманящее благоухание пурпурного лотоса.

В эту ночь танцовщиц и гостей не было. Зуагирец со злодейской внешностью отворил полуовальную дверь под горящим фонарем и без расспросов впустил Конана. Вслед за ним киммериец прошел по тесному дворику, поднялся по лестнице на террасу и коридором добрался до просторной комнаты с резными пилонами вдоль стен. Между пилонами висели кремовые бархатные гардины. Залитая ровным светом комната была пуста, но через занавеси между пилонами проникали крики истязаемой женщины. Затем послышался мелодичный смех, тоже женский. Он был полон мстительной радости и жестокости.

Конан резко повернул голову на шум. Затем подбежал к занавескам, раздвинул и увидел потайную дверь.

Зерити выпрямилась и бросила на пол тяжелый кнут. Нагая женщина, привязанная к кушетке, была с головы до пят покрыта багровыми рубцами. Однако это была лишь прелюдия к более ужасной пытке.

Взяв уголек, ведьма начертила сложную пентаграмму на полу. При этом она произнесла таинственные заклинания человеко-змея, что правил Стигией еще до Катастрофы. Поставив в углы пентаграммы золотые лампы, она бросила в каждый огонек щепотку пылицы пурпурного лотоса, растущего на болотах южной Стигии. Комнату заполнил необычный, приторный до тошноты запах. После этого Зерити заговорила на древнем языке, который умер более трех тысяч лет назад, еще до появления в гибнущей империи Ахерон Пурпурного Питона.

Постепенно образовалось нечто похожее на темное облако. Руфия, полуживая от боли и страха, приняла его за столб дыма. В бесформенном облаке появилась пара светящихся точек, похожих на глаза. Руфия почувствовала пронизывающий холод, будто эти глаза вытягивали из нее все тепло. Облако потемнело еще сильнее, оно постепенно уплотнялось, однако Руфия все еще видела сквозь него стену.

Зерити наклонилась, чтобы задуть лампы: одну, другую, третью, четвертую. Комната утонула в сумраке, огонек последней лампы был ему не соперник. Столб дыма был едва различим, но зато хорошо виднелись два светящихся глаза.

К комнате проникли злые мужские голоса, заставили ведьму обернуться. Через несколько мгновений она снова принялась за дело, и снова ее прервал гневный голос зуагирца. Ворвался Имбалайо. Его зубы и белки глаз сияли, как огонь лампы, с меча стекала кровь.

— Пес! — зашипела Зерити, точно потревоженная кобра. — Что тебе здесь надо?

— Женщина, которую ты у меня похитила! — заорал Имбалайо. — Город восстал, и небеса разгневаны! Отдай женщину, или я убью тебя!

Зерити посмотрела на свою соперницу, вытащила кинжал, усыпанный драгоценными камнями, и воскликнула:

— Хотел! Хафра! Помогите мне!

Чернокожий военачальник заревел и сделал выпад. Гибкость и ловкость не помогли стигийке. Широкий клинок пробил ее насквозь и выпел между лопаток. Захлебнувшись криком, она запаталась, и кушит выдернул меч. И тут в проеме потайного хода появился Конан с мечом в руке.

Приняв киммерийца за одного из слуг ведьмы, кушит, устремившись к нему, устремившись к нему. Конан отскочил назад. Клинок просвистел на волосок от его горла и вонзился в дверной косяк. Конан проскочил мимо черного великана и атаковал с тыла.

С невероятным проворством тот повернул корпус, подставил клинок и даже не дрогнул под ударом, который любого другого свалил бы с ног.

Под звон мечей Конан и Имбалайо двигались по комнате в смертельном танце. Вдруг лицо негра искажилось, он отшатнулся назад с криком «Амра!».

И тут Конан решил, что этого человека придется убить. Он не помнил, где и когда видел его раньше, но зато кушит узнал вождя черных пиратов, которого прозвали Амра, или Лев. Пираты грабили побережья Куша, Стигии и Шема. Если Имбалайо раскроет эту тайну пелиштийцам, мстительные шемиты разорвут Конана на части. Застарелая межплеменная вражда не помешает им объединиться, чтобы жестоко покарать знаменитого варвара, сеявшего смерть на их берегу.

Конан глубоким выпадом заставил Имбалайо попятиться. Затем сделал финт и сразу нанес удар с прицелом в голову. Удар был такой силы, что меч Имбалайо подался назад и ударился о его бронзовый шлем. Клинок Конана не выдержал и сломался на глубокой зазубрине у самой рукояти.

Два воина стояли вплотную друг к другу. Налитые кровью глаза кушита искали уязвимое место на теле Конана. Его мускулы напряглись для решающего рывка и удара.

Конан далеко отскочил, размахнулся и бросил обломок меча в голову Имбалайо. Пока тот уклонялся, Конан намотал плащ на левую руку, а правой выхватил кинжал. Он не надеялся, что зингарский прием уличной драки спасет его от кушита, который мастерски владел мечом. Имбалайо, ловкий как кошка, был не чета неуклюжей горе мускулов по имени Келуки. Это была настоящая машина смерти, почти ничем не уступавшая Конану. Взмах меча — и...

Глазастое облако, никем не замеченное в темноте, подплыло сзади и обволокло шею Имбалайо. Кушит закричал так, будто его бросили на раскаленную сковороду. Он извивался, и брыкался, и отмахивался мечом.

Но светящиеся глаза оставались невозмутимы. Облако вцепилось в него мертвой хваткой и потихоньку тащило назад.

Конан отшатнулся. Животный страх перед сверхъестественным поднялся к горлу, точно рвота.

Имбалайо умолк и распластался на полу. Облако исчезло.

Конан осторожно приблизился. Скорченный труп выглядел поистине жутко — как будто демон вынул из него кости и высосал кровь, оставив лишь кожу и несколько внутренних органов. Киммериец содрогнулся.

Он услышал всхлипы и повернулся к кушетке, где лежала Руфия. В два прыжка он преодолел расстояние до нее и перерезал веревки. Она села, молча заливаясь слезами. Вдруг они услышали голос:

— Имбалайо! Именем всех злодеев, отзовись? Пора выступать! Я видел, как ты сюда вбежал!

В комнату ворвался человек, облаченный в кольчугу и шлем. Маздак отшатнулся от трупов и закричал:

— О проклятый дикарь, зачем ты убил Имбалайо? В городе восстание. Анакийцы сцепились с кушитами, у которых и без того хватает забот с чернью. Я со своими людьми иду на помощь кушитами. Что касается тебя, я по-прежнему обязан тебе жизнью, но надо же знать меру! Убирайся из города и больше никогда не попадайся мне на глаза!

Конан усмехнулся:

— Это не я прикончил его, а один из демонов Зерити, после того как он разделался с ведьмой. Не веришь мне — взгляни на труп.

Пока Маздак осматривал покойника, Конан добавил:

— Не хочешь поздороваться со старой подружкой?

Руфия пискнула и спряталась за спину Конана. Маздак закусил длинный ус.

— Хорошо. Я снова беру в ее свой дом.

В комнату проник нарастающий шум — приближалась толпа.

— Мне пора идти — необходимо усмирить мятежников. Но как же она, совсем голая, доберется до моего особняка?

— А почему бы тебе, — вкрадчиво заговорил Конан, — не занять сторону анакийцев, которые будут так же счастливы избавиться от сумасшедшего короля, как и асгалунцы? Имбалайо и Отбаал теперь мертвы, и ты единственный военачальник в Асгалуне. Возглавь мятежников и свергни безумного Акхиромы. А на его трон посади кого-нибудь из слюнявых племянников или изнеженных двоюродных братьев. И тогда ты будешь настоящим властелином Пелиштии!

Маздак, слушавший, будто в забытии, вдруг рассмеялся.

— Годится! — закричал он. — По коням! Отведи Руфию в мой дом и возвращайся, чтобы сражаться на стороне гирканцев. Завтра я буду править Пелиштией, и тогда проси любую награду. А теперь прощай!

Запахнув плащ, гирканец вышел из комнаты. Конан повернулся к Руфии:

— Оденься, гурия.

— Ты кто? Я слышала, Имбалайо называл тебя Амрой...

— Не произноси это имя в Шеме! Я — Конан из Киммерии.

— Я слышала разговоры о тебе, когда была близка с королем. Не веди меня в дом Маздака!

— Почему? Он будет настоящим правителем Пелиштии.

— Я слишком хорошо изучила эту холодную змею. Лучше возьми меня с собой! Давай ограбим этот дом и убежим из города. В такой суматохе никто нас не остановит.

Конан усмехнулся:

— Очень соблазнительно, но сейчас я слишком высоко ценю расположение Маздака. Кроме того, я пообещал отвести тебя к нему домой. Я привык держать слово. А теперь одевайся, или потащу тебя в чем мать родила.

— Ладно,— неохотно уступила Руфия и вдруг ойкнула.

Зерити заклокотала горлом и шевельнулась. У Конана волосы встали дыбом, когда он увидел, как ведьма медленно поднялась и села. Рана, смертельная для любого воина, не помешала ей злобно уставиться на Конана и Руфию. Она шаталась, по груди и спине струилась кровь. Плюя кровью, она проговорила:

— Не так-то просто убить дочь Сета.

И пошла к двери. Затем оглянулась, чтобы добавить:

— Асгалунцам будет интересно узнать, что Амра и его женщина находятся в их городе.

Конан стоял в нерешительности, понимая, что безопасности ради нужно догнать ведьму и разрубить на куски. Но он был рыцарем в душе, а разве рыцарь нападет на беззащитную женщину?

— Зачем тебе выдавать нас? — крикнул он вдогонку.— Лучше заberi своего сумасшедшего короля!

Зерити отрицательно покачала головой:

— Я знаю, что замышляет Маздак. Пусть я лишилась своего тела, это не мешает отомстить ему и этой шлюхе.

— Ну, раз так...— зарычал Конан и, схватив меч Имбалайо, бросился к ведьме. Но Зерити сделала жест и что-то сказала. От стены до стены пролегла полоса огня, преградив Конану путь к двери. Киммериец отпрянул, заслонив рукой лицо от страшного жара. Зерити исчезла.

— За ней! — крикнула Руфия.— Огонь — это всего лишь один из ее фокусов.

— Но если она бессмертна...

— Без головы она не выдаст никаких тайн.

Конан решительно прыгнул через огонь. Мгновенная боль... и пламя исчезло!

— Жди здесь! — крикнул он Руфии.

Он выбежал на улицу, но не увидел Зерити. Не оказалось ее и в ближайшем переулке. Он бросился в противоположном направлении. Ни единого следа.

Вскоре Конан вернулся в дом Зерити.

— Мне начинает нравиться твоя идея,— проворчал он.— Берем ценности и уходим.

* * *

На широкой площади Адониса в свете раскачивающихся факелов бурлило живое море, ржали кони и сверкали мечи. Шла рукопашная схватка кушитов с шемитами. Над толпой разлетались проклятия, крики и стоны умирающих. Обезумевшие от ярости асгалунцы хватали чернокожих воинов и стаскивали с седел. То здесь, то там занимались пожары, они были видны далеко за городом, даже недоумевающим пастухам на склонах гряды Либнан. На площадь стекались отряды мятежников из пригородов. Сотни мертвых тел в кольчугах и полосатых халатах валялись под ногами лошадей.

Площадь лежала в кушитском квартале. Сюда и хлынули анакийцы в поисках поживы, пока основные силы кушитов были заняты подавлением восстания. Теперь, вернувшись в свой квартал, темнокожие всадники сметали анакийскую пехоту, как мякину.

Они тоже несли потери, но их предводитель капитан Бомбаата железной рукой поддерживал в строю порядок, что давало кушитами преимущество перед неорганизованными анакийцами и вооруженной чем попало чернью. Их эскадроны смело вклинивались в многотысячную толпу и показывали все, на что способна регулярная кавалерия в бою с мятежным сбродом.

Между тем разъяренные асгалунцы крушили и грабили дома негров, насиловали кричащих чернокожих женщин. Пожар охватил прилегающие дома, площадь казалась островком в море огня. Крики женщин и детей, разрывааемых на части, утраивали ярость дерущихся негров.

Вдруг над конским топотом пронесся звон гирканских литавр.

— Наконец-то гирканцы! — сказал, задыхаясь, Бомбаата. — Долго же они копались. И где же Имбалайо, во имя Деркэто?

Из переулка на площадь вылетел всадник на взмыленном коне. Раскачиваясь в седле и держась окровавленными руками за гриву, крикнул:

— Бомбаата! Бомбаата!

— Сюда, дурак! — взревел кушит и поднял коня на дыбы.

— Имбалайо мертв! — крикнул всадник, перекрывая гул пожара и приближающийся звон литавр. — Гирканцы предали нас! Убили во дворце наших товарищей! Они идут сюда!

С оглушительным грохотом литавр и барабанов на площадь ворвались эскадроны вооруженных пиками гирканцев, уничтожая на своем пути и друзей, и врагов. Бомбаата успел увидеть худое сияющее лицо Маздака, прежде чем лишился головы под его мечом.

На склонах гряды Либнан пастухи с дрожью взирали на город. Звон мечей был слышен далеко вверх по течению реки, где в своих садах бледнели от страха придворные. Зажатые между стальной гирканской конницей, свирепыми анакийцами и разъяренными асгалунцами, кушиты сражались до последнего.

А потом толпа вспомнила об Акхироме. Она хлынула через неохраемые ворота во внутренний город, снесла большие бронзовые ворота Восточного Дворца. Орда черни с визгом понеслась ко коридорам к Золотому Залу. Полетел в сторону златотканый занавес. Трон был пуст. Грубые, залитые кровью руки сдирали со стен шелковые гобелены. Яшмовые и ониксовые столики с грохотом летели на пол, опрокидывались золотые сосуды. Евнухи в кремовых хитонах с криком бежали, а молодые рабыни стонали в руках ликующих дикарей.

В Большом Изумрудном Зале на помосте, обтянутом мехами, стоял Акхиром. Он был неподвижен, как статуя, только белые руки дрожали. У входа в зал

горстка верных слуг отбивалась от повстанцев мечами. Отряд анакийцев прорезал толпу и смял черных рабов. Когда смуглые шемитские солдаты ворвались в зал, Акхиром будто проснулся. Он помчался к двери в противоположной стене. Анакийцы и пелиштийцы толпой ринулись вдогонку. Следом за ними в зал ворвались гирканцы во главе с кровожадным Маздаком.

Акхиром оставил позади коридор и повернул к винтовой лестнице. Он поднимался все выше и выше, до самой кровли. Но и там не остановился. Лестница привела в узкий минарет, откуда его отец, король Азумелек, когда-то наблюдал за звездами.

Акхиром поднимался все выше. Преследователи отстали — лестница была столь узка, что позволяла идти только поодиночке.

Король Акхиром взобрался на крышу башни — обнесенную парапетом площадку — и опустил каменную крышку люка. Перегнулся через перила. Воины высыпали на крышу, мятежники во дворе позадирали головы.

— Грешные смертные! — завопил Акхиром. — Вы не верите, что я бог! Я докажу! Это вас, черви, притягивает земля! А я могу парить в небе, как птица. Сейчас вы увидите и склонитесь передо мной в молитве! Я лечу!

Акхиром вкочил на парапет, постоял мгновение и ринулся вниз, маша руками, как птица крыльями. Он описал крутую дугу, пролетел мимо крыши и, точно дыня, с хрустом разбился о мостовую.

Даже гибель кушитов и Акхироме не успокоила разъяренных асгалунцев. Толпы слонялись по городу, подстрекаемые таинственным слухом о главаре черных пиратов Амре, — будто бы он вместе со своей любовницей, офиркой Руфией, прячется где-то поблизости. Слух разлетелся стремительно и так же стремительно искажался, вскоре уже говорили, что Руфия — лазутчица, которую Амре послал Асгалун, а к берегу уже подошел пиратский флот, и морские разбойники ждут только приказа Амры, чтобы двинуться к городу.

Горожане сбились с ног, разыскивая Амру и его подругу, но все было тщетно.

* * *

К северу от Асгалуна по долинам западного Шема пролегла дорога на Коф. На рассвете по этой дороге легким галопом ехали мужчина и женщина. Конан скакал на своей лошади, а Руфия — на пойманном в городе скакуне убитого гирканца. Роскошный наряд Зерити был ей тесноват, но к лицу.

— С таким покровителем, как Маздак, — сказала Руфия, — ты мог бы запросто сделать карьеру в Асгалуне.

— А кто виноват в том, что я не остался?

— Я. Маздак был жестоким, бездушным хозяином. Но...

— Между прочим, он мне нравился. Но если бы я остался, рано или поздно один из нас погиб бы из-за тебя.

Киммериец засмеялся и хлопнул по кувшину с деньгами и украшениями Зерити. Раздался приятный звон.

— Я сделаю карьеру на севере. Поехали быстрее, хватит жалеть этих кляч!

— У меня спина болит от побоев...

— Сильнее заболит, если не поторопимся. Хочешь, чтобы нас еще до завтрака поймали гирканцы?

СОДЕРЖАНИЕ

О. Локнит
ЗОВ ДРЕВНИХ

Пролог	7
Глава 1. Седая легенда	11
Глава 2. О причинах и следствиях скуки	29
Глава 3. Вид со спины дракона	63
Глава 4. Путевые заметки	108
Глава 5. Два столба	124
Глава 6. Встреча на холме	166
Глава 7. Битва безумий	206
Глава 8. Да здравствует Конан!	237
Глава 9. Сошествие в бездну	256
Глава 10. Второе низвержение бездны	286
Глава 11. Прощания и встречи	313
Эпилог	329

ЯСТРЕБЫ НАД ШЕМОМ

Г. Бернс. Свадьба мертвецов.	335
Р. Говард. Ястребы над Шемом.	439

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка *Елены Посадовой*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.06.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 18 000 экз. Заказ 839.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97 г. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат ППП
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

Ждем ваших писем

адрес:
197110, Санкт-Петербург,
а/я 171

электронная почта:
sevzap@info.pro.spb.su

«Северо-Запад»®

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-химерийца,
легендарным правителем Валузии.

**КУЛЛ
И ТРОН ВАЛУЗИИ
КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО**

Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч кодуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Дерево Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних

